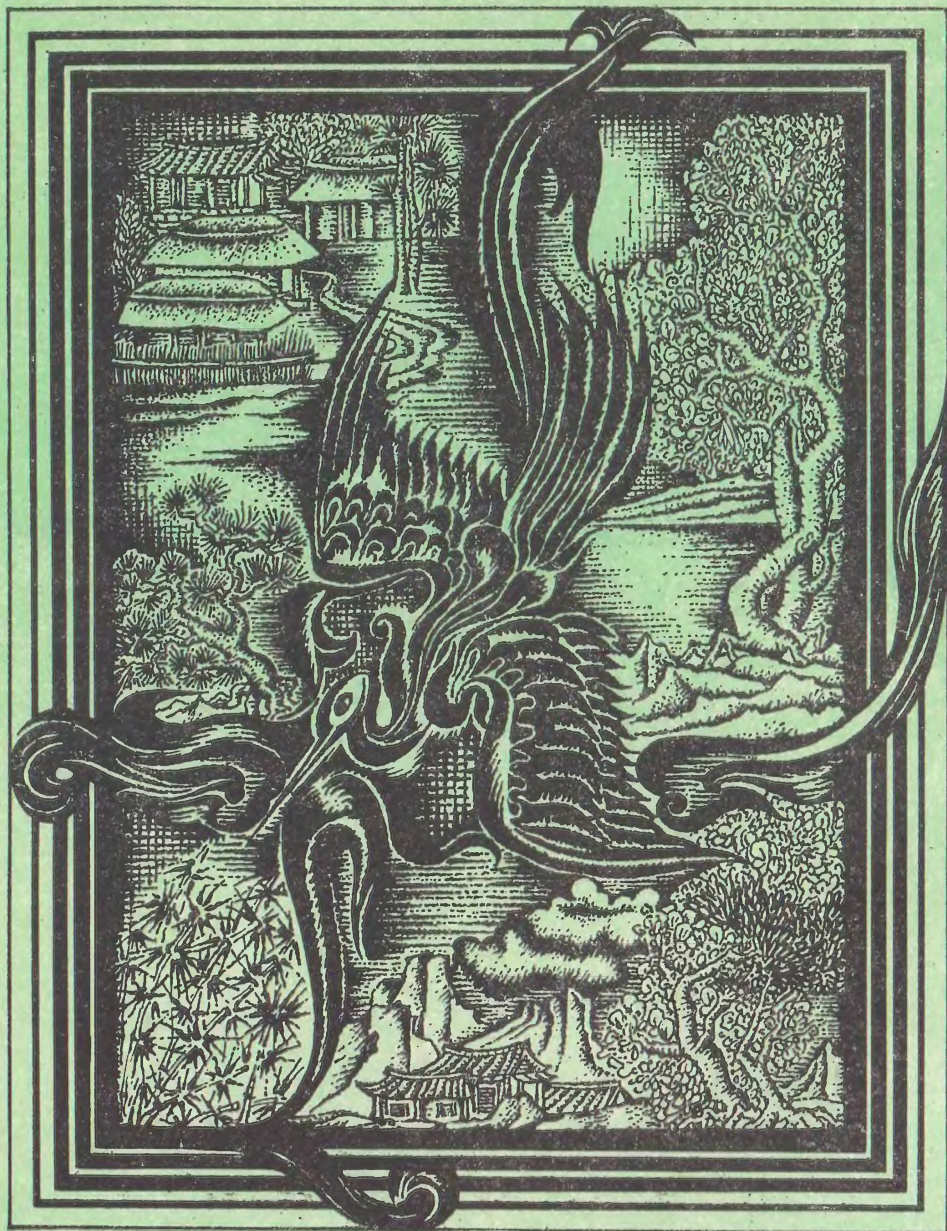

The illustration features a central, vibrant lotus flower with green leaves and pink and red petals. A blue and white dragon is coiled around the center of the flower. Surrounding this central motif are four smaller scenes: a woman in a blue dress in the top left, a person on a horse in the top right, a person on a horse in the bottom left, and a person standing near a traditional building in the bottom right. The entire scene is set against a dark, textured background.

Роза и Алый Лотос

Роза и Алый Лотос

***Корейские повести
(XVII—XIX вв.)***

Перевод с корейского)

Москва

«Художественная литература»

1974

Составление и комментарии
Л. КОНЦЕВИЧА

Послесловие
Б. РИФТИНА

Стихи в переводе
Ю. КРОЛЯ, Г. РАЧКОВА, Г. ЯРОСЛАВЦЕВА

Подстрочные переводы стихов
А. ВАСИЛЬЕВА, М. НИКИТИНОЙ, А. ТРОЦЕВИЧ

Оформление художника
А. ДОБРИЦЫНА

© Издательство «Художественная литература»,
1974 г.

Хо Гюн
Достойный Хон Гильдон

Глава первая

Рассказывают люди, будто давным-давно, при государе Седжоне, жил сановник по фамилии Хон, а по имени Мо.

Знатен и родовит был этот Хон. Еще юношей сдал он государственные экзамены и дослужился до Главы палаты чинов. Имя Хона гремело по всем городам и селам, и шла о нем слава как о преданном сыне и верном слуге государя.

Двое сыновей было у Хона. Старшего звали Инхён. Мать его, законная супруга Хона, происходила из рода Лю. Младший сын, Гильдон, был рожден от служанки Чхунсом.

Перед рождением Гильдона приснилось отцу, будто загрохотал гром, сверкнула молния и на него ринулся с неба зеленый дракон с косматой взъерошенной бородой. В испуге очнулся Хон Мо. Дивный сон, под стать сну о муравьином царстве Нанькэ! Он с радостью подумал: «Увидел во сне дракона, значит, жди дорогого сына!» — и поспешил к супруге на женскую половину.

Встала навстречу госпожа Лю. Взял он ее за яшмовые руки, хотел тут же обнять и приласкать. Но чинно молвила ему госпожа Лю:

— Вы солидный человек, а ведете себя, как легкомысленный мальчишка!

И с этими словами отвела его руки.

Хон Мо вышел, досадуя на супругу. А как раз в это время принесла ему чай служанка Чхунсом. Плененный красотой девушки, Хон Мо тут же увлек ее в опочивальню. В ту пору Чхунсом было восемнадцать лет.

С этого дня она не выходила за ворота и даже не смотрела на других мужчин. Господину это пришлось по нраву, и он сделал ее наложницей. А ровно через десять лун Чхунсом родила дивного мальчика. Отец радовался и жалел, что не от законной супруги родился такой прекрасный сын.

Гильдон рос да рос и к восьми годам всех превзошел разумом, как говорится, все схватывал на лету. Одна беда: низкое рождение запрещало мальчику называть отца отцом, а брата — братом. Если по забывчивости он позволял себе такое, ему тотчас же указывали на оплошность. Даже слуги не испытывали к нему никакого почтения.

Однажды осенью, в девятую луну, сиял на небе месяц и веял свежий ветерок — все успокаивало душу. Гильдон сидел за книгами, но вдруг оставил их со вздохом:

— Хоть и рожден я мужем, следовать примеру мудрецов — Конфуция и Мэн-цзы мне не дано. Так не лучше ли изучать науки ратные! Сделаюсь я военачальником. Падет передо мной Восток и будет завоеван Запад. Великий подвиг для государства, а Гильдону — слава... Такие подвиги достойны мужчины! Но почему я все-таки одинок?.. Есть у меня отец и брат, да не дозволено

называть отца отцом, а брата — братом. Как же тут не горевать, как не печалиться!

Гильдон вышел из дому — и вот уже учится искусству фехтования.

В ту же ночь Хон Мо любовался лунным светом и вдруг увидел сына.

— Отчего тебе не спится? — спросил он.

— Я любовался лунным светом, — почтительно ответил Гильдон. — «Небо сотворило десять тысяч вещей, и самое высшее его творение — человек». Меня же никто не ценит. Так человек ли я?

— Это что еще за речи?! — рассердился отец.

А Гильдон опять:

— Вот что тревожит мою душу: я ваш сын, плоть от плоти, кровь от крови вашей, но мне не дано звать отца отцом, а брата — братом. Могу ли я называться человеком? — И слезы полились на его платье.

Отец пожалел Гильдона, но утешать не стал, побоялся, что сын совсем осмелеет, и принялся браниться:

— В моей семье не один ты низкого происхождения. Что это за дерзости? Чтобы впредь этого не было!

Гильдон плакал, не проронив ни слова. А когда услышал: «Ступай прочь», — ушел к себе и закручинился еще больше.

Вот и одарен-то он превыше всех, и сердцем добр, но нет душе его покоя, сон бежит от глаз.

Однажды пришел Гильдон в покои матери и, сетуя, сказал ей так:

— Еще в прошлой жизни предопределила мне судьба быть вашим сыном. Это для меня великая милость. Но мне придется расстаться с вами. С судьбою трудно спорить. Дорогая матушка, не беспокойтесь о недостойном сыне и берегите свое драгоценное здоровье.

Мать встревожилась:

— Низкого рожденья в нашем доме не только ты, зачем же говорить столь пристрастно, надрывая мне сердце?

Сын отвечал:

— Гильсан, сын Чан Чхуна, тоже был низкого рождения. Покинув мать, ушел он в горы Унбонсан, постиг там великое учение о Пути, и его имя славили потомки. Я избираю ту же дорогу. А вы не горюйте и ждите, что последует дальше. Одно лишь меня беспокоит: что-то не по душе мне коксанская тетка. С каждым днем отец все больше благоволит к ней. Боюсь, не причинила бы она зла нам с вами. От нее, как от врага, так и жди беды. Обо мне же вы не беспокойтесь.

Мать совсем опечалилась.

Действительно, была у господина любимая наложница по имени Чхоран. Некогда в Коксане все знали ее как кисэн, и потому получила она прозвание коксанской тетки. Нрава она была спесивого и вздорного. Любого, кто не угодит ей, тотчас опорочит перед хозяином. Все зло в доме шло от нее. Слуги, рабы — все ее ненавидели. У нее не было детей. Поэтому, когда у Чхунсом родился сын и господину это пришлось по сердцу, Чхоран из зависти решила погубить Гильдона.

Однажды, зазвав к себе шаманку, Чхоран сказала ей:

— Не знать мне покоя до тех пор, пока не изведу мальчишку. Исполни мое желание, а за услуги я щедро тебя одарю.

— За Восточными воротами столицы живет гадалка, — посоветовала шаманка, — только глянет на человека, сразу все расскажет: что было и что будет, в чем счастье и в чем лихо. Растолкуй ей свои желанья, а потом отведи к господину. Ее пророчества так его запугу-

гают, что он сам пожелает сжить сына со света. Вот и выход, только бы удалось!

Чхоран дала ей на радостях пятьдесят лянов серебром и пригласила заходить. Шаманка ушла довольная.

На другой день Хон Мо на женской половине беседовал с супругой, госпожой Лю, о младшем сыне. Расхваливая его таланты, они сетовали, что мальчик родился от служанки.

Неожиданно в покои вошла какая-то женщина и поклонилась господину. Тот удивился:

— Кто ты? Зачем пожаловала?

— Я, недостойная, людям ворожу. Вот и к вам зашла.

Хон Мо тотчас захотел узнать, что ждет Гильдона. Его позвали и показали ворожее. Она робко проговорила:

— Я вижу, что ваш сын — необыкновенный человек, герой, каких не видел свет, но рождения он низкого... Вот будто бы и все...— И она умолкла на полуслове.

Хон Мо, заинтересовавшись, приказал:

— Ну что там, договаривай!

Ворожея, чуть помявшись, продолжала:

— Гляжу я на вашего сына: великодушен и добросердечен. В межбровье его мне ясно виден дух наших гор и рек. Внешность у него царская. Но когда он вырастет — погубит весь ваш род. Молю, подумайте об этом!

Хон Мо призадумался, но ворожее сказал:

— От судьбы не уйдешь. А о сказанном молчи! — и, вознаградив ее, отпустил.

С того дня Хон Мо поселил Гильдона в уединенном домике в горах и приказал следить за каждым его шагом.

Тоскливо было на сердце у Гильдона, да что поделаешь! И стал он изучать военные науки по «Шести планам» и «Трем тактикам», астрономию и географию.

Обо всем этом Хон Мо знал и беспокоился:

— Этот негодник талантлив. Если дать окрепнуть его далеко идущим замыслом, как бы не сбылось предсказание гадалки! Что с ним тогда поделаешь?

В душу господина закрался страх.

А Чхоран тем временем за тысячу золотых наняла убийцу по имени Тхыкчэ, господину же без устали нашептывала:

— Ну и гадалка! Всех насквозь видит! Как вы решили поступить с Гильдоном? Не лучше ли от него поскорее избавиться?

Но господин нахмурил брови:

— Это моя забота. Нечего болтать пустое! — и прогнал Чхоран с глаз долой.

Потеряв покой и сон, Хон Мо занемог. Супруга и старший сын Инхён встревожились, а Чхоран уж тут как тут и знай твердит:

— Господин наш занемог. А все из-за Гильдона. Мне кажется, что господин поправится, только когда этого мальчишки не будет на свете. И благополучию нашего рода тоже ничто не будет угрожать. Поразмыслите об этом!

— Как бы ни было, но установленные издревле отношения между людьми — самое важное на свете, — возразила госпожа, — как можно решиться на такое дело?

А Чхоран все свое твердит:

— Говорят, есть какой-то Тхыкчэ. Ему прикончить человека — все равно что залезть рукой в собственный карман. За тысячу золотых он темной ночью управится с мальчишкой. Когда господин проведаст об этом, будет уже поздно. Подумайте хорошенько!

Госпожа и старший сын со слезами отвечали:

— Мы не можем на такое решиться, но ты для блага государства, ради жизни отца и супруга и во имя сохранения рода Хонов делай, как разумеешь.

Чхоран обрадовалась, позвала Тхыкчэ и наказала ему убить Гильдона той же ночью. И убийца стал ожидать полночи.

Гильдон меж тем все горевал о том, что им пренебрегают. Но против отцовской воли не пойдешь. Не спится Гильдону, при свече читает он «Книгу перемен». И вдруг слышит: прокаркал ворон. Гильдон удивился: «Ворон обычно бежит от ночи, а тут вдруг каркает. Быть беде!» Он углубился в «Книгу перемен», стал изучать восемь триграмм. Но тотчас же, в ужасе отпрянув, оттолкнул столик и, сотворив заклинание, сделался невидимкой. И что же — в третью стражу тихо отворилась дверь и в комнату прокрался какой-то человек, вооруженный кинжалом.

Невидимый Гильдон произнес заклинание. Тотчас поднялась буря, дом исчез, и взору открылся величественный вид в горах. Перепугался убийца, понял, что Гильдон чародей, спрятал свой кинжал и попытался скрыться. Однако дорогу ему преградили высокие утесы и отвесные скалы. В страхе заметался Тхыкчэ.

Тут откуда-то слышались звуки яшмовой флейты. Убийца воспрянул духом и огляделся. Видит — едет на осле отрок. Подъехал, перестал играть и принялся его стыдить:

— За что ты хотел погубить меня?! Небо тебя покарает! — и произнес заклинание.

Набежали черные тучи, хлынул дождь, посыпались на землю камни и песок. Тхыкчэ понял: перед ним Гильдон!

«Хоть он и чародей, ему со мною не тягаться!» — подумал убийца, выхватил кинжал и бросился вперед, крича:

— Не вини меня! Это Чхоран все устроила, она призвала себе на помощь шаманку с ворожеей и внушила господину, что тебя надо убить.

Еле сдерживая гнев, Гильдон снова прибегнул к волшебству и отобрал у Тхыкчэ кинжал.

— Так ты польстился на золото и погубить человека для тебя пустяк? Таких злодеев казнят без жалости!

Меч его отсек убийце голову, и она скатилась на пол. Пылая гневом, разыскал Гильдон в ту же ночь шаманку с гадалкой, притащил их в свою комнату, где лежал мертвый Тхыкчэ, и с руганью набросился на них:

— Вы задумали вместе с Чхоран погубить меня, ни в чем не повинного, так получайте за это!

Разделавшись с тремя злодеями, Гильдон взглянул на небо. Близился рассвет. Серебряная река померкла, повеяло прохладой. Природа словно хотела смягчить его душевные страдания. В гневе Гильдон собирался покончить и с Чхоран, но, вспомнив, что отец любит ее, отбросил меч. Он решил покинуть родные края и пошел к отцу проститься.

Почувствовав, что кто-то стоит под окном, отец открыл его и увидел Гильдона.

— Ночь на дворе, а ты не спишь и бродишь под окнами. Что с тобой?

Пал ниц Гильдон, промолвил:

— Мечтал я хоть тысячную долю воздать добром родителям, меня взрастившим, да не пришлось. Меня оклеветали, и только чудом избежал я смерти. Не суждено мне, видно, послужить вам. Мы теперь долго не увидимся, и я пришел проститься.

— Что за беда с тобой стряслась? Ты еще мал, а со-

бираешься покинуть дом. Куда же ты отправляешься? — спросил в испуге Хон Мо.

— На рассвете все узнаете... Моя судьба подобна гонимому по небу облаку. Как избавиться мне от злых наветов? — и не в силах продолжать, залился слезами.

Стал Хон Мо уговаривать сына:

— Сочувствую тебе. Зови же меня отныне отцом, а брата Инхёна — братом.

Дважды поклонился Гильдон отцу и сказал:

— Вы, батюшка, меня утешили, теперь и умереть не страшно. Живите же долго и счастливо.

Хон Мо не удерживал сына и пожелал ему благополучия.

Гильдон пошел проститься с матерью:

— Я покидаю вас, матушка, но наступит день, когда я снова буду заботиться о вас. Берегите себя.

Чхунсом почуяла недоброе. Сжав руки сына, она запричитала:

— Куда же ты? Мы так привязаны друг к другу, все время жили под одной крышей, а теперь ты уходишь невесть куда! Возвращайся же скорее! Сможет ли материнское сердце вынести разлуку?

Гильдон дважды поклонился матери и покинул дом. Вышел он за городские ворота, а вокруг громоздятся горы, окутанные облаками. И пошел Гильдон куда глаза глядят.

Ну не печально ли все это?!

Между тем Чхоран, не получив вестей от Тхыкчэ, послала человека разведать. Тот доложил, что Гильдона след простыл, а Тхыкчэ и ворожея с шаманкой мертвыми лежат в его комнате. Струсил Чхоран, бросилась со всех ног к госпоже и рассказала, что приключилось.

Госпожа от страха переменилась в лице, тут же послала за Инхёном. Доложили господину.

Тот испуганно проговорил:

— Гильдон приходил ко мне ночью весь в слезах прощаться. Тогда мне это показалось странным. А тут вот какое дело!

Не смог больше таиться Инхён, рассказал отцу о кознях Чхоран. Хон Мо разгневался, выгнал Чхоран из дому, рабам же приказал убрать трупы и держать язык за зубами.

Между тем Гильдон покинул родной дом и отправился бродить по свету. Однажды он забрел в места необычайной красоты. Шел он, шел, разыскивая человеческое жилье, и в одной пещере заметил каменную дверь. Гильдон тихонько открыл ее, вошел и видит: расстилается перед ним широкая долина. Теснятся на ней дома, кругом полно людей, кипит веселье, идет веселый пир.

Оказалось, здесь жили разбойники. Посмотрели они на Гильдона, увидели, что он не простой человек, и приветливо обратились к нему:

— Кто вы и зачем пожаловали к нам? Мы здесь все удалцы, но вот никак не можем выбрать себе предводителя. Если вы силой не обижены и хотите остаться с нами, попробуйте поднять вон ту глыбу!

Гильдону эти речи пришлись по душе, и он, дважды поклонившись, ответил:

— Я из столицы. Сын Главы палаты чинов — Хона и его служанки. Зовут меня Гильдон. Не пожелав терпеть унижений в отчем доме, я пошел куда глаза глядят и, скитаясь без цели, забрел сюда. Вы предлагаете мне стать вашим предводителем? Премного благодарен вам за это. Что стоит для настоящего героя поднять какой-то камень? — С этими словами он подхватил каменную глыбу, пронес ее немного и швырнул. А глыба была тяжелая, в тысячу кынов.

Разбойники обрадовались, поздравили его:

— Вы в самом деле богатырь! Среди нас, из целой тысячи, не нашлось такого, кто поднял бы эту глыбу. Сегодня Небо сжалилось и даровало нам предводителя.

Тут же они усадили Гильдона на почетное место, поднесли вина. Заколов белого коня, разбойники поклялись Гильдону в верности. Пир продолжался до ночи.

Со следующего дня молодцы с Гильдоном без устали учились воинскому искусству. Прошли месяцы, и их воинское умение достигло совершенства.

Однажды разбойники сказали:

— Задумали мы было напасть на монастырь Хэинса и завладеть его богатствами, да не хватает ума-разума, как за дело взяться. Что вы на это скажете?

— На днях пошлю отряд,— ответил Гильдон,— а вы лишь выполняйте то, что я прикажу.

И вот он в синих одеждах, подпоясанный черным поясом, выехал на осле со свитой, наказав разбойникам:

— Поеду в монастырь, разведая и возвращусь обратно.

Сразу видно, что сын государственного мужа!

Приехал Гильдон в монастырь и приказал позвать настоятеля.

— Я из столицы. Сын Главы палаты чинов, Хона. Приехал поучиться у вас наукам. Завтра велю прислать вам двадцать соков очищенного риса, вы приготовьте угощение, и устроим пир,— говорил Гильдон, а сам тем временем разглядывал убранство монастыря.

Договорился Гильдон с монахами и поехал назад. Монахи были рады предстоящему угощению, а Гильдон, вернувшись к своим молодцам, первым делом отправил в монастырь обещанный рис, а потом стал объяснять, что сам намеревается делать и что надлежит делать им.

Дождавшись условленного дня, Гильдон с молодцами явился в монастырь Хэинса. Монахи встретили его с почетом, а он осведомился у настоятеля, хватило ли риса.

— Как не хватить, безмерно благодарны!

Гильдон восседал на почетном месте и потчевал монахов, по старшинству угощая всех вином. Монахи насыпались в благодарностях. Но вот и сам Гильдон принялся за еду. Незаметно он взял в рот щепотку песка, жует, а песок громко хрустит на зубах. Монахи заметили и стали оправдываться. Гильдон же сделал вид, что разозлился:

— Эй вы, чем кормите людей?! Вы сделали это, чтобы оскорбить меня! — и отдал приказание связать всех монахов одной веревкой и усадить в ряд.

Монахи в ужасе не знали, что и подумать. Откуда ни возьмись, появились сотни молодцов, обобрали дочиста монастырь и были таковы. Монахам оставалось лишь вопить.

В это время в монастырь возвращался отлучавшийся по делам повар. Увидел он, в какую беду попали монахи, и побежал доложить в управу. Правитель уезда послал стражников с наказом поймать разбойников. Сотни стражников устремились в погоню. Вдруг видят: стоит на горе монах в шапочке и темной холщовой рясе и кричит:

— Разбойники туда, по северной дороге, побежали! Быстрей хватайте их!

Стражники послушно повернули на север, как им указал монах, и помчались с быстротой урагана.

Уже стемнело. Так и не догнав разбойников, погода воротилась.

А это был Гильдон. Послав разбойников на юг по большой дороге, сам облачился в монашеское платье и

обманул стражников. А потом цел и невредим вернулся к себе в долину.

Разбойники уже управились с захваченным добром и вышли навстречу, восхваляя Гильдона.

— Смекалка предводителю нужна прежде всего! — посмеивался Гильдон.

После этого Гильдон и его удальцы стали называть себя «бедняцкими заступниками». «Бедняцкие заступники» гуляли по всем восьми провинциям Кореи. Повсюду отбирали нажитое неправдой, помогали беднякам. Однако простой люд не обижали и государственного добра не трогали, поступали по справедливости.

Однажды Гильдон собрал своих молодцов и объявил:

— Губернатор провинции Хамгёндо — алчный человек. Он грабит народ до питки, люди бедствуют. Мы не можем этого так оставить, — и он отдал приказ поодпочке пробираться в город.

А в условленный день за Южными воротами вспыхнул пожар. Губернатор перепугался, приказал всем горожанам тушить его. Нижние чины и простой люд бежали на пожар. В это время молодцы Гильдона ворвались в город, открыли закрома и склады, погрузили на повозки весь рис и оружие и покинули город через Северные ворота.

Город бурлил, как кипяток в котле. Застигнутый врасплох губернатор не мог понять, что происходит. А когда рассвело, обнаружилось, что опустели склады с оружием и амбары с зерном. Губернатор до смерти перепугался и решил во что бы то ни стало изловить разбойников.

Тем временем на Северных воротах появилась надпись: «Зерно и оружие забрал Гильдон, предводитель «бедняцких заступников».

Губернатор послал стражников в погоню за разбойниками.

А дальше было вот что. Молодцы Гильдона дочиста вывезли добро из складов и амбаров. Гильдон, беспокоясь, как бы их не настигла погоня, прибег к волшебству, и все кончилось благополучно.

Снова созывает своих людей Гильдон:

— Мы обобрали монастырь Хэинса, очистили амбары и склады у губернатора Хамгёндю. Слухи об этом разнеслись далеко окрест. Мое имя красуется на воротах сысканого приказа. Этак и головы лишиться недолго. Вот что я придумал, смотрите и дивитесь! — и живо смастерил из соломы семь чучел. Затем, произнеся заклинание, вдохнул в них души. Чучела тотчас ожили, замахали руками, загалдели, собрались в круг и наперебой заспорили. Узнай попробуй, где настоящий Гильдон!

В каждую из восьми провинций отправилось по Гильдону, и с каждым — сотни молодцов. И невозможно было узнать, где подлинный Гильдон.

А Гильдоны между тем бродили по всему государству, навлекая ветры, посылая бури. Бывало, за одну и ту же ночь в разных местах бесследно исчезало зерно из амбаров, пропадали отправленные из провинции подношения столичным чиновникам.

В государстве воцарился хаос. Из-за беспорядков по ночам люди боялись ложиться спать, на дорогах замерло движение. Губернаторы в донесениях на высочайшее имя сообщали: «Невесть откуда взявшийся разбойник по имени Гильдон, повелевая ветрами и тучами, присвоил себе имущество во всех уездах. Товары не доходят до столицы. Его проделкам нет числа. Если не изловить его теперь же, кто знает, чем это кончится! Соболаговолите дать распоряжение в сысканой приказ изловить этого разбойника».

Государь подивился таким известиям и приказал левому и правому главам сыскного приказа доставить донесения сразу из всех провинций. И что же? Оказалось, разбойника всюду зовут Гильдоном, а палеты и грабежи во всех восьми провинциях совершались в одно и то же время.

Изумился государь:

— Дерзость и ловкость этого разбойника превосходит все, что известно было до сих пор, и даже самого Чи-ю! Но кем бы ни был он, немыслимо, чтобы один и тот же человек чинил разбой сразу в восьми местах в один и тот же день и час! Видно, то не простой разбойник и схватить его будет не так-то легко. Я повелеваю вам взять стражников и изловить Гильдона!

Тут выступил вперед левый глава Ли Хып:

— Я, бесталанный, постараюсь схватить этого разбойника. Не беспокойтесь, государь! Зачем посылать нас обоих с войском за одним недостойным смутьяном?!

Государь согласился с ним и велел немедленно собираться в дорогу. Ли Хып откланялся и тотчас выступил в поход с большим отрядом. Договорившись пробраться в Мунгёи поодиночке и там встретиться в определенный день, стражники разбрелись, и каждый отправился своей дорогой. Сам Ли Хып переоделся и с несколькими стражниками тоже двинулся в путь.

Шли они, шли и под вечер решили отдохнуть в кабачке. В это время к кабачку подъехал па осле какой-то юноша, вошел и представился. Ли Хып ответил на приветствие. Неожиданно юноша со вздохом промолвил:

— Говорят, «Поднебесная — владение государя, а подданные государя должны быть его верными слугами». Я, хоть и необразованная деревенщина, душою страдался за наше государство.

— Что так? — для вида поинтересовался Ли Хып.

— Разбойник Гильдон разгуливает по всем провинциям,— продолжал юноша,— делает, что́ хочет. Народ волнуется, а его до сих пор не поймали. Как тут не возмущаться?!

— Сразу видно, что вы герой,— оживился Ли Хып,— в ваших речах видна преданность государю. Давайте вместе ловить этого разбойника, согласны?

— Я уже давно думал его поймать, да не нашлось надежного напарника,— обрадовался юноша.— Встреча с вами для меня счастье! Но я еще не знаю, на что вы способны. Давайте отправимся в какое-нибудь уединенное место и померяемся силами.

И они отправились. Вот уселся юноша на краю высокой скалы и говорит Ли Хыпу:

— Попробуйте-ка столкнуть меня вниз, да толкайте посильнее.

Ли Хып подумал: «Как бы ни был он силен, неужели не столкну?» — и толкнул юношу что было силы. А тот повернулся к нему и говорит:

— Вы настоящий богатырь! Я испытал нескольких человек, и никому не удавалось даже поколебать меня, а от вашего удара во мне все содрогнулось. Теперь следуйте за мной, пошли ловить Гильдона,— и повел его глубоким ущельем.

Ли Хып шел и думал: «Я всегда гордился своей силой, но этот парень поистине достоин удивления! Однако как бы он не обманул меня!»

А юноша вдруг остановился и сказал:

— Здесь разбойничий притон Гильдона. Я пойду разведу, а вы подождите.

Сомнение взяло Ли Хыпа. Однако делать нечего, остался — только велел юноше возвращаться не иначе, как с пойманным Гильдоном.

Вдруг видит Ли Хып: с криком бегут по ущелью ка-

кие-то воины. Оробел он, но спрятаться не успел — настигли его и связали.

— Это ты Ли Хып, Глава сыскного приказа? Мы пришли по велению Владыки ада, чтобы схватить тебя.

И погнали злосчастного Ли Хыпа, хлеща его железными плетями. Едва у него душа с телом не рассталась, чуть рассудка он не лишился. Потом швырнули его на колени. Не успел Ли Хып прийти в себя, поднял голову — и что же видит? Перед ним великолепные чертоги, кругом тьма-тьмушая богатырей в желтых повязках, а на троне — их повелитель.

Грозно вопрошает он Ли Хыпа:

— Как, ничтожный, осмелился ты искать Гильдона? Мы отправляем тебя на Остров ветров, в подземное царство.

Собравшись с духом, взмолился Ли Хып:

— Бедный я, несчастный, безвинно пострадавший!.. Молю вас, оставьте мне жизнь.

И слышит он в ответ с трона брань и смех:

— Открой глаза пошире! Я — Хон Гильдон, предводитель «бедняцких заступников». За мной охотишься?.. Ну что ж! Ведь тот юноша в зеленом был я. Это я привел тебя сюда, желая испытать твой ум и силу. Теперь ты убедился, как я грозен?

Гильдон приказал развязать Ли Хыпа, усадить за стол и, потчuya его вином, напутствовал:

— Нечего тут попусту шататься! Убирайся да не болтай, что видел меня, не то худо будет!

Гильдон еще раз поднес ему вина и приказал стражникам отпустить Ли Хыпа.

«Сон это или явь? Как я сюда попал? — недоумевал Ли Хып. — Ну и чародей этот Гильдон!»

Хотел он подняться, да не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Очнувшись окончательно, увидал он, что си-

дит в кожаном мешке. Насилу из него выбрался. Глядь, а на дереве еще такие же три мешка. Снял их, и что же? Там трое стражников, которых он захватил с собой.

— Что случилось? Ведь мы же договорились встретиться в Мунгёне? Как мы тут очутились?

Огляделись, а это Пугак, в окрестностях столицы, да и сама столица внизу, как на ладони.

— Вас-то как сюда занесло? — спросил Ли Хып.

— Расположились мы на ночлег. Вдруг, то ли наяву, то ли во сне, поднялся вихрь и умчал нас. Мы лишились памяти и чувств и в одно мгновение очутились здесь. Сами не знаем, как все это приключилось.

Ли Хып сказал:

— Такие дела выше человеческого разума. Но вы обо всем этом молчите. Гильдон неуловим, нет меры его талантам, и сладить с ним не по силам простому смертному. Если мы вернемся сейчас в столицу, нас накажут. Лучше переждем месяц-другой.

Между тем государь во все концы слал указы поймать Гильдона. А тот, волшебством меняя облик, сегоднѣ разъезжал в повозке, как большой чиновник, завтра — на носилках, помещенных на спинах двух лошадей, или бродил как тайный государев ревизор. Покарав алчных начальников уездов за их преступления, он как ревизор докладывал в столицу: «Это сделал Хон Гильдон».

Государь вспыхнул от гнева.

— Этот смутьян разгуливает, где вздумается. Бесчинствам его нет числа. Так просто его, пожалуй, не поймаешь. Что будем делать? — обратился он однажды к своим приближенным.

В это время принесли очередные донесения о Гильдоне. Государь просмотрел их и, вне себя от беспокойства, обратился к придворным:

— Это же черт, а не человек! Кто из вас способен понять, в чем тут дело?

Тогда выступил вперед один из приближенных:

— Хон Гильдон — побочный сын Хон Мо, Главы палаты чинов, и брат Хон Инхёна из военной палаты. Надо их позвать и допросить, тогда, может быть, что-нибудь прояснится.

— Почему же только теперь вы сообщаете мне об этом?! — разгневался государь.

Хон Мо тотчас доставили в сыскной приказ, а Инхёна — пред очи самого государя.

О том же, что было дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава вторая

Итак, Хон Мо доставили в сыскной приказ, а Инхён держал ответ перед самим государем.

Государь был в гневе:

— Разбойник Гильдон твой сводный брат. Как мог ты допустить, чтобы он приносил государству столько бед? Изволь немедленно схватить его. Не то не посмотрю, что ты примерный сын сановного лица, верного престолу! Да торопись исполнить мой приказ! Пусть Гильдон мне больше не докучает.

Инхён затрепетал, с непокрытой головой стал отбивать государю поклоны:

— Мой младший брат рожден от служанки. Еще будучи совсем юным, сделался он убийцей и сбежал из дому. Уж столько лет нет о нем ни слуху ни духу. Из-за него тяжело хворает старик отец, того и гляди, помрет. И вам, государь, доставил беспокойство этот безправственный мальчишка. Я виноват, но молю — помилуйте отца. Если мне будет дозволено вернуться домой

и ухаживать за ним, я хоть лишусь жизни, но поймаю Гильдона, искуплю нашу вину.

Государь повелел освободить Хон Мо, а Инхёна назначил губернатором провинции Кёнсандо, сказав при этом:

— Будешь губернатором — скорее поймаешь разбойника. Даю тебе год сроку.

Инхён, благодарно поклонившись сто раз, покинул приемный зал и тотчас же собрался в дорогу. Прибыв на место, он по всем уездам велел развесить обращения к Гильдону. В них говорилось:

«Человек от рождения следует пяти устоям. Пока не нарушается этот закон, в государстве царят гуманность и справедливость, учтивость и мудрость. Тому, кто не признает этот закон, не повинуются отцу и государю, став непочтительным сыном и неверным подданным, нет места на земле. Брат мой Гильдон, вспомни об этом и поспеши отдаться в руки правосудия. Из-за тебя болеет наш отец и в большом волнении пребывает государь. Поступки твои вопиющи. Наш государь, назначивший меня правителем провинции Кёнсандо, приказал поймать тебя, в противном случае наш род будет обесславлен. Как не скорбеть об этом! Надеюсь, что, поразмыслив, ты явишься с повинной, дабы смягчить себе наказание и сохранить честь рода. Одумайся! Вернись!»

Распорядившись о развешивании грамот, Инхён отложил все дела и стал ждать, когда объявится Гильдон. И вот однажды к дому Инхёна подъехал на осле какой-то юноша в сопровождении слуг и попросил принять его. Инхён пригласил юношу в дом, и, когда тот вошел, Инхён, взглядевшись, узнал в нем долгожданного Гильдона. Обрадованный Инхён, отослав приближенных, сжал руки брата и залился слезами:

— С той минуты, как ты ушел из дома, мы ничего

не знали о тебе — жив ты или нет. Отец занемог. Ты показал себя дурным сыном, а главное, сделался опасным для государства. Как посмел ты проявить непочтительность к отцу и нарушить преданность государю? И к тому же, став разбойником, натворил столько бед. Ты прогневил государя, и он повелел мне изловить тебя. Как совершивший тягчайшие преступления, ты должен немедленно отправиться в столицу и ждать высочайшего решения.

С поникшей головой внимал Гильдон словам брата: — Я вызволю из беды отца и брата. Иначе поступить я не могу. Если бы с самого начала мне было дозволено называть родного отца отцом, а брата — братом, разве дошло бы до этого? Но что толку говорить о прошлом! Вяжи меня и отправляй в столицу! — и больше не проронил ни слова.

С печалью в сердце отослал Инхён донесение в столицу. Гильдону надели на шею кангу, на ноги — колодки и под усиленной охраной повезли в столицу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Народ, наслышанный о подвигах Гильдона, выходил навстречу, преграждая путь повозке.

Тем временем поймали еще семерых Гильдонов. Столичные чиновники и горожане пребывали в растерянности, а больше всех недоумевал государь: когда, созвав весь двор, он приготовился к допросу, к нему доставили сразу восьмерых Гильдонов. И эти восьмеро тотчас заспорили, загалдели и стали драться:

— Не я Гильдон, а ты!

— Нет, ты!

Поди угадай, кто из них настоящий! Государь подивился и приказал доставить Хон Мо:

— Говорят, отец лучше всех знает свое дитя. Опознай-ка из этих восьми своего Гильдона!

Хон Мо поклонился до земли.

— Это нетрудно сделать: у него на левой ноге родимое пятно,— и принялся браниться, обращаясь к Гильдонам:— Перед тобой государь и отец. Ты совершил столько преступлений, так хоть умри достойно!

Тут из горла у него хлынула кровь, и он лишился чувств.

Заволновался государь, призвал придворных лекарей, но все их старанья ни к чему не привели.

А восемь Гильдонов залились слезами, разом полезли в свои карманы и вытащили по пилюле. Вложили их в рот Хон Мо, и тот очнулся. А Гильдоны хором обратились к государю:

— Мой отец не раз видел от вас милости. Разве я могу сейчас поступить недостойно? По рождению своему я был лишен права называть отца отцом, а брата — братом. Всю жизнь я страдал из-за этого, покинул дом и сделался разбойником. Однако простой народ я не обижал, отбирал имущество лишь у начальников уездов, выжимающих из бедняков последние соки. Прошло десять лет, и теперь мне есть где приютиться. Вы не волнуйтесь больше, государь, отмените лишь указы о моей поимке!

И тут же все восемь разом повалились на пол. Глядь, а Гильдонов уже нет, лежат одни соломенные чучела.

Удивлению государя не было предела. Он снова разослал во все провинции указы о поимке настоящего Гильдона. А тот снова бродит по стране, на четырех воротах столицы расклеил обращения:

«Сколько ни старайтесь поймать Гильдона, вам это не удастся до тех пор, пока не выйдет распоряжение о назначении его Главой военной палаты».

Государь прочел, собрал придворных, и те в один голос заявили:

— Ловили этого разбойника — не поймали, а теперь его же и назначить Главой военной палаты! Да слыхано ли это?!

Государь согласился с ними и снова послал указ губернатору Кёнсандо поймать Гильдона.

Прочел Инхён указ, затрепетал от страха, не знает, что делать.

Но вот однажды Гильдон спустился к нему с неба и сказал:

— Я настоящий Гильдон. Не беспокойся больше ни о чем. Вяжи меня и отправляй в столицу.

Опять залился слезами Инхён.

— Нет в тебе разума! Ведь мы же родные братья, а ты не желаешь слушать ни меня, ни отца и будоражишь все государство. Как не сожалеть об этом? Теперь ты пришел с повинной, сам просишь, чтобы тебя схватили и связали. Так может поступить только настоящий брат!

И, увидав на ноге Гильдона родимое пятно и, таким образом, удостоверившись, что это действительно он, Инхён тотчас велел связать его по рукам и ногам и в повозке, окруженной охраной, как в железной клетке, вихрем мчатъ в столицу. Гильдон даже бровью не повел.

Через несколько дней подъехали к столице, и перед самыми воротами дворца Гильдон чуть шевельнулся, железные путы лопнули, повозка развалилась. Как змея сбрасывает старую кожу, так и Гильдон стряхнул путы, взвился в небо и исчез средь облаков.

Стражники стояли как очумелые, воззрившись на небо, и не знали, как им быть. Но делать нечего, доложили государю. Тот всполошился:

— Невиданное дело!

И тут кто-то из приближенных посоветовал:

— А что, если сделать его Главой военной палаты, как он хочет, а потом потребовать, чтобы он немедленно

покинул Корею? Только явится он благодарить за милость, тут ему и вручить приказ.

Государь подумал и решил, что так и надо поступить. Тотчас же на воротах столицы вывесили приказ о назначении Хон Гильдона Главой военной палаты.

Узнал об этом Гильдон и в чиновничьем одеянии, восседая торжественно в повозке, подъехал ко дворцу и приказал доложить о своем прибытии. Слуги из военной палаты толпою встретили его и проводили к государю. Чиновники же тем временем решили:

— Гильдон сейчас поблагодарит государя за милость и выйдет. Устроим засаду из вооруженных секирами и топорами воинов. Как только выйдет, сразу и прикончим его.

Гильдон же предстал перед государем и поклонился.

— Глубока моя випа, государь, но тем выше ваше благодеяние. Теперь у меня словно камень свалился с души. Я ухожу навсегда и желаю вам, государь, долгой и счастливой жизни.

С этими словами Гильдон поднялся в небо и бесследно исчез в облаках.

— Дивное искусство,— вздохнул государь.— Гильдон обещал покинуть Корею, значит, беспорядки кончатся. Хоть и странно он себя вел, но все-таки он благородной души человек и вряд ли будет теперь нас беспокоить.— И распорядился во всех провинциях огласить помилование Гильдону и отменить указы о его поимке.

А Гильдон, возвратившись к своим молодцам, приказал:

— Я на время вас покину. Вы же не смейте вольничать и ждите моего возвращения.

И тут же, взмыв в небо, полетел к Южной столице. В странствиях попал он в земли Юльдо. Куда ни кинешь взор — всюду зеленые горы, текут прозрачные

реки. Люди живут счастливо. «Обетованный край», — подумал Гильдон и отправился дальше. Затем, полюбовавшись на Южную столицу, он побывал на сказочном острове Чедо, где наслаждался красотой гор и рек, присматривался к людям. Но прекраснее всего оказались Пятиглавые горы. На семь сотен ли тянулись тучные поля и цветущие луга. Вот где рай для человека! И Гильдон подумал: «С Кореей я уже распростился. Переселюсь сюда и буду жить в тиши, готовиться к великим подвигам».

Он вернулся к молодцам, распорядился выйти к реке, отстроить корабли и по реке Ханган подвести их в назначенное время к столице. Сам же отправился к государю просить ссуду в тысячу соков риса.

Шли дни. О Гильдоне ничего не было слышно, и Хон Мо начал поправляться. Покоя государя также ничто не нарушало.

Как-то раз глубокой осенней ночью государь гулял в саду, любясь лунным светом. Неожиданно поднялся свежий ветерок и с неба под нежное пение свирели спустился прекрасный юноша. Он пал ниц перед изумленным государем.

— Зачем ты снизошел на землю, прекрасный юноша? Что хочешь нам поведать?

И в ответ услышал:

— Я — Хон Гильдон, которого вы назначили Главой военной палаты.

Еще больше удивился государь:

— Чего же ты ищешь в глухую полночь?

— Я был рад служить вам, государь, всю жизнь, — ответил Гильдон, — но я сын служанки. Если я сдам экзамены на гражданский чин, то не смогу служить даже мелким чиновником, и даже если бы я сдал военные экзамены, мне все равно не довелось бы принести

пользу государству. Вот потому я и бродяжничал, возбуждал беспорядки в государстве. Я наделал столько шума, что мое имя стало известно вам, государь. Вы милостиво успокоили страдания моей души. Я, простившись с вами, покидаю родину и собираюсь в дальний путь. Об одном прошу, прежде чем уехать: прикажите выдать мне из ваших житниц тысячу соков зерна и переправить их на Ханган. Своей милостью вы многим спасете жизнь.

Государь внял просьбе Гильдона.

— До сих пор мне так и не довелось разглядеть как следует твое лицо,— промолвил он.— Взгляни на меня хоть теперь, при лунном свете.

Гильдон поднял голову, по глаз не открыл.

— Почему ты не открываешь глаз?

— Если я их открою, вы испугаетесь.

И государь понял: «Видно, он и впрямь человек из иного мира!»

С поклоном поблагодарив государя за милость, Гильдон поднялся в небо и исчез.

Государь подивился его чародейству и на следующий день распорядился выдать зерно и доставить все тысячу соков к переправе Соган. Чиновники, ведающие выдачей, недоумевали, но государев приказ исполнили точно. Тут же явились какие-то люди и перенесли зерно на корабли, сказав, что оно пожаловано государем Хон Гильдону. Доложили об этом государю, и он подтвердил, что в самом деле одарил Гильдона.

И вот Гильдон, забрав рис, с тремя тысячами молодых вышел в открытое море и поплыл к острову Чедо, что на пути к Южной столице. Там они сошли на берег, и работа закипела: настроили домов, распахали и засеяли поля, паковали оружия и снова учились военному искусству. Снова у Гильдона полные житницы зерна и от-

борные войска. О местах этих никто не знал, а край был богатый.

Однажды Гильдон созвал молодцов.

— Я отправлюсь на гору Мантаншань за снадобьем для стрел, а вы будьте начеку и охраняйте подходы к острову.

Путь на Мантаншань лежал через уезд Лочуань. Слыл в этих землях богачом человек по прозванию Болун — «Белый дракон». Единственная дочь его была хороша на диво, умна и начитанна и меч умела держать в руках. Отец и мать души не чаяли в своей красавице дочери и прочили ей в мужья не иначе, как богатыря.

Но вот однажды разыгралась буря, мрак окутал небо и землю, и красавица исчезла. Горько убивались родители, ходили по улицам и обещали щедро наградить того, кто ее найдет, и отдать в жены, кто бы он ни был.

Как раз в это время и проезжал здесь Гильдон. Услышал обо всем, посетовал и отправился дальше, на Мантаншань, за снадобьем для стрел. Стемнело, и он не знал, куда идти. Вдруг слышит: где-то раздаются голоса, а там, дальше, и свет мерцает. Поспешил Гильдон на огонь. И что же? Перед ним целый рой неведомых существ: так и кишат, о чем-то споря меж собой. Вгляделся Гильдон — да это люди только обликом, а на самом деле — звери. Ульдонами называются эти существа. Смерти не ведают, а на старости лишь претерпевают бесконечные превращения.

«Много я странствовал по свету, но таких чудовищ встречаю впервые. Надо бы их сразу истребить всех до одного», — подумал Гильдон и послал из засады стрелу. Подбила она одну из тварей. Раздался громкий вопль, а остальные ульдоны бросились бежать.

Хотел настичь их Гильдон, да раздумал: ночь темна, а горы коварны. Пожалуй, никого не поймает!

Он скоротал ночь под деревом, а утром, припрятав лук и стрелы, стал бродить вокруг в поисках лекарственных трав.

И вдруг замелькали пред ним один за другим ульдоны. Они заметили юношу.

— Зачем пожаловал в заповедные места?

Отвечает им Гильдон:

— Я родом из Кореи, знаю искусство врачевания, умею исцелять болезни. Прослышал, что растут здесь чудодейственные травы, потому и пришел. Да вот встретился с вами, чем бесконечно счастлив.

Обрадовались оборотни-ульдоны, оглядели его со всех сторон и говорят:

— А мы давно живем на горе Мантаншань. Повелителя нашего вчера, в день свадьбы, поразило Небо, и он сейчас при смерти. Если исцелишь его чудодейственными травами, мы тебя отблагодарим сторицей. А теперь просим следовать за нами.

«Так вот кого я вчера подстрелил!» — смекнул Гильдон.

Пришли на место. Из-под ворот дворца струилась кровь. Гильдона попросили подождать, потом ввели в роскошные чертоги. Глядит — распростертый на ложе, стонет злой дух. При виде гостя чудовище чуть пошевелилось.

— Вчера, в день свадьбы, поражен я небесною стрелой, умираю... Спаси меня! Не пожалеешь своих знаний — щедро одарю тебя.

Гильдон солгал, что рана не опасна.

— Сперва, — сказал он, — следует прибегнуть к травам, употребляемым для лечения наружных ран, а потом взяться за травы, изгоняющие немочь. Сделаем так, и все пройдет.

Чудище взыграло от радости. Гильдон всегда носил

при себе всевозможные пилюли. Пока чудище радовалось, извлек он из кармана очень сильный яд, разбавил его теплой водой и дал выпить больному. Вскоре повелитель ульдонов дико завопил, начал колотить себя по брюху, вращать белками и, дважды подпрыгнув, издох.

Тут остальные чудища с мечами набросились на Гильдона.

— Смерть злодею! Отомстим за государя!

Но взмывший в небо Гильдон кликнул Духа ветров. Поднялся бешеный ураган, а сам Гильдон осыпал врагов сверху дождем стрел. Как ни искусны были в колдовстве ульдоны, не сравниться им было с чародеем Гильдоном. В короткой схватке все они были перебиты.

Входит Гильдон в жилище чудищ и видит возле каменных ворот двух девушек. Думая, что они тоже ульдоны, хотел убить обеих, но те слезно взмолились:

— Мы ведь люди! Чудища схватили нас и собирались погубить. Но Небо сжалилось над нами: пришел герой, уничтожил их и спас нас от смерти. А теперь помогите нам вернуться на родину!

Жалкий вид был у пленниц. Но, хорошенько приглядевшись, убедился Гильдон, что красота их способна низвергать царства.

Спросил герой у девушек, откуда и кто они. Одна оказалась дочерью «Белого дракона», другая — дочерью Чжао Те.

Тут же собрались все трое и отправились в уезд Ло-чуань. Разыскав «Белого дракона» и рассказав, что произошло с ними, Гильдон представил ему дочь. Родители, увидев свое дитя, которое они считали навек потерянным, радостно кинулись к девушке и залились слезами. И Чжао Те тоже, вновь увидев свою дочь, которую уже было похоронил, был безмерно счастлив.

И вот счастливые отцы держат между собой совет.

Потом созывают на пир всю ближнюю и дальнюю родню и выдают за Гильдона обеих девушек. Первой женой стала дочь «Белого дракона», второй — дочь Чжао Те.

В ту пору Гильдону было уже за двадцать, а он все еще не изведal счастья селезня и утки. И тут вдруг две жены сразу! И женился он счастливо.

Дни текли за днями, но пришла пора подумать и о доме. Забрал Гильдон обеих жен, родню, богатства и отбыл на остров Чедо. Всех осчастливил. Для жен воздвигли палаты, и все зажили на славу.

Как-то раз в полнолуние седьмого месяца стало вдруг Гильдону грустно. Поднял он глаза к звездам и залился слезами. Встревожилась его первая жена, спрашивает, почему печален супруг.

И Гильдон ответил:

— Я самый недостойный из всех сыновей на свете. Сам я не из здешних мест. Родился в стране Чосон, в семье Главы палаты чинов, Хона. Мать моя была служанкой. Отверженный среди людей, я долго страдал и наконец, расставшись с родителями, нашел пристанище здесь. Гадая сейчас по звездам о родителях, я узнал, что отец опасно болен и находится при смерти. А я далеко от родного дома и не смогу уже застать его в живых.

Опечалилась его супруга.

На другой день Гильдон, отправившись в горы и поднявшись на Лунную вершину, выбрал счастливое место погребения. Сразу же закипела работа, и были воздвигнуты усыпальница и надгробие, не уступающие по великолепию государевым.

Затем созвал Гильдон своих людей, велел им снарядить большой корабль, плыть к берегам реки Ханган и там ждать. Сам же, выбрив голову и облачившись в монашеское одеяние, на малом корабле тоже отправился в страну Чосон.

Тем временем старый Хон, в отсутствие Гильдона безмятежно проживший до восьмидесяти лет, занемог, да так, что и не поправился. Перед смертью он позвал супругу и старшего сына:

— Дожил я до восьмидесяти лет и умираю спокойно. Одно лишь тревожит меня: нет вестей от Гильдона, жив он или нет — не знаю. Это не дает мне мирно закрыть глаза. Но если жив, он непременно вернется. А вы его не попрекайте низким рождением. С матерью его прошу быть ласковыми.

С этими словами старый Хон скончался. Все в доме безутешно горевали. Справили пышные поминки, но никак не могли пайти достойного места для могилы, и поэтому все пребывали в странном волнении.

В это время слуги доложили, что у ворот стоит монах, прося разрешения взглянуть на усопшего и выразить соболезнование семье покойного. Странно это всем показалось, но ему разрешили. Монах же вошел и зарыдал. Опять все удивились:

— Господин, кажется, никогда не водил дружбу с монахами. С чего этот монах так убивается?

А монах, обращаясь к Ипхёну, спросил:

— Неужели ты меня не узнаешь?

Тот взгляделся. Да это же Гильдон! Бросился он к брату и залился слезами.

— Бессердечный! Где ты пропадал? Отец поред смертью вспоминал о тебе, говорил, что не может умереть спокойно, не повидавшись с тобой. Как это горько! — И он, взяв Гильдона за руку, повел его к матери и госпоже Лю.

Мать и сын бросились друг к другу и заплакали. Посмотрела внимательнее мать на Гильдона и удивилась:

— Никак ты монахом стал?

И Гильдон ответил:

— Не находя себе места от горя, я сначала стал разбойником. Опасаясь навлечь беду на отца и брата, покинул родину. Потом принял постриг, увлекся геомантией. А узнав, что отец при смерти, приехал домой. Молю, не убивайтесь так, матушка!

Услышав это, мать и госпожа Лю осушили слезы:

— Если ты изучил геомантию, значит, будешь прославлен в Поднебесной. И для захоронения отца ты, конечно, постарайся выбрать достойное место.

Гильдон ответил, что у него уже все готово, но могила выбрана за тысячу ли от дома и добраться до той страны нелегко.

— Я верю в твои таланты и вижу, что ты преданный сын,— обрадовался Инхён.— Было бы счастливым место, кого может заботить дальняя дорога?

— Если старший брат согласен, едем завтра же. Там и гробницу уже возводят, и день похорон назначен. Не надо ни о чем беспокоиться.

Гильдон пригласил с собою мать. Госпожа Лю разрешила, и мать была согласна. Тотчас же все трое, сопровождая покойного, направились к переправе Соган, где их ожидал корабль. Взошли на корабль и тронулись в путь. В безбрежном море дул попутный ветер, и корабль помчался, как стрела.

На подходах к острову их встречали десятки кораблей. Толпы людей поджидали Гильдона на берегу и сопровождали его на всем пути. Это было величественное зрелище.

— Что это значит? — недоумевал Инхён.

Тогда-то и поведал Гильдон обо всем, что произошло с ним в скитаниях.

— Мои поля простираются на тысячи ли, амбары полны зерном, женам некуда девать богатства. Чего же мне еще надо?

Братья поднялись на вершину горы. Величавы и прекрасны стояли вокруг горы. Гильдон повел брата к облюбованному месту. Огляделся Инхён: дивный вид, усыпальница по красоте не уступает государевой.

— Неужели здесь? — почтительно осведомился Инхён.

— Да, не удивляйся, — ответил брат.

Похоронив в назначенный час отца, облаченный в траур Гильдон безутешно горевал. Когда он вернулся с похорон вместе с матерью и Инхёном, им навстречу вышли обе жены и почтительно приветствовали свекровь и деверя. Инхён не мог нарадоваться на брата.

А время шло.

Однажды Гильдон сказал Инхёпу:

— Отца мы схоронили в счастливом месте, и род наш будет процветать. Возвращайся домой и ухаживай за матерью. Ты послужил отцу при жизни, я же буду служить ему после смерти. Наступит день, когда мы снова встретимся. Поторопись, не заставляй свою матьшку томиться ожиданием.

Инхён, поняв справедливость его слов, простился с отцовской могилой. Отдали распоряжение готовиться в дорогу, а через несколько дней Инхён уже был дома и рассказывал своей матери о том, что ему довелось узнать и увидеть у Гильдона. Госпожа Лю не могла надивиться всему услышанному.

Похоронив отца в земле Чедо, Гильдон дни и ночи проводил в заупокойных службах, вызывая этим восхищение людей. Бежало время, миновали три года траура. И снова скликает Гильдон своих молодцов, обучаются они военному искусству, пахут землю, сеют. Проходят годы, и опять у Гильдона отборное войско и амбары, полные зерна.

В те времена неподалеку от Чедо находилась страна Юльдо. На тысячи ли раскинулась она, окруженная стенами, воистину государство за крепкой золотой стеной. Обетованный край! Давно мечтал о ней Гильдон, мечтал быть в ней государем.

Однажды обратился он к своим молодцам с такими словами:

— В пору моих страстий приглянулась мне земля Юльдо, прямо в душу запала. И теперь я хочу испытать судьбу. Великий совершим мы подвиг, если все вы, как один, пойдете за мной.

Выбрали день. Он пришелся на девятую луну года «Капча». Гильдон двинул свое войско на Юльдо, к горе Железной. Правитель здешней округи, Ким Хёнчхун, увидев неизвестно откуда взявшуюся конницу, перепугался. Тотчас отправил он в столицу к государю донесение, а сам повел свои отряды в бой. Но справиться с Гильдоном оказалось ему не под силу, он был разбит, отступил и укрылся за крепостными стенами.

Гильдон в это время держал совет со своими воинами:

— У нас мало еды и корма для коней. Мы ничего не добьемся, если затащим осаду. Нужно хитростью схватить правителя округи, забрать зерно и корм для коней, а затем напасть на столицу. Для этого — полкам укрыться в засадах, а Ма Суку с пятью тысячами воинов делать, что я скажу!

Действуя по приказу Гильдона, Ма Сук повел войска и завязал сражение. Ким Хёнчхун стал его преследовать. Гильдон же, обратившись к Небу, сотворил заклинание. Тотчас же появились со своим воинством владыки пяти стран света: с востока — зеленый, с юга — красный, с запада — белый, с севера — черный. В середине сражался сам Гильдон в золотом шлеме и с мечом

в руке. В упорном бою он зарубил коня Ким Хёньчуна и сбросил его самого на землю.

— Сдавайся, если не хочешь умереть!

— Я в твоих руках, пощади! — взмолился тот.

Увидев своего противника поверженным, Гильдон помиловал его. Затем, наказав оборонять крепость, двинул свои войска к столице, а государю Юльдо направил послание:

«Предводитель Воинства справедливости Хон Гильдон шлет грамоту государю Юльдо. Известно, что государи правят не по воле людей, а по воле Неба. Чэн Тан покарал Цзэ, а У-ван сверг Чжоу. Предначертания Неба осуществляются сами собой. Я, встав во главе войска, поверг крепость на горе Железной. Передо мной все трепещет, все сдаются, едва слышав обо мне. Хочешь восвать — воюй, а нет — сдавайся».

Государь прочел и упал духом: «Гора Железная была оплотом нашего государства, а теперь на ней враг». Он покончил с собой, а с ним — государыня и наследник.

Гильдон же вступил в столицу, успокоил жителей и приказал резать быков и баранов для угощения воинов.

И вот Гильдон взошел на престол. Это случилось девятого числа в первую луну года «Ыльчхук». Верные его сподвижники получили должности. Ма Сук был назначен левым министром, а Ким Джи — правым министром. Прочие тоже не были обижены. Чхве Чхоль стал государевым ревизором и поехал осматривать триста девяносто округов земли Юльдо. Чиновники с почтением относились к новому государю, простой народ благоговел перед ним.

Обеим женам Гильдона были пожалованы звания государынь, отцу его посмертно присвоили имя Хёндоквана — «Мудрого и добродетельного государя». Мать Гильдона стали величать государыней, отцов двух жен Гильдона именовали отныне тестями государя. Каждому из них пожаловали по дворцу. Гробница отца Гильдона именовалась усыпальницей государя, и там постоянно приносились жертвы его духу. Госпожа Лю получила звание вдовствующей государыни. Великой государыне и вдовствующей государыне Гильдон направил паредворцев и телохранителей.

Прошло три года с того дня, как Гильдон сделался государем страны Юльдо.

Вокруг царили мир и спокойствие, и добродетели государя можно было сравнить с добродетелями Чэн Тана.

Однажды на большом пиру, потчует свою мать, Гильдон вспомнил прошлое и вздохнул: «Если бы я тогда, дома, погиб от руки наемного убийцы, разве дожили бы мы до этих дней?» И слезы полились на его одежды. Мать и обе государыни опечалились.

Прервав беседу, Гильдон позвал «Белого дракона» и сказал:

— То, что сейчас на троне в Юльдо я, кореец, — воля случая. Государь моей родины даровал мне тысячу соков риса. Милость его можно сравнить лишь с обилием воды в морях и реках. Об этой милости я буду помнить вечно. Я хочу послать вас, чтобы отблагодарить его. Не жалейте же своих трудов. Да будет вам дальняя дорога легкой.

Гильдон тут же сочинил послание государю, а заодно и письмо семейству Хонов и оба вручил тестю. Погрузив на корабль зерно, тот отбыл в сопровождении свиты.

С тех пор как государь пожаловал зерно Гильдону, миновало лет десять, а о нем не было ни служу ни духу. И государь не переставал этому дивиться.

Но вот однажды государю доставили послание от правителя Юльдо. С изумлением распечатал его государь и прочел следующее:

«Бывший Глава военной палаты, ныне правитель страны Юльдо, Ваш верный подданный Хон Гильдон сто раз бьет челом государю Чосон.

Низкое происхождение всю жизнь угнетало меня. Я нарушал Ваш покой, как плохой подданный, отцу был недостойным сыном, из-за меня он болел. Но Вы меня простили, дали должность и пожаловали тысячу соков риса. Раньше я не имел возможности Вас отблагодарить. Скитаясь по свету, собрал я войско, пришел в страну Юльдо и завоевал ее. А ныне, недостойный, там воцарился. Вечно признательный за Вашу милость, возвращаю Вам зерно. Прошу простить мне мои прегрешения. Желаю Вам здоровья и счастья на многие годы».

Государь прочел послание и подивился. Тотчас велел позвать Инхёна и показал ему послание правителя Юльдо, сказав, что такое редко можно услышать. К тому времени Инхён преуспел по службе, став помощником главы одной из палат. Он только что прочел письмо, которое Гильдон направил дому Хонов, был потрясен, а теперь ему пришлось удивиться еще больше. И он тут же обратился к государю с просьбой:

— Гильдон — мой сводный брат. Отправившись в другое государство, он стал там знатным человеком. Но все это случилось только благодаря вашей милости. Хоть это и не упоминается в послании, прах нашего отца

покоится в земле, соседней с Юльдо. Снизойдите к моей просьбе, разрешите мне провести год у могилы моего отца.

Государь дал свое согласие и отпустил Инхёна в страну Юльдо.

Вернувшись домой к матери, поведал Инхён о своей беседе с государем.

— Я прочитала письмо Гильдона. Он выражает желание, чтобы я тоже поехала с тобой. И я поеду.

Сыну так и не удалось ее отговорить, и они вместе отправились в путь. Через три месяца они подплыли к острову Чедо. Сам государь со своею свитой в сопровождении обеих государынь вышел им навстречу. Это было торжественное зрелище.

Шло время. Госпожа Лю заболела, и никакие лекарства ей уже не помогали. Однажды госпожа произнесла со вздохом:

— Горько умирать на чужбине, но меня утешает то, что я побывала на могиле мужа.

С этими словами она скончалась. Братья похоронили ее в усыпальнице, рядом с ее супругом. А несколько месяцев спустя Инхён сказал брату:

— Прошли месяцы с тех пор, как я сюда приехал. Нас постигло большое горе — смерть матушки. Подходит время мне возвращаться обратно. Как ни жаль, придется расставаться. Будь счастлив.

Распрощались братья, и через несколько дней Инхён уже был дома. Он доложил государю о своей поездке. Государь, сочувствуя горю Инхёна, разрешил приступить к службе по истечении трех лет траура.

А у государя Юльдо, только он проводил брата, тоже заболела и скончалась мать. Государь и обе государыни были убиты горем. Ее похоронили со всеми почестями в усыпальнице и три года носили по ней траур.

Правление Гильдона можно было сравнить с правлением Яо и Шуня, о которых поется в песне, сложенной игроком в жан.

У государя родились три сына и две дочери. Старшего звали Хён, он родился от старшей жены. Среднего звали Чхан, а младшего — Ёль. Оба родились от второй жены. Обе дочери родились от придворных дам. Дети во всем походили на родителей. Сыновья были талантливы и благородны, дочери — скромны и чисты. Старший сын был провозглашен наследником престола, младшие — принцами. Общим девушкам выбрали достойных мужей.

Гильдона вполне можно было сравнить с Го из Фэнъяна.

Тридцать лет прошло с начала воцарения Гильдона, ему уже исполнилось семьдесят лет. Однажды вместе с женами он наслаждался стихами и музыкой в Тереме вечного блаженства.

— Жизнь, если вдуматься, — говорил Гильдон, — подобна капельке росы на кончике травинки. Проживи сто лет, и все равно она — что облако, плывущее по небу. Для знатного и подлого равно приходит свой час. Прошлое не воротить. Молодость словно вчера была, откуда же взялись седые волосы?

Вдруг опустилось пятицветное облако и заволокло весь дворец. Перед ними предстал старец с дягилевым посохом, в шляпе и одеянии из перьев журавля.

— Ты покончил с мирскими заботами? Нам пора!

И тут же государь и обе государыни исчезли. Трое сыновей и придворные, видевшие это, предались отчаянию и горько зарыдали. Три пустых гроба поставили в гробнице, назвав ее Усыпальницей совершенномудрого. Наследник вступил на престол. Тысячи подданных славили его, провозглашали многие лета. Во все уезды

были разосланы манифесты о снижении налогов на десять лет. Народ славил нового государя, а он ревностно справлял заупокойные службы по отцу и правил на редкость мудро.

Народ благоговел пред ним. Один за другим шли урожайные годы. И люди пели песню, сложенную когда-то игроком в жан.

Минуло несколько лет, и у нового государя появилось трое сыновей. Все они были щедро одарены талантами и из поколения в поколение счастливо правили государством.

Вот какие дивные дела бывают на свете!

*Что приключилось
однажды с зайцем*

Четыре больших моря есть в Поднебесной: Восточное и Западное, Южное и Северное. И в каждом из четырех морей — свой государь-дракон. В Восточном море — Гуанъюань-ван, в Южном море — Гуанли-ван, в Западном море — Гуандэ-ван, в Северном море — Гуанцзэ-ван.

Из четырех государей четырех морей бессмертны трое. Смертен лишь правитель Южного моря Гуанли-ван. Случилось так, что он заболел. Не помогали государю-дракону сто лекарств, и он уже едва дышал. И тогда государь созвал всех своих подданных и сказал:

— Как все прискорбно! Если я, недостойный, умру, в глухих горах Бэйманшань «мои белые кости станут прахом», а нынешние почести и слава, счастье и богатство воистину окажутся тщетой мирскою.

Ведь было же и до меня, что самому императору Цинь Ши-хуану, объединившему шесть царств, понадобилась трава бессмертия с Трех священных гор, и он послал за ней пять сотен юношей и девушек. Да только с тех пор о них никто ничего не слышал.

А ханьский император У-ди, грозно потрясавший Поднебесную, он ведь тоже, желая достичь бессмертия, воздвиг Террасу с балками из кипариса и на ней в особую чашу собирал чудесную росу.

И что же? Рассветная луна над горой Лишань — свидетель погребения Цинь Ши-хуана, и осенний ветер, веющий над могилой У-ди в Маолине, говорят о том, что даже от великих государей остается пригоршня праха. А если так, чего же мне ждать, ничтожному правителю?

Ведь мне придется навек оставить престол, который в нашем роду передается из поколения в поколение, и распрощаться с жизнью. Знаменитого лекаря, что ли, попытаться найти, начать внимательно следить за пульсом и принимать лекарства?

И тут же государь-дракон распорядился:

— Ввиду того, что болезнь моя стала так опасна, вы, подданные, докажите свою преданность, найдите прославленного лекаря и верните меня к жизни. И тогда мы возрадуемся вместе.

Тут выступил вперед один из приближенных:

— Слышал я, в землях У и Чу знамениты три великих мужа: первый советник Фань из царства Юэ, посланник Чжан из царства Цзинь и достойный ученый Лу из империи Тан. Не лучше ли будет призвать всех троих и с ними посоветоваться?

И все увидели: то был старый тысячелетний карп, издревле преданно служивший государю.

Государь-дракон внял его словам, распорядился приготовить подарки и пригласить троих великих мужей. Несколько дней спустя, когда все было готово, он принимал гостей в Хрустальном дворце. Восседая на яшмовом троне, он обратился к ним с такими словами:

— Вы, почтенные, «не сочтя тысячу ли за большое расстояние», ради меня удостоили своим посещением наше захолустье. Как же мне благодарить вас!

Трое великих почтительно ответили:

— Жизнь в мире суеты бессмысленна. Поэтому мы распростились с синими облаками и багряной пылью и, послушные велению сердца, блуждали по дивным тихим уголкам уделов У и Чу. Так проходили понапрасну безжалостные годы. Нежданным было ваше повеленье, государь, и вот мы осмелились предстать пред вами и трепещем.

Государь-дракон, радуясь речам гостей, промолвил:

— Судьба моя несчастна: я занемог. Годами точит болезнь мои кости, без счета съедено и выпито лекарств, а пользы ни на волос. Как в живых остаться? Если бы вы, оказав великую милость, вернули меня к жизни! За такое благодеяние, великое, как Небо, мне не воздать вам и тысячной доли.

Трое великих выслушали и, помолчав, сказали:

— Известно, что вино — отравы, от которой недолго помутиться человеческому разуму, а увлечение женщинами — верный способ сократить дни жизни. И сейчас, великий государь, вы расплачиваетесь за то, что слишком увлекались вином и женщинами. Расплата наступила сама собой, и винить тут некого. Хотя и говорится, что вино и женщины — обычные забавы в молодые годы, недуг, приобретенный именно тогда, не вылечишь, зови хоть Хуа То или Бянь Цяо. Траву небожителей и траву бессмертия ешь охапками — все без толку, глотай хоть день и ночь жэньшэнь и панты — конец один. Будь ты богат, сокровищами не откупиться от болезни, а если ты сильнее всех — все равно силой ей пути не преградишь. Как ни раскидывай умом, к несчастью для

государства, жизнь ваша подошла к концу и повлиять на ход болезни невозможно.

— Как это горько! — расстроился государь-дракон. — Если я покину этот мир и похоронят меня в тихом уголке среди гор и рек, обратно уже не вернуться. И тогда я больше не увижу, как цветут персики и сливы в разгар весны, пышно зеленеют ароматные травы в конце весны и начале лета, как с наступлением осени краснеют клены и распускаются желтые хризантемы, как зимой среди снега расцветает дикая слива. А к тому же тридцать тысяч придворных красавиц с бровями-бабочками бросить, словно стоптанный башмак, и сделаться гостем загробного мира! О, это уж слишком!

Но как бы ни было, вы, почтешные отцы, прибегнув к вашим необыкновенным познаниям, назовите мне лекарство. Пусть не поможет оно и я все равно умру, но будет мне не так горько.

И слезы дождем полились из его очей.

Трое великих выслушали слова дракона и с легкой улыбкой ответили:

— Проявления вашей болезни, государь, необычны. Вообще же от каждой хвори есть свое средство. И если уж об этом говорить, то знайте, что при брюшном тифе пьют настойку володушки, от малярии дают «лекарство, умеряющее мужскую силу и укрепляющее дух», при сильном жаре употребляют настойку из корней конопли и пуэрарии, при упадке сил помогает «настойка из шести снадобий»; при несварении желудка принимают желудочные капли, от ломоты в ногах исцеляет отвар из коленных чашечек вола, больным глазам полезна «настойка, очищающая печень и просветляющая зрение», от нервного расстройства избавляют порошки изладышна. И ни одно из названных лекарств не подойдет вам, государь. Но есть одно чудодейственное средство:

печень живого зайца. Если ее отведать еще теплой, можно исцелиться.

— Почему, вы говорите, мне должна помочь печень живого зайца? — спросил государь-дракон.

И трое великих ответили:

— Заяц — живая тварь, в которой от сотворения Земли и Неба гармонично соединены светлое и темное начала Ян и Ипъ. Существует закон: недуг исцеляется, когда пять элементов взаимно возникают друг из друга или взаимно друг друга побеждают. Горы — светлое начало, реки — темное начало. То, что именуется печенью, находится посередине, и к тому же соотносится со стихией дорева. Поэтому как только вы, государь, отведаете печени живого зайца, светлое и темное начала друг с другом соединятся и наступит исцеление.

Сказав так, они простились с государем-драконом:

— У нас уговор с друзьями зеленых рек и гор встретиться в персиковых садах Улина. Поэтому на душе у нас беспокойно, и мы спешно прощаемся. Просим об одном, великий государь, берегите свою драгоценную особу.

С этими словами они спустились со ступеней и, направившись к горе Белых облаков, вдруг исчезли без следа.

Между тем государь-дракон, проводив гостей, созвал весь двор и обратился к подданным:

— Ни одно лекарство мой недуг не исцеляет. Говорят, только печень живого зайца способна мне помочь. Кто из вас отважится, отправясь в мир людей, живьем доставить зайца?

— Я, бесталанный, берусь исполнить волю государя, — сказал кто-то из придворных.

Все увидели: то был старый тысячелетний осьминог с головой, похожей на кисет, и восемью хвостами.

— Мне ваше мужество давно известно,— обрадовался дракон.— Вас ожидает щедрая награда, если вы доставите живого зайца.

Уже собирались осьминогу пожаловать чин полководца с почетным званием «Просвещенный, отмеченный удачей», как выскочил один придворный и громогласно начал поносить осьминога:

— Говорят, что ты велик и даже важен, но молвить слова ты не умеешь и разумом ты не горазд. Тебе ль болтать о подвигах! Да тебя люди сразу схватят, раскромсают на куски, вырежут цветочки слив и хризантем. На свадебном пиру или на пиру в честь шестидесятилетия хозяина, на праздничных столах, в мисках для рыбных яств ты будешь красоваться. Иль на столах у красавиц и благородных юношей во время пира, или быть может, в знатном доме тобой украсят стол для дорогих гостей. А то детишкам на забаву от тебя пойдут кусочки, а может быть, придешься на закуску гулякам-стражникам. И ты ничуть не грозен и не страшен! Вот если б я отправился, я б проявил себя, как Чжугэ Лян, семь раз пленивший и семь раз отпустивший Мэн Хо. Я бы хитростью такой, что «войду богом, чертом выйду», поймал бы зайца. Это для меня так же просто, как повернуть ладонь!

Так говорила древняя тысячелетняя черепаха по прозвищу «Архивариус».

Осьминог, услышав черепашины речи, распалился гневом: глазами засверкал, щупальцами зашевелил, бурой башкой затряс и заревел громоподобным голосом:

— Эй ты, глупец «Архивариус»! Послушай, что я тебе скажу! Младенцу ли в пеленках презрительно взирать на взрослых! Ты подобна щенку, еще не выдавшему тигра! Да если перечесать твои грехи, Тайшань горой казаться перестанет и обмелеют реки и моря! А разгля-

дишь тебя — со смеху лопнуть можно! Со всех сторон ты плоская, точно деревянное блюдо. Ты слишком мала, чтобы служить вместилищем благородного ума! Стоит людям тебя увидеть, как вцепятся они в тебя обеими руками, бросят в кипяток и сварят. Черепаховый бульон отменно вкусен! Отведдают его дети знатных. Каким же это образом ты рассчитываешь избежать смерти?!

А черепаха ему в ответ:

— Ты — лягушка в колоде! Где уж тебе понять! Смелость У Цзы-сюя — и та перед сверканием меча померкла, а отважный чуский правитель потерпел поражение в битве под Гайся. Равняться ли твоей дурацкой храбрости с моею мудростью! Послушай лучше, что я расскажу о своих талантах! Но глубоким и бескрайним лазурным водам я, словно облако по небу, словно листок, гонимый ветром, поколыхаюсь на волнах и выплыву. Когда я, поджав лапы, втянув в панцирь шею, попадусь кому-нибудь под ноги, круглая, как арбуз, чуть плоская, как крышка от котла, не узнают меня ни мальчишки-дровосеки, ни старцы-рыбаки. Я высока, как Тайшань, я ровна, как каменная плита! Тайком, меняя бесконечно облик, я разыщу зайца и придумаю, как его поймать. Я перехитрю его, как Ли Цзо-чэ перехитрил чуского правителя. Только я способна поймать его, а тебе нет расчета тягаться со мною, хитроумной!

Как услышал это осьминог — а здесь каждое слово было правдой, — с досады почесал затылок и удалился, плавно раскачиваясь.

Дракон же взял черепаху за руку и поднес ей чашу вина:

— Ваш разум и красноречие удивительны! Когда вернетесь, совершив свой подвиг, знатность и богатство, почести и слава станут уделом вашего рода.

— Я, смиренная ваша раба, весь век прожила в го-

сударевом дворце. Заяц живет в горах, и мне не пришлось его видеть. Не лучше ли будет, государь, велеть живописцам нарисовать его портрет? — попросила черепаха.

Дракон счел разумными слова черепахи и отдал приказ художникам нарисовать портрет зайца. И вот собрались художники. Уселись они вокруг несравненного портретиста Мао Янь-шоу, бесподобного пейзажиста У Дао-цзы и Ли Сы-сюня, прославившегося искусным изображением драконов, и приготовились рисовать зайца.

Принесли четыре сокровища кабинета ученого. Взгляните на тушечницы! Тут и тушечница из черепахи, живущей на золотом песке у осенних вод, и тушечница в виде дракона из нампхоского лазурного камня, тушечница из монастыря Махаёпса, что в Алмазных горах, тушечница цвета алого персика. А вот лучшие сорта туши: «тушь певцов ветра и луны», «тушь из лotosового зала», тушь «месяц зимнего цветения сливы в горах Шоуяншань», тушь «отрыжка дракона».

А кисти! Кисть из шерсти ласки, из овечьей шерсти, кисть стилиста Цзян Яня для литературных трудов, кисть историка Бань Гу для исторических хроник, кисть, которой пишут иероглифы для печатей, колонковая кисть.

А сколько сортов бумаги! Бумага «белый хлопок», «снежный цветок», толстая и плотная бумага, бумага «бамбук зеленеет» из Чонджу, бумага «всер» из Сунчхана, бумага для писем из Чхонпхуна, китайская в свитках, из Чолладо в свитках, бумага для стихов и писем, бумага для книг и карт, бумага Се Тао и «яшмовая дощечка для письма». И все это разложено вокруг.

А как хороши краски различных оттенков! Вот малиновая из сафлора, вот китайские — красная и молочно-

зеленая, а вот бледно-зеленая, темно-зеленая, ярко-зеленая, изумрудно-зеленая, краски из камня «петуший гребень», апельсиновая и желтая. А вот и киноварь! А тут порошок цвета персика, порошок, разведенный в воде, листы золота и серебра, ивовый уголь.

Художники, собравшись в круг, сообща рисуют портрет зайца. Рисуют глаза, любующиеся дивными красотою Поднебесной; рисуют уши, внимающие пенью попугаев и кукушек; рисуют рот, поедающий орхидеи, ароматные цветы и травы; рисуют шерсть, защищающую зимой от студеного ветра; рисуют ноги, обгоняющие средь облаков десять тысяч журавлей и тысячу грифов; два глаза пныряют туда-сюда, передние лапы коротковаты, задние — длинноваты, уши насторожены, — живой заяц, да и только!

Государь-дракон посмотрел, остался очень доволен, одарил художников золотом и шелком, а портрет вручил черспахе. Затем, трижды наполнив яшмовую чашу до краев вином, опьяняющим на тысячу дней, поднес черспахе с такими словами:

— Я отправляю вас в дальний путь и не могу сдержать глубоких чувств к верному подданному. Превозмогая боль, я напишу на прощание стихи, и они расскажут вам о моих думах.

Тут дракон начертал высочайшей кистью на свитке шелка стихотворение, в котором говорилось:

Вы нынче в путь из-за меня
торопитесь чуть свет.

Весною пышен у ручья
подсолнечников цвет.

Ведет за реки дальний путь,
белеют облака,—

Лекарство привезите мне,
чтоб жил я много лет!¹

---

¹ Здесь и далее стихи в переводе Ю. Кроля.

Черепаша благоговейно приняла высочайшее сочинение, отвесила поклон и тотчас же на те же рифмы сочинила стихи и поднесла их своему государю. Там говорилось:

В дорогу царь велит послу
отправиться чуть свет.
Часы ночные истекли,
уже встает рассвет.
Я размышляю без конца
о будущем пути —
Ведь без лекарства для меня
назад возврата нет.

Дракон принял стихи, лик его озарился радостью, и он похвалил черепаху:

— Ваша беззаветная преданность выделяет вас среди прочих подданных. Я могу быть спокоен: вы непременно поймаете хитрого зайца.

Затем он дал прочесть стихи приближенным. Те восхищенно расхваливали сочинение черепахи.

И вот черепаха простилась со своим государем. Всячески старалась она примостить на спине портрет зайца, но сообразила, что он может размокнуть. Тогда она вытянула что есть мочи свою сморщенную шею и спрятала портрет под панцирь. Ну вот, так спокойнее!

Вернулся «Архивариус» домой, простился с женой и детьми. Жена, заливаясь слезами, умоляла мужа:

— Мир людей опасен, будьте осторожны! Желаю вам свершить подвиг и благополучно возвратиться. Желаю радостной встречи и долгих лет жизни!

Муж успокаивал:

— Долгая жизнь и ранняя смерть, добро и зло — все это во власти Неба и не зависит от нашего желания. Пока я странствую, ухаживай за престарелыми родителями, следи за малышами и обо мне не беспокойся.

Черепаша снарядилась в дорогу. Над бездонной глу-

биной, по бескрайним синим волнам барахтается, плывет черепаха: то ее ветром отнесет, то волной отбросит, а она плывет себе и плывет, загребая лапами. И попала она в горы.

А была в самом разгаре весна, когда деревья, травы и все живое радуется жизни. Источает аромат буйный цвет рододендронов, тут и там в весеннем восторге парами порхают бабочки, склоняются над ручьями зеленые ивы. Золотая иволга приятным щебетанием зовет дружка, радуясь сиянию весны. Журавли, спящие среди цветов, взлетают, испугавшись шороха шагов. Перекликаются кукушки среди ветвей. Сказочная красота! Сяосянский гусь кричит на прощанье: «Улетаю!» Ласточка из Цзянпани щебечет: «Прилетела!» В таволге распевает соловей. Среди лианов шмель жужжит. Заливается птичка «колокольчик». Кукуют кукушки, каркают вороны, воркуют голуби. Это ли не дивная красота!

Тысячи гор и десятки тысяч пиков словно окутаны блестящей красной пеленой, а на ручьях как будто белый шелк разостлан. Здесь сосны и зеленые бамбуки — вековая низменность, цвет персиков и абрикосов — мимолетная весна. Уступами вздымаются причудливые скалы, водопадами меж гор звенят потоки, вобравшие в себя ключи из всех расщелин. Поистине прекрасна бесконечная причудливость природы!

Черепаха, наслаждаясь окружавшей ее красотой, поднималась вверх по ручью. Проглядела все глаза, разыскивая заячьи следы. Видит: пробегали здесь белка, косуля и олень, шакал и волк, медведь, кабан, енот и еж, тигр, лев и обезьяна, слон и барсук с лисой. Но среди многочисленных следов не видно заячьих. Вытянув сморщенную шею, озирается по сторонам черепаха. А сзади между тем она заметила какого-то зверя. Зверь

на картинке и зверь живой — одно и то же! Ну конечно, это он! Обрадовалась черепаха и, чтобы получше узнать повадки зайца, стала наблюдать за ним. Вот он выискивает травку, пощипывает молодые побеги акаций. Меж высоких круч и скалистых обрывов скачет, вертится колесом.

И черепаха учтиво обратилась к нему:

— Повезло же вам: живете высоко в горах. Не вы ли будете господин заяц? Я вижу, вы герой средь гор! Повсюду я ищу себе подходящего друга и вот сегодня встретила вас. Я бесконечно рада приветствовать господина зайца. Вам не придется жалеть, если согласитесь дружить со мной.

Заяц выслушал ее и в изысканных выражениях заговорил:

— Кто ты, ищущий меня? Горы высоки, ущелья глубоки, и в этих дивных местах ты меня ищешь. Кто же ты?

Как Бо-и и Шу-ци в горах Шоуяншань искали папоротник, — так ли меня ты ищешь?

Как Сюй-ю омыл уши водами реки Инчуань, — так ли меня ты ищешь?

Как Янь Цзы-лин пахал в горах Фучунышань, — так ли меня ты ищешь?

Как Цзе Цзы-туй в горящем ковыле в горах далеких остался, — так ли меня ты ищешь?

Как сановник ханьского государя Чжан Цзы-фан на свирели играл, — так ли меня ты ищешь?

Как четверо друзей — шаншаньских старцев — играли в шашки, — так ли меня ты ищешь?

Как Цюй Юань, бросившись в воды Мило, молил о спасении, — так ли меня ты ищешь?

Как царь поэтов Ли Бо сочинял стихи, — так ли меня ты ищешь?

Как Лю Лин в своих стихах прославлял вино, — так ли меня ты ищешь?

Как мудрецы из Ляньси, Лояба, Гуаньчжуна и Миньчжуна воспевали ветер и луну, — так ли меня ты ищешь?

Как Будда проповедовал свое учение, — так ли меня ты ищешь?

Как Ань Ци-шэп и Чи Сун-цзы нашли эликсир бессмертия, — так ли меня ты ищешь?

Как мудрый Чжугэ, живя в бедной хижине в Нань-яне, сон разгадал, — так ли меня ты ищешь?

Как Лю Бэй встретился с друзьями в персиковом саду, — так ли меня ты ищешь?

Как Су Дун-по плыл на лодке по реке под Красной стеной, — так ли меня ты ищешь?

Как Оуян Сю, называвший себя хмельным старцем, устраивал пирушки, — так ли меня ты ищешь?

Так кто же ты?

Заяц, наострив оба уха, переступил четырьмя лапами и осторожно приблизился. Смотрит, перед ним какое-то круглое, темное, плоское существо. Ему оно не показалось опасным, но все-таки он выжидал. Черепаха же тем временем пригласила зайца подойти поближе. И тогда, решив, будь что будет, заяц подошел совсем близко. Они раскланялись, уселись и для первого знакомства взяли китайские трубки с мундштуками из серебра, набитые лучшими сортами табака: «заморской травой», «травой из Пхеньяна», «травой с Алмазных гор», затем — трубки с янтарными и яшмовыми мундштуками. Потом отложили трубки и принялись за желуди и листочки акации.

Первой заговорила черепаха:

— Я много слышала о славном господине зайце и мечтала взглянуть на него хоть раз. Сегодня наконец я

удостоилась высокой чести. И почему это произошло так поздно?

— Я побывал всюду и свет повидал, но такое пугало встречаю в первый раз. Ты что, проламывала глинобитную ограду и потеряла голени? Оттого лапы у тебя так коротки? Быть может, сановника при встрече оскорбила и тебя за чуб так трепали, что шея вытянулась? А может, ты в комнату кисэн захаживала, и там гуляки так тебя ногами потоптали, что спина стала плоской? А оглядеть тебя со всех сторон — ну чем не плошка деревянная? Но как же все-таки тебя величают? Все, что наговорил я тебе,— шутка. Не сердись на меня!

У черепахи от таких речей сердце заиграло, но она сдержала свою радость, вспомнив, за чем пришла, и ответила так:

— Зовут меня черепахой, а по прозвищу — «Архивариус». Спина широковата, зато по воде плаваю и не тону. Лапы коротковаты, зато по земле хожу и не падаю. Шея длинновата — дальше увидишь. Я круглой родилась и круглой живу на свете. Потому я — герой среди вод, старшая над водяными животными, выше всех чиновников: военных и гражданских.

— Я много повидал на своем веку, — сказал заяц, — но такую выдающуюся личность встречаю впервые.

— Сколько же вам лет минуло, что ваше прошлое так богато? — полюбопытствовала черепаха.

— Я не помню точно, сколько раз мне минуло по шестьдесят. В дни юности я в Лунном дворце под коричневым деревом толк снадобье в ступе. Супруга стрелка И при мне приходила за эликсиром бессмертия. Дунфан Шо, которому минуло сто восемьдесят тысяч лет, — мой ученик. Если сравнить со мной Пэн Цэу, прожившего восемь сотен лет, — он попросту младенец. Ну, а тебе, по-видимому, я и вовсе гожусь в отцы.

На это черепаха возразила:

— Такими речами вы превозносите себя как Сына Неба. Если бегло перечесть мои прошлые дела — а вы о них наверняка ничего не знаете, — вы очень удивитесь. В тот день, когда родился Пань-гу, я подносила роженице суп из морской травы. А когда на престол вступил Тянь-хуан, я подавала гостям рыбу. Тот знаменитый день, когда Ди-хуан и Жэнь-хуан разделили землю на девять уделов, я помню так же, как вчерашний. Постройка Ю-чае жилья из веток и приготовление Суй-жэнем пищи на огне проходили при моем участии. Государь Фу-си со мною вместе разгадал начертанные на спине чудовища лунма восемь триграмм. Когда Гун-гун во время битвы с Чжу-юном сломал небесную опору, я растопила пятицветную скалу и Нюй-ва залатала ею небо. Когда Шэнь-нун создавал земледельческие орудия и, перепробовав все травы, приготовил из них лекарства, я помогала ему. Когда Хуан-ди строил лодки, я была плотником. А когда он близ Чжолу с Чи-ю сражался, то по моему совету нанес неожиданный удар и схватил Чи-ю. Я указала способ обрести престол Цзинь-тяню и подсказала, как править государством Чжуань-сюю. Я своими ушами слышала, как Гао-синь при рождении назвал свое имя. Песни, звучавшие на улицах при императоре Яо, до сих пор услаждают мой слух, а песней императора Шуня — «Южный ветер» я будто вчера наслаждалась! Когда император Юй справился с наводнениями, которые были девять лет подряд, я прославляла его добродетель созидания. Моление в тутовой роще о дожде при государе Тане, правление чжуских государей Чжоу, Вэнь-вана и У-вана, церемонии и музыка в их царстве, приведенные в порядок и прославленные в веках благодаря стараниям Чжоу-гуна, — тоже было словно вчера. Вот только не могла я спасти

Цюй Юаня, погибшего в реке Мило, так как в это время я совершала путешествие к Западному морю. Об этом я сожалею до сих пор. Выходит, если поразмыслить, я намного старше вас и гожусь вам в дедушки. Не правда ли? Но как бы то ни было, довольно присказок. Давайте поговорим о том, какие чудеса бывают на белом свете.

— Расскажи я о людских делах,— промолвил заяц,— ты от удивления тотчас напустишь лужу и, такая плоская и круглая, поплывешь по ней, точно лодка.

— Довольно похвалиться, рассказывайте! — перебила черепаха.

И заяц начал:

— В наших краях, где прекрасны Три горы, пики словно лезвия мечей пронзают небеса. А если оставить горы и обратиться к водам, мы увидим, что впереди — «вешние воды наполнили озера». Позади же — «летние облака неисчислимы на причудливых вершинах».

Под горой расчистишь местечко и построишь крохотную хижину, крытую травой. «На одной половине хозяин — прохладный ветер, на другой — светлая луна». На земляных ступенях плащ и шляпа от дождя так опрятны и чисты. Нигде таких не сыщешь! Журавли курлыкают, в поднебесье фениксы парят. В горах выкопаешь целебную траву, в речке наловишь рыбы. Не блаженство ли?

В синем небе безмятежна ясная луна. И ты, один среди горных вершин и ущелий, затворяешь калитку. Тучки вольные здесь любят свои тени. Эти дивные красоты не имеют себе равных. И ты, подобно тучкам, чужд суете мирской. Кто здесь тебя разыщет?

Минуют холода, и снова потеплеет. Так я угадываю, когда какая наступает пора. Уходят дни, проходят месяцы. Я потерял счет времени.

Там, в глуши, где синие реки и зеленые горы, рос-

кошны цветы и густы ароматные травы. Фениксы и павлины перекликаются друг с другом, ведут беседы. Вот это Кленовые скалы. Попугаи, кукушки, иволги наперебой щебечут, заливаются. И в той долине и в другой раздается пение. На закате под хмельком любуешься дивными пейзажами. На вершинах Куньлунь, раздвигнув белые тучки, смотришь вниз. Вот гора Тайшань — зеленый дракон, Хуашань — белый тигр, Хэншань — черная черепаха, еще одна Хэншань — красный феникс. Реки Сяо, Сян и озеро Пынли мне служат платьем, а реки Хуанхэ и Янцзыцзян — поясом. Красоты реки под Краспой стеной воспеваю в стихах. Сиянием месяца в горах Эмэй, хмельной, наслаждаюсь. Лекарственные травы на Трех горах священных рву, сколько захочу. Омывшись в водах озера Дунтинху, возвращаюсь в горы. Крутые горы — мне дом родной. Опавшие цветы — моя постель, и я, блаженствуя, вкушаю покой. Меж деревьев ясная луна — мой близкий друг. Шелест ветра в соснах — приглушенное звучанье комунго. На каменное изголовье приклоняю голову и забываюсь. Только бы не разбудило меня журавлиное курлыканье, допосыщаеся бог весть откуда! Много ли, мало ли времени пройдет, я проснусь и по тропинке каменистой, на посох опираясь, поднимаюсь на Ханьшань. Брожу, где вздувается. Белые облака тянутся на тысячу, на десять тысяч ли. На речках — яркий свет луны. Вокруг громоздятся горы. Ну прямо «Три горы наполовину обрушились у края синего неба. Воды струятся, реку на две разделила Отмель белых цапель». И я, блаженный, обитаю средь этих гор и рек. Да предложи мне высший чин, разве я променяю на него эту красоту?!

Я поднимаюсь на пригорок с восточной стороны. Веет ветерок, и я бесконечно наслаждаюсь прохладой. А то склоняюсь над рекой и сочиняю стихи. Так и не прохо-

дит мой восторг. «Луна из утунов светит прямо мне в душу. Ветер из-за ив овекает мое лицо». Чем не друзья мне прохладный ветер и ясная луна?! Живу я без недугов, как подданный Фу-си, живу отшельником в дивном краю и наслаждаюсь видами гор и рек сколько душе угодно. Кто меня осудит?

Пышно расцвели персики и сливы, ивы склонили зеленые ветви. На берегах речек красавицы со всего света белее стирают, плавно взмахивая крохотными яшмовыми ручками. Бывает, зачерпнут воды ладошкой и, пугливо озираясь, моют груди, похожие на тушечницы. Мне эти девушки напоминают лотосы в Яшмовом пруду.

А как глубоки тени и ароматны травы в день Тано. Красавицы в зеленых платьях и красных юбках качаются на качелях. А это так напоминает происходившее у башни Квайхаллу!

Мне, обитателю прекрасных гор и рек, доставляет самое огромное блаженство любоваться этими несравненными красавицами.

Черенаха рассмеялась:

— Вот смешно! Ха-ха! Ваши речи — пустая похвальба. Кто станет слушать эту болтовню! В вашей жизни вас подстерегает восемь неприятностей. Слушайте-ка лучше обоими ушами!

В лютые морозы среди зимы всю землю запорошит белым снегом. Крутые пики и утесы покроются льдом, а множество ущелий тоже заполнятся снегом. Где вы будете бегать? Это первое.

Ветер северный нагонит стужу, по каменным расщелинам тогда уж не ищите, чем поживиться. Дрожать вам, облизывая нос! Тут поневоле запоешь о злосчастной судьбе. И это второе!

Но вот весенний ветер принес тепло. Травки или

цветочков вы только что поели и возвращаетесь обратно в горы. Как вдруг орел, поджав когти, кидается стрелой, Глаза его горят. Вы заметались, маленький такой, забились в щель под камень, и демоны мерещатся вам. И это третье!

Летом же, в самый зной, в горах и долинах вдруг вспыхнет пожар и вскипит вода в реках. Из вас вытапливается сало, и каждая шерстинка опалена. Высунув язычок, дышите часто-часто и что есть духу мчитесь к роднику. Незавидно же вы выглядите! И это четвертое.

А потом покраснели клены и пышно расцвели хризантемы. Вы только что насытились плодами и ищете укромный уголок. Но вас подстерегает охотник с соколом. Уже загонщики и охотничьи собаки, учув вас, мчатся по следу. Вы летите стремглав, и вас от страха прошибает холодный пот. Это пятое!

Допустим, вам посчастливилось унести ноги, избежать гибели. Но меткие стрелки-охотники, укрывшись в засаде и зарядив ружья, целят вам в самое сердце. А вы поджали хвостик, чуть живой от страха, бежите что есть мочи, смотрите, куда бы скрыться. Это шестое!

Совсем изнемогший, вы прибегаете в лесную чащу, а вам навстречу полосатый тигр-великан шествует, грозя бородой из железных нитей. Рев его подобен грому, башка с горой сравнится, спина — что полумесяц, а шерсть горит огнем. Мечом-хвостом размахивая, зверь разевает кроваво-красную пасть, обнажая острые клыки.словно летящая молния, сверкает всюду его тело. Он рыщет по горам и ущельям, все сокрушая на пути, — с грохотом катятся камни, с треском валятся деревья. Он величав и грозен. Настоящий владыка гор! Вдруг вспыхивает в нем отвага, глаза-факелы мечут искры, он выпускает когти на передних лапах, острые, как зубья пилы. Тигр вздохнет разок — деревья закачаются, а за-

рычит погромче — горы так и заходят ходуном. Небо темнеет, а душа уходит в пятки. Это семь!

Едва избежав смерти, вы устремляетесь на равнины. Но там мальчишки-дровосеки и мальчишки-пастухи, отчаянно вопя, бросаются на вас с палками. У вас захватывает дух, в глотке пересыхает, и вы мчитесь куда глаза глядят. Это восемь!

А если вы так маетесь, придет ли охота природой любоваться, найдется ли досуг лакомиться травами на священных горах и купаться в озере Дунтинху?! Но, кроме перечисленных, как я догадываюсь, есть и другие неприятности. Не стоит говорить того, что противно слушать!

Заяц выслушал все до конца, возразить ему было нечего, и он сказал:

— Уж не превосходите ли вы красноречием Су Циня и Чжап И, что так складно говорите? Уж не прозорливы ли вы, как Шао Юп, что все угадывали наперед? Нечего разглагольствовать о горестях других: у слушающего вас свой взгляд на вещи. Великий мудрец древности Конфуций терпел лишения на границе княжеств Чэнь и Цай, а чуский правитель, выдающийся герой Поднебесной, бросился в озеро. Зло и благо дарует Небо, бедность или блестящую карьеру — судьба. Здесь не поможешь силой или мудростью, и, стало быть, об этом говорить — мало толку. Рассказали б лучше о подводном царстве. Я бы с удовольствием послушал.

Черепаша прочистила горло и заговорила:

— Внемлите тому, что расскажу вам о подводном дворце. Там, где сгустились пятицветные облака, высятся, вонзаясь в небо, отделанные жемчугом и драгоценными камнями чертоги. Из белой яшмы высечены ступени, из янтаря — основания колонн, сами колонны сделаны из коралла. У дворца — черепаховая балюст-

рада, а кровля — из золотой черепицы. В застекленных окнах и на украшенных хрусталем шторах отражается свет фонарей — жемчужин, светящихся ночью. Палаты украшены семью драгоценностями. Сияние заслоняет дневной свет. С небес не сходят счастливые знамения. Каждый день — пиры, а на пирах — стихи и музыка. Красавицы, похожие на лотосы, парами кружатся в танце. Когда вина — виноградное, «яшмовая роса» и «пьянящее сто дней» — нам наливают до краев в чаши «баклан» и «попугай», а на янтарных блюдах, на столах из хрусталя лежат травы, дарующие бессмертие, душа радуется, и ты блаженствуешь. Любуемся чудесными видами — полумесяцем над горами Эмэй, рекой под Красной стеной, горами Пэйлай, Фанчжан, Инчжоу. А когда возвращаемся — по рекам Цайшицзян и Сяосян, по озерам Душтинху и Пэйлицзэ мы катаемся на лодках. Над рекою падает белый иней, и цвет воды сливается с цветом неба. «Вечерняя заря опускается вместе с фламинго. Осенние воды и бескрайние небеса — одного цвета». «Царства У и Чу разделяются озером Душтинху: одно — на восток от него, другое — на юг. Светлое и темное начала, цянъ и кунъ, отражаются в нем днем и ночью». На ровный песок садится гусь, и белые чайки собираются спать. И тут грустные звуки свирели перекликаются с голосом рыбака. Танцует водяной дракон, затаившийся в глубоком омуте. Вдова на одинокой лодке льет слезы. Луна ясна, редечт звезды, к югу летят вороны и сороки. И нагоняют грусть звуки флейт Э-хуан и Нюй-ин — жен императора Шуня. А «мелодия «Цветок в женских покоях», которую поют торговки за рекой, вселяет в душу надежду». Вот «монастырь в горах Ханьшань, где тихие звуки колокола раздаются в ночи». «Ветерок доносит отчетливый звук деревянной колодушки». Значит, близко деревня. Вот рыбаки на чуских

реках напевают «айнай». «На золотых прудах и яшмовых запрудах девочки выкапывают корни лотоса и тоже напевают». Ну это ль не восторг? Право, чудо света и есть морской дворец!

— Вы в самом деле счастливое создание, — в раздумье проговорил заяц. — А я, неудачник, привязался к этим горам и лесам, живу отшельником. Напрасно я пренебрегал чужими реками и озерами.

— Вам как другу предложила бы я кое-что, — сказала тут черепаха. — А вы уж соглашайтесь без раздумий. Ведь говорили древние: «В царство, где опасно, не ходи; в царстве, где смуты, не живи». Зачем жить в таком превратном мире? Наша встреча не простая случайность. Вам бы лучше расстаться с пылью и ветром мирской суеты и отправиться со мной в морской дворец. Вы будете наслаждаться жизнью в краю небожителей, каждый день вы будете лакомиться персиками из садов богини Сивапму, травой бессмертия, вином «пьянящим сто дней», чудотворной росой. В дворцовых чертогах будет с вами дружить ушаньская фея. Вы будете играть на пятиструнном цине Шупя, на яшмовой свирели царевича Цяо, напевать «Песнь о Янane» и «Весенний сон», пировать в Юэянской башне или в Беседке Тэн-вана, слагать стихи в Башне бронзового воробья, пить вино в Палате феникса, — словом, насладитесь блаженными временами. Разве тогда вспомнятся вам земные радости и горести хотя бы во сне?

Зайцу показалось все это очень подозрительным, и он покачал головой.

— Речи ваши приятны, но вдруг в них таится опасность? Недаром говорят: «Убежишь от косули — встретишь тигра», «От судьбы не уйти, как не выскочить мыши, попавшей в кувшин». С какой же стати живущему на суше идти в морской дворец? Ведь в морском

дворце меня ждет гораздо больше трудностей, чем на земле. Во-первых, я не смогу дышать. А как же не дышать живому существу? К тому же, хоть ноги мои и пригожи, плавать я не умею. Как же опущусь я в морскую глубину там, где синие волны без края? Пусть, соблазнившись благами других, не предначертанными мне судьбой, я расстанусь с этим миром и последую за вами. Сразу же во все семь отверстий на голове попадет вода, и я умру. Если мое тело найдет себе могилу во чреве рыб, моя душа станет бездомным голодным духом. Моими друзьями будут рыбы и раки, и я составлю пару Цюй Юаню. А если все так случится, никто из моих родственников и потомков не сможет разыскать меня. Как ни ломай голову, а девять из десяти за то, что это опасная затея. Конечно, всякий знает, что, когда варят меджу, их надо посолить. Однако быть безмерно доверчивым не годится. Не прельщайте же меня попусту!

Черепаша рассмеялась:

— Ну и тупы же вы! Если знаете одно, то о другом уж и не догадаться! В старину говорили: «И на вязанке камыша можно переправиться через реку». Потому Юй Шань-вэнь, уроженец Чаочжоу, отправился в морской дворец Гуанмяогун и написал стихи, которые украсили дворцовые колонны. Ли Бо, захотев поймать в воде луну, вознесся на ките в небо. Учитель Сюань-цзан, переправившись через реку Чжанъехэ, что за три тысячи ли отсюда, привез Типитаку. Подданный ханьского государя Чжан Цянь, поднявшись на плоту вверх по Серебряной реке, привез ткацкий челнок. Ананда, путешествуя в Западном крае, плыл на лotosовом листе по синим бесконечным водам. И если его жизнью распоряжалось Небо, можно ли говорить о том, что смерть его была бессмысленной?! Если рожден героем, зачем вести себя подобно слабому? Ведь благородный человек

не увлечет другого в опасное место. Как же я могу послать вас на гибель? Конфуций говорил: «Благородный муж и в обмане следует правилам», а также: «В царстве, где смуты, не живи». Как же я с моими манерами, плоть от плоти своих родителей, беспричинно стану вам лгать? Да предложи мне тысячу золотых и титул хоу или положи на вареный рис еще и рисовый хлебца, я и то не соглашусь на это. Какой мне смысл? Зачем кривить душой и завлекать друга в опасные места?!

И черепаха продолжала:

— Вот смотрю я на вас. Шерстка золотая мерцает и колышется. А как известно, золото рождает воду и с водою уживается. Чего ж тут беспокоиться? Шея вытянута — значит, край родной знаете и в чужих краях не прочь пожить. Острый подбородок — если его поднять, все пойдет в разрез со здравым смыслом и каждое дело станет трудным. Опустит его — все пойдет в согласии со здравым смыслом и любое дело примет счастливый оборот. Пара ушей бела и чиста — чужие речи хорошо слышит, богатство и знатность дарует. Прекрасное междубровье говорит за то, что достигнете Врат дракона и прославите свое имя. Голос ваш чудесен. За всю жизнь вам не случится совершить ни одного опрометчивого поступка. Ваш облик в каждой черточке — само совершенство! Во все дни ждут вас почести и слава, счастье и богатство. У вас будут такие наслаждения, какие доставляла Ян-гуифэй танскому Мин-хуану, и чаша для собирания росы — ханьскому У-ди. Ваша судьба — судьба Го Цзы-и, отца ста сыновей и деда тысяч внуков. Богаты вы будете, как Ши Чун. Из музыкальных наслаждений вас ждут неснь уского правителя «Дайхуан», песнь сунского государя «Фэнбяо» и звуки яшмовой свирели Чжан Цзы-фана. И тогда под звуки цитры Сыма Сян-жу сама Чжо Вэнь-цзюнь переберется к вам через забор.

А если говорить о способах обмана, то в искусстве красноречия вы не уступите ни Су Циню, ни Чжан И, старавшимся один объединить, а другой — разъединить шесть царств. В уменье же мыслить по-государственному, Чжугэ Лян с его планом восьми расположений вас не превзойдет. Такие твердость воли, внешний облик, стратегические таланты не виданы прямо-таки с древности.

Вы — герой, способный сдвинуть горы, первый во все времена! И вы с вашим-то обычаем ходить, словно летать, знай сидите в своем углу и из многих возможных радостей не изведаете ни одной! Наоборот, вас, как и раньше, ждут только бедствия. Покиньте насиженные места и отправляйтесь в иные края. И вы увидите — все десять тысяч желаний исполнятся разом. Послушайте меня, не раздумывайте, воспользуйтесь случаем, посетите морской дворец. Счастливый случай не выпадает дважды. Если не воспользоваться благом, которое посылает Небо, оно обернется несчастьем.

Заяц возразил:

— Я, конечно, выдающаяся личность, но ваши предсказания совсем уж необычны. Ведь долголетие или ранняя смерть, бедность и удача не зависят от предсказания. Взять хотя бы предсказание о богатстве. Выходит, лежи я на вершине Трехглавой горы, что называют Террасой белых облаков,— все равно сокровища Ши Чуна свалятся мне на голову? А предсказание о долголети! Значит, если меня поджарят на медленном огне, как это проделывали с людьми тираны Цзе и Чжоу, я смогу воскреснуть? Девять из десяти за то, что любого, поверившего в такие предсказания, ждет беда.

А черепаха все о своем:

— Ваши слова свидетельствуют о вашем невежестве. Вы не зря наделены такой внешностью. Ханьский

Гао-цзу, обладавший длинным носом, был в молодости стражником, а стал основателем династии. Танский Тай-цзун, бывший ученым, благодаря своей внешности тоже основал династию. Сунский простолудин Тай-цзу с квадратным лицом и большими ушами сподобился стать Сыном Неба. Так же и Цай Цзе сменил Фань Суя на посту министра — обладателя золотой шапки и пояса. И все остальные герои и выдающиеся люди, каждый единственный и неповторимый в своем роде, стали таковыми благодаря своим внешним данным. И это в полной мере относится ко всем государям, князьям, министрам и полководцам.

В старину говорили: «Не войдешь в логово тигра — не поймаешь тигренка». Если родится великий муж и начнет вершить государственные дела, его сразу узнаешь по двум словам. Зачем же вам хоронить себя в глуши, преднамеренно обрекать на прозябание среди трав и деревьев? Вы ничтожество! Исстари у тех, кто колебался, не спорилось ни одно дело. Вы погибнете, как в древности погиб Хань Сипь, не виявший словам Куай Туна, вас попросту поджарят. Ведь если бы Чжун послушался Фань Ли, не произошло бы смертоубийства. И как это можно, разобравшись в прошлом, не сделать выводов на будущее? Смотрите, как бы не пришлось вам потом горевать, что не воспользовались моими советами.

Заяц же по-прежнему колебался и, улыбаясь, ответил так:

— На мой взгляд, вы не такой, как все другие люди. Вы великодушны, добропорядочны и вряд ли кого-нибудь обманули за свою жизнь. Мне, незадачливому, вы предлагаете жить в дивном краю. Я очень тронут. Но удастся ли мне получить достойную должность, если я явлюсь во дворец?

Черепаша обрадовалась: «Этот болван, кажется, попался!» Вслух же промолвила:

— Из ваших слов можно понять, что вы не знаете ни жизни, ни истории. Шунь, пахавший в горах Лишань, получил престол от Яо. Цзян-тайгун, ловивший рыбу в водах Вэйшуй, стал советником чжоуского У-вана. И Инь, пахавший землю, стал любимцем государя Чэн Тана. Фу-Юэ, в Фусянь насыпавший земляной вал, стал советником иньского Гао-цзуна. Пасший волов Боли Си стал правой рукой ципьского Му-гуна. Просивший у прачки хлеба Хань Синь стал полководцем у ханьского Гао-цзу. В подводном царстве можно сделать карьеру, как и в мире людей.

Просвещенный государь выбирает подданных, а мудрый вассал выбирает государя. Пани повелитель покончил с войнами и занят устройством дел в своих владениях. Ему нужны мудрые помощники. Люди, наделенные способностями и талантами, у нас быстро продвигаются по службе. Даже мне, бесталанной, пожаловали придворный чин. А уж такой выдающейся личности, как вы, с вашими несравненными талантами, стоит только появиться, как знатность и богатство придут сами собой, пусть вы даже их и не ищите!

Сейчас в подводном царстве очень необходим хороший историограф. Одной десятой ваших литературных талантов для этого будет достаточно. Как только вы возьмете в руки кисть, вы проявите такие же достоинства, какими обладал знаменитый Дун Ху, и это послужит не только на благо нашего царства, но и вашей собственной славы. Ваше имя прогремит по всей Поднебесной. Когда мы явимся во дворец, я тотчас представлю вас нашему государю.

Заяц улыбнулся:

— Речи ваши как будто неплохи, но мой сегодняш-

ний сон предвещает несчастье, и я испытываю беспокойство.

— В молодости я знавала толк в разгадывании снов,— ответила черепаха.— Каков бы ни был ваш сон, хотела бы я о нем послушать.

И заяц рассказал:

— Видел я, будто вытащил меч и прижал к животу и тело мое покрылось лаком. Боюсь, не приключилась бы беда.

Черепаха тотчас же перебила его:

— Счастливый сон, вы зря волнуетесь. К животу прижали меч, а меч — это металл. Значит, опояшетесь золотым поясом. Тело покрылось лаком — верный признак того, что облачитесь в красное платье. Слава о вас выйдет за пределы государства и распространится по всему свету. Это ли не счастливый сон, вещающий о счастье и богатстве?! Когда Конфуций увидел во сне Чжоугуна, то был сон совершенномудрого. Сон Чжуан-цзы о том, как он стал бабочкой,— сон философа. Сон Чжугэ Ляна в бедной хижине — сон выдающегося человека. Сны всех прочих людей — обычные сны. Но ваш сон — всем снам сон. Если вы переселитесь в морское царство, вознесетесь над всеми. Не плохо, правда?

Заяц слушал, слушал и совсем развесил уши. Обрадовался, словно шнурки от печатей высших гражданских и военных чиновников были уже привязаны к его поясу.

— Вы толкуете сны словно дух! Если бы ожили вдруг Шао Кан-цзе и Ли Чунь-фэн, вряд ли они смогли бы что-нибудь добавить. Дивный вещий сон я уже увидел. Значит, богатство и знатность мне обеспечены. Но как же я переправлюсь через бескрайнее синее море?

Черепаха ликовала:

— Не беспокойтесь, сядете мне на спину, и любое

море вам будет нипочем. В мгновение ока мы окажемся на месте. Из-за чего тут волноваться?!

Заяц в душе был рад, но для приличия поломался:

— Вы для друга не жалеете трудов. Такими, конечно, и должны быть отношения между друзьями. Но мне будет очень неловко, если я заберусь вам на спину.

— Как вы, однако, ограничены! — рассмеялась черепаха. — Люй Шан, удививший рыбу в водах Вэйшуй, как равный ехал в повозке с чжоуским У-ваном. Хоу Ин, охранявший ворота, сидел рядом с Синьлин-цзюнем. Янь Цзы-лин, пахавший в горах Фучуншань, спал на одной подушке с ханьским государем Гуан-у-ди. Какое значение имеет высокое или низкое положение, если речь идет о друге! Когда мы будем жить в подводном царстве, мы будем делить радости и горе, славу и почет. Какая же тут неловкость!

Заяц был вне себя от радости.

— Ваши благодеяния и после смерти, как говорится, не забудешь. В этом мире со мной не единожды приключались всякие беды. Вечно рыщут с ружьями эти непотребные людишки, хотят съесть меня. Моего старшего сына поймали мальчишки-дровосеки и съели. Не прошло и семи-восьми лет, как второго сына разорвали на клочки охотничьи собаки, и он стал добычей ворон и сорок. Это случилось несколько лет назад. Как вспомнишь — стиснешь зубы, и сердце замрет. Размышляя день и ночь о том, как бы покинуть этот проклятый мир, я нечаянно встретил вас, благородного друга. Теперь-то я благодаря вам доживу до лучших дней! Это сделало Небо, и помогли духи!

Говорят, мудрец узнаёт мудреца. Если бы не вы, кто бы смог распознать во мне выдающуюся личность? Если бы не вы, ниспосланный мне Небом, я бы так и составил в горах. Но зато если бы не я, подданные мор-

ского царства так и не встретили бы никогда такого государственного мужа.

И безмерно гордый заяц уже собрался взлезть на спину черепахе, как вдруг из-под скалы выскочил какой-то зверь и закричал ему:

— Я слышал от начала до конца вашу болтовню. Глупый заяц, послушай-ка, что я тебе скажу! Богатство и знатность, почести и слава подобны плывущему облаку. Если что-то определено тебе судьбой, зачем самому лезть на рожон, наслушавшись рассказней черепахи? Пословица гласит: «Покинувший родину — подл». Ну, явишься ты в морской дворец, и что ты думаешь, так сразу и посыплются на твою голову богатство и знатность? Послушайся моего совета, брось-ка ты пустые мечты, оставь-ка бредни!

Заяц насторожил уши и замер на месте в нерешительности. Посмотрел на зверя, видит — барсук.

Черепаха вскипела гневом, но подумала: «Я почти уломала дурака зайца, пустив в ход тысячу хитростей и сто уловок, а этот прохвост, пожалуй, мне все дело испортит. Чего ему падо? Стоит мне смутиться хоть немного, хитрый заяц, чего доброго, передумает. Если же я разобью доводы этого уроды, заяц не изменит своего решения».

И черепаха, с усмешкой показывая на барсука, изрекла:

— Я не знаю, кто вы, по вы так невежественны! Мудрец из Чаочжоу по имени Юй Шань-вэнь был бедным ученым, но, явившись в морской дворец и прославив его в своих сочинениях, получил от нашего государя в награду за труды десять бриллиантов, высокую шапку и пояс из кости носорога. Слух об этом разнесся по всей Поднебесной. Неужели вы, имея уши, ничего не слышали?

Должность историографа — важная должность в государстве. Я, сокрушаясь о том, что литературный дар и каллиграфическое мастерство почтенного зайца пропадают зря, пригласила его с собой. Но вы тут попусту вводите в сомнение других, полагая, что я влеку своего друга к гибели. Чем вы руководствуетесь в своих поступках? Однако, если у кого-либо возникают сомнения на мой счет, я отказываюсь отправляться с почтенным зайцем.

И, обращаясь к зайцу, черепаха промолвила:

— Ведь мы с вами ни в чем не подозревали друг друга. Разве посмела бы я втянуть вас в сколько-нибудь сомнительное дело?! Уж если вы доверились мне однажды, зачем пренебрегать советами доброго друга?

Я ходила по приказанию нашего государя в Восточное море и здесь оказалась по пути, так что не могу задерживаться долее. Будьте же здоровы!

Черепаха взмахнула рукавом и направилась к берегу. Барсук не мог вымолвить ни слова и стоял красный от стыда. Заяц, видя, как черепаха отчитала барсука и теперь, холодно взмахнув на прощанье лапой, удаляется, пришел в ярость и напустился на барсука:

— Зачем ты вредишь благим делам?! — и помчался вдогонку за черепахой, крича во весь голос: — Остановитесь, выслушайте меня!

Черепаха нарочно сделала еще шаг-другой и только тогда обернулась:

— Зачем вы бежите за мной?

Заяц пролепетал:

— Отчего вы так невеликодушны! Хотя я и глуп, но разве могу поверить этому неучу и не оценить вашего расположения ко мне? Не подозревайте же меня в непростительности, едемте быстрее!

Черепаха, в душе ликуя, вместе с зайцем направи-

лась к берегу моря, посадила его себе на спину и поплыла по синим волнам.

Черепашья преданность своему государю достигла вершины. Посмотрите на нее, она доставит этого хитрого зайца. Ну не дивное ли дело!

Между тем заяц, восседая на спине черепахи, поглядывал по сторонам. А перед его глазами проплывали глубокие воды Сяо, Сяна, желтые воды Дунтинху, у которого не видно берегов. Заяц размышлял: «По воле Неба я встретился с черепахой. Отбросив тревожнения света и трудности жизни в горах, явлюсь теперь во дворец и наслажусь богатством и знатностью. Вот блаженство!»

От радости он запел:

Я покинул суетный мир
И отправился в дальний путь.
Область наших Зеленых гор
Меньше царства бездны морской.
Черепаше на спину сев,
Я плыву вперед и вперед
И смеюсь в лицо облакам —
Им угнаться трудно за мной.
Кисть историка я возьму,
Свой талант заставлю признать —
И склонится морской народ,
Все три тысячи человек.
Я богатство и важный чин
Со свободой соединю
И надеюсь, что на сто лет
Обрету и мир и покой.

Когда заяц кончил и рассмеялся, черепаха с усмешкой подумала: «Этот прохвост слишком задирает нос!» — и ответила стихом:

Неизменно в моей груди
Сердце преданного слуги,
Я спешила к Зеленым горам
Неизведанною тропой.

Не боится тело мое
Даже самых тяжких трудов.
Но волнам туда и сюда
Я плыву в воде голубой.
Зайца хитрого изловив,
Доложу об этом царю
И прочту на его лице,
Что доволен мной государь.
Я надеюсь, что царь-дракон
Перестанет тогда болеть,
И его поздравлю я с тем,
Что в стране наступил покой.

Заяц, услышав такое, всполошился:

— Кажется, в вашей песне скрыт какой-то глубокий смысл? В чем тут дело?

Черепаха постыдилась успокоить его:

— Так просто, запела безо всякого смысла.

Но сомнения зайца не рассеялись:

— Что вы имели в виду, говоря: «Зайца хитрого изловив, доложу об этом царю и прочту на его лице, что доволен мной государь. Я надеюсь, что царь-дракон перестанет тогда болеть».

Черепаха прикинула: «Ты в моих руках, но все же мне нет расчета навлекать на себя подозрения», и, ничего не ответив, заспешила к подводному дворцу. Там она ссадила зайца и наказала:

— Не сомневайтесь во мне напрасно и ступайте в приемную для гостей.

Заяц глядел во все глаза. Здесь небо и земля были необъятны, солнце и луна светлы. Великолепные дворцы уходили в небо, в окнах и дверях застыл свет счастливых предзнаменований. К зайцу вновь вернулось радостное настроение, и он последовал за черепахой в дом для гостей.

Черепаха ввела его туда, проговорив:

— Побудьте здесь немного, а я узнаю: можно ли

предстать с вами перед государем,— и быстро удалилась.

В душу зайца вновь закралось подозрение: «Что это она ввела меня в дом и после долгого пути не предложила даже чашечки вина, а сразу стремглав бросилась во дворец? К чему бы это?»

Но тут он подумал: «Наверное, мое славное имя известно подданным морского царства. Черепаха сначала пошла доложить своему государю, и мне по его личному указу дадут должность заместителя главы королевской канцелярии. Наверное, уж очень хочется видеть написанной многолетнюю историю царства, раз не подумали даже о пустяковом угощении».

Заяц сидел, томясь ожиданием. А черепаха тем временем спешила во дворец.

Во дворце приближенные при виде черепахи стали всячески выражать свой восторг. Кое-кто тотчас кинулся докладывать дракону. Тот велел скорее ввести черепаху и усадить возле своего ложа. Радуюсь благополучному ее путешествию, дракон осведомился о зайце, и черепаха ему с поклоном ответила:

— Получив ваше приказание, я беспрепятственно миновала пять озер и три реки и достигла берега Восточного моря. Проникнув глубоко в горы, я сотней хитростей одурачила и прельстила старого зайца. С великим трудом водрузив его себе на спину, я наконец вернулась. Зайца оставила в доме для гостей, а сама поспешила сюда. Не заслужила ли я чем-нибудь вашего высочайшего неудовольствия? — и черепаха рассказала, как она обманула зайца. Дракон выслушал, обрадовался и, хлопнув себя по колену, похвалил черепаху.

— Такой верностью государю и красноречием не обладает ни один другой подданный в нашем государстве. Небо послало вас мне как великую милость.

Затем дракон обратился к приближенным:

— По воле Неба я — старший над тремя тысячами морских зверей. Но, видимо, мое нравственное воздействие не достигало десяти тысяч вещей, и меня все время мучили дурные предчувствия. Однажды я заболел, и неизвестно было, чем меня лечить. По совету трех великих мужей «Архивариус» отправился в мир людей и привез зайца, проявив тем самым свою необычайную преданность. Теперь же, если я отведаю заячьей печени, болезнь пройдет. А это будет величайшим событием для государства. Поэтому приказываю всем ждать угощения во Дворце вечной добродетели, а черепаху «Архивариуса» повысить в должности указом по Государству Южного моря от шестидесят четвертого года эры Великой добродетели и долголетия, первого дня шестой лупы.

Подданные, ознакомившись с указом, радостно поздравляли друг друга. Потом все дружно направились во дворец и расположились так: на самом почетном месте восседал глава высшего совета, он же глава медицинского приказа и приказа по охране кумирен — большая черепаха. Рядом — его заместитель и одновременно ответственный за обучение войска — кит. За ним — другой заместитель большой черепахи — крокодил. Дальше сидел Глава палаты чинов — карп. С ним рядом — Глава палаты финансов — треска, Глава палаты церемоний — камбала, Глава военной палаты — морской окунь, Глава уголовной палаты — пузанок, Глава строительной палаты — тунец, Глава столичного приказа — кефаль, Глава приказа личных сочинений государя, и в то же время Глава приказа, ведающего книгами во дворце, и еще одновременно Глава канцелярии — карась, его заместители — осьминог и косорот... А еще дальше сидели прочие рыбы — важные чиповни-

ки из разных палат и приказов. Все провозглашали здравицу.

После церемонии приветствия дракон распорядился привести зайца. Чиновник сыскного приказа — рыба ментай во главе отряда стражников отправилась в зал для гостей.

Заяц тем временем сидел в одиночестве и поджидал черепаху. И тут вдруг явился чиновник сыскного приказа со стражниками и объявил указ. Справа и слева к зайцу подскочили стражники, связали и потащили с быстротой урагана. Приволокли беднягу и поставили на колени перед тронном дракона.

Заяц, едва собравшись с духом, поднял глаза вверх и взглянул на дракона. Голову дракона венчала корона с перьями, сам он был облачен в красное одеяние, а в руке держал яшмовую дощечку для записей указов. Приближенные стояли по обе стороны от него. Все это являло собой необычайно торжественное зрелище.

Дракон через чиновника адъютантского приказа передал зайцу свою волю:

— Я — государь морского царства. Ты же — мелкая горная зверушка. Я болен и страдаю уже давно. Услышав, что исцелить меня от болезни может твоя нечень, я послал за тобой своего «Архивариуса», и он тебя доставил. Тебе предстоит умереть, но ты не горюй об этом. После смерти тебя завернут в шелк, из белого нефрита и янтаря сделают гроб и похоронят в красивейшем месте. И как только исцелюсь я от своего недуга, в твою честь воздвигнут храм. В горах тебе все равно была бы уготована та же участь: ты стал бы жертвой либо тигров и барсов, либо охотников. Не лучше ли обрести славу, чем умереть бесславно? Я не собираюсь тебя обманывать, и ты, став после смерти духом, не будешь на меня в обиде.

После этого дракон приказал подданным поскорее вспороть зайцу живот и извлечь печень. Тут же стоявшие неподалеку стражники в мгновение ока подскочили к зайцу, засверкали их мечи, и они собрались уже было выполнить приказ своего повелителя.

Вспороть живот зайцу, который, легкомысленно возмечтав о славе, пришел сюда вместе с черепахой! И во всем виноват он сам. На кого же теперь сетовать? Кого винить? Пусть тот, кто незаслуженно алчет славы и корысти, посмотрит на него и намотает себе на ус!

У зайца от драконовых речей помутился разум, и он горестно подумал: «Вот польстился на славу и богатство, покинул родную землю, а как все неожиданно повернулось! Тут имей крылья — и то не поможет. Обладай волшебством сокращать расстояния — и то не убежишь! Как быть? Однако существует древнее правило: раньше смерти не умирай! Умереть никогда не поздно, сейчас надо подумать над тем, как выжить». И зайцу на ум пришла счастливая мысль. Он тут же, не переменившись в лице, вскинул голову и сказал, обращаясь к дракону:

— Пусть я, ничтожный, умру, но позвольте мне прежде молвить слово! Вы — государь морского царства. Я — ничтожный заяц, маленькая горная зверушка. Если моя недостойная печень способна хоть немного облегчить ваши страдания, могу ли я не предложить ее вам? А тем более если после смерти мне воздадут должное и даже, как вы говорите, воздвигнут храм. Ваша милость высока, как Небо. И если я, ничтожный, умру, то такая ли это печаль? Конечно, немножко грустно. Однако, хоть я и ничтожная тварь, все же от обычных зверей отличаюсь. На землю я спустился на звезде из созвездия Фан. Каждое утро я пью яшмовую росу, день и ночь ем дивные цветы и травы. Оттого моя печень и

впрямь эликсир вечной жизни. Люди об этом знают и постоянно при встрече кланчат у меня печень. Докучливы они страшно. Мое терпение истощилось, и я вынул свою печень вместе с сердцем, промыл ее несколько раз в чистых водах среди зеленых гор и спрятал глубоко в горах. Сам же отправился бродить. Случай свел меня с черепахой. Если бы я знал о недуге государя, я бы взял ее с собой.

И заяц принялся честить черепаху:

— Если ты так преданна государю, почему не сказала мне правду?

Дракон пришел в ярость:

— Ты и в самом деле хитрая тварь! Слыханное ли дело, чтобы звери вынимали печень? Ты мелкой хитростью вводишь меня в заблуждение, надеешься уйти живым! Неужели ты думаешь, что я попадусь на твою приманку? Твои попытки обмануть меня — большое преступление. Быстро отдавай печень! Я исцелюсь, а, вспоров тебе живот, заодно покараю тебя за обман.

Опять у зайца дух занялся, и его прошиб такой пот, словно печень вовсе растаяла. Пульс совсем пропал, грудь сдавило, и он подумал: «Кажется, помирать придется». Но тем не менее сказал, усмехнувшись:

— Вы, государь, вникните в мои слова. Ведь если вспороть мне живот, а печени не окажется на месте, ваше здоровье не улучшится. Меня напрасно лишите жизни, и не с кого тогда вам будет взыскивать печень. Раскаетесь, да будет поздно. Не мешало бы как следует подумать.

Дракон, выслушав зайца и видя, что тот даже в лице не переменялся, спросил, все еще сомневаясь:

— Может быть, все действительно так, как ты говоришь. Но должен же быть какой-нибудь след там, где выходит печень!

Заяц обрадовался: «Ну, теперь я спасен!» Вслух же сказал:

— Из всех летающих и ползающих тварей у меня, ничтожного, у одного в нижней части тела — три отверстия. Из них одно для того, чтобы вкладывать и вынимать печень.

Дракон разгневался еще больше:

— Твои слова — недостойная хитрость! Разве может быть такое у зверя, будь он летающий или ползающий?!

А заяц твердит свое:

— Поговорим о том, откуда у зайца взялись три отверстия. Небо, раскрывшись, утвердилось первым. Второй была земля. Третьим — появился человек. Четвертыми — десять тысяч вещей, и среди них — звери. Час, когда они появились, называется «мё». Точно так же звучит и мое прозвище. И если серьезно изучить летающих и ползающих тварей, станет ясно, что заяц — царь зверей и птиц! Цилинь, травы не мнуций, ниже зайца. Феникс, не клюющий проса, уступает зайцу, наделенному в честь трех светящих — солнца, луны и звезд — тремя отверстиями в нижней части тела. Если, государь, не верите моим словам, можете сами убедиться, осмотрев меня.

Дракон подивился, но приказал стражникам хорошенько осмотреть зайца. Посмотрели — вроде бы и на самом деле так. Но дракон еще сомневался:

— Ты говоришь, что можешь вынуть печень. Значит, ты и обратно ее вкладываешь?

Тут заяц смекнул: «Теперь моя хитрость почти удалась», — и сказал:

— Мы, зайцы, во многом не схожи с другими зверями. Если задумаем зачать, нам достаточно взглянуть на полную луну. Придет время рожать — детеныши вы-

лезают изо рта. Загляните в старые книги, там про это сказано. Когда мне нужно ввести печень, я делаю это только через рот.

Дракон еще более усомнился:

— Ты уже говорил, что вводишь и выводишь печень. Но ты, быть может, забыл, где твоя печень сейчас? До-стань-ка ее поскорей и вылечи меня!

— Я, конечно, вкладываю и вынимаю печень, но на то есть свое время. Каждый месяц с первого по пятнадцатый день я держу ее в себе, вдыхаю эфиры солнца и луны, впитываю светлые и темные испарения. С пятнадцатого по тридцатый день я извлекаю ее вместе со стеблем, мою в яшмовом ручье, полощу в синих водах. Затем прячу ее, чтобы никто не видел, в расщелине скалы, где так густы заросли зеленых сосен и изумрудных бамбуков. Вот потому-то люди говорят, что моя печень — настоящий эликсир. Сейчас — первая декада шестой луны. Когда я встретил черепаху, был конец пятой. Если бы мне толком рассказали о болезни государя, я принес бы печень. Во всем виновата черепаха!

Дракон в сущности был очень доверчив. Он слушал молча и думал: «А вдруг так и есть на самом деле? Вспорешь ему живот, а печени не окажется. Помрет заяц, и все пропало! Уж лучше пусть сходит за печенью», — и приказал развязать зайца и ввести во дворец. Заяц отказывался, но потом, трепеща от страха, вошел. Дракон, обратился к нему:

— Уважаемый заяц, не обижайтесь на недавнее недоразумение! — и тут же поднес ему вина «пьянящего тысячу дней», налитого в чашу из белого нефрита. При этом он трижды попросил зайца не обижаться. Заяц почтительно принял чашу, выпил и поблагодарил.

Тут выступил кто-то из подданных и сказал:

— Я слышал, заяц — хитрая бестия! К тому же еще в старину говорили: «Благородный обманет благородным образом». Не слушайте его вранье, быстрее вынимайте у него печень и лечите свой недуг!

Все посмотрели: то была мелкая рыбешка из судебной палаты. Дракон отозвался без особой радости:

— Почтенный заяц — отшельник, живущий среди гор. Как же может он обмануть меня? Ушли бы вы лучше!

Рыбешка едва-едва сдержала гнев, но — делать нечего — пришлось уйти. Дракон распорядился о пире, и зайца стали потчевать. На блюдах из белого нефрита разложили траву вечной молодости, в чары налили дивное вино, зазвучала неземная музыка, парами закружились в танце красавицы, послышалась мелодия «Пруд Линбо».

Заяц захмелел и подумал: «Если бы можно было лишиться печени и не умереть! Так бы и прожил здесь до самой старости!»

Дракон сказал зайцу:

— Я живу в подводном мире. Вы же — в горах. Вода и суша далеки друг от друга. Сегодняшняя наша встреча была предопределена кармой еще тысячу лет назад. И если вы принесете мне свою печень, я не останусь в долгу! Вы не только будете вознаграждены в будущем, вы с этой самой минуты будете наслаждаться счастьем и богатством. Над этим стоит задуматься.

Заяц едва не расхохотался, но все-таки вида не подал и радостно воскликнул:

— Не беспокойтесь, государы! Я вашей милостью доживу свои дни. Не придумаешь даже, как воздать вам за ваши благодеяния! У меня сейчас нет печени, я не могу даровать жизнь или спасти от смерти и очень сожалею об этом.

Дракон был доволен. После пира он приказал придворным отвести зайца в особые покои отдохнуть.

И вот зайца привели в чертоги с блестящими стенными росписями, с вышитыми шторами на окнах. Все ослепительно сияло, стен не было видно из-за ширм из слюды и жемчужных штор. А когда подали еду, он увидел такие яства, которых нет в мире людей. Но бедняга чувствовал себя так, словно сидел на подушечке для иголок.

«Дракона я, конечно, обманул, однако засиживаться здесь не следует», — решил заяц. И, проведя бессонную ночь, на другой день предложил дракону:

— Вот уже долгое время не проходит болезнь государя. Я хочу отправиться в горы за своей печенью. Примите во внимание мою преданность вам.

Обрадованный дракон тотчас позвал черепаху:

— Не жалея трудов своих, ступай вместе с почтенным зайцем в мир людей.

Черепаха, вобрав голову, выслушала повеление. Дракон же, обратившись к зайцу, просил возвращаться поскорее и одарил двумястами жемчужинами:

— Это, конечно, пустяки, но сначала вы должны доказать свою преданность.

Заяц почтительно принял дар и простился с драконом. Когда он вышел за ворота, все провожали его и просили поскорее возвращаться. Не вышла провожать зайца лишь рыбешка из судебной палаты.

И вот заяц, взобравшись на спину черепахи, снова пересек бескрайние синие воды и сошел на берег. Тут он подумал: «Вот уж подлинно я — птица, выскользнувшая из силков, тигр, вырвавшийся из западни. Если бы не мое хитроумие, довелось бы мне разве увидеть родные горы и реки?» — и запрыгал от радости.

Черепаха напомнила зайцу:

— Нам надо спешить, думай лучше, как побыстрее вернуться!

Заяц так и покатился со смеху:

— Дура ты! Ну скажи, как можно отделить от внутренних и вытащить печень? Я просто обманул твое подводное царство своей беспримерной хитростью. Какое мне дело до твоего дракона? Да никакого, как коню до коровы! Ты же, ни за что ни про что обманув меня, привольно живущего в горах, думала выслужиться. Как вспомнишь, какого страха я натерпелся в морском царстве, волосы дыбом встают! Тебя бы надо жизни лишить! Но, приняв во внимание твои труды — все-таки ты возила меня на себе по синим бескрайним волнам, — я отпускаю тебя живой. Убирайся поскорей, да скажи своему дряхлому дракону: жизнь и смерть в руках судьбы, и пусть он оставит свои глупые надежды! — И он снова расхохотался. — Всех провел в твоём царстве. Вот уж подлинно, в государстве — пустота!

Заяц шмыгнул в сосновую рощу и был таков. Черепаха вздохнула, безнадежно глядя вслед зайцу: «Я недостаточно преданна государю, вот заяц меня и обманул. Как же теперь быть? — И опять вздохнула: — Несчастные подданные в нашем государстве. Умрет государь. А я, с каким лицом я вернусь и предстану перед государем и подданными? Лучше мне здесь умереть!» — И направилась к скале разбить голову.

Тут кто-то громко ее окликнул:

— Эй, «Архивариус», послушайте старика!

Черепаха обернулась и видит: стоит перед нею отшельник-даос в шляпе и фиолетовом одеянии и с улыбкой говорит:

— Ваша преданность государю удивительна! Я по велению Неба вручаю вам чудесное лекарство. Возвращайтесь поскорей и исцелите государя!

С этими словами он извлек из рукава лекарство. Черепаха, несказанно обрадованная, дважды поклонилась и разглядела, что это была веточка боярышника ослепительного блеска и необычайно благоухающая. Еще раз поклонилась черепаха и поблагодарила отшельника:

— Учитель, ваше благодеяние потрясет всех в нашем государстве. Позвольте же мне узнать вашу славную фамилию и ваше почтенное имя!

— Я — Хуа То, — ответил отшельник и удалился, легко ступая.

Два брата

I

Не то в Чхунчхондо, не то в Чолладо, а может быть, и в Кёнсандо, жил-был сюцай из рода Ён. Оставил он после себя двух сыновей: старшего — Нольбу и младшего — Хынбу.

И вот что удивительно: родились братья от одной матери, а характеры имели совсем непохожие. Хынбу был добр, чтит примерно родителей, горячо любил старшего брата. По-другому вел себя Нольбу. Не соблюдал он сыновнего долга и не питал теплых чувств к брату.

У всех людей пять органов и шесть полостей. У Нольбу же, судя по его злому нраву, их было семь: видно, был у него еще один лишний орган — средоточие злобы и упрямства; находился он где-то у печени, и, если случалось, что он шевельнется, причинял тогда Нольбу много хлопот окружающим.

Был Нольбу охотник выпить и мастак ругаться. Не отставал он и в драке. У дома, где скорбят по умершему,

он пляшет, у жилища роженицы — режет собаку, на пожаре — веером раздувает огонь. Появится Нольбу на базаре — силой навязывает людям свои товары.

Поймает мальчишку — заставит его есть дерьмо и доведет до слез. Или вдруг ни за что ни про что залепит невинному человеку пощечину. Ему ничего не стоило увести за долги женщину из дому, схватить за ворот почтенного старца или ударить беременную.

Любимые забавы Нольбу — пагадить у колодца, спустить воду на рисовом поле, набросать земли в горшок с кашей, повыдергивать колосья, проделать отверстие в запруде или пробить колом незрелые тыквы. Мог он также повадить на землю горбуна и топтать его ногами, толкнуть управляющего нужду, ударить калеку в подбородок или перебить изделия горшечника. Переносят прах предков — он спрячет кость, наступит ночь — он принимается тревожить громким криком сон супругов. Не прочь он был обесчестить вдову или расстроить чужую свадьбу.

То пробуравит дырку в днище лодки, то закидает комьями грязи купающихся. А то возьмется лечить простуженного и колет его иглою в нос или насыплет в больные глаза перцу. Страдает человек зубами — он норовит ударить его в щеку, дитя попадетсся на глаза — не преминет его ущипнуть. Или вдруг ни с того ни с сего откажется от улаженной сделки. Случится ему повстречать монаха — свяжет его бамбуковыми жгутами, словно бочку. Охоч он был и до таких проделок: вырыть на людной тропе яму-ловушку или заставить кричать петуха как раз в то самое время, когда соседи приносят жертву духам предков, а в проливной дождь — открыть чаны с соей...

Таков был этот человек. С душою, покореженной, будто ствол китайской айвы, перекрученной, словно гао-

ляновые листья от дыхания восточного ветра и тумана, он все делал наперекор здравому смыслу.

Совершенно иным был Хынбу. Человек кроткий и добрый, он горестно вздыхал, глядя на бесчинства старшего брата, временами смиренно пытался усостить его, но все было тщетно. Так и жил он: не проронив ни слова, ел то, что сунет ему брат, покорно делал все, что тот пожелает, — жестокосердый Нольбу не ведал угрызений совести. Как нам тут удержаться от негодования!

Создание злое и алчное, Нольбу прибрал к рукам все наследство, оставленное родителями: много денег, слуг, обширные поля и скот. С Хынбу же он обходился, как с последним псом. Но младший брат был неизменно кроток и безропотен.

В ту пору, о которой идет речь в нашей повести, Нольбу безраздельно владел всем домашним имуществом, всеми пашнями и, как говорится, сладко ел и красиво одевался. Но в день памяти усопших родителей Нольбу не очень-то тратился на поминальный обед. Вместо этого раскладывал он на поминальном столике булочки и на одних надписывал стоимость жертвенных хлебцев, на других — цену фруктов... Закончив поминальный обряд и спрятав столик, он сетовал: вот, мол, хоть и решил на этот раз не тратиться, ая нет же... Пять грошей на свечу — да это же чистое разорение!

И вот однажды этот негодяй, подобных которому немного сыщется на белом свете, подумал: «А ведь сколько выгадал бы я на хлебе, если бы прогнал из дому Хынбу! Да и прочие расходы поубавились бы...»

Поделившись своей мыслью с женой, Нольбу позвал брата и сказал ему следующее:

— В детстве братья живут вместе. Когда же они обзаводятся семьями, то должны жить порознь. Таков за-

кон. Так что забирай-ка ты жену со своим отродьем и ступай прочь!

Услышав такое, испугался Хынбу и со слезами на глазах отвечал брату:

— Братья — словно руки и ноги: если мы, два брата, станем жить врозь, не будет тогда в семье мира и справедливости. Одумайтесь, брат, молю вас!

Но достаточно было взглянуть на Нольбу, чтобы стало ясно: он и не подумает оставить брата в доме, не уступит ему даже комнатенки. Более того! Он явно собирался выпроводить брата как есть — с пустыми руками. Услышав же, что младший брат ему перечит, Нольбу рассвирепел, вытаращил глаза и, засучивая рукава, заорал:

— Ах ты скотина! Хорошо ли я живу, плохо ли — это моя забота. Долго ты еще будешь есть мой хлеб? Может быть, ты собираешься вечно сидеть на шее старшего брата? Хватит болтать, живей проваливай!

Добрый Хынбу подумал: «Такая уж у моего брата натура. Если я подниму шум и обо всем проведаяют соседи, то брат еще пуще разгневается».

Поэтому, ни слова более не сказав, отправился он на свою половину и стал советоваться с женой, что предпринять.

Жена Хынбу, как и ее супруг, была женщина добродетельная и кроткая. Она слушала, и из глаз ее катились тихие незлобивые слезы.

— Что с деверем поделаты! — сказала она. — Но куда идти? Ведь у нас нет своего угла. Где мы с детьми найдем пристанище?

Так горевали они всю ночь напролет, и вот уже залел восточный край неба. А Нольбу тут как тут — горланит у дверей:

— Ты слышал, что я тебе вчера сказал, мерзавец?

Почему ты еще здесь? Коли сейчас же не уберешься с глаз долой, отколочу палкой до полусмерти и вышвырну вон!

Долго ли можно выносить такое обхождение!

Ничего не ответил ему Хынбу. С женой и малыми ребятами молча вышел он за ворота и отправился куда глаза глядят.

Перебрались через гору. Там, у ее подножия, Хынбу вырыл пещеру. В ней они скоротали ночь, сбившись в кучку.

Как ни раскидывал умом Хынбу, а податься было некуда. Ничего другого не оставалось, как здесь же, вблизи от родных мест, сложить убогую хижину в два-три кана.

И вот он уже строит... Нет, он не поднимался на зеленую, изрезанную бесчисленными уступами гору, и не звенел там его топор о могучие стволы. Не возводил высокий и просторный дом с четырех углах с внутренним двором, женской половиной, главным залом и помещениями для слуг. Не ладил карнизов в виде веера, не клеил цветной бумаги по стенам, не ставил затейливо выточенные фигурки меж столбов, не сооружал красную веранду и не прилаживал раздвижных решетчатых дверей и окон...

Остро наточил Хынбу серп и, воткнув его в чиге, отправился на старое заброшенное поле. Там он нарезал большую вязанку стеблей гаоляна и полыни. Затем мотыгой расчистил на кривой горюшке место и принялся за работу.

Еще далеко было до полудня, а у Хынбу уже готовы и женская половина, и главный зал, и службы. Да еще целых полвязанки гаоляновых стеблей осталось!

Взгляните-ка на женскую половину — ну разве не просторно?!

Когда ложится Хынбу — ноги до лодыжек проходят

сквозь стену и торчат оттуда, будто у преступника в колодках. Запоматовав, встанет во весь рост — голова протыкает крышу, словно ему на шею за пьянство и азартные игры надели кангу. Когда же Хынбу потянется во сне, ноги его попадают во двор, кулаки оказываются за стенами хижины, а зад — за плетнем. Проходят мимо соседи из деревни — спотыкаются и бранятся: убрал бы, мол, свой зад. В испуге вскакивая тогда Хынбу и, громко плача, сетовал на судьбу:

— О горе мое горькое, участь печальная! Бывает ведь людям удача. Дарует им судьба чины высокие и титулы почетные. И советники-то они, и министры... Живут в хоромах, наслаждаются богатством и славой, в шелка одеты, на столе рис белее белого нефрита. В удел же таким, как я, достаются лишь нужда да прозябание в убогой лачуге. Сквозь крышу видны звезды, и если на дворе чуть накрапывает дождик, то в доме льет как из ведра — точь-в-точь как в стихах: «Когда из праздно́й тучки в синем небе вдруг мелкий дождь заморосит, в мое жилище низвергаются потоки». От задней двери осталась лишь решетка, а на передней и той нет, и ледяной осенний ветер пронизывает, словно стрелы. Самый младший просит грудь, а постарше — кланчит кашу. Нет больше сил у меня, горемычного, жить так дальше!

Нужда нуждой, но по ночам он трудился усердно, и что ни год, то прибавление в семействе. Дети росли, будто грибы. А во что одеть эту ораву? И старшие и младшие в чем мать родила толкуются в одном углу. Откроешь дверь в хижину — а там ни дать ни взять берег реки во время купания: полным-полно нагих ребятишек.

Удрученный Хынбу прикидывал и так и этак, во что бы ему одеть свое нагое потомство. Но что мечтать об одежде, когда досыта поест и то удастся в лучшем

случае раз в три месяца! И дни и ночи думал он, но ничего так и не смог придумать.

«Ага, есть выход!» Выпросив где-то большой кусок соломенной рогожи, Хынбу проделал в нем дыры по числу голов ребятишек. Затем согнал всех в один угол и напаялил на них эту рогожу. Словно проросшие бобы, выглядывают из рогожи головы детей, и, если бежит за нуждой один, следом мчатся, будто свита важного сановника, и все остальные.

Ко всему прочему они постоянно что-нибудь клянчат.

— Ой, мама, поесть бы лапши с мясным бульоном! — просит один.

— А мно тушеных овощей с мясом и яиц! — вторит другой.

— Хочу лепешку из пареной репы! — хнычет третий.

— Цыц, пострелята, — со вздохом отвечает им мать. — В доме нет даже тыквенной похлебки, а вы чего захотели.

— Мама, я хочу жениться, — пристаёт между тем старший.

Так докучали им дети. Однако чем же их все-таки кормить? Ведь в доме нет даже горсти крупы. Поломанный обеденный столик с разъехавшимися в стороны ножками в глубоком молитвенном поклоне припал одним краем к земле. Горшки и плошки, все с отбитыми краями, по три-четыре дня лежат опрокинутые на полке, а день, когда в котелке варится рис, — счастливое событие, которое, как говорится, по календарю бывает раз в шесть декад. Глупая мышь трудилась две недели, сиюсь отыскать зернышко риса, но лишь натерла лапки и так пищала, бедная, что слышно было за три села. Как тут не горевать!

— Не плачь, мой маленький, не проси молока. Откуда ему быть у голодной матери? И вы, дети, не просите риса. Где я вам его возьму?

Но даже в эти горькие минуты Хынбу по-прежнему был добр; ему неведомы ни злоба, ни хитрость, душа его чиста, как белый нефрит с Куньлуня. Считая добродетель образцом, он был далек от зла, не знал ни зависти, ни жадности и не искал утех в вине. Как можно надеяться приобрести богатство и чины, имея такую душу?!

— Выслушайте меня,— обратилась как-то к Хынбу его супруга.— Оставьте ваше бесполезное благородство. Смирennemудрый Янь-цзы отправился к праотцам в грязном захолустье в тридцать лет. Братья Бо И и Шу Ци со своей скромностью умерли голодной смертью в горах Шоуяншань, покинув неутешных молодых жен. Вот так же нет никакого толка и в вашей честности и бескорыстности. Попытайтесь-ка лучше накормить своих детей. Прошу вас, ступайте к деверю и попросите у него хоть малую толику риса или денег.

— У брата нам не выпросить ничего. Вот только разво ячменем¹ он угостит...— отвечает ей Хынбу.

Простодушная супруга Хынбу возразила:

— Скажите на милость! Что же, по-вашему, ячмень не еда? Ячмень — это хлеб в неурожайный год. Да ежели распарить его в горшке, так он будет посытнее риса!

А Хынбу ей в ответ:

— Э, жена, да ты никак вообразила, что я говорю о том ячмене, который бывает озимым, яровым или поздним! Если мой брат увидит у кого-нибудь хоть объедки

---

¹ Игра слов: корейское слово «ячмень» звучит одинаково со словом «палка», «дубинка». Последнее значение и имеет в виду Хынбу. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

со своего стола, он не посмотрит на то, родственник перед ним или нет: мигом поколотит дубовой или ясеновой палкой. Как бы мне у него такого «ячменя» не ответить!

— Ну что вы такое говорите? — упорствовала жена. — Ведь есть же пословица: «Милостыни не подадут, но и по руке протянутой не ударят». Попытка не пытка, попробуйте прежде, а там и возвращайтесь назад.

Выслушав супругу, Хынбу скрепя сердце отправился к старшему брату.

Взгляните-ка на Хынбу! Старый мангон на лбу его давно уже распустился, шпурки у мангона надвязаны ремешком от прялки. Шляпа с отвалившейся тульей сплошь прошита литками, завязкой к шляпе служит тонкий побег молодого бамбука. От халата остался почти один ворот, живот стянут связанным в нескольких местах кушаком с кистями. Изодранные штанины перехвачены внизу тесемками из травы, на ногах развалившиеся соломенные туфли. В руках Хынбу — веер из трех перьев. Сзади на поясе болтается маленький мешочек.

Пошатываясь, словно хворый под порывами ветра, Хынбу кое-как добрался до дома Нольбу.

Глянул вправо, глянул влево — куда ни ступишь, всюду во дворе высятся груды зерна, прикрытые циновками.

Радость простодушного Хынбу была беспредельна. Но как-то еще обойдется с ним Нольбу! Припомнились тут Хынбу прежние побои, и, еще не увидев старшего брата, он уже испугался и задрожал, как осиновый лист.

Смирненно приблизился Хынбу к крыльцу и, почтительно сложив руки на животе и часто кланяясь, осведомился о здоровье старшего брата.

Другой на месте Нольбу тотчас подбежал бы к брату, взял его за руку и со словами приветствия ввел бы в свое

жилище. Какие-де разговоры с дорогим гостем во дворе!

Но Нольбу никогда не ведал справедливости. Сметнув, что Хынбу пришел просить у него денег или риса, Нольбу прикинулся, что не узнает брата, и несколько раз переспросил его, кто, мол, он такой.

— Я — Хынбу, — сдавленным голосом ответил ему брат.

— Какой еще Хынбу? Не знаю никаких Хынбу! — заорал Нольбу.

Горько заплакал тогда Хынбу:

— О брат, зачем вы так говорите? Умоляю вас, помогите нам! Несчастные дети уже не держатся на ногах от голода, а мне нечем их накормить. Поборов стыд, пришел я к вам просить о помощи. Вспомните о братских чувствах, не откажите в малой толике риса. Я отработаю за него сторицей. Ужель я не смогу отплатить за ваше благодеяние, ужель останусь в долгу перед вами! Подумайте — мы ведь братья. Спасите погибающих!

Ну, а что же Нольбу? Услышав призывы брата о помощи, он подскочил, будто свиреный тигр, выпучил свои злые, налитые кровью глаза и с бранью обрушился на Хынбу:

— Бессовестная тварь! Послушай же, что я тебе скажу. Небо не рождает человека без дохода, земля не рождает травы без названия. Почему же ты несчастен? Почему лезешь ко мне со своей докукой? Тошно слышать твои речи!

— Нет более мочи голодать с малыми детьми, — отвечал ему сквозь слезы Хынбу. — Вот и пришел я, бессовестный, просить старшего брата о милости. Умоляю вас, дайте какой-нибудь пищи. А коли нет ее — хоть три монетки... День-другой мы бы на них прокормились.

Пуще прежнего разгневался Нольбу:

— Слушай, мерзавец! Много риса в амбарах моих, да чтобы тебе дать — мешок надо развязывать. Немало его у меня и во дворе в грудях лежит, да коли тебе дать — придется груду рассыпать. Деньги тоже водятся в моем доме, да тебе дать — надо новую связку развязывать. Дал бы тебе муки, да кувшин станет неполным. Из одежды тебе дать чего-нибудь — значит оставить раздетыми слуг. Дал бы тебе ложку холодного риса, да нечем пса будет накормить, дал бы тебе барды, только тогда свинья с поросятами будут некормлены. Коли дать тебе мешок бобов, так ничего не останется моим четверем волам. Нет у тебя ни капли совести, бесстыжая тварь!

— Ваши упрёки, наверное, справедливы, но не дайте же погибнуть своему младшему брату! — продолжал умолять Хынбу.

Вконец рассвирепел Нольбу. Громовым голосом кличет он слугу Мадансве и приказывает ему:

— Ну-ка открой задний амбар. Там, как войдешь, свален в кучу ячмень.

Услышал это Хынбу и обрадовался:

«Видно, сжалился брат надо мною и решил дать мне мерку ячменя».

А Нольбу тем временем с помощью Мадансве разобрал груды впрок заготовленных топорищ, что спрятаны были за мешком ячменя, выбрал топорище по руке и набросился на Хынбу. Для начала хватил кулаком по затылку, а затем принялся колотить его палкой, — ни дать ни взять монастырский служка, ловко орудующий метелкой, или буддийский монах, выбивающий дробь на своем барабанчике перед статуей Будды!

— Ай! Что вы делаете, брат! — вскричал Хынбу. — Ведь даже злодей Чжэ, гордыней обуянный, святой в

сравнении с вами, а коварные Гуань-шу и Цай-шу, — совершеннейшие люди! Разве не братья мы с вами? Не хотите дать — не надо. Зачем же бить? Ой, умираю!

Куда там! Жестокосердый Нольбу не унимался и колотил брата по чему попало. Но вот наконец Нольбу совершенно выбился из сил. Тогда он швырнул топориче в сторону и, тяжело дыша, проговорил:

— Смотри, мерзавец, не попадайся мне больше на глаза!

Затем он круто повернулся, с шумом хлопнул дверью и скрылся в доме.

От этой выволочки тело у Хынбу обмякло, а в голове была единственная мысль: как бы убраться поскорее восвояси.

Но, может быть, что-нибудь у супруги брата удастся выпросить?

И вот Хынбу на четвереньках пополз к очагу — там, кстати, как раз варилась каша.

Мало того что Хынбу был нещадно избит, в его желудок уже несколько дней кряду не попадало ни крохи. И когда до него допелся запах варева, внутри у Хынбу будто все перевернулось. Приблизившись к очагу, Хынбу обратился к жене Нольбу со следующими словами:

— О невестка, дай хоть ложку риса. Сжался над младшим братом!

Но подлая баба была под стать своему муженьку. Стремительно обернувшись, она отрезала:

— У баб свои заботы, у мужиков — свои. Куда ты лезешь?

И, выхватив живехонько черпак из горшка, наотмашь стукнула им Хынбу по правой щеке.

У Хынбу от такого угощения из глаз посыпались искры и голова пошла кругом. Но когда тронул он укладкой щеку, то обнаружил, что к щеке прилип комок

вареного риса. Подобрал его языком, Хынбу проговорил:

— Стукнуть-то ты меня стукнула, да заодно и кашей накормила. Премного тебе благодарен. Не посчитай же за тяжкий труд, ударь и по левой щеке. Да захвати черпаком побольше каши. Будет на что взглянуть моим ребятишкам!

Вредная баба отложила черпак в сторону и, схватив кочергу, так огрела ею Хынбу, что тот не мог ни охнуть, ни вздохнуть. Делать нечего. Горько рыдая, поплелся Хынбу прочь, полный отчаяния.

А в это время жена Хынбу кормила грудью плачущего младенца и уговаривала старших — грустное зрелище, которое любому бы сдавило сердце болью. Вращая свободной рукой прилку, она утешала детей:

— Не плачь, моя крошка, не плачь... Ну, а вы чего ревете? Вчера вечером я рушила рис у уважаемого Кима, принесла с собою целую мерку и все сварила вам. А ведь у нас с отцом до сих пор во рту не было ни крошки. Ваш отец ушел к дяде. Вот принесет он денег или риса, тогда сварю и кашу и похлебку. И вас накормлю, и сама поем... Не плачь, малютка, не плачь!

Но тщетны все уговоры. Разве уймешь отчаянно ревущих ребятишек, не накормив их чем-нибудь!

Покуда жена Хынбу, сложив руки на голове и устремив взор вдаль, поджидает своего супруга, взглянем на нее! От ее ветхой кофты уцелел лишь ворот, стеганные штаны изодрались вконец, а от старой юбки остался один перед. На ногах — матерчатые носки в сплошных дырах и соломенные туфли без пяток...

Взад и вперед ходит она у дверей своего жилища и, уговаривая детей, ждет возвращения Хынбу.

Ждет так, как ждали некогда дождя в Семилетнюю засуху, как ждали солнечных лучей в Великий девяти-

летний потоп, как Чжугэ Лян, молясь на холме Духу семи звезд, ждал юго-восточного ветра, как Цзян-тайгун ждал на берегу Вэйшуй чжоуского правителя Вэньвана. Она верит, как верят прославленному полководцу его воины. Ждет так, как дети ждут, когда вернется с жертвенными хлебцами мать, ушедшая к шаманке, ждет, как может ждать в пустом жилище одинокая супруга своего мужа...

Ждут с нетерпением возвращения Хынбу и дети, не выходя целый день.

Как быстро минул вчерашний день, и как невыносимо медленно тянется время сегодня. Нет, неправду говорят стихи: «Ход времени неумолимый стремительному бегу вод подобен!»

Но вот показался наконец Хынбу. Охмелевший от палок, он едва тащился, покачиваясь из стороны в сторону.

— С благополучным возвращением, супруг! Родственники-то, видать, раздобрились. Вои как напились у брата! Ну, входите скорее! Коли рис у вас, кашу мигом сварю, а коли деньги — пойдем к Киму и купим у него съестного хотя бы на раз.

Слушает Хынбу жену, а к горлу будто комок подкатил.

— Сладкие речи твои, что урожайный год...

Но, будучи по природе своей человеком дружелюбным и братолюбивым, Хынбу не осмелился сразу рассказать о случившемся в доме старшего брата. С деланным спокойствием он начал:

— Ну вот, слушай, жена. Пришел я к брату. Брат и невестка вышли навстречу, пожали мне руку и спрашивают, почему, мол, раньше не приходил. Потом пригласили в дом, угостили добрым вином и горячим обедом — кушай-де на здоровье. Брат дал пять лянов денег и три

мерки риса, а невестка добавила еще три лян да две мерки бобов. «Ступай, говорят, скорее и накорми детей». Позвал брат слугу и велел ему отнести ношу ко мне домой. А я говорю слуге: «Не надо, я сам». Вышел я от брата, поднялся на гору, а там откуда ни возьмись разбойники. Все как есть отобрали. Вот и пришел я ни с чем.

Рассказывает Хынбу, а между тем из глаз, будто дождь, льются слезы.

Жена, должно быть, приняв в соображение характер деверя и его супруги, не поверила Хынбу.

— Полно вам! Неужто я не понимаю? Знаю я и деверя и невестку. Какие там пять лянов и три мерки риса! Зачем вы рассказываете мне эти нобылицы?

И тут, пригледевшись внимательно к мужу, она увидела, что супруг ее весь в крови, лицо распухло, а на теле живого места нет.

Дух зашелся у жены Хынбу. Опустившись на землю, она запричитала:

— О, что же это такое! Ведь не хотел супруг мой обращаться к старшему брату за помощью! Но горько стало ему от моих попреков. Пошел он. И вот что случилось! О я, несчастная! Даже своему супругу я служить не в состоянии, и теперь мне приходится быть свидетельницей такого печального зрелища. Зачем мне теперь жить на белом свете! Как жестоко побил его этот бессердечный, злой янбан, этот сквалыга, которому жаль мерки риса, горами насыпанного у него во дворе!

Из сострадания к жене Хынбу не стал пересказывать слова, которые ему довелось услышать от старшего брата, и принялся утешать ее:

— Не горюй, жена. Как гласит пословица: «Всю голь не накормить и государству». А уж что говорить о

моем брате! Пойдем-ка мы с тобой на поденщину. Авось как-нибудь и прокормимся.

Жена Хынбу покорно согласилась, и вот супруги отправились на поденную работу.

Супруга его рушит рис, процеживает вино в трактирах. Преставится кто-нибудь в деревне — она шьет для семьи усопшего траурную одежду. Отмечают семейный праздник — моет посуду. Или готовит жертвенные хлебцы в доме, куда пригласили колдовать шаманку. Случалось ей и выгребные ямы очищать. Когда же сходил снег, она собирала в горах съедобные травы, сеяла ранний ячмень. Чего ей только не приходилось делать! А Хынбу во вторую луну, когда дуют ветры, пахал землю, а в третью-четвертую луны сеял рис. Работал он и на суходольных и на орошаемых полях. А как минет страда, Хынбу принимается ходить из дома в дом: кому крышу покроет соломой, кому циновки сплетет. Пробовал он торговать дровами, панимался возчиком к торговцу рисом и посыльным в уездную управу. Погрузит кому-нибудь поклажу — дадут пять грошей, лошадь подкует — два гроша, очистит яму — грош. И веники он вязал, и, встав чуть свет, подметал дворы, и воду носил соседям. В управе Чонджу таскал на спине связки денег, а в управе Тэгу переносил поклажу...

Но как Хынбу ни выбивался из сил, жить иначе, как впроголодь, ему не случалось.

И вот однажды, не видя никакого другого выхода, надумал Хынбу идти в уездный город и просить мешок риса из государственных закромов.

— Послушай, жена. Мне надобно сходить по делу в уезд, — сказал он супруге и, умолчав о цели своего путешествия, стал собираться в дорогу.

Надел на голову разлезшийся от времени мангон, натянул ветхую рубаху и штаны, сквозь которые то тут,

то там проступало обнаженное тело, подвязал повыше под коленями тесемки потрепанных холщовых поножей, на шляпе без тульи потуже затянул бамбуковую завязку. Для пущей внушительности Хынбу дополнил свой наряд латаным-перелатаным янбанским халатом, взял в руку трубку в одну пядь длиной и, спотыкаясь и выписывая вензеля, будто пьяный, двинулся в дальний путь.

Придя в уездную столицу и отыскав присутствие, Хынбу с трудом поднялся в помещение, где восседал начальник канцелярии, и небрежно — хотя и был ни жив ни мертв от страха — обратился к чиновнику:

— Ну, что у вас тут новенького? В благополучии ли изволят пребывать их милость, правитель города? А знаешь, я, пожалуй, присяду. Тридцать ли сюда шел, поясницу ломит...

И Хынбу принялся набивать трубку.

— Что угодно сюцаю Ёну? — спросил его писец.

— Да вот пришел просить риса из государственных закромов. Не мог бы ты распорядиться на этот счет?

— Как нищий смеет просить о том, чтобы ему выдали бесценное государственное зерно! Впрочем, не случилось ли сюцаю когда-нибудь отведать батогов?

У Хынбу при этих словах сердце ушло в пятки.

— Чего это ты о батогах завел речь? Лучше бы помог мне добыть риса. Я бы хоть ребятишек своих накормил.

— Риса, сюцай, не просите. А вот батогов — это извольте. Здешнего богача Кима кто-то оклеветал перед губернатором, и уже пришел приказ заключить его под стражу и передать по инстанции. А богач этот возьми да и заболел, и на всю родню его тотчас же напала хворь. Поэтому Ким хочет послать вместо себя замену и просил меня помочь ему найти охотника. Если сюцай Ён

пойдет вместо Кима в губернскую управу и даст себя наказать батогами, то получит вознаграждение в тридцать лянов. Ну как? Угодно ли сюцаю лефь на скамью вместо другого?

Слова начальника канцелярии несказанно обрадовали Хынбу. О том, сколь трудно вынести такое наказание, он нимало не размышлял.

— А велико ли наказание?

— Да уж раз тридцать-то вас вытянут.

— И за те тридцать ударов, которые я получу, мне дадут тридцать лянов?

— Конечно. За каждый удар — один лян.

— Смотрите, только никому другому не говорите, — забеспокоился вдруг Хынбу. — Если папаша Квесе из нашей деревни проведаёт об этом, то примчится туда раньше меня. Никому не сообщайте эту новость.

Начальник канцелярии вручил Хынбу пять лянов на дорожные расходы и сопроводительную бумагу в губернскую управу.

— Отправляйтесь туда поскорее. Вот это письмо отдадите стражникам в губернской управе. Бить будут вас несильно, только для вида. Кроме того, богач Ким отправит следом сотню лянов в губернский гарнизон. Ступайте и не тревожьтесь.

От радости Хынбу, так непочтительно начавший давеча свой разговор с начальником канцелярии, теперь вдруг стал необычайно вежлив.

— Я непременно приду, ваша милость, господин начальник, — низко кланяясь, заверил он на прощание чиновника.

Затем завернул в нося полученные пять лянов и направился домой, напевая «тхарён».

Еще издали заметил он свою супругу и закричал:

— Погляди-ка, жена! Некогда Ли Шань за свою преданность был пожалован золотом. А прославленному ханьскому полководцу Гуань Юю, когда попал он в страну Вэй, преподнесли тысячу мер золота, пока сидел он в седле, да сотню мер, как сошел с коня. Вот и я, ничтожный, сподобился нынче: стоило мне показаться в уездном городе — и на меня в тот же миг невесть откуда свалились тридцать лянов. Эй, жена, отодвинь-ка полог!

Обрадованная жена выбежала ему навстречу.

— Что это вы там кричите о деньгах? Неужели взяли в долг под проценты?

— Ну что ты! Разве я смогу выплачивать проценты?

— Тогда, должно быть, нашли на дороге?

— Эти деньги в самом деле — дар судьбы, — посмеиваясь, отвечал супруге Хынбу.

— Ну конечно, вы нашли их на дороге! А как горюет теперь потерявший эти тридцать лянов! Послушайте, супруг. Ступайте скорее и положите деньги на то место, где вы их взяли. Будет искать пропажу владелец, а вы тут как тут. Он поблагодарит вас и, глядишь, даст лян-другой. Вот это будет справедливый поступок!

А Хынбу ей в ответ:

— Твои слова, жена, конечно, достойны того, чтобы следовать им. Но выслушай меня. Не на дороге я нашел эти деньги, и никто не дал мне их даром. Был я в уездном городе. А там, оказывается, кто-то оклеветал тамошнего богача Кима и настроил на него донос в губернскую управу. Богач же этот нынче болен, и тому, кто согласится пойти вместо него в управу и получить тридцать ударов батогами, дадут тридцать лянов да еще пять лянов на дорогу. Не счастливый ли это случай? Разве это не удача — не моргнув глазом, отхватить тридцать лянов за какие-то там тридцать ударов?

Услышав это, супруга Хынбу испугалась.

— Зачем вы продали себя? Ведь вам даже неведома вина этого человека, а вы собираетесь принять на себя его грех! А вдруг он убил человека, или кого-нибудь ограбил, или же хитростью завладел чужим добром? Когда вас, голодного да тощего, начнут в управе бить батогами, помрете вы там от самой малости. Умоляю вас, откажитесь от этой затеи. Если же вы решили поступить по-своему, то прежде убейте меня и похороните. Мертвой я уже ничего не буду знать, и вы тогда будете вольны делать все что угодно. Но пока я жива, вы никуда не пойдете. Заклинаю вас, не ходите, послушайтесь меня. Если вы умрете под батогами, мы все погибнем. Не отвергайте же моей просьбы.

Пока Хынбу внимал настойчивым мольбам своей супруги, он был согласен с ней. Но тридцать блестящих монет вновь и вновь рисовались его воображению. Не в состоянии побороть соблазн заполучить такие большие деньги — и притом всего-навсего за несколько ударов батогами, Хынбу принялся уговаривать жену:

— Ты только представь себе, как бы тогда сложилась наша жизнь!.. Я бы выдержал в числе первых государственных экзамены и разъезжал в чиновничьей коляске или стал бы командующим пяти столичных полков и красовался бы в седле полководца. Или назначат меня губернатором одной из восьми провинций, и буду я восседать в своем приемном зале. А то стану начальником канцелярии в уездной управе или хотя бы старостой в нашей деревне. Будут меня тогда усаживать на почетное место. Какой мне сейчас прок от моих ягодич? А пойди я в губернскую управу да вытерпи там всего лишь тридцать ударов, так будут у нас тридцать лянов. На десять лянов куплю мяса для поправки после наказания, на другие десять лянов куплю риса и досыта на-

кормлю всю семью. На остальные же деньги куплю вола. За два года я откормлю его с кем-нибудь на паях, потом мы его продадим и женим старшего сына. Будут у него дети, а у нас с тобой внуки. Ну не счастливый ли это случай?

«Все это заманчиво,— думала жена Хынбу,— но идти по такому пути нельзя».— И она упорно продолжала противиться уговорам супруга.

Тогда Хынбу, занятый единственной мыслью: как бы ему поскорее добраться до управы, вынужден был прикинуться сраженным доводами жены и сказал ей:

— Ладно, будь по-твоему. Никуда я не пойду. Вот только наведаюсь к достопочтенному Киму: попрошу у него охашку соломы, чтобы силести туфли.

Обманув таким способом жену, Хынбу прямехонько направился в губернскую управу. Добирался он туда, конечно, не в седле, а шел пешком по сто семьдесят ли в день в надежде заработать тридцать лянов и через несколько дней прибыл в управу.

Впервые в жизни Хынбу взирал на здание губернской управы. Не зная где что, он растерянно топтался перед главными воротами. Как раз в ту пору у входа прохаживался стражник в полной форме. Увидев его, Хынбу расхохотался:

— Экая у него потешная шляпа! С красной шишечкой!

Наконец Хынбу решил пройти в ворота. И тут у него от страха подкосились ноги: во дворе было полным-полно стражников и прочего управского служилого люда; то тут, то там позвякивали колокольчики, и протяжные возгласы караульных неслись в голубое небо.

— Не иначе, как на тот свет я попал! — в ужасе заголосил Хынбу.— Как ни верти, а живым мне отсюда,

видно, уж не выбраться. Не послушался я жены, заупрямился...

Но в ту минуту, когда Хынбу уже было раскаялся в содеянном, звякнули колокольчики и раздался возглас: «Повинуюсь». Перепуганный Хынбу снял шляпу, обнажив на голове связанную в узел косицу, и, приблизившись к начальнику стражи, обратился к нему:

— Ваша милость, я пришел первым! Пустите меня вперед!

— Что за сумасшедший янбан? — удивился тот. — Ступайте прочь!

— Не издевайтесь же над человеком. Проведите меня поскорее! — взмолился Хынбу.

— Кто вы такой и что вам здесь нужно? — спросил у Хынбу начальник стражи.

— Я хочу принять на себя наказание, назначенное богачу Киму из нашего уезда.

— Так это вы сюцай Ён из деревни Подокчхон?

— Да, ваша милость.

Кликнув одного из управских стражников, начальник приказал ему:

— Вот этот янбан пришел сюда вместо богача Кима. Забери его и учини допрос. Да смотри, бей полегче. К нам в канцелярию пришло письмо и сто лянов.

Подивились на Хынбу прочие стражники и принялись его утешать и успокаивать.

Но вдруг донесся голос глашатая: «Слушайте, слушайте!» — и в воротах показалась процессия с носилками, на которых восседал чиновник. Сойдя на землю, чиновник огласил королевский указ.

— Именем короля все преступники, кроме убийц, во всех провинциях и уездах освобождаются из-под стражи.

Тут снова появился начальник стражи.

— Ну вот, сюдай Ён, ваше дело улажено,— обратился он к Хынбу.

— Стало быть, я смогу заменить Кима? — обрадовался Хынбу.

— Всех преступников велено освободить. Ступайте домой.

Хынбу приуныл.

— Послушайте, я же пришел сюда как раз за тем, чтобы меня наказали батогами. Ведь уговорились: за каждый удар — один лян. Если я вернусь с пустыми руками, рухнут все мои надежды.

— Вот что, сюдай Ён,— сказал начальник стражи.— Вы пришли сюда по делу богача Кима. Если он откажется заплатить вам, ссылаясь на то, что вы, мол, не побывали под батогами, приходите к нам в управу. Мы как-нибудь выжмем из него хотя бы грошей сто в вашу пользу. Ну, а теперь идите.

Делать нечего. Не солоно хлебавши Хынбу отправился восвояси. Проходя мимо канцелярии волостного правителя, он увидел, как бьют батогами несчастных, не сдавших свою долю риса в государственные хранилища, и горестно вздохнул:

— Вот где богатый урожай на батоба!..

Горько сетуя на свою судьбу, купил Хынбу хлеба на один лян, оставшийся у него от дорожных денег, взвалил его на спину и зашагал к дому.

А между тем жена Хынбу, догадавшись, что ее супруг отправился в губернскую управу, сложила позади хижины жертвенник, поставила на него чашку с водой, зачерпнутой из колодца на рассвете, и принялась возносить моления:

«Молю о милости! Рожденный в год «Ыльчук» хозяин дома господин Ён ушел с намерением принять на себя чужой грех. Молю несчетно тебя, всевышний, и

вас, о добрые духи земли и неба, пусть он вернется невредимым!»

Свершив молитву, преданная супруга вернулась в хижину. Одинокая, сидела она в пустом жилище и горько плакала:

— О мой супруг, непорочный и чистый, как небеса! Зачем из-за беспросветной нищеты обрек ты себя на истязания? Увижу ли я теперь тебя живым? Как мне узнать, что случилось с тобою? Может быть, ты сейчас лежишь ничком и кожа на твоей спине вздулась от жестоких побоев. Может быть, ты уже кончаешься под батогами палача, за которым зорко следит свирепый надсмотрщик...

Но вот показался Хынбу. С радостными возгласами жена кинулась навстречу супругу.

— Что я вижу: вернулся мой супруг! Конечно, вас признали невиновным и отпустили! Или... неужто вас все-таки пытали? Как вы смогли вынести такое жестокое наказание? Дайте же взглянуть на ваши раны!

Раздосадованный своей неудачой, Хынбу в сердцах принялся бранить жену:

— Спрашивает меня о ранах! Спроси о них у своего дедушки! Синяки, раны... Откуда им взяться, глупая баба, когда меня ни разу не ударили?

— Ну вот и хорошо! — воскликнула жена Хынбу. — Ну не чудесно ли: супруг, уже было совсем готовый лечь под батога, возвращается невредимым! Да есть ли на свете большее счастье! С того дня, как вы ушли в губернскую управу, я неустанно возносила моления перед жертвенником за нашей хижинкой. И вот по милости неба вы благополучно вернулись домой. О, как я счастлива! Если бы вас, голодного и худого, избили в управе батогами, вы бы непременно померли. Как же мне не радоваться!

Глядит Хынбу на то, как ликует его супруга, а к горлу подкатывает комок. Невесело у него на душе. Задумался он о своей горькой доле, о том, как ему спасти детей, и неутешная печаль овладела им пуще прежнего. Дождем покатались слезы из глаз, и судорожные рыдания сотрясли грудь Хынбу. В отчаянии он стал колотить себя руками в грудь.

Взглянула жена на Хынбу — и куда девалась ее радость. Вновь охватили ее горестные мысли, и она заплакала вслед за супругом.

— Не плачьте,— успокаивала она мужа сквозь слезы.— Вспомните, как праведник Янь Юань терпел лишения и нужду и не роптал на свою участь. Ведь и Фу Юэ клал прежде стены в Фуяне, а повстречался со справедливым государем — обрел и славу и богатство. А шанский министр И Инь! Был он простым хлебопашцем в Синье, а встретил такого праведного государя, как Чэн Тан, и стал его правой рукой. Или ханьский полководец Хань Синь. Немало горя хлебнул он в молодости, а ведь у Гао-цзу он стал крупным военачальником. Да разве перечислишь все, что было на свете! Недаром говорили в старину: «Того, кто трудится прилежно в поле, не может сделать нищим даже Небо». Как знать: быть может, и для нас, коль будем мы праведны и усердны, наступят светлые времена?

Согласившись с супругой, Хынбу сидел в глубоком раздумье.

Как раз в это время мимо проходил племянник богача Кима. Прослушав о возвращении Хынбу, он заглянул к нему в хижину.

— Как это вы, едва держась от голода на ногах, ухитрились перенести наказание в управе? — подивился молодой Ким.

Хынбу, в надежде получить несколько лянов, совсем

было уже собрался поведать о том, как его нещадно избили батогами. Но по природе своей человек прямодушный, он в конце концов выложил все начистоту.

— Оно, конечно, было бы неплохо, кабы меня побили батогами, по ничего не вышло,— закончил он свою грустную повесть.

Внимательно выслушав Хынбу, молодой Ким молвил:

— Доброй души вы человек! Об этом мне от кого-то уже приходилось слышать. Однако согласитесь, что вам не следует просить денег лишь за то, что вы благополучно вернулись домой. Вот у меня как раз есть семь или восемь лянов. Возьмите их и купите себе мерку риса.

И, попрощавшись с Хынбу, племянник богача Кима отправился дальше.

Долго смотрел вслед гостю Хынбу, думая про себя:

«Меня в управе не ударили ни разу, а я спокойно взял чужие деньги. Нет у меня совести! Но ведь недавно говорят: «Проголодав десять дней, достопочтенным мужем не станешь». Что мне еще оставалось делать?»

Часть этих денег Хынбу потратил на рис, а на остальные купил приправы. Так они прожили еще несколько дней.

И вот опять нечего есть. Что же предпринять?

«Попробовать, что ли, плести на продажу туфли из соломы?» — подумал однажды Хынбу и обратился к жене со следующими словами:

— Сходи-ка к соседу, достопочтенному Киму, и попроси у него одну-единственную охапку соломы. Без поля не займешься земледелием, без денег не начнешь торговли. А мне нужна солома: буду плести туфли.

Но жена заупрямилась:

— Как в чем нужда, мы тотчас к ним бежим про-

снить. И вот вы опять про то же... Придешь к ним — от стыда не можешь слова вымолвить.

Вспылил Хынбу:

— Довольно! Схожу сам! — и отправился к Киму.

На стук вышел хозяин.

— Что тебе угодно?

— Нет у меня более мочи жить впроголодь с такой семьей, — взмолился Хынбу. — Решил я плести туфли на продажу. Не откажите в милости: дайте охапку соломы!

Выслушав Хынбу, почтенный Ким молвил:

— Горемыка ты несчастный. Брат твой — богач, а ты живешь в такой нужде. Как мне не пожалеть тебя!

После этого он отправился на задворки, разворошил стог рисовой соломы и связал несколько охапок.

Несчетно поклонившись в благодарность за оказанную милость, Хынбу взвалил солому на спину и побрел восвояси.

Дома Хынбу сплел несколько пар туфель и продал их на базаре, с грехом пополам выручив три мелкие монеты. На них купил он риса да приправы — едва хватило один раз накормить семью.

Но ведь не станешь всякий раз выпрашивать солону!

И снова Хынбу тяжело вздыхает, утешая детей. А по лицу сами собою катятся горячие слезы.

Болью наполнилось сердце жены Хынбу, и она вслед за супругом заплакала, причитая:

— Что за жизнь мне выпала: одна беспросветная нужда! Как больно мне смотреть на своих дорогих детей — раздетых и голодных! Никто на этом свете не придет голодному на помощь, никто не поможет ковшом воды рыбе, задыхающейся в лужице на дороге. Ужели в этой жизни есть что-нибудь еще, кроме нужды да мук! Страдания растерзанной на части наложницы Ци, пе-

чаль наложницы Бань-цзеюй, сидящей одиноко средь распустившихся цветов во дворце Чансиньгун, скорбь неутешных Нюй-ин и Э-хуан, орошающих кровавыми слезами сяосянский бамбук, тоска Ян-гуифэй в роковой день в Мавэе, горе юной Сукхян, томящейся в лоянской темнице!.. Да разве можно сравнить страдания этих жеп с моими муками?!

И жена Хынбу в отчаянии принялась колотить руками по земле.

У кого хватит сил спокойно взирать на слезы! Хынбу, глядя на свою супругу, осушил мокрое лицо и стал утешать ее:

— Исстари говорят: «И бедность и богатство — не на три века». Не может быть, чтобы нам пришлось терпеть нужду до третьего поколения. Коль будем мы праведны и не станем творить зла, Небо, конечно, не оставит нас, и мы не погибнем от голода. Не плачь, жена, не убивайся!

II

Так тщетно старался Хынбу одолеть нужду. А время между тем все шло да шло, чередой смеялись месяцы, и вот наступила чудесная весенняя пора.

Припомнил Хынбу к случаю несколько иероглифов, из тех, которым некогда учился, и в честь праздника Весны вывел их па стенах своей гаоляновой хижины.

Вот иероглиф «топ» — зима. За ним знак «чху», что значит — осень. Прекрасны в эту пору и земля и небо! Но всех чудесней молодости время — весна. Ей — иероглиф «чхун», а следом — «пэ», что значит — приходить. Вот иероглиф «пи» — порхать. Он вызывает в памяти тенистые деревья, благоухание цветов и порхающих над ними бабочек. Для твари бессловесной — иероглиф

«су» — дикий зверь, для тех, что вьются в небе, — иероглиф «чо» — птица. А чуть пониже — иероглиф «ён» — коршун. Напомнит всякому он стих из «Книги песен»: «В синеве весенней кружит коршун...» А кто не вспомнит о ярких весенних красках, увидев иероглиф «чхи» — фазан! Для звуков грустных в третью стражу лунной ночью — знаки, передающие пение кукушки. Кто парами стремительно снует весеннюю порою? Конечно, белогрудые касатки! Им иероглиф «ён» — ласточка. Отыскивают ласточки жилища праведных людей, лишь к ним они влетают. И поэтому за ласточкою вслед алеют «сим» — искать и «чо» — влетать.

Уж если луна и солнце тянутся во время затмения друг к другу, если даже Ян и Инь, светлое и темное начала природы, сливаются весною воедино, то неужели не быть счастьем у людей!

Подошел наконец и третий день третьей луны. Заготовали стаи сяосянских гусей на прощание: «До встречи, улетаем!» «А вот и мы!» — тотчас защебетали ласточки, вернувшиеся из Цзяннани.

Сторонясь роскошных хором и палат, резвятся ласточки, снуют взад и вперед, то взмоют ввысь, то стелются долу... Увидели птицы Хынбу и радостно защебетали: видно, припились им по душе иероглифы на стенах хижин.

Приметил Хынбу ласточек и принялся их увещевать:

— Неужто мало вам просторных и красивых домов? Зачем летите вы к гаоляновой хижине и вьете на ней свое гнездо? А если от затяжных дождей в шестой и седьмой луне развалится мое жилище? Ведь вам тогда придется худо! Поверьте мне, пичуги, послушайтесь совета! Найдите хороший дом, свейте гнездо и выводите там себе птенцов на славу.

Но тщетны все увещевания. Не внемлют ласточки речам Хынбу — по-прежнему таскают в клювиках комочки глины и строят свое жилище.

Едва лишь вылупились на свет птенцы, как ласточки принялись ревностно учить их летать. И любо было родительскому сердцу следить за тем, как дети то стремглав взмывают вверх, то молнией несутся к земле.

Но однажды неизвестно откуда приползла огромная змея, набросилась на птенцов и мигом пожрала их.

Дух занялся у Хынбу при виде этого злодеяния.

— Ах, гадина! — вскричал Хынбу. — Мало тебе, что ли, другой еды, что ты взялась за невинных птенцов? У, чудище зловредное! Ведь эти ласточки ведут свое племя от славного и мудрого царя. Они не трогают злаков, что идут в пищу человеку, безвредны для людей и возвращаются всегда к старому хозяину. За все это они любимы человеком. Не уберегли родители своих птенцов: всех слопала в мгновение ока, злодейка! Неужто нет в тебе ни капли жалости, подлая тварь? Уж не дух ли ты Белого владыки, которого Пэй-гун поразил своим цюаньлунским мечом? А длинная-то какая!.. Или, быть может, ты то самое чудовище, что причинило столько бед прекрасной Сукхян? Вонловища-то какая страшная!

С этими словами Хынбу схватил топор и отсек голову гаду.

Но в тот же миг откуда-то сверху на землю упал птенец. Бедняжка истекал кровью и дрожал как осиновый лист. Заметив птенца, Хынбу в мгновение ока подбежал к нему, взял осторожно в руки и ласково проговорил:

— Бедная ласточка! Не бойся меня! Хотя я живу и не в благословенные времена иньского царя Чэн Тана, но птиц и зверей люблю!

Туго обернув лапку птенцу нежною кожицей золотоголовой рыбки, что водится в море Чхильсан, он попрощал супругу:

— Дай-ка, жена, шелковую нитку! Перевязать ласточке лапку...

Жена Хынбу быстро сыскала нитку китайского шелка, сохранившуюся у нее еще с тех времен, когда она выходила замуж, и Хынбу осторожно перевязал птенцу лапку, а затем положил его в прохладную росу.

Прошел день, миновал другой, а на десятый раненая лапка у молодой ласточки полностью зажила.

И вот уже пичуга снова реет в вышине или сидит на бельевой веревке и щебечет.

Говорят, что если вслушаться внимательно, то в чирканье ласточки будто можно угадать китайскую поговорку: «Чжи чжи вэй чжи чжи, бу чжи вэй бу чжи, ши чжи е». — «Зная что-либо, говори, что знаешь, не зная, говори, что не знаешь, — вот что такое истинное внимание». А Хынбу чудилось, что певунья щебечет: «В давние времена, когда Жу Цзин был заключен в темницу, радостную весть принесла ему сорока. Был и такой случай, когда опальный сановник был восстановлен в должности именно после того, как он услышал воробья. Хоть я и невидная пичуга, но милосердный поступок я, конечно, вознагражу».

Но вот пришла пора ласточкам собираться в путь. Заготовили сяосянские гуси: «А вот и мы!», — а ласточки, улетающие на зиму в Цзяннань, стали прощаться: «До встречи, улетаем!»

Оставив позади тысячи ли, предстала наша птица пред царем ласточек. И спросил ее царь:

— Отчего ты хромаешь?

Ответствовала ему ласточка:

— Родители ничтожной, прилетев в страну Чосон,

свили гнездо на хижине некоего Хынбу. Но однажды случилось вашей покорной служанке познать ярость змеи. Со сломанной ногой была она на краю гибели, но спас ее от смерти хозяин хижины — Хынбу. Если бы государь соблаговолил помочь Хынбу избавиться от бедности, ничтожная служанка ваша этим хоть в какой-то мере вознаградила бы его за милосердие.

Выслушав ласточку, царь сказал:

— Сострадание к ближнему — первое чувство в сердце благочестивого, и вознаградить благоденствие — долг совершенного человека. А Хынбу поистине добрый человек. Так почему же нам не воздать ему за милостивый поступок! Мы благоволим дать ему семечко тыквы-горлянки. Возьми его и отнеси своему спасителю.

Поблагодарив повелителя за подарок, ласточка покинула дворец.

Незаметно минула зима. А с наступлением весны птицы стали собираться в обратный путь.

Взглянем на нашу ласточку.

Вот она нанесла прощальный визит царю ласточек, а затем с семечком тыквы в клюве взвилась высоко в бескрайнее небо и стремительно понеслась, часто-часто взмахивая крылышками.

Вскоре показался Чэнду. Взглянув на развалины дворца двух жен Лю Бэя — Ми и Гань, ласточка задержалась на минутку у моста Чанфань, где некогда Чжан Фэй неистово бранил коварного Цао Цао. Пролетая над Янцзыцзяном, она полюбовалась на моста, где в прежние времена отдыхал на лоне природы Су Дун-по. В Яньцзине ласточка опустила передохнуть на столичные ворота Цзинхуамэнь, окинула взглядом столицу — и снова взмыла ввысь.

Быстро промелькнули внизу Великая стена и город Шаньхайгуань. Остались позади Семьсот ли Ляодуна,

Крепость фениксов, и вот она уже за рекою Амноккай. Взглянув сверху на Ыйджу и павильон Тхонгунджон, ласточка опустилась на стены Крепости белой лошади, еще раз бросила взгляд на город Ыйджу и полетела дальше.

Где-то внизу проплыли Пхеньянская управа, холм Моранбон, река Тэдонган. Следом промелькнули казармы в Хвапджу, древние развалины на горе Сонаксан, и вот вдали уже показалась Трехглавая гора.

Все тут словно на картинке — и величественные горы, и живописные долины. Полюбовавшись с Колокольной башни бесчисленными лавками и базарами столицы, пешеходами, расхаживающими по улицам, всевозможными товарами, ласточка поднялась над горным кряжем Намсан, оглядела сверху Голову шелкопряда, а затем опустилась на храм и снова любовалась видом столицы. До чего же приятно взглянуть на это обилие домов, частных, словно зубья гребня!

Прошмыгнув под сводами Южных ворот, ласточка пересекла реку Тонджаккан и спустя некоторое время прилетела прямо в одну из южных провинций: не то в Чхунчхондо, не то в Чолладо, а может быть, и в Кёнсан-до — в деревню, где живет Хынбу.

Взгляните, как резвится наша ласточка: то вверх взмывает, то стрелой несется вниз. Как будто Черный дракон Северного моря играет меж разноцветных облаков с волшебной жемчужиной в пасти, будто то молодой даньшаньский феникс развлекается среди утунов с семечком бамбука в клюве или золотистая иволга, полная любовной страсти, снует в ивовых зарослях, поглядывая по сторонам.

Первой резвящуюся ласточку заметила жена Хынбу. Обрадованная, она стала звать супруга:

— Идите-ка сюда скорее! Смотрите, вон летает прошлогодняя ласточка! И что-то в клюве держит!..

Мигом выбежал Хынбу на улицу и подивился на ласточку. А ласточка, покружив над головой Хынбу, уронила прямо перед ним то самое семечко, которое она принесла с собой.

Хынбу тотчас подобрал его и воскликнул:

— Послушай, жена! Ведь это та самая ласточка, которой мы в прошлом году лечили сломанную лапку! Это она бросила вот эту штуку! Что-то желтое... Уж не золото ли? Но почему оно тогда такое легкое?

— Внутри там что-то желтоватое проглядывает. Может быть, и впрямь золото? — сказала жена Хынбу.

— Какое там золото! — отвечал ей Хынбу. — Разве тебе неизвестно, что Чэнь Пин во время распри между царствами Чу и Хань разбросал в лагере противника сорок тысяч кынов золота, чтобы изловить Фань Я-фу? Смекай сама, откуда теперь взяться золоту!

— Тогда это, наверное, яшма!

— А про яшму люди вот что рассказывают. Однажды в горах Куньлуня случился пожар, и вся яшма и прочие камни сгорели. А из той яшмы, что кое-где уцелела, Чжан Цзы-фан смастерил себе флейту и печальной игрой на ней в лунную ночь на горе Цзиминшань привел в смятение восемь тысяч цзяндунских воинов. Нет, это, конечно, не яшма.

— Может быть, это та самая жемчужина, что сияет даже ночью? — терялась в догадках жена Хынбу.

— Э, нет этих жемчужин более на свете. Циский Вэй-ван разбил больше десятка шэнов таких жемчужин у вэйского Хуэй-вана, и нынче их уже не сыскать.

— Тогда янтарь?

— А янтаря и подавно теперь не найти. Сперва его прибрал к рукам чжоуский Ши-цзун, а позже весь этот

янтарь пошел на кубки Тангалю. Подумай, откуда быть ныпче янтарю!

— Ну, значит, железо?

— Нет ныне и железа. В царствование Цинь Шихуана железо собрали по всем девяти округам Китая и изготовили из него для вящего могущества императора двенадцать печатей. С тех пор этот металл исчез.

— Возможно, это щит черепахи или коралл?

— Ну что ты! Ведь черепаший панцирь — это ширма, а красный коралл — перила. И когда Гуанли-ван строил свой подводный хрустальный дворец, он, понятно, извел на него все сокровища моря. Нет, это и не щит черепахи, и не коралл.

— Уж не семечко ли это?

Эта же мысль мелькнула и в голове Хынбу. Присмотревшись внимательнее, он обнаружил в самом центре семени надпись из трех иероглифов: «Тыква — награда добродетели».

— Кажется, это и в самом деле семя тыквы-горлянки, — проговорил Хынбу. — Так же змея из озера Суйху принесла некогда в пасти жемчужину и наградила ею своего спасителя. Не принесла ли ласточка это семя в дар за нашу доброту? Ну что ж! Что дают, то и бери. Будем считать подарок золотом, даже если это комок земли, примем его за янму, если даже это простой камешек. Будем считать его за счастье даже в том случае, если он — зло.

Выбрав по календарю благоприятный день, Хынбу вскопал у плетня на восточной стороне клочок земли и посадил семечко.

Дня через два-три взошел росток. На четвертый или пятый день стали виться побеги, и в узлах показались листья. Вслед за этим на каждом стебле распустились цветы и завязалось пять тыкв. Тыквы были круглые-

прекруглые, и каждая величиной своей напоминала лодку с реки Тэдонган, или колокол со столичной улицы Колоколов, или же, если хотите, большой барабан подобного отца Юкквана.

Бывало, любитесь Хынбу тыквами и рассуждает, пересыпая свою речь китайскими оборотами:

— В июне распустились и отцвели цветы, а в июле уже налились плоды. И все они как в поговорке: «Крупные — что кувшины, маленькие — что горшки». Как тут не порадоваться!.. Послушай-ка, жена! Недаром говорят: «Все шелка — за чашку риса». Давай сорвем одну тыкву! Нутро изжарим и съедем, а пустые половинки высушим и продадим на черпаки. Купим риса, наварим каши и поедим на славу!

А жена отвечала ему:

— Эти тыквы не простые: они могут созреть даже за один день. Вот будут достаточно крепкими — тогда и сорвем!

Тем временем уже подошел праздник осени — Чхусок. А в хижине Хынбу голод нище прежнего.

— Ой, мама, как хочется есть! — наперебой кричат голодные дети. — В доме у Оллонсве какие-то белые шарики катают! Как снежки! Раскатывают ладошками, делают дырку и туда кладут бобы. Потом слепят два острых уголка и бросают шарики на стол. Что это такое?

— То сонпхён, — отвечала им мать. — Их непременно готовят на праздник Чхусок.

— А у Тагальсве на праздник черного теленка закололи! — спешит с известием еще один сорванец.

— Это, наверное, была свинья, — засмеялись Хынбу с женой.

Прошло еще немного времени, и Хынбу от голода окончательно слег.

Тогда жена Хынбу, потуже затянув поясок на юбке, сходила в дом к плотнику и принесла пилу.

— Вставайте, вставайте! — взялась она расталкивать супруга. — Сорвем тыкву, сварим ее и наедемся.

С трудом поднявшись, Хынбу сорвал одну тыкву и плотничьим шнуром отбил на ней ровную линию. Затем супруги взяли пилу и принялись пилить.

Плавню ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
Не горюй, что мы бедны,—
Знать, такой уж наш удел.
Отчего живем в нужде?
Оттого, что родились
Под злосчастною звездой,
Оттого, что нам себе
Не добыть работой хлеб,
Оттого, что для могил
Наших дедов и отцов
Выбрать места не смогли,
Оттого, что денег нет.
Так не сетуй на нужду!

А супруга Хынбу в ответ:

— Если мы терпим лишения оттого, что неудачно выбрали место для могилы предков, то почему тогда сладко живет старшему брату? Или могила предков приносит счастье только старшей ветви рода?

Эйёра, ходи пила!
Ну, наддай. Сама пошла!
Нужно тыквенной мешалкой
Рис мешать на тагане.
В час, когда холодный месяц
В северном рябит окне,
Черпаку ль не пригодиться
В доме, где из рода в род
Сыновья живут и внуки,
Незнакомые с нуждой!
Как распилим нашу тыкву,

Пусть польются из нее
Небывалые богатства.
Золото и серебро!

Плавню водит пилу в лад с супругом жена Хынбу.

Вдруг тыква с треском разделилась, кверху поднялись разноцветные облака, и следом показались два отрока в голубых одеждах.

— О, горе мне! Что же это такое,— вскричал испуганный Хынбу.— В тыкве, оказывается, были люди! Самим есть нечего, а тут еще едоки на голову свалились!

Но взгляните на отроков! Если они и не из числа тех, что сзывали журавлей на горе Пэнлай, то непременно те самые, что собирали волшебные травы на священной горе Тяньтай. В левой руке у каждого кувшин, в правой — черепаховая шкатулка. Подняв сосуды и шкатулки высоко над головами, отроки приблизились к Хынбу и преподнесли их ему, молвив при этом:

— В серебряном кувшине напиток, возвращающий душу мертвым. В яшмовом кувшине вино, от которого прозревают слепые. В обертках из позолоченной бумаги трава, исцеляющая немых, трава, которая избавляет от недуга горбунов и паралитиков, и трава, исцеляющая глухих. А в этих свертках папты, жэпышэнь, медвежья желчь и разные сорта киновари. Если все эти снадобья прикинуть на деньги, то наберется более десяти тысяч раз по сто миллионов лянов. Пожалуйста, торгуйте ими себе на пользу.

Словно зачарованный, слушал отроков Хынбу. А когда он наконец набрался духу спросить, откуда все это, отроков уже и след простыл.

Посмотрите-ка на Хынбу! Пустившись в пляс, он напевает:

Ольсиго чойльсиго чотха!
Чихваджа чойльсиго!

Слушайте, добрые люди!
Вздумал я тыквы отведасть,
Вдруг привалило мне счастье!
Много богатых на свете,
Много добра у богатых,
Но среди них не найдется
Равного мне богача!

— Хорошо бы открыть аптеку в нашей хижине,— сказала супруга Хынбу.

— Если мы сейчас откроем аптеку, кто будет об этом знать? — возразил ей Хынбу. — Когда еще придут к нам покупать лекарства! А для меня теперь нет лучшего спадобья, чем рисовая каша!

— Это-то так. Может быть, вон в той тыкве каша? Давайте распилим еще одну!

И супруги принялись за следующую тыкву.

Плавню ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
В трех провинциях на юге
Бедняками слыли мы.
Вдруг богатство привалило,
Стали слыть за богачей.
Как же нам не веселиться,
Как не радоваться нам?

— Не подсчитать ли, что стоят все эти лекарства? — предложила Хынбу его супруга.

— А ты разве умеешь считать?

— На пальцах только, это правда... Но отчего же не попробовать?

И она принялась считать вслух:

Девятью девять — восемьдесят
«Один анахорет по имени И Гуан-лао
Гостил у Чи Чжун-цзы».
Восемью девять — семьдесят

«Два друга, Ли Бо и Цуй Цзун-чжи,
Любовались луной на реке Цайшицзян».
Семью девять — шестьдесят
«Три мудреца-бессмертных развлекались,
Летая в небесах на журавлях».
Шестью девять — пятьдесят
«Четыре седовласых старца
Играли в шашки на горе Шапшань».
Пятью девять — сорок
«Пять раз шестьдесят ударов плетью
Папос Пин-вану У Цзы-суй».
Четырежды девять — тридцать
«Шесть детей с женою вместе
Лу Сю-фу столкнул в пучину
И погиб, врагу не сдавшись».
Трижды девять — двадцать
«Семь посольств возглавил кряду
Ци Лу-цзю — советник хитрый
В век «Сражающихся царств».
Дважды девять — десять и
«Восемь боевых порядков — это план
расположенья
Войск героя Чжугэ Ляна».
Одипожды девять
«Девять диаграмм в «Великом плаче»
Знаки Хуапхэ, а также
Письмена Лохэ содержат».

— Что-то около сорока тысяч пятисот лянов выходит!

— Ого! — смеется Хынбу и принимается считать простежки, то и дело сбиваясь и начиная вновь.

Мерно ходит взад и вперед пила.

Крак! — тыква с треском разделилась на две половинки, и из нее посыпалась всевозможная утварь.

Чего тут только не было! Платяные сундуки, украшенные ракушками, шкафчики с изображением драконов и фениксов, рисовые лари из древесины японского маслоплодника, резные шкафы с тремя отделениями и замочками, точеные вешалки, деревянные полочки для

гребней с изображением пары драконов, метелки из перьев фазана с ручкой в форме драконовой головы, бронзовые подсвечники, оловянная посуда и даже комнатные горшки и плевательницы, сверкающие словно Утренняя звезда...

Горою громоздились на сундуке, соперничая в украшениях, парчовые одеяла с узорами в виде облаков и атласные тюфяки, покрывала и подушки с вышитыми на них мандаринскими утками, круглые подушки, расшитые шелковыми кедровыми орешками.

Пленяя взор, стояли вперемежку письменный столик драконового дерева, шкатулка с прибором для разведения туши: каменная тушечница в форме дракона и сосуд для воды, изображавший черепаху, черепаховый столик, янтарный стаканчик для кистей...

Тут же возвышалась груда книг: «Тысячесловие», «Разряды и сочетания», «Начальные наставления отрокам», «Краткая история», «Зерцало всеобщее»... Были там также «Беседы и суждения», «Мэн-цзы», «Книга песен», «Книга исторических преданий», «Великое учение» и «Учение о Середине и Постоянстве».

Подле книг — очки из настоящего стекла в черепаховой оправе, палисандровое трюмо. Из кораллового стаканчика выглядывали палочки туши различных марок — «лучшая», «танская» — и мягкие кисти для письма из меха ласки.

Следом посыпалась бумага всех сортов и названий: великолепная «экзаменационная бумага», «белая особая», «лощенная», бумага для писем, свитки белой писчей бумаги и серая оберточная бумага из коры тутового дерева, а также дождевые накидки на шляпы, плащи из промасленной бумаги и листы такой же бумаги, которыми укрывают пищу на столе...

Едва кончилась бумага, как заструился водопад все-

возможных тканей. Вот тонкий холст из Кильчжу и Мёнчхона, вот замечательный холст из Хверёна и Чонсона, танское полотно, холст «весенний», ткань из Юкчина, киповый холст, полотно в четыре шэна, полотно из Чынсана...

За холстом показались хлопчатобумажные ткани: добротная ткань из Канджина и Хэпама, великолепная ткань с полей Кояпа, которая шла на платье придворным чиновникам, полотняные ткани из Ыйсона, Ансона и Ядари, плотные и тонкие прочные ткани, сотканые мастерами Имчхона и Хансана из волокон китайской конопли.

Хлопчатобумажные ткани сменились шелком самых различных расцветок. Узорами небесного персикового дерева, плоды которого вкушает Сиванму в своем дворце у Яшмового пруда, сияли ослепительно шелка под названиями «солпечный блеск» и «лунный блеск». Сверкал белизною целомудренный шелк «сонджодан» с видами заснеженных пустынных пиков. Вот шелк «тэдан» с изображением Конфуция, возшедшего на Тайшань, откуда великому философу вся Поднебесная показалась маленькой. Вот шелк «дремлющий дракон» с изображением двух несравненных мужей древности в Наньянской хижине.

Один за другим появлялись куски шелка «янтхэму» с крупными узорами в виде колец, напоминающих поля круглой шляпы, и штуки всеми любимой шелковой ткани «суганса», шелк «ынчжонса» — «серебряные полосы» и шелк «поксудан», усеянный иероглифами «пок» — «богатство», «су» — «долголетие». Был там и дешевый шелк «купххо» — утеха тех, кто, как говорится, ест девять раз в три декады.

На одной ткани — узоры в виде следов конских копыт, по полю другой разбросаны следы птичьих лапок.

Клубами громоздился воздушный шелк «унмундан» с узором в виде белых облаков, безбрежным океаном расстился шелк «чогэдаи» с рисунком в виде двустворчатой раковины.

Затем явились изделия мастеров Хэджу и хлопчатобумажная ткань из Монгольских степей, отливающий лоском шелк «мобондан» и плотный киперный шелк «мочходан», ворсистый шелк для одеял и легкие прозрачные ткани «ёнчхо» и «кванса». Далее последовали летняя узорчатая ткань «кильсанса», травчатый шелк «сэнсу», шелковые ткани из Китая и Японии, добротная ткань «капчин» и узорчатые шелка «сэнчхо» и «чхунса».

При виде этого богатства жена Хынбу запрыгала от восторга.

— И красный шелк, и синий шелк! Да как много! Для полного счастья нам остается лишь одеться во все шелковое!

Теперь у супруги Хынбу все из шелка: шелковая головная повязка, шелковые ленты, шелковые кольца, шелковая кофта, шелковая блузка и обе юбки с шароварами. Даже носки — и те из шелка!

— А мне-то во что же одеться? — воскликнул Хынбу.

— Сделайте из шелка шляпу, мангон, тесемки... Пусть будут шелковыми и колечки на мапгоне! Если вам мало этого, сшейте из шелка большой мешок и наденьте на себя!

— Ты что же, хочешь, чтобы я в нем задохнулся? — смеется в ответ Хынбу. — Давай-ка примемся за следующую тыкву.

Отбив шнуром прямую линию, Хынбу приставил пилу к тыкве.

Эйёра, ходи пила!

Суй-жэнь добыл огонь и научил

Людей на нем варить и жарить пищу.

Фу-си сплел сеть и научил людей
Ловить в потоках рыбу и сеять злаки.
Владыка Желтый пробовал на вкус
Растения, настаивал лекарства.
Цань-цун стал листья тутов собирать
И научил людей носить одежду.
И Ди дал людям терпкое вино,
Нюй-ва свирель искусно смастерила,
Цай Лунь бумагу первый изобрел,
Мэн Тянь же для письма придумал кисти.
Все вещи на земле — творенья тех,
Кто думал и заботился о людях.
Давай-ка создадим, жена, и мы
Искусство перепиливания тыквы!
Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит пила, мягко врезаясь в тыкву.

Крак! — тыква с треском разделилась, и показался сундук чистого золота, запертый золотым замочком в виде черепахи. А вслед за этим послышался голос:

— Открой сундук, Хымбу!

Ликуя в душе, Хымбу опустился па колени и приоткрыл крышку: сундук был доверху наполнен золотом, чистым серебром, черным самородным серебром, серебром высшей пробы и прочими металлами. Были там также янтарь разных сортов, кораллы, жемчуг, кинноварь, мускус, камфара и ртуть.

Когда же Хымбу опорожнил сундук, тот вновь до краев наполнился сокровищами. Опорожнил еще раз — а сундук все так же полон.

Радости супругов не было предела. Не в состоянии ни есть, ни пить, они шесть дней и шесть ночей подряд торопливо опустошали неисчерпаемый сундук. В мгновение ока Хымбу стал великим богачом.

Восхищенный Хымбу сказал жене:

— Для такой уймы вещей наше жилище тесновато. Недурно было бы все это где-нибудь сложить. Давай-ка распилим еще вон ту тыкву. Попробуем построить себе дом!

С этими словами Хынбу сорвал еще одну из оставшихся тыкв, и супруги весело принялись за работу.

— Ну-ка, жена, наберись еще немного сил! Тяни пилу посильней!

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
Вспоминаю нашу жизнь,
Как дурной вчерашний сон,
Мы страдали горше всех —
Сделались богаче всех,
Как не радоваться нам!
Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит взад и вперед пила.

Крак! — тыква раскололась на две части, и из нее валом повалили мастера-плотники, а потом — зерно всех видов.

Плотники прежде всего выбрали благоприятное место для постройки жилища, затем расчистили площадку и взялись за сооружение дома.

Построили они его о четырех углах — с женской половиной, главным залом, помещениями для слуг и амбарами, с карнизами в виде веера, цветной бумагой по стенам, верандой, с раздвижными решетчатыми дверями и с такими же окнами.

В саду перед домом и позади него чудесные работники посеяли удивительные цветы и редкие травы. На солнечной стороне установили рисоружку, в тенистом месте вырыли колодец. У ворот посадили ивы, а за оградой — дыни.

Амбары засыпали зерном: в восточный амбар — десять тысяч кулей проочищенного риса, в западный — пять тысяч кулей белого риса, в амбары перед домом и позади — по пяти тысяч кулей бобов и разных злаков да еще по три тысячи кулей кунжута.

Кроме того, они насыпали зерно грудами — наверное, не меньше десятка куч, — да к этому прибавили еще двести девять тысяч ляпов денег.

На несколько тысяч лянов внесли всевозможной утвари в спальню, а кладовые завалили шелком всех сортов и драгоценностями.

Затем явились стройные и сильные рабы, преданные рабыни и проворные мальчики, которые сразу же принялись прислуживать. Следом показались тяжело груженные волы — с рогами, загнутыми и внутрь и назад. Быков тотчас разгрузили — и вот опять перед домом и на заднем дворе громоздятся новые горы мешков с зерном.

Вне себя от восторга, жена Хынбу закружилась в веселом танце.

— Послушай, жена! — заметил ей Хынбу. — Наплясаться ты успеешь и завтра. Там вои среди зарослей осталась еще одна тыква. Давай распилим и ее!

А жена в ответ:

— Не пилите эту тыкву!

— Да почему же не попользоваться, коли счастье привалило? — удивился Хынбу. — Брось-ка пустые разговоры да тщи посильнее пилу.

Плавню ходит пила!..
Ну, падай! Сама пошла.

Крак! — тыква с треском развалилась на две части, и появилась писаная красавица, которая почтительно приветствовала Хынбу положенным числом поклонов.

Изумленный Хынбу поспешил с ответным приветствием.

— Кто вы и почему оказываете мне такие знаки почтения? — спрашивает он.

А красавица мило отвечает:

— Я — Чан-э, фея Лунного дворца.

— Так почему же вы пожаловали в мой дом?

— Царь ласточек из Цзяннани повелел мне стать вашей наложницей, и вот я явилась к вам.

Услышав это, Хынбу возликовал. Иное дело — супруга Хынбу: та даже изменилась в лице и проговорила, негодуя:

— Вот тебе раз! Терпели мы неслыханную нужду, теперь наконец обрели счастье... И пожалуйте вам! Не говорила ли я давеча: «Не будем пилить эту тыкву»?

Отвечал ей Хынбу:

— Не тревожься! Неужто я оставлю без внимания супругу, делившую со мной все горести и лишения?

С этими словами Хынбу повел жену и наложницу в высокий и просторный дом и зажил в нем с той поры в свое удовольствие.

III

Слух о богатстве Хынбу дошел и до Нольбу. Прослышав об удаче младшего брата, этот злобный, погрязший в грехах человек подумал: «Не иначе, как кого-нибудь ограбил. Вдруг ни с того ни с сего разбогател... Схожу-ка я к нему. Если обойтись с ним покруче, половина добра наверняка будет моя».

Не медля ни минуты, Нольбу помчался к брату.

И вот уже он изумленно взирает на новое жилище Хынбу: такой красоты и роскоши ему еще не доводилось видеть. Всюду высокие и просторные хоромы, на

крышах по углам висят колокольчики, позванивающие от порывов ветра.

При виде этого великолепия Нольбу охватила алчность. «Ишь ты, па стрехах колокольчики висят... Откуда все это? Непременно где-то стащил!» — подумал он и, приняв грозную позу, заорал во весь голос:

— Эй, Хынбу!

Случилось же так, что Хынбу как раз в это время был в отлучке и супруга его осталась дома одна.

Кликнула она служанку и сказала:

— Никак у ворот гость? Поди-ка взгляни.

Прелестная служанка повиновалась и, выйдя за ворота, учтиво обратилась к Нольбу:

— Откуда пожаловал гость?

Впервые в жизни видел Нольбу этакое чудо. Опешив от неожиданности, он проговорил:

— Ничтожный приносит вам свое почтение. Не скажете ли вы, куда девался хозяин этого дома, мерзавец Хынбу?

Смущенная женщина кинулась прочь и, вернувшись в дом, доложила хозяйке:

— Пришел какой-то странный человек, с виду помешанный. Супруга вашего мерзавцем обозвал, а передо мной рассыпался в любезностях. Характер у него, видать, сварливый...

Догадываясь, кто ее гость, супруга Хынбу спросила у служанки:

— Каков собою этот ямбап?

Та отвечала:

— Голова совиная, глаза — будто у коршуна, рот — словно клюв у цапли, шея жабы. А жадность и злоба так и лезут паружу!

— Ну-ну, довольно трещать! — остановила служанку жена Хынбу.

Перевязав заново ленты на кофте и торопливо оправив юбку, она вышла приветствовать гостя.

А Нольбу, не отвечая на приветствие, заложил руку за пояс и с надменным видом принялся озиаться вокруг. Богатое платье супруги Хынбу и явное довольство в доме привели его в бешенство, и он прохрипел со злостью:

— Хм, блистает, что твоя кисэн из губернской управы...

Пропустив эти слова мимо ушей, супруга Хынбу обратилась к гостю с вопросом:

— Как здравствует ваша семья?

Однако Нольбу искал, видимо, лишь повода для ссоры.

— А если и не здравствует, тебе-то что за дело?

Забеспокоилась супруга Хынбу, уж не обошлась ли она с гостем неучтиво, и, положив на пол циновку, а сверху шелковый тюфяк, пригласила деверя:

— Прошу вас, садитесь.

Шагнув к циновке, Нольбу сделал вид, будто поскользнулся, и, выхватив нож, принялся кромсать пол.

— Слишком гладок твой пол! Коли так оставить, можно свернуть себе шею!

Затем взглянул на иероглифы, расписанные по стенам, и с понимающим видом заметил:

— Зачем нужно было столько раз рисовать луну?

Приметил цветник:

— Ежели хочешь, чтобы те цветы сейчас же распустились, то положи в цветник три-четыре вязанки хвороста и подожги их. В одну минуту расцветут!.. А у того журавля слишком длинные ноги. Кому он такой нужен? Давай-ка его сюда! Я ему их малость обломаю.

И, закашлявшись, Нольбу сплюнул на стену.

Увидев это, супруга Хынбу сказала:

— Вот бронзовая плевательница из Сончхона, вот фарфоровая из Кванджу. Там вон стоят китайская плевательница из Ыйджу и японская из Тоннэ... Зачем же вы плюете на стены?

А Нольбу в ответ:

— Мы от рождения такие: куда глядим — туда и плюем.

Супруга Хынбу позвала служанку и распорядилась подать обед.

— Есть такая мудрая пословица, — проговорил Нольбу, — «В доме, где женщина берется командовать, не жди ничего хорошего». Ну, ладно. Тащи сюда рис и приправу. Да побольше и повкуснее!

Можно было подумать, что в доме ждут по меньшей мере королевского посланника со свитой: такая закипела всюду работа.

Добела обдирали рис и варили его так, чтобы он был не слишком жидок и не слишком крут. Накладывали на блюда куски жареной говядины, жаркое из бычьего сердца, ментай, устриц, маринованных моллюсков и соленые жабры. Расставляли тарелки с пареной говядиной и мелкими ломтиками вареного мяса, с тонко нарезанными свежей рыбой и сырым мясом, уксус с соей и приправу. Наполняли миски всевозможными овощами, густо наперченным и жареным в масле мясом, маринованной капустой и редькой. Варили на пару мелко нарубленных речных окуней, расставляли чашки с тонкими кусочками вяленой рыбы и мяса, омаров, жареную кефаль и мякоть морского ушка. Раскладывали по столикам серебряные ложки и палочки для еды, ставили серебряный чайник и чарки, грели вино.

Проворные слуги внесли заставленные снедью столики в комнату, почтительно поставили перед гостем, и один из них извиняющимся тоном произнес:

— Госпожа покорно просит простить ее за скромное угощение: обед готовили в спешке.

Отродясь не видывал Нольбу такого богатого стола, и у него тотчас же пропала охота есть. Лишь разбив вдребезги обедынный столик, Нольбу смог бы найти утешение. Схватив ложки и палочки для еды, он принялся что есть силы колотить ими по столу.

— Сколько же вы отдали за все эти посудины? А чашки ваши чересчур велики, миски слишком широки, соусники малы. Тарелки должны быть помельче.

Проговорив это, Нольбу пуще прежнего заколотил по столику.

Супруга Хынбу осторожно заметила:

— Китайский расписной фарфор — вещь хрупкая, того и гляди, сломается. Прошу вас, не стучите так сильно!

-- Ах, так! — рассердился Нольбу. — Обойдусь и без твоих яств.

И он с силой ударил по столику ногой. Столик рухнул, загромыхали соусники, зазвенели осколки тарелок и чашек, дробно застучали по полу ложки и палочки, во все стороны побежали ручейки бульона.

— Послушайте, деверь! — проговорила супруга Хынбу. — Пусть вы недовольны, но зачем же бить посуду? Бейте, коли на то пошло, людей!

Подняли с пола сломанный столик, подобрали осколки разбитой посуды и куски раскиданной пищи, все насухо вытерли тряпками и полотенцами.

— Вареный рис!.. Какая это драгоценность! А вы опрокинули столик с рисом! Когда рис подают королю, его называют «сура»; когда его вкушает янбан — это «чийджи», когда рис ест слуга — он называет его «ипси», промеж друзей ему имя «пап», а когда рис предлагают духам предков, его называют «чинме». Вот

он в каком почете, этот рис! Если о вашем поведении проведаят в деревне — тотчас же прогонят из села с позором. Если это дойдет до уездных властей, вам непременно дадут палок. А уж коли узнают в губернской управе, не миновать вам ссылки.

А Нольбу в ответ:

— Коли и вздумают изгнать меня из села, то вместо старшего брата прогонят младшего. Коли будут бить палками, то не меня, а младшего брата. Решат отправить в ссылку — опять же вместо меня упекут брата или его детей.

Но вот показался и сам Хынбу. С благоговением он пал ниц перед старшим братом.

— Неужто к нам пожаловали, братец?

И по лицу Хынбу побежали слезы.

— Ты что? Получил уведомление о чьей-нибудь смерти, что ли? — проговорил Нольбу.

Позвал Хынбу слугу и отдал распоряжение:

— Подай другой обед господину!

Затрясся в ярости Нольбу.

— Слыхал я, будто ты, негодай, повадился нынче шататься по ночной росе!

— Какая ночная роса? — оторопел Хынбу.

А Нольбу с бранью продолжал:

— Расскажи-ка, сколько раз ты таскался по ночной росе и много ли награбил?

Испугался Хынбу:

— О, зачем вы так говорите, брат?

И подробно рассказал старшему брату обо всем случившемся.

— Коли так, давай-ка оглядим твой дом получше!

С этими словами Нольбу, сопровождаемый хозяином, отправился бродить по дому и выглядывать. Увидел Нольбу все богатства брата, и в груди его зажглась

лютая зависть. А тут еще вдобавок показалась Лунная фея.

— Кто эта женщина? — спросил Нольбу.

— Это моя наложница.

— Что? Твоя наложница? — вознегодовал Нольбу. — Не рассказывай небылиц и отправь ее ко мне!

— Эта красавица пожалована мне самим повелителем ласточек из Цзянпани и уже была моей. Отдать ее вам было бы неудобно, — отвечал брату Хынбу.

— Пожалуй, верно, — согласился Нольбу. — А как называется вот тот славный шкафчик?

— Это платяной шкаф — хвачходжан.

— Тебе эта штука не подходит. Отошли его ко мне.

— Ой, ведь я даже еще и не притронулся к нему!

— Ах, негодяй! Мое — это твое, а твое — это мое. Твоя жена — моя жена, моя жена — твоя. Разве это имеет значение? Но бог с тобой, не хочешь отдать мне свою бабенку — не надо. А вот этот хвачходжан ты отошли ко мне. Если же и его не отдашь, подпалю дом со всех сторон!

— Хорошо, хорошо. Пришлю вам его со слугой, — молвил Хынбу.

— Какие там слуги! Тащи-ка этот шкаф сюда. И дай веревку. Я сам понесу его.

Делать нечего: пришлось Хынбу перевязать шкаф веревкой. А Нольбу, скинув верхнее платье, положил его на шкаф, затем взвалил шкаф на спину и зашагал восвояси. Но по дороге забыл название и вернулся к дому Хынбу.

— Эй! Как, говоришь, этот шкаф называется?

— Хвачходжан, — напомнил ему Хынбу.

Снова взвалил Нольбу шкаф на спину и, чтобы не забыть его названия, стал приговаривать в такт шагам:

— Хвачходжан-джан-джан.

Но когда перебирался через ров, встретившийся на его пути, название шкафа вновь вылетело у него из головы.

— Тьфу, черт! Как же он называется-то? Канджан, сонджан, чхонджан?.. Нет, все не то.

Так бормоча себе под нос, Нольбу подошел к своему дому. А навстречу уже спешит супруга.

— Ой, что это такое?

— Разве ты не знаешь?

— Как эта штука называется — не знаю, но она, право, недурна!

— Так ты и впрямь не знаешь? — спрашивает ее Нольбу.

— Такой же шкаф есть в доме у янбаа на той стороне, — отвечала жена. — Там его называют «хвачходжан».

— Да, да! Он самый — «хвачходжан»! — обрадовался Нольбу.

А надо вам сказать, что жадностью жепы Нольбу превосходила даже своего супруга. Один лишь вид хорошей вещи приводил ее в беспамятство. Когда случилось ей быть на базаре и видеть, как кто-нибудь раскладывает свой товар или считает деньги, она от зависти обмирала и без чувств падала на землю. Тогда Нольбу на спине тащил ее домой, и она по три месяца отлеживалась в постели. А когда она, бывало, приходила к кому-нибудь в дом на свадьбу — поглядеть на подарки новобрачным, то оставалась невредимой только потому, что укутывалась повеньким одеялом невесты и потела под ним до седьмого пота. Вот какая была эта женщина.

Наглядевшись на шкаф, жена Нольбу принялась расхваливать своего супруга:

— Счастливый человек мой муж! Ведь случая еще

такого не было, чтобы он пришел откуда-нибудь с пустыми руками. Присмотрит ложки или палочки для еды — заткнет их за поясной мешочек и несет домой. Щипцы или совок попадутся на глаза — принесет их под полую. Под шляпой, смотришь, тащит рисовую чашку, а в руке — щенка. Попусту он у меня не ходит! А этот ликаф особенно хорош!.. Где же вы его взяли?

— Коль хочешь в точности все знать, — отвечал Нольбу, — иди сюда и слушай.

И продолжал:

— Досада-то какая! Хынбу ведь богачом стал...

Жена Нольбу мигом придвинулась поближе.

— Как так стал богачом? Ограбил, что ль, кого?

И Нольбу рассказал ей все, что слышал:

— В прошлом году у Хынбу под крышей свила гнездо пара ласточек. Вывели они было себе птенцов, да только всех их слопала змея, а один выпал из гнезда и сломал лапку. Хынбу перевязал ее, и ранней весной эта ласточка принесла Хынбу в награду за благодеяние семечко тыквы-горлянки. Хынбу его посадил, и у него выросло пять тыкв, а когда он их распилил, то оказался владельцем несметных сокровищ. Так Хынбу стал богачом. Вот бы и нам найти ласточку со сломанной лапкой!..

Была еще не то одиннадцатая, не то двенадцатая луна, а Нольбу уже взялся караулить ласточек. Прихватив с собой привязанную к шестам сеть, он отправился на ловлю. Нашел удобное местечко и стал ждать. Наконец прилетела какая-то птица.

— А вот и ласточка пожаловала! — обрадовался Нольбу.

Подняв повыше сеть, он приготовился набросить ее на ласточку... И вместо ласточки вспугнул голодную ворону с горы Тхэбэксан, которая, так и не отведав ос-

татков мяса на какой-то кости, с карканьем взвилась высоко в синее небо.

Вытаращил Нольбу свои водянистые глаза, проводил ворону взглядом и отправился домой ни с чем.

Одна лишь дума у Нольбу: как бы ему заманить ласточек. Но на скорый прилет ласточек не было никакого намека, и Нольбу не находил себе места от нетерпения и досады.

Между тем какой-то человек решил надуть Нольбу и говорит ему:

— Не дожидаться тебе ласточек, как ты их ни караул: ведь ты не знаешь, где они водятся. Есть такие люди, которые чуют этих птиц еще за много дней до того, как они прилетят. Если пойдешь со мной, я тебе кое-что смогу рассказать о ласточках.

Нольбу очень обрадовался и пообещал двадцать лянов за каждую ласточку, которую увидит этот человек.

Затем они поднялись на высокую гору, откуда обманщик стал пристально всматриваться в даль.

— Ага,— проговорил он,— одна ласточка уже покинула Цзяннапъ. Скоро она будет возле твоего дома... Но прежде уплати за первую ласточку.

Обрадованный Нольбу вручил обманщику двадцать лянов, после чего тот снова принялся внимательно вглядываться в даль. Поглядев так некоторое время, он сообщил Нольбу:

— А вот и еще одна ласточка летит. Эта тоже направляется к твоему дому.

Страшно довольный этим известием, Нольбу уплатил обманщику столько, сколько он просил, и стал ждать.

Кое-как промаялся Нольбу зиму, и лишь только подошла весенняя пора, он не мешкая отправился заманивать ласточек.

Взгляните-ка на Нольбу! Со скомканною сетью на плече, сплетенной, паверное, еще самим Фу-си, шагает он, охваченный единственным желанием — поскорее заманить ласточек к своему дому.

А вот и сами ласточки несутся — навстречу белоснежным облакам, смело пронзая черные тучи.

— Киш-киш! — засуетился Нольбу.— Куда это ты направляешься? Заворачивай-ка к моему дому!

Горький же удел ожидал ту ласточку, которая поселилась под крышей у Нольбу!

Натаскав соломиноку и комочков глины, ласточка свила под крышей гнездо и положила яйца. Пока ласточка высиживала птенцов, Нольбу целые дни проводил у ее гнезда и, сгорая от нетерпения, то и дело трогал яйца. Они от этого, разумеется, все испортились. Осталось лишь одно-единственное яйцо, из которого спустя некоторое время вылупился птенец.

Дни шли за днями, птенец мало-помалу рос и уже начал учиться летать.

Денно и пощю ждет Нольбу змею, но той все нет и нет.

Тогда обеспокоенный Нольбу решил сам пригнать змею к своему дому. С десятком работников он принялся кружить в окрестностях в надежде найти какую ни на есть змею: будь то удав пынгурони, гадюка, удав хыккурони или токкурони, уж муджасу, сальпзам или юльмути. Бродили несколько дней кряду — но даже ящерицы не видали. Лишь по дороге к дому наткнулся Нольбу на старую, похожую на валеку, сорочью змею.

— Эй, тварь! — закричал обрадованный Нольбу.— Пу-ка, ползи к моему дому. В тот день, когда ты промуршишь у гнезда ласточки и ее птенец упадет на землю, я стану богачом. А я твое благодеяние вознагражу

вполне: дам тебе целый выводок цыплят да десяток яиц. Ползи живей!

Змея рассердилась и обнажила жало. А когда Нольбу попытался отшвырнуть ее ногой, разъяренная змея ужалила его.

Нольбу широко раскрыл рот и завопил:

— Ой-ой!

От боли у него потемнело в глазах и помутился разум. Мигом прибежал он домой, проколол рану иглой и обмазал ее серным цветом.

Жестокое создание, Нольбу, конечно, выжил.

Потом, прикинувшись змеей, Нольбу вытащил птенца из гнезда и сломал ему обе лапки, а сам сделал вид, что страшно напуган, и закричал:

— Бедная ласточка! Какая же это ползучая тварь сломала тебе лапки? Бедная ты, несчастная ласточка!

Выразив таким образом свое сочувствие ласточке, он, подражая Хымбу, обернул лапки птенцу кожицей золотоголовой рыбки, что водится в море Чхильсан, а затем стал обматывать их крепкими волокнами травы. Но будучи по природе своей человеком грубым, сделать это осторожно Нольбу не смог. Перевязывая лапки, он орудовал, словно матрос якорным канатом на реке Ханган или торговец штукой шелка, словно в руках у него была бечевка от шестиугольного бумажного змея.

После перевязки Нольбу положил птенца обратно в гнездо. Насилу выжил птенец.

Но вот настал девятый день девятого месяца, и ласточки стали собираться в путь. Покинула дом Нольбу и ласточка со сломанными лапками. Взмыв высоко в небо, она прощебетала на прощанье:

— Жестокий Нольбу! Весною в будущем году я снова вернусь сюда и тогда отблагодарю тебя за сломанные лапки. А пока будь здоров! Чи-чи-ви! Чи-чи!

Вскоре ласточка предстала пред своим царем.

В ту пору царь как раз производил высочайший смотр ласточкам, прибывшим из различных мест. Приметил царь хромающую ласточку и спрашивает ее:

— Отчего ты хромаешь?

Отвечала ласточка:

— В прошлом году ваше величество изволили пожаловать Хынбу семечком тыквы, и он стал богатым человеком. Тогда его старший брат, Нольбу, изловил вашу покорную служанку и сделал калекой.

И она поведала царю обо всем, что с ней произошло.

— Молю ваше величество, отомстите Нольбу!

Выслушав ласточку, царь страшно разгневался:

— У этого негодяя дом ломится от добра, добытого несправедливым путем, а его полям и амбарам нет числа. Однако он и не подумал помочь своему добродетельному брату. Пяти устоев он не соблюдает, и ко всему тому у него отвратительный нрав. Нет, этого нельзя так оставить. Я непременно воздам ему за его злодеяние. Вот, возьми семечко тыквы!

Глянула ласточка на семечко, а на нем выведено золотыми иероглифами: «Тыква возмездия». Поблагодарила ласточка повелителя и, откланявшись, улетела.

Едва лишь наступил веселый месяц март, как ласточка с семечком тыквы в клюве покинула Цзяшань. Высоко взвилась она в синее небо и полетела, не отдыхая ни днем, ни ночью.

И вот уже вдали показалось жилище Нольбу.

Подлетев к дому, ласточка принялась резвиться: то взмлет вверх, то понесется стрелою вниз. Увидел ее Нольбу и закричал, довольный:

— Какая преданная ласточка! Где же побывала ты? Всю зиму о тебе не было вестей, а нынче, в прекрасную пору весны, сама пожаловала! Безмерно рад тебе!

Тем временем ласточка весело сновала взад и вперед с семечком тыквы в клюве.

Испугался Нольбу, как бы ему не потерять семечко в траве. Опрокинул большую тростниковую шляпу и с нею в руках кинулся догонять ласточку.

Наконец ласточка уронила семечко. Дрожа от радости, Нольбу схватил его обеими руками и принялся внимательно разглядывать. На семечке размером в один чих отчетливо виднелись иероглифы: «Тыква возмездия». Но откуда мог знать это невежественный Нольбу? Он-то думал, что семечко тыквы — награда за его «благодетельство».

Ликующий Нольбу выбрал благоприятный день и под стеною дома, на восточной стороне, посадил семечко в унавоженную землю.

Уже на четвертый или пятый день пробились первые ростки. Через день развернулись листья. А еще через три дня потянулись плети. Стебли у тыквы были толстые, как корабельные мачты, листья — каждый размером с большую корзину.

И так разрослись эти тыквы, что закрыли собою всю деревню. Тогда Нольбу отправился к односельчанам и стал их уговаривать:

— Послушайте меня, знатные и подлые, мужчины и женщины, старики и молодые! Не обрывайте стеблей у моих тыкв! Если дом у кого-нибудь рухнет, построю новый. Если утварь пострадает — уплачу в десять раз больше. А когда из тыкв повалит шелк, я дам вам по куску на шапки и жилеты. Только не трогайте стеблей.

Плети у тыквы разрослись необычайно густо. Из каждого узла вырос лист, на каждом стебле распустился цветок, и некоторое время спустя завязались десять с лишним плодов. Величиной каждый был с большую лодку, что плавают в безбрежном океане. Словно то был

не плод тыквы, а столичная Башня белых облаков или скала.

Чрезвычайно довольный этим, Нольбу говорит своей жене:

— Хыпбу стал богачом с пятью тыквами, а у нас их завязалось более десятка. Распилим эти тыквы и станем самыми богатыми людьми на свете. Заткнем за пояс самого И Дуня, а Ши Чун будет у нас на побегушках. Незачем нам будет завидовать даже Сыну Неба!

С нетерпением ждал Нольбу дня, когда созреют тыквы, и негодовал, что время тянется так долго.

А время между тем шло своим чередом, минули три летних месяца, и в августе тыквы созрели. Все они были без единого изъяна и крепкие, как железные палки.

IV

Взгляните на Нольбу! Вне себя от радости, спешит он распилить тыквы и заполучить сокровища. Срывает для начала одну тыкву, самую спелую и крупную, и принимается с женою пилить ее. Да только ничего у них не вышло: тыква была крепка, словно железо.

Хочешь не хочешь, а пришлось приглашать плотников из соседней деревни — чтобы приходили они со всеми их плотничьими шнурами и баночками с тушью.

Созвали всю деревню: и калек и здоровых. Закололи гостям собаку и свинью, трижды подавали вареный рис, пять раз обносили вином.

От такого разорения Нольбу чуть не хватил удар. Знать, пришла его гибель. Ведь прежде он никогда ложки риса не подал гостю и не готовил пищи даже для жертвоприношений предкам. А нынче в ход пошли кувшины вина и мешки риса — собрал всю деревню, обиль-

но накормил гостей и пообещал щедрую плату за работу.

В числе пришедших находились два деревенских силача — Горбун и Заячья Губа. В селе, пожалуй, никто не смог бы сладить с ними. Обрадовавшись случаю легко подзаработать, немедля выскочили они вперед, и Заячья Губа обратился к Нольбу с такими словами:

— Если дашь в задаток за каждую тыкву двадцать лянов, мы вдвоем выполним всю работу.

Горбун тотчас же подхватил:

— Где ты найдешь дураков, которые подрядятся на такую трудную работу меньше чем за двадцать лянов?! А ты воспользовался тем, что мы соседи, и установил до смешного скудную плату. Это ты учти и, как получишь свои сокровища, подумай о прибавке.

Нольбу, предвкушая несметные богатства, без лишних разговоров вручил им задаток — двести лянов. Горбун и Заячья Губа поделили деньги пополам и принялись за дело. Приставив пилу к тыкке, Горбун затянул:

Плавню ходит пила!..

Заячья Губа подхватил:

Флавню ходит фила!..

— Дьявол тебя побери, Заячья Губа! — рассердился Горбун. — Что это еще за «фила»?

— Как же я могу хорошо петь с такой губой? — стал оправдываться Заячья Губа. — Ну, ладно. Теперь постараюсь петь правильно, не беспокойся!

Снова затянул Горбун:

Эйёра! Ходи пила!

Наддай сильней! Сама пошла!

А Заячья Губа прихватил рассеченную губу, и у него получилось следующее:

Эйёра! Ходи хила!
Наддай хильней!..

— Ты что, негодяй, дразнить меня?.. — зашипел Горбун и залепил Заячьей Губе оплеуху.

— Да провалиться мне на этом месте, если я вздумал дразнить тебя! — обиделся Заячья Губа.

— Ай-яй, выходит, я тебя понапрасну стукнул?.. Ну, ничего. Когда ты в самом деле заслужишь пощечину, будем считать, что ты ее уже получил.

Утешив таким образом Заячью Губу, Горбун начал сызнова:

Эйёра! Ходи пила!
Наддай еще! Сама пошла!..

Заячья Губа подхватил следом:

Эйёра! Ходи фила!

— Тыфу ты, скотина! — вышел из себя Горбун. — Кто за работу получил сполна? Кто чужой рис и вино жрал до отвала? Взялся пилить тыквы с сокровищами, а все гнусишь свое «ходи фила»! Смотри, не залепил бы я тебе и с другой стороны!

— Что ты все бьешь меня по щекам? — разозлился Заячья Губа. — Или на них написано, что меня можно колотить? Или я, может быть, какой-нибудь прощелыга, что ты то и дело закатываешь мне оплеухи? Как бы я сам не поправил твою горбатую хребтину!

Горбун немного струсил и заговорил примирительно:

— Ну, ладно, давай пилить. Только не говори «фила».

И он снова затынул:

Эйёра! Ходи пила!..

А Заячья Губа протяжным голосом стал вторить ему:

Эйёра! Ходи фила!
Наддай еще! Сама фашла!

— «Эйёра! Ходи пила!» — пост Горбун.

— «Эх, ходи моя фила!» — старательно выводит Заячья Губа.

Между тем пила мало-помалу врезалась в тыкву.

Крак! — тыква с треском разделяется на две половины, и оттуда выходит янбан, который громким голосом параспев читает первую главу «Мэн-цзы»:

— «Мэн-цзы встретил лянского правителя Хуэй-вана...»

За ним показывается другой янбан, читающий первый том «Зеркала всеобщего»:

— «...Год двадцать третий. Сначала он назначил цзиньских сановников Вэй Сы, Чжао Ди и Хань Цзиня удельными князьями...»

Следом появляется молодой янбанский отпрыск. Этот бубнит «Тысячесловие»:

— «Гянь — небо, Ди — земля, Сюань — темный, Хуан — желтый...»

Голову старого янбана украшала четырехугольная волосяная шапочка с открытым верхом, на голове молодого была бамбуковая шляпа, на отроке — халат с длинными рукавами.

Ошеломленный Нольбу спрашивает пожилого янбана:

— Где изволите держать государственный экзамен?

В ответ ученый господин набросился на Нольбу с бранью:

— Эй, Нольбу, подлое отродье! Отец и мать твои, подлые рабы, бежали тайно темной ночью и вот уже

много десятков лет повсюду разыскиваются. Оценены они в три тысячи лянгов. Немедля выкладывай деньги!

И тут же кличет слугу Опсве.

Невесть откуда взявшийся Опсве в мгновение ока скрутил Нольбу крепкой бельевой веревкой и, подвесив его повыше на старую сосну, принялся охаживать дубовым пестом.

А янбан тем временем допрашивал Нольбу:

— Сколько у тебя братьев?

— Один я,— отвечает ему Нольбу, у которого от страха помутился разум.

— И сестер нет?

— Есть три сестры.

— Сколько лет старшей?

— Нынче исполнилось двадцать два года.

— И она еще живет у тебя?

— Отдал в наложницы сеульскому богачу, который держит большие лодки на Хангане.

— А вторая? — допытывается янбан.

— Вторая, девятнадцати лет, в наложницах у сборщика налогов в Сеуле, в Чайном переулке.

— А где же третья?

— Третьей шестнадцать лет. Пока не пристроена.

Услыхав это, янбан обрадовался.

— Мне наскучило сидеть одному в тыкке. Покажи-ка свою сестру! Если она удалась лицом, возьму ее в наложницы.

Насмерть перепуганный Нольбу отправился за сестрой.

Представить сестру, когда она есть,— не задача. А вот что делать, если у вас ее и не бывало никогда?

Когда жена Нольбу узнала о распоряжении янбана, ей сделалось не по себе, и она с досадой проговорила:

— О том, как богато живет ваш брат, вы не обмол-

вились ни словом. Зато выдумали несуществующую сестру, и теперь этот янбан требует показать ее. Вот не было заботы!

Нольбу хватил себя кулаком по затылку.

— Так ведь я же и хотел опорочить Хынбу! Но почему-то с языка срывались совсем другие слова и имена!.. Придется тебе заплести девичью косу и показаться этому янбану хоть на минутку.

А жена в ответ:

— Как же я покажусь ему? Ведь он сказал, что хочет взять вашу «сестру» в наложницы. Скажите, что ее нет.

При слове «наложница» Нольбу затрясся от страха и, выйдя к янбану, стал умолять его:

— Пощадите ничтожного! Сестра испугалась и куда-то убежала.

Янбан страшно разгневался и рывкнул на Нольбу:

— Что значит «убежала»? Куда убежала? Найди немедленно и приведи ко мне!

Пуще прежнего испугался Нольбу и стал потихоньку совать еще три тысячи лянгов.

— Не погубите, будьте милосердны!

Тогда янбан, сделав вид, что никак не может заставить себя успокоиться, сердито крикнул Нольбу:

— Кончатся деньги — приду опять!

И с этими словами исчез.

Жена Нольбу приуныла.

— Там, у вашего брата, в первой же тыкве были сокровища. А у нас почему-то в ней оказались янбаны. Оставьте эти тыквы, не пилите их!

Нольбу отвечает ей:

— У Хынбу в первой тыкве наверняка тоже были янбаны. Неужто у него обошлось дело без такой же вот стаи мошенников?

Но тут откуда-то вылез прятавшийся до сих пор Горбун:

— Вот так сокровища! — захихикал он. — Оказывается, они и ругаются, и даже отбирают деньги!

За ним показался и Заячья Губа.

— Эй, Нольбу! Не ты ли давеча говорил, что, мол, когда из тыквы повалит шелк, то каждый из нас получит по куску на мошну? А что получилось на деле? Слуга, что сопровождал этих янбанов, отобрал у меня последнюю холщовую мошну! Как вспомнишь, сколько лиха я натерпелся от этого типа, так и шелк твой становится не мил. Больше я, пожалуй, не буду пилить.

Возразить Заячьей Губе было нечего, и Нольбу с раздражением сказал ему:

— Оттого-то сокровища и превратились в мерзость, что ты пилил не так, как надо, а вместо песни вопил что-то несусветное. Впредь не издавай ни звука и по-сильней тани пилу!

Заячья Губа, жаждавший во что бы то ни стало заработать на этих тыквах, промолчал и, пообещав сделать так, как велел Нольбу, принялся с Горбуном за следующую тыкву.

Ну, наддай! Сама пошла!
Плавню ходит пила.

На этот раз Горбун пел один: Заячья Губа водил пилу молчком.

Крак! — тыква развалилась, и из нее с шумом и гамом высыпала компания людей с двенадцатиструнными каягымами и гонгами в руках.

— Прослышав о великой доброте Нольбу, — кричали они, — мы нарочно завернули сюда. Давайте сыграем ему разок, а он, конечно, нас щедро одарит!

Тут они ударили в свои гонги, запрыгали и подняли

отчаянный гвалт, требуя у Нольбу, чтобы он дал им мешок риса, сто лянов, вина и закусок.

У Нольбу от этой картины волосы стали дыбом. «Самое лучшее, что можно придумать в моем положении, — это поскорее избавиться от них», — подумал Нольбу и отдал тем людям сто лянов денег и мешок риса. А когда они удалились, Нольбу сорвал следующую тыкву, и Горбун с Заячьей Губой снова взялись за работу.

Плавно ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Мерно ходит пила, врезаясь в тыкву.

Крак! — тыква распалась на две половинки, и появился старый буддийский монах. Голову монаха покрывала большая бамбуковая шляпа, на черную рясу с шеи опускались четки из ста восьми бусинок. Опершись на бамбуковый посох о трех коленях, монах беспрерывно бормотал молитвы:

Я молю тебя, Амитаба Будда!
Я молю тебя, Авалокитешвара-бодисатва, и ты,
Махастапрапта-бодисатва!..

Следом за ним показались почтенные монахи с гонгами, колокольчиками, трещотками и барабанами в руках.

Приблизившись к Нольбу, старый монах молвил:

— Нольбу! Наш досточтимый учитель сорок девять дней усердно молился духам земли и моря о благополучии твоего дома. Труд его сто́ит, надо думать, несколько десятков тысяч лянов. Но так и быть, уплати всего пять тысяч.

— Какие такие молитвы о моем благополучии? — изумился Нольбу.

— Негодяй! — сердито закричал старик монах. — Тщетны твои надежды на богатство. Как смеешь ты мечтать о несметных сокровищах, не принеся даров Будде?

— И тогда в следующий раз явятся сокровища? — спрашивает Нольбу монаха.

А старик монах ему в ответ:

— Человек, который выйдет из следующей тыквы, верно, доподлинно знает об этом.

Услыхав, что монахи уже вознесли моления Будде, чтобы он ниспослал ему удачу, Нольбу не пожалел денег и отдал им пять тысяч лянгов.

— Ну что? Опять я виноват? — ехидно засмеялся Заячья Губа.

Раздосадованный Нольбу с бранью пабросился на Заячью Губу, но быстро опамятовался, вспомнив слова монаха о том, что следующая тыква принесет ему богатство. Тотчас срывает он другую тыкву и принимает-ся уговаривать обидевшегося Заячью Губу попробовать распилить ее.

Жена Нольбу попыталась остановить супруга.

— Ради бога, не пилите эту тыкву! Если вы распилите ее, вы разоритесь и погубите себя. Прошу вас, не пилите!

— Что может знать лукавая баба со своим легкомыслием! — рассердился Нольбу.

И, стукнув супругу кулаком, он прогнал ее прочь. Снова заходила пила.

Плавню ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Крак! — тыква развалилась пополам, послышалось позвякивание колокольчиков, и показались два человека: один нес траурный флажок с написанными на нем

именем и званием умершего, а другой — сверток погребального холста. За ними шествовали носильщики, которые на перекинутых через плечо веревках несли похоронные носилки и в такт шагам пели:

Нохо, нохо, нохо!
Давно открыли Южные ворота,
И медный гонг давно уж прозвучал,
Пропели нотухи, и встало солнце,
Заллив сиянием горы и потоки.
Нохо, нохо, нохо!
Эй, впереди идущий Пхён Дольнам!
Уж скоро солнце сядет за горою!
Так отчего ж ты толчешься на месте?
Эй, позади идущий Ким Дольсве!
У нас у всех давно устали ноги!
Зачем же ты так медленно шагаешь?
Нохо, нохо, нохо!

Похоронную процессию замыкали пять родственников умершего — все до единого калеки: горбун, слепец, заячья губа, глухой и немой.

Бедный слепец! Взгляните на него! Горько рыдая, идет он за носильщиками; но вот носильщики, желая посмеяться над слепцом, внезапно умолкают и двигаются тихо-тихо: без песнопений и звона колокольчиков. Почувствовав неладное, слепец кричит:

— Негодяи! Зачем обманываете слепца? Вас за это крепко накажут!

В этот момент до его слуха доносятся слова песни: «Нохо, нохо...», и слепца нагоняет какая-то другая похоронная процессия. «Вот они где!» — радуется слепец и, присоединившись к погребальному шествию, опять принимается голосить.

— Послушайте, вы ошиблись, — говорит ему один из носильщиков.

«Ну нет, тебе не удастся провести меня», — думает про себя слепец и отвечает:

— Кого ты обманиваешь? Ведь я же слышал, как вы цели: «Нохо, нохо»!

И продолжает следовать за чужими носилками.

Но тут с другой стороны вновь слышится песня:

Эй ты, следец! Иди сюда!
Нохо, нохо, нохо!
Как говорят, Нольбу богат
И потчует на славу.
А не накормит нас Нольбу —
Сумеем мы и сами
Его на славу угостить
Жердями от носилок!
Нохо, нохо, нохо!

Опустив похоронные носилки во дворе Нольбу, носильщики закричали:

— Эй, Нольбу! Коли быка, готовь обед на сто человек!

А старший отпрыск умершего молвил:

— Мы прибыли сюда из Цзяннани, дабы предать земле прах усопшего родителя в том месте, где сейчас стоит твой дом. Поэтому сноси немедленно дом и пусти в продажу все свои поля. А мы положим здесь надгробную плиту, поставим у могилы пару каменных столбов да жертвенник для вознесения молитв духу предка и уйдем.

— Нольбу! — снова загремели сердитые носильщики. — Если отдашь нам десять тысяч лянов, мы обещаем унести носилки обратно. Тогда тебе не о чем будет тужить. Ведь «без покойника похорон не бывает»!

«Они, пожалуй, правы», — подумал Нольбу. Спешно продал он за бесценок свои земли и после долгих уговоров и призывов к сочувствию сошелся с носильщиками на трех тысячах.

Носильщики подняли погрёбальные носилки и зашагали прочь. Но тут Нольбу догнал их и спросил:

— Скажите, в других тыквах тоже нет сокровищ?

А те в ответ:

— Что в каждой тыкве, про то мы не ведаем. Но золото в одной из них есть непременно.

«Ага, все-таки есть золото!» — обрадовался Нольбу и сорвал следующую тыкву.

Плавню ходит пила.

Пу, паддай! Сама пошла!

Мерно ходит то взад, то вперед пила.

Крак! — с треском разошлись половинки тыквы, и из нее хлынула толпа шаманок, собравшихся, наверное, со всех восьми провинций. Тотчас загрохотали барабаны, зазвенели гонги, и шаманки принялись на разные голоса заклинать духов.

Одна из них выкрикивала:

— Молю, из Мира чистого явись, дух Тэбуджин!

Молю, явитесь, сорок государей-драконов и восемьдесят тысяч небесных владык!

Владыка моего жилища, хранитель дома с черепичной крышей! Владыка твоего жилища, хранитель дома, крытого соломой! Владыка этого жилища, хранитель соломенного шалаша! Вас заклинаю я, явитесь друг за другом!

Три владыки Очага: первый владыка — семнадцати лет, средний владыка — двадцати семи лет и последний владыка — пятидесяти семи лет! Молю, явитесь!

Другая шаманка пела:

На храме хранителя стен городских

Зачем ты кукуешь, кукушка?

Ответила птица: «Чтоб древний самшит
Оделся зеленым нарядом».

Подумала я: «Неужели на нем
Опять заколынутся листья?»
О духи зеленых развесистых ив
И горных вершин одиноких!
Липь мы разлучаемся с миром навек,
Путем неизвестным уходим.

А третья заклинала так:

О ветер!

О луна!

Дух Лунного сияния!

Вас заклинаю: помогайте всем его делам — ежечасно,
Ежедневно, двенадцать месяцев в простом году и тринадцать
в високосном!

Духи кумирен Ангвандан и Куксудан!

Дух кумирни полководца Чхве Хёна на горе Топмульсан!

Дух кумирни Агиссидан на Вансимни!

Молю вас, будьте к нему благосклонны!

Глядя на все эти священнодействия шаманок, Нольбу сморщился, словно кошка, попробовавшая уксуса.

Покончив с заклинаниями, шаманки набросились на Нольбу и принялись колотить его в грудь своими барабанами, да так, что у него искры посыпались из глаз. В гневе и отчаянии Нольбу взмолился сквозь слезы:

— За что это вы меня? Уж если помирать, так знать хотя бы, за какие прегрешения, не было б обидно. Смиловитесь, пощадите!

— Эй, ты, Нольбу! — закричали шаманки. — Не о твоём ли благополучии мы так усердно молили духов? Выкладывай живо пять тысяч лянов, и ни монетой меньше. А будешь упрячиться — снесем тебе башку!

Насмерть перепуганный Нольбу отдал шаманкам пять тысяч лянов и, всячески умоляя оставить его в покое, выпроводил их наконец со двора, а затем в ярости изрек:

— Если удача — так большая, коли крах — то полный! Попробую распилить еще одну тыкву!

И стал уговаривать Заячью Губу:

— Тыквы, которые ты до сих пор пилил, не принесли удачи, и виной тому судьба. Тебя теперь никто не станет упрекать, так что пили спокойно.

Но Заячья Губа заупрямился:

— А если я после твоих тыкв захвораю? Кого тогда я буду просить о помощи? Нечего городить вздор. И так всем известно, что ты пустомеля.

Как ни упрашивал Нольбу Заячью Губу, тот ни в какую не соглашался.

— Найди себе работника поудачливей, а меня, несчастливую, не проси!

— Экий ты, право! — сказал Нольбу. — Уж если я пообещал больше не упрекать тебя, то так и будет. Отколоти меня, как последнего пса, если я еще раз затею ссору!

И он дал Заячьей Губе еще двадцать лянов сверх тех, которые были положены ему по уговору. Лишь после этого Заячья Губа, как бы нехотя взяв деньги и сунув их в поясной мешочек, принялся за работу.

Плавню ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Не допилив до конца, они попробовали заглянуть в тыкву: там виднелось что-то желтое. Нольбу это поняв по-своему и, обрадованный, проговорил:

— Эй, Заячья Губа! Ты видишь? Тыква-то и впрямь полна золота. Давай скорее допилим ее!

Крак! — тыква развалилась, и — о Небо — оттуда, словно горох, посыпались коробейники, все с ярко-желтыми коробами на плечах.

Ошарашенный этим зрелищем, Нольбу обратился к коробейникам с вопросом:

— Послушайте, почтенные, что это у вас на плечах?

А те в ответ:

— Там у нас стекло.

— Какое такое стекло?

— Ручные зеркальца и зеркала, подзорные трубы, увеличительные стекла для разглядывания картинок, а также наказания для тебя¹. Смотри, какие тут все чудесные картины! Просто загляденье! Вот вид Яшмового пруда, вот возлюбленная Ли Сона — прекрасная Сукхян и любимая наложница танского государя — Ян-гуйфэй, тут же подруга чуского правителя — красавица Юй и наложница Люй Бу — Дяо-чап! А это восемь чудных фей: припессы Нанъян и Ёпъян и красавицы Чин Чхэоп, Ка Чхун, Кё Самволь, Чок Кёнхын, Сим Нёён и Пак Нынпха! Видывал ли ты когда-нибудь такую красоту?

От гама, поднятого коробейниками, у Нольбу волосы стали дыбом на голове. Желая поскорее испробовать другую тыкву, он дал коробейникам три тысячи ляпов и стал их уговаривать:

— Послушайте меня, почтенные. Я из-за этих тыкв совершенно разорился. Три тысячи, конечно, не большие деньги, но если вы их сложите со своими, вам на дорожные расходы хватит. Ушли бы вы поскорее... А я испытаю еще одну тыкву.

Тогда коробейники пошептались меж собой и так сказали Нольбу:

— В следующей тыкве, кажется, уйма золота и серебра. Так что не сомневайся и пили.

Сказали и миг исчезли.

---

¹ Каламбур: слова «стекло» и «наказание» в корейском языке звучат одинаково.

А Нольбу снова взялся за пилу.

Плавню ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Все глубже врезается в тыкву пила... Крак! — и из тыквы устремилось наружу бесчисленное множество людей в масках. Они тотчас же принялись бесчинствовать, громко распевая:

О встер! О встер! Откуда ты дуешь?
Не с юго-востока ли ты прилетел?

— А теперь, — закричали маски, — давайте грянем песню с рифмой «башня»!

Жестокими царями Цзе и Чжоу
Возведены две Яшмовые башни.
Царь Чжоу дни и ночи развлекался
С наложницей Да-цзи в Оленьей башне.
В далекой дали высится на юге
Прославленная Фениксова башня.
А там, в Гусу, уж так пленяют взоры
Владыкой У воздвигнутая башня.
Позыблемой останется навеки
Прославленная Фениксова башня.
Из благовонных балок кипариса
Воинственный У-ди построил башню.
Дано название «Воробья из бронзы»
Воздвигнутой при Цао Цао башне.
Как много их построено на свете!
О тысяча и десять тысяч башен!

— Хватит про башни! Примемся теперь за Нольбу!
С этими словами маски набросились на Нольбу, схватили его за шиворот и повалили на землю.

— Ой, ой! Зачем так, уважаемые маски? Молвите только словечко — все сделаю по-вашему!

— Мерзавец Нольбу! — крикнули маски. — Что тебе дороже: деньги или жизнь?

— Сначала появился человек, а потом уже деньги. Как же деньги могут быть дороже?

— А коли так, выкладывай без промедления пять тысяч лянов!

Делать нечего; отдал Нольбу маскам пять тысяч лянов и сказал:

— Денег я вам дал столько, сколько вы велели. Прошу вас, расскажите мне теперь про содержимое остальных тыкв.

На это маски ответили так:

— Что в прочих тыквах, мы не знаем, но золото в одной из них есть, вне всяких сомнений. Если ты распилишь все тыквы, то непременно найдешь его.

И с этими словами исчезли.

Слова масок еще более распалили пустые надежды Нольбу. Бегом побежал он на гору и вернулся с тыквой на спине.

Но тут Заячья Губа с деланным участием стал убеждать Нольбу:

— Брось ты эти тыквы! Как можно верить каким-то маскам? «Выворачивать мошну, когда навалится беда» — положим, дело обычное, но я не в силах смотреть, как тебя колотят.

— Пустяки! — отвечал Нольбу. — Деньги у меня еще есть, попробую рискнуть: распилю все оставшиеся тыквы. Посмотрим, чем все это кончится...

— Раз уж таково твоё желание, — сказал Заячья Губа, — не смею препятствовать. Но я бы на твоём месте еще не раз подумал, прежде чем пилить эти тыквы.

Тогда Нольбу в сердцах швырнул Заячьей Губе еще десять лянов и принялся за следующую тыкву.

Плавню ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Как распилим нашу тыкву,

Пусть на этот раз увидим
Небывалые богатства,
Золото и серебро!

С шумом упали наземь половинки тыквы, и из нее
вырвалась толпа бродячих танцовщиц и музыкантов.
Колотя в свои бубны, они с гиканьем и кривляниями
распевали:

Я лунною, светлою ночью
Брожу средь осенних утунов.
Свежа во мне память о милом,—
Наверно, и он меня помнит!
Пою: «На-ни-на! О горы!»

Едва смолк хор, как одна из танцовщиц завела «тха-
рён»:

Неторопливым шагом прохожу
Я через горный перевал Паксок.
Вот ива, мне знакомая давно.
Не про нее ли сказано в стихах:
«Заезжий дом — в тени зеленых ив,
Прекрасных обповлепную красой?»
Я сам к ее высокому стволу
В былые дни привязывал осла.
«Шел утром дождь над городом Вэйчэн,
И уличная пыль увлажнена».
Ручей сверкает брызгами дождя;
Я в нем когда-то ноги омывал.
Привет тебе, Терем простора и прохлады!
Приветствую тебя, Сорочий мост!
Пятнадцатою ночью января,
Когда вы поклоняетесь Луне,
Не забывайте чтить отца и мать!
Они вам подарили плоть и кровь.
Как им воздать за их бесценный дар,
Неизмеримый, словно небеса?
Печален и уныл конец зимы.
Но в Дни холодной пищи, в феврале,
Когда мы душу Цзе Цзы-туя чтим,
Сойдет на горы дальние весна
И оживет сожженная трава.

Пока одни танцовщицы поют песни или декламируют старинные стихи, а другие распевают застольную, выделявая при этом всевозможные фигуры, взглянем на бродяг-музыкантов. Вот они все в ярко-желтых козынках и бамбуковых шляпах — швырнули наземь свои дорожные котомки и под неистовый грохот барабанов пустились в пляс, покачивая в такт музыке бедрами и заигрывая с танцовщицами.

Так они прошлись по кругу раз и два и вдруг увидели Нольбу.

— А, вот ты где! — завопили бродяги и, схватив Нольбу за руки и ноги, принялись таскать его по земле, будто соху.

Нольбу показалось, что внутри у него все перевернулось, а глаза вот-вот выскочат из орбит.

— Да что ж это такое? — закричал он истошно. — Велите, что хотите! Только не губите!

В ответ на его мольбу бродяги в один голос заявили:

— Хочешь остаться в живых — отдай нам все крепости на свои поля и земли. А будешь упираться — помремь, не сходя с места!

С треском открыл взбешенный Нольбу комод и отдал бродягам бумаги, а те поделили их между собой и тотчас исчезли.

Глядя на все это, Заячья Губа решил, что пришла пора уносить ноги, и так сказал Нольбу:

— У меня дома неотложное дело. Я мигом обернусь.

— Э, приятель, — отвечал ему Нольбу, — начатое дело на полпути не бросай! Тыков у нас осталось еще порядком, а в какой-то из них, говорят, много золота. Неужто мы не найдем его, если распилим одну за другой все тыквы? Отныне я буду добавлять тебе денег за каждую распиленную тыкву.

Тут уж Заячья Губа не мог устоять и снова взялся за пилу.

Плавню ходит пила.
Ну, наддай!..

Крак! — и из развалившейся тыквы, стараясь опередить друг друга, стали выскакивать мужланы: Говоруны, Упрямец, Нанджуги, Мошка, Жучок, Кунпхёни, Здоровяк, Ёсуги, Мусуги, Хагони, Погони, Коротышка, Дубинка, Крючок, Злюка, Лоскут, Плакса, Крепыш... Выбравшись из тыквы, мужланы тотчас же схватили Нольбу, крепко-накрепко скрутили его бельевой веревкой и подвесили на дереве. Затем отыскивали промеж себя молодчика, ловко орудующего палкой, и приказали ему:

— Бей этого мерзавца что есть силы!

Молодчик засомневался.

— А что, если он окочурится от такой взбучки? Разве получена бумага, что с ним можно обращаться, как с убийцей?

Часть мужлапов, посоветовавшись, решила:

— Не будь такой бумаги, нас бы не стали собирать всех вместе. Потешимся вдосталь над этим негодяем, а напоследок разорвем его на части и разойдемся. Прекрасный способ убить время.

— Правильно! — закричали остальные.

Пока одна половина мужланов готовила казнь Нольбу, в центре внимания прочих оказался Тхольпхёни:

— Пусть каждый, — предложил он, — как умеет, споет одну коротенькую песню. А кто не сможет открыть рта, того накажем штрафным хлебом!

И с этим уговором Тхольпхёни первым начал песню:

Иней выпал предрассветный,
День встает. Проснитесь, дети!
Там, на северной вершине
Вырос папоротник пышный.
Отправляйтесь спозаранку
Рвать его, наварим нынче
Для вина закуски свежей.

Следом за ним какой-то мужлан запел:

Возможно ли поспорить человеку
Со справедливой волею небес?
Уж если мы безправственным поступком
Зовем поджог дворца Афан в Саньяне,
То что сказать о княжиче И-ди,
Утопленном в реке Биньцзян убийцей?

Затем вперед вышел Кунпхёни и спел песню — смесь
из коротких стихов:

«Не каждый мог назвать
Любимую любимой,
Не каждый тосковал
И сетовал в разлуке».
«Неслышно Имчжинган
И Тэдонган струятся,
И грустное «куку»
Звучит с гробницы царской».
«Так нацеди вина
Нам поскорее, мальчик!
Мы нынче будем пить
И будем веселиться!»

Упрямец спел несколько строф из разных стихов с
рифмою «ветер»:

«Перед воинами выл
В травах и деревьях ветер».
«Челн, плывущий по Бяньши,
Обвеваает дальний ветер».
«С веток персиковый цвет
В сумерках роняет ветер».
«Молит духов Чжугэ Лян

О юго-восточном ветре».
Как связать мне меж собою
Это множество «ветров»?

Здоровяк спел песенку подобного же рода с рифмою «лет»:

«В краю пустынных рек и диких гор
Безмолвие царит уже сто лет».
«Ночной порой, при ветре и луне,
В Цзяннани я тоскую много лет».
«Неразделимы радость и печаль,
Так на земле ведется сотни лет».
«За жизнь свою не может человек
Изведать дважды счастье юных лет».
«Год кончен — миновали холода,
Но не считаю я идущих лет».

За ним снова запел Упрямец — на этот раз его песенка была с рифмою «людей»:

«На зелень ив устремлены глаза
Поток переплывающих людей».
«Цвет тополя вселяет грусть в сердца
Переправляющихся вброд людей».
«На всех — цветы кизила... Лишь меня
Недостает в кругу родных людей».
«Уйдешь на запад из заставы Ян —
Не будет близких у тебя людей».

Далее последовала песня Крючка о временах года:

Весной цветы повсюду расцветают,
А летом в рощах зеленеют листья.
По осени прекрасен клен багряный
И ярко желтеют хризантемы.
Зимой кружатся в воздухе снежинки
И сходят воды, обнажая камни.
Что было бы без четырех сезонов?
Что было бы без верности на свете? ¹

---

¹ Игра слов: слово «верность» звучит почти так же, как сочетание «все времена года».

Злюка сложил песню на тему «благодеец»:

Как может жизнь свою прожить спокойно,
Ни разу не свершив благодеянья,
Тот, кто на свет родился человеком?
На десять тысяч лет свой род продолжив,
Потомки благодетельствуют предков.
Оставив дом почтительным потомкам,
Благодеянье предки совершают,
Суй-жэнь содеял благо, обучая
Людей, как на огне готовить пищу.
Дав воинам для битв щиты и копья,
Сюань-юань свершил благое дело.
Помянем заодно «благодеец»¹.
Лю Сюань-дэ, который правил царством
Во времена «трех государств» в Китае;
«Благодеянье» Чжан И-дэ, который
В стране Си-Шу был славным вождём;
«Благодеянье» Пан Дэ, который
В стране Си-Лян был видным полководцем;
«Благодеянье» полного коварства
Цао Мэн-дэ, героя Века смуты.
Но что нам эти все «благодеец»?
Посмотрим, что Нольбу за благодетель!

Ёсуги тоже сочинил песенку — с рифмою «занятие»:

В эпоху Троецарствия, когда кругом раздоры,
сражение — подходящее занятие.
В лупу шестую страждущим от духоты и зноя
обмахиваться воером — занятие.
На берегу под дождиком, что зарядил надолго,
рыбачить — тоже славное занятие.
В горах с лесною чащей, в глуши ущелий горных
и топором орудовать — занятие.
Сгребать листву опавшую в лесу осеннем в кучи —
конечно, тоже дельное занятие.
Игла мелькает быстрая в руке у молодежи...
Весьма необходимое занятие!

---

¹ Каламбур: иероглиф «дэ», входящий в состав упоминаемых в песне имен китайских военачальников, имеет значение «благодеец».

У старикашки дряхлого язык все мелет, мелет...
Что говорить, полезное занятие!

А Плут пропел:

Бил наотмашь в грудь горбатых,
Бил беременных в живот,
Искры первые пожара
Со злорадством раздувал,
Колотил горшки и миски
В мастерской у гончара,
У жилища роженицы
Пса бродячего убил,
В месте, где болели оспой,
В землю колья забивал
И везде, где только мог он,
Людам ногу подставлял!

Натешившись песнями, мужланы сели и принялись расспрашивать друг друга, кто где живет и кого как зовут.

— Ты где живешь? — спросили одного.

— Я живу в Ванголе, — отвечал тот.

— Вот как? Купил, говоришь, тростнику для циновок? ¹

— Да нет же! Я говорю, что мой дом находится в Вапголе.

Тогда вперед выскочил Кунпхёни и принялся растолковывать остальным, что такое Вангол:

— Понятно! Этот парень хочет сказать, что он из Ванголя. «Ван» значит «король», а «гол» — «поселок». Выходит, что ты живешь где-то около королевского дворца в Сеуле?

— Да, да! Именно там я и живу.

---

¹ Игра слов: «живу» по-корейски звучит так же, как «покупаю»; имя собственное «Вангол» созвучно со словом «тростник».

- А ты где живешь? — спросили другого.
- У самого неба, — отвечал мужлан.
- Он, верно, живет на улице Духов, у ворот Мудонмун, — пояснил Кунпхёни.
- А ты, дружище, откуда?
- Я живу снаружи за оградой внутри ограды.
- Кунпхёни мигом растолковал и этот ответ:
- Ага! Ты, верно, живешь между внутренними воротами Чханыймун и внешними воротами Ханбуимун. Вот и получается, что твой дом «и в ограде и за оградой». Это где-то возле Бумажной управы, не так ли?
- Нет, не там.
- Тогда понятно, — сказал Кунпхёни. — Ты, видно, живешь между большими и средними воротами дома. Так ты, значит, холопий сын? Отойди-ка вон туда!
- А ты где живешь? — спросили еще одного мужлана.
- В никакoм переулке.
- Кунпхёни призадумался.
- Что-то я никак не могу припомнить такого места.
- У меня нет своего дома, живу, где придется, — объяснил мужлан.
- Ну, а ты, уважаемый!.. Вои тот, который позади всех уселся! Где ты живешь и как твоя фамилия?
- Моя фамилия — «два человека борются», — ответил мужлан загадкой.
- Борющихся людей, — стал рассуждать вслух Кунпхёни, — напоминают написанные рядом два иероглифа «дерево». А сдвоенное «дерево» значит «лес» и читается «лим». Выходит, что твоя фамилия — Лим.
- А как твоя фамилия? — спросил Кунпхёни следующего.
- «На дереве шляпа», — последовал ответ.

- На дереве шляпа... Ясно! Тебя зовут Сон.
- А тебя, уважаемый, как кличут?
- «Под коричневым деревом стоит Сын Неба».
- Попятно,— сказал Кунпхёни.— Ты — Ли.
- Ну, а ты, дружище, кто такой?

Мужлан, совершенный невежда — из тех, которые, увидев букву «г», полагают, что это нарисована железная скоба,— в ответ понес несусветную чушь:

— Моя фамилия, стало быть, такая: «под деревом Карлица стоит сынишка Ёкчоксве». То бишь я хочу сказать, что меня тоже зовут Ли.

— А как тебя зовут? — обратился Кунпхёни к другому мужлану.

— Поверни вокруг четыре раза «гору», и ты узнаешь, как меня зовут,— ответил тот.

Кунпхёни подумал немного про себя и сказал:

— Если повернуть иероглиф «гора» четыре раза вокруг вершины, то получится иероглиф «поле», который читается «чон». Стало быть, твоя фамилия Чон.

Мужлана, к которому обратился Кунпхёни, звали Пэ, и славился он тем, что никогда не мог ничего запомнить. Поэтому, чтобы не забыть свою фамилию, он постоянно носил с собою в поясной мешочке грушу¹. Услыхав вопрос, Пэ, не говоря ни слова, развязал мешочек и полез за грушей. Но та как сквозь землю провалилась. В растерянности мужлан хватил себя по затылку и выругался:

— Чертова фамилия! Сколько я уже потерпелся из-за нее! Вот и нынче какой-то прохвост стянул ее у меня. С тех пор как я появился на свет, моя фамилия обошлась мне уже в восемнадцать монет. А сегодня она, видно, разорит меня окончательно...

---

¹ «Груша» по-корейски «пэ».

И снова принялся лихорадочно шарить в поясном мешочке.

Тогда Кунпхёни стал бранить мужлана:

— Друзья спрашивают у него фамилию, а он знай молчком копошится в своем мешке. Куда это годится?

— А ты не придирайся, коли не можешь понять, в чем дело. Моя фамилия известна каждому! — сердито отвечал ему мужлан, шаря по всем уголкам мешка.

Но груша исчезла. Вместо нее из мешочка вывалился лишь грушевый черенок.

— Наконец-то! Не мог он никуда деваться! — воскликнул мужлан.

Подобрав торопливо черенок, он замахал им в воздухе.

— Вот она, моя фамилия!

— Так, значит, твоя фамилия Черенок?

— Да, да! Именно так: Черенок!

— Кто там еще? — спросил Кунпхёни.

— Я! Моя фамилия простая: если ты прибавишь к знаку «ан» — «седло» знак «пу», что значит «лопнуть», а напоследок приставишь иероглиф «дон» — «дубинка», то ты смекнешь, что меня зовут Ан Пудон.

— А тебя как звать? — обратился Кунпхёни к следующему.

В ответ мужлан вытянул вперед два крепко сжатых кулака.

— Вот моя фамилия!

— Понятно, — засмеялся Кунпхёни. — Твоя фамилия, по-видимому, Чу, а имя — Могви¹.

— Верно! Так меня и зовут!

— А это кто там стоит в стороне? Давайте уж пред-

---

¹ «Кулак» по-корейски «чумогви».

ставимся друг другу все до единого человека. Поведай и ты, друг, свою фамилию.

— Я сын Дубинки.

— А ты кто такой?

— Чо Чхиан.

Жучок с бранью напустился на мужлана, назвавшегося Чо Чхианом:

— Послушай! Знакомиться друг с другом — стародавний обычай, которому не меньше как полтысячи лет. Что значит «дрянь»? ¹

Мужлан, громко смеясь, ответил:

— Чо — моя фамилия, а Чхиан — имя. Сам посуди: кому придет в голову сказать при знакомстве «дрянь»?

— Это, пожалуй, так, — согласился Жучок.

Вдруг один из мужланов выскочил вперед и сказал:

— Слушайте, братцы! У нас еще будет случай погулять. А сейчас давайте расправимся с Нольбу!

Его поддерживали еще несколько молодчиков:

— Мы так увлеклись знакомством, что совсем забыли про Нольбу. Неладно у нас получилось. Давно бы уже можно было растерзать мерзавца в клочья!

Не теряя времени, мужланы набросились на Нольбу и принялись хлестать его по щекам, пинать ногами и щипать. Затем они стали пытаться его: продев две палки меж связанных у щиколотки ног, крутили ему «ножницы», стегали розгами, до хруста в костях стягивали тетивой ноги у лодыжек, вставляли между пальцев горящие фитили, прикладывали к телу раскаленные железные прутья...

Будь Нольбу из железа, и то бы ему не устоять под такими пытками. Отплевываясь кровью, он стал на все лады умолять мужланов:

---

¹ Фамилия и имя Чо Чхиан, произнесенные слитно, звучат одинаково со словом «дрянь».

— Пощадите, будьте милосердны! Не убивайте меня! Велите уплатить дсоьги — дам денег, хотите риса — дам рис, велите отдать жену — отдам и ее. Только не лишайте меня жизни!

Тогда мужкланы напоследок еще раз-другой сдавили палками ноги Нольбу и сказали:

— Так вот, мерзавец, слушай! Мы идем любоваться видами Кымгаисана и нуждаемся в деньгах на дорогу. Выкладывай не мешкая пять тысяч лянов. Не то мы тотчас прикончим тебя!

Онемевший от страха Нольбу отдал мужкланам деньги, и ватага тут же исчезла.

После перенесенных пыток Нольбу не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Однако он по-прежнему не оставлял своих пустых надежд. Уверенный в том, что теперь его безусловно ждет удача, Нольбу на четвереньках взобрался на горوشку, извлек из зарослей еще одну тыкву и убедил Заячью Губу распилить ее.

Плавню ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!
Наддай еще!..

Крак! — тыква распалась на две половинки, и из нее валом повалили слепцы со всех восьми провинций. Постукивая палками и устрашающе сверкая белками глаз, слепцы кричали:

— Теперь-то, негодяй, ты от нас никуда не скроешься — ни на крыльях, ни ползком. В поисках тебя мы обошли всю округу, были в Мугедоне и Сангедоне, не пропустили ни одного дома в окрестных селах. А ты, оказывается, вон где! Сейчас мы тебе покажем свою сноровку!

И слепцы, размахивая посохами, двинулись на Нольбу.

Нольбу без памяти кинулся бежать, но слепцы — а ясновидцы проворней зрячих! — в один миг сцапали его. Поняв, что ему не спрятаться от слепцов, Нольбу взмолился:

— Чем прогневал я вас, почтенные слепцы? Умоляю, не губите меня! Исполню все, что только прикажете.

Но тут слепцы оставили Нольбу и под рокот своих барабанов стали читать молитву:

— «Тысячерукая и Тысячеокая Авалокитешвара бодисатва, благодетельная и любвеобильная, чудесная и вечная, великая и совершенная, милосердная сострадательница! Южный огненный царь, Западный золотой царь, Северный водяной царь! Владыка звезд, дух Таи! Вас заклинаем: ниспошлите погибель негодяю Нольбу! Молим, да исполнится это!»

Помолившись, слепцы снова бросились на Нольбу и принялись колотить его палками, словно собаку, предназначенную на убой.

Некоторое время Нольбу крепился, но скоро ему стало невмочь. Отдал он слепцам пять тысяч лянов и подумал:

«Денег в доме не осталось ни гроша. Все состояние пустил на ветер! Как мне теперь жить — не знаю. Но «начато — кончай», а еще говорят так: «Сладкое за горьким». Не может быть того, чтобы мне не повезло в конце концов!»

С этими мыслями Нольбу снова отправился на горюшку и, отыскав среди густых плетей другую тыкву, сказал Заячьей Губе:

— Смотри, какая белая и славная на вид эта тыква. Должно быть, битком набита драгоценностями. То-то на славу ты заживешь, когда мы завладеем ими. Ну, берись смелее за пилу! Посмотрим, что там такое.

И Нольбу приставил пилу к тыкве.

Плавню ходит пила.

Ну, наддай! Сама пошла!

Немного попилив, Нольбу и Заячья Губа осторожно приложились ухом к тыкве и прислушались — отсюда, словно раскаты грома, неслись возгласы: «Фэй! Фэй!»

Испуганный Нольбу понял, что его опять ожидает какая-то беда, и, положив потихоньку пилу, попятился от тыквы. Заячья Губа тоже шарахнулся в сторону и уже собрался дать тягу, как вдруг из тыквы кто-то рявкнул сердито:

— Чего вы там копаетесь? Почему бросили пилить? Мне страшно неудобно сидеть в тыкве, нет сил терпеть. Пилите же скорее!

Дрожа от страха, Нольбу проговорил:

— Вы только что изволили упомянуть о каком-то «фэй». Не откажите в милости, растолкуйте, что это значит.

В ответ из тыквы донеслось:

— Фэй, фэй, скотина!

— Вот вы все говорите «фэй», — продолжал Нольбу. — Хотелось бы узнать, прежде чем допиливать тыкву, кого вы имеете в виду: наложницу ли танского государя Ян гуйфэй или кого-нибудь другого.

На это из тыквы последовал ответ:

— Нет, я говорю о себе. Я командую лестницей — Чжан Фэй по прозвищу И-дэ, уроженец Янь, побратим дядюшки Лю, потомка правящего дома Хань. И если ты сейчас же не распилишь тыкву, я не ручаюсь за твое благополучие.

Нольбу при имени Чжан Фэя в трепете повалился наземь и потихоньку запричитал:

— Ай-яй, Заячья Губа! Что же нам теперь делать?

Денег-то ведь уже нет. Видно, пришел нам с тобой конец.

Заячья Губа отвечал ему с ядовитой усмешкой:

— Ты-то, положим, сдохнешь поделом. А мне за какие грехи помирать? Ляпнешь в другой раз этакое, я тебя первый отправлю на тот свет!

— Ну, ты оставь свои шуточки! — рассердился Нольбу. — Давай-ка лучше допилим тыкву да посмотрим, чем все это кончится.

И он нехотя взялся за пилу.

Взвизгнула в последний раз пила, и в ту же минуту из тыквы проворно выскочил полководец. На черном, будто облитом тушью, лице полководца остро выпячивался вперед тонкий подбородок и свирепо поблескивали огромные глаза, над головой возвышалось длинное копьё с наконечником в виде восьми змей.

— Негодяй Нольбу! — зычным голосом закричал полководец. — С тех пор как ты явился на свет, ты ни разу не выказал почтения к родителям, с братом не дружишь, с родичами в ссоре. Грехов у тебя, что волос на голове. Могло ли Небо остаться равнодушным к этому? Верховный Нефритовый владыка повелел мне разорвать тебя на десять тысяч частей, дабы тем самым искупить твои неисчислимые грехи. За этим я и прибыл сюда. Ну, а теперь крепись!

Молвив это, полководец своею мягкою, но сильною рукой схватил Нольбу и стал его подбрасывать и вертеть, словно пустую тарелку.

Нольбу от страха лишился чувств, а придя в себя, ваплакал и стал умолять о пощаде.

Тогда полководец сжалился и, отпустив Нольбу, так сказал ему:

— Ты, впе всяких сомнений, стбишь того, чтобы тебя разорвали на десять тысяч частей. Однако, пораз-

мыслив, я пришел к выводу, что тебя можно простить. Не смей отныне обижать своего доброго брата, живи с ним в мире.

И тут же исчез.

А Нольбу, не успев даже как следует опомниться от учиненной ему встряски, побежал на гору: там еще оставались две тыквы. Притащив одну из них, Нольбу принялся уговаривать Заячью Губу:

— Посочувствуй мне хоть ты, Заячья Губа! Хотел я стать обладателем сокровищ, а вместо этого потерял все свое добро и оказался нищим. Неужели все тыквы такие? Сдается мне, что на этот раз нам наконец повезет. Давай-ка без лишних слов примемся за дело.

Заячья Губа не стал ему перечить и снова взялся за пилу.

Как распилим нашу тыкву,
Пусть на свет потоком хлынут
Небывалые богатства,
Золото и серебро;
Получу я столько денег,
Сколько у Хынбу в кармане!

— Что до сокровищ, пусть их будет побольше. Не дай лишь бог паложницу вроде той, что явилась Хынбу,— вставила стоявшая неподалеку жена Нольбу.

— Экое же ты создание! — рассердился Нольбу. — Вот ведь уже нищая, у которой ничего нет за душой, а туда же — ревновать! Поди прочь, лукавая баба!

Вжик-вжик! — взад-вперед ходит пила.

Спустя некоторое время Нольбу прижался ухом к тыкве и послушал: на этот раз оттуда не доносилось ни звука.

— Тыкву уже почти что распилили, а ничего не слышно! Верно, из этой тыквы будет толк, — сказал Заячьей Губе обрадованный Нольбу и стал торопливо водить пилой.

Но когда они распилили тыкву, то оказалось, что в ней ничего нет. Тыква была совершенно пуста!

Нольбу это несказанно обрадовало, а Заячья Губа подумал: «Тут что-то не так. Сколько уж тыкв распилили, и в каждой непременно была какая-нибудь пакость. Почему же эта тыква не похожа на остальные?»

И, отойдя за угол будто бы за нуждой, он со всех ног пустился наутек.

Долго ждал его Нольбу и, не дождавшись, стал рубить тыкву топором. Но, кроме беловатой, довольно аппетитной на вид мякоти, в тыкве ничего не было. Тогда Нольбу позвал жену и сказал ей:

— Послушай, я уже проголодался. А тыква эта так и просится, чтоб ее съели. Свари-ка из нее похлебку. Подкрепимся всем семейством и с новыми силами примемся с тобой вдвоем за последнюю тыкву. В старину люди говаривали: «Сладкое — за горьким». Вот на меня поначалу и навалилась всякая печисть, а под конец улыбнется счастье. Неужто Небо оставит меня? Уж так ведется: кто задумал обзавестись богатством, тот с малых лет подвергается тяжким испытаниям. Ставь поскорее варить похлебку.

Повеселевшая супруга Нольбу нарубила мякоть тыквы крупными ломтями, приготовила соевый соус, доверху налила в большой котел воды и развела такой сильный огонь, словно собиралась варить не тыкву, а говяжий мосол.

К полудню похлебка была готова, и каждый член семьи отведал по чашке.

Когда с едой было покончено, Нольбу с раздувшимся

после похлебки животом повернулся к жене и, рыгнув, проговорил:

— Уф, хороша нынче похлебка. Тан-дон!

— Да, похлебка вышла на славу. Тан-дон! — согласилась жена.

— Ой, как вкусно! Тан-дон! — в один голос заявили дети.

— Что за чертовщина? — изумился Нольбу. — Как поели этой тыквы, так все отчего-то стали после каждого слова добавлять «тан-дон»! Тан-дон!

— И точно! — подтвердила супруга. — У меня тоже после этой похлебки изо рта невольно вылетают какие-то странные звуки!.. Тан-дон!

— И мы, мама, тоже теперь почему-то стали говорить «тан-дон»... Тан-дон! — закричали дети.

— Ох, дети, впрямь что-то неладное творится! Тан-дон!

Тогда Нольбу с бранью набросился на супругу:

— Ты у меня не дури! Тан-дон! Какой это похлебки ты наелась, что без конца теперь твердишь «тан-дон»?.. Тан-дон!

— Простите, виновата... Тан-дон! — отвечала супруга.

А между тем звонкое, как всплеск струн каягыма, «тан-дон» гуляло уже по всему дому. «Тан-дон!» — кричала дочь Нольбу, «тан-дон!» — вторил ей брат, «тан-дон!» — бранилась тетка Нольбу, «тан-дон!» — вопили дети слуг.

В ту пору мимо проходил сюцай Ван. Услыхав странные звуки, доносившиеся из-за плетня, Ван спросил Нольбу:

— Послушай, Нольбу! Чего вы там наелись все, что издаете такие звуки?

Нольбу почтительно отвечал ему:

— Выросла у меня, недостойного, тыква, и мы сварили из нее похлебку, а когда отведали ее, из нас стали сами собой вылетать эти звуки.

Сюцай не поверил Нольбу и сказал:

— Что за чепуху ты говоришь! Где это видано, чтобы человек, поев тыквенной похлебки, стал издавать такие звуки? Ну-ка, зачерпни мне немного в чашку твоего варева!

Нольбу подал сюцаю чашку с похлебкой.

Попробовав похлебку, сюцай нашел, что она великолепна, и с аппетитом съел всю чашку, а затем проговорил:

— Похлебка у тебя отменная. Тан-дон!.. Ой, я тоже, кажется, сказал «тан-дон»! Тан-дон!

И он против своей воли повторил несколько раз кряду «тан-дон». Раскаялся Ван, что вздумал попробовать похлебку, и, проклиная Нольбу, отправился во-всю.

Приздумался и Нольбу. Сажал он тыквы, чтобы стать богачом, — и вот чем кончилось: потерял большое состояние да претерпел злоключения, какие никому не снились. А тут вдобавок новая напасть: весь дом твердит «тап-дон»! Такого, верно, еще ни у кого не бывало!

Кляня свою судьбу, Нольбу с серпом в руках взобрался на гору и принялся с остервенением кромсать тыквенные плети, как вдруг увидел: под побегами, в тени, лежит тыква — величиною с огромный колокол и весом не меньше чем в тысячу кынов.

Гнев Нольбу тотчас же растаял, будто снег. Вновь ожила в его душе надежда, и он молвил про себя:

— Наконец-то тыква с сокровищами в моих руках! Судя по ее весу, в ней сплошь одно золото. Потому, наверное, она и спряталась среди стеблей, подальше от чужого глаза, что в ней заключены несметные богат-

ства. А я-то сокрушался понапрасну! Выходит, что те господа в масках, которые давеча явились из тыквы, не обманывали меня, когда говорили, что в одной из них есть золото. Эх, знай я раньше, что тыква с золотом лежит именно здесь, я бы не стал пилить остальные тыквы, а начал сразу с этой!

И ликующий Нольбу покати́л тыкву вниз, весело напевая:

Чоыль, чоыль, чоыльсиго!
Чихваджа чоыльсиго!
Жалкий горбун не дождался
И убежал раньше срока —
Вот вам и все его счастье!

Но тут навстречу ему выбежала жена и закричала:
— Что вы делаете? Перестаньте! Неужели вам еще не опротивели эти тыквы? А если из нее снова вылезут дурные люди? Зачем вы притащили ее?

— Ступай прочь, глупая баба! — отвечал ей Нольбу. — Эта-то тыква как раз и есть золотая. Разве ты не станешь важной птицей, когда мы будем обладателями сокровищ? Перестань говорить чепуху да берись за пилу.

Установив тыкву перед собой, Нольбу приставил к ней пилу и принялся за работу.

Плавню ходит пила.
Ну, наддай! Сама пошла!

Когда пила углубилась в тыкву почти до половины, Нольбу с волнением заглянул в щель: вся полость тыквы была заполнена чем-то желтым-прежелтым, похожим на чистое золото.

— Наконец-то! — воскликнул Нольбу. — Загляни-ка, жена, в эту тыкву! Видишь, как там все отливает желтым? Это слитки золота!

Жена отвечала ему:

— По цвету и впрямь будто бы похоже на золото, да только что-то уж больно мерзкий дух идет из этой тыквы. С чего бы это?

— Экие глупости ты говоришь! — сказал Нольбу жене. — Разве ты не знаешь, что тыквы бывают перезревшие и недозревшие? Эта тыква слишком перезрела, вот она и пахнет так скверно. Давай-ка поскорее распилим ее!

Но вот пилить осталось уже совсем немного. Тогда супруги остановились и, опустившись на корточки, с опаской и любопытством заглянули каждый со своей стороны внутрь тыквы. Внезапно оттуда рванул ветер, послышался гул, и хлестнула струя зловонной жижи, заставившая Нольбу и его супругу шарахнуться в сторону.

В мгновение ока бурлящий поток нечистот, который мог бы сдвинуть с места гору Тайшань и заставить выйти из берегов море, заполнил доверху все помещения в доме.

Испачканные с головы до ног, супруги бросились бежать прочь, а когда оглянулись, то увидели, что их жилище целиком погребено под нечистотами. Узнай о них торговцы удобрениями из Вансимни, Нольбу мог бы стать обладателем круглой суммы.

Ошеломленный Нольбу затопал ногами и закричал:

— Что же нам теперь делать, жена? Чаяли мы обрести сокровища — и промотали все свое добро. А эта мерзость лишила нас даже одежды! Что будем есть мы с малыми детьми в долгие дни лета, во что оденемся студенкой вьюжною зимой? О горе, горе нам!

Пока Нольбу горестно стенал, зловонный поток достиг домов живших по соседству янбанов и стал заливать их жилища. Тогда янбаны посоветовались меж собой

и, смешино позвав слугу Кодусе, приказали ему схватить немедленно Нольбу и доставить к ним.

Словно на крыльях, помчался Кодусе к Нольбу, па которого он уже с давних пор точил зуб, схватил его за шиворот и поволок на расправу.

Когда Нольбу оказался на коленях перед янбанами, один из них обратился к нему с такими словами:

— Слушай меня, мерзавец Нольбу! Ты никогда не чтил своих родителей, с братом рассорился, ни с кем из родичей не ладишь — один лишь деньги у тебя на уме. Мало того, что ты хуже всякого разбойника, еще и какое-то пагубное дело затеял. Нам, здешним янбанам, уже все уши прожужжали про то, как па твой дом обрушились несчастья и как ты погубил себя. Это тебе возмездие за грехи, но из-за твоих прегрешений пострадали также дома янбанов. Мыслимо ли найти еще где-нибудь такого пегодяя? За свои преступления ты в скором времени предстанешь перед судом, а сейчас ты обязан до захода солнца убрать все эти нечистоты. Будешь медлить — не быть тебе живу.

Затем янбан велел Кодусе связать Нольбу, поставить его коленями па черепицу и колотить большим пестом для обдирки риса, не отпуская до тех пор, пока он не уберет нечистоты.

Вкопец убитый горем, Нольбу настолько растерялся, что не мог выговорить ни слова, а когда вышел из оцепенения, то, стоя по-прежнему на коленях, велел жене взять пятьсот лянов и поскорее нанять работников.

Созвала жена Нольбу торговцев удобрениями со всех предместий столицы: из Вансимни, Ангамнэ, Итхэвопа, Тунгоми, Чхопхэ, Чхилыхэ, установила им щедрую плату, и только после того, как они убрали все нечистоты, Нольбу был отпущен на свободу.

Обнялись бесприютные супруги и горько зарыдали.

Но вот о разорении и позоре Нольбу узнает Хынбу. Глубоко потрясенный, тотчас велит он слугам снарядить двое носилок с парюю лошадей, отправляется к Нольбу и, усадив брата с супругой и племянников в носилки, везет к себе домой. Там он отвел гостям женскую половину, щедро снабдил их всем необходимым и часто принимал у себя, всячески выражая им сочувствие.

Тем временем Хынбу выбрал подходящее место, построил за большие деньги дом на манер своего и поселил в нем брата, выделив ему домашнюю утварь, платье и пищу — все точь-в-точь такое же, как у него самого.

Благородство Хынбу глубоко растрогало даже такого закоренелого негодяя, как Нольбу. Покаялся он тогда в своем прошлом, и братья зажили в мире и согласии, какие редко встречаются у людей.

Хынбу и его супруга счастливо прожили в богатстве и почете до восьмидесяти лет. А у яшмового дерева и ветви яшмовые: в счастье и радости пребывали также дети и внуки Хынбу, и дом их из рода в род был полная чаша.

С тех пор народ не устает славить доброту Хынбу, и имя его будут помнить многие века.

Роза и Алый Лотос

Случилось это в Стране утренней свежести, что лежит на востоке у моря, во времена славного короля Седжона. В уезде Чхольсан провинции Пхёнан жил человек по имени Пэ Муён. Потомственный янбан, он всю жизнь провел в должности правителя волости и слыл человеком благородным и состоятельным. Лишь одно печалило правителя с супругой: не было у них сына — продолжателя рода.

Однажды супруга правителя волости, госпожа Чан, утомившись, прилегла отдохнуть, да и заснула. И при见得ся ей сон, будто спускается с облака небожитель и преподносит ей цветок. Только протянула она руку, чтобы взять его, как поднялся ураган, цветок на глазах превратился в фею, приблизился к ней и... растворился в ее теле.

В изумлении пробудилась госпожа Чан. «Это добрый знак, как сон о муравьином царстве Нанькэ!» — подумала она и, позвав супруга, радостно поведала ему обо всем случившемся.

Выслушав ее, тот воскликнул:

— Видно, Небо смиростивилось над нами и дарует нам сына!

И, действительно, с этого дня госпожа Чан почувствовала дитя под сердцем. Радости супругов не было конца. Прошло десять лун. В одно прекрасное утро комната госпожи Чан наполнилась благоуханием и на свет появилась чудесная девочка, совершенная и лицом, и всем обликом. Счастливые родители не могли нарадоваться на малютку; они нарекли ее Чанхва, что значит «Роза», и стали лелеять, как сокровище.

Минуло несколько лет, и госпожа Чан вновь понесла. День и ночь супруги молили Небо даровать им сына; когда же через десять лун снова родилась девочка, они окончательно впали в уныние. Однако делать нечего — пришлось смириться. Новорожденной дали имя Хоннён, что значит «Алый Лотос».

Родители любовно растили дочерей, неустанно заботились о них. С годами Чанхва превратилась в прелестную девушку, пленявшую всех не столько своей красотой и грациозностью, сколько примерной дочерней почитательностью.

Но счастье в доме Пэ Муёна оказалось недолговечным — госпожа Чан внезапно заболела. Отец со старшей дочерью заботливо ухаживали за больной. Готовя лекарство, Чанхва всякий раз молила Небо вернуть матери здоровье, но госпоже Чан день ото дня становилось хуже, и уже не оставалось никаких надежд на выздоровление.

Однажды, когда вся семья была в сборе, госпожа Чан обняла девочек и, обращаясь к супругу, заговорила:

— Видно, много грехов совершила я в прошлом рождении и недолго осталось мне пребывать в этом мире.

Но тревожит меня сейчас и будет тревожить на том свете лишь одно: кто позаботится о моих дочерях? Позвольте же мне изъявить мою последнюю волю... Если вы, дорогой супруг, женитесь вторично после моей смерти, у вас появятся новые заботы... Но, прошу вас, помните всегда о справедливости, любите девочек, а когда они вырастут, выдайте их замуж в одну семью. И пусть их брак будет счастливым, как у священных птиц-фениксов. А я в Царстве теней буду молиться за вас, буду «вязать вам травы».

Высказала госпожа Чан свою последнюю просьбу, глубоко вздохнула и отошла в небытие. Сестры, обнявшись, горько плакали — даже каменное сердце не вынесло бы этого печального зрелища.

Госпожу Чан похоронили на горе предков. Вне себя от горя, Чанхва тем не менее нашла в себе силы приготовить все необходимое для поминок и каждый день совершала жертвоприношения.

Со времени смерти госпожи Чан прошло три года, но печаль Чанхва и Хоннён не убывала, и они не переставали оплакивать добродетели покойной матушки. Все эти годы правитель волости помнил предсмертные слова жены, однако мысль о наследнике тревожила его по-прежнему, и он решил жениться второй раз. Охотниц выйти за вдовца не находилось, и пришлось ему взять в жены некую Хо.

Что за страшилище эта Хо: бульдожьих щеки, глаза — что два медных колокола, нос — кувшином, рот, как у сома, волосы — свиная щетина, ростом с верстовой столб, голос подобен рыку дикого зверя, стан — в два обхвата! При этом сухорука, с толстыми ногами, с заячьими раздвоенными губами, а на лице словно

черти горох молотили — смотреть страшно! Ну, а прав у нее был и того хуже: во все совала свой нос и пакостила всем без разбору. И эта женщина стала женой правителя волости, в первый же месяц зачала и вскоре родила ему одного за другим трех сыновей.

Правитель никак не мог привыкнуть к новой жене, постоянно горевал о покойной госпоже Чап и был по-прежнему привязан к дочерям — день, проведенный вдали от них, казался ему вечностью. Возвратившись вечером домой, он прежде всего спешил к дочерям и, заключив их в объятия, плакал, неизменно повторяя при этом:

— Я, ваш старый отец, не могу удержаться от слез, когда вижу, как вы тоскуете по матушке.

Воспылала ревностью новая жена, задумала она извести падчериц. Разгадав помыслы супруги, правитель волости призвал ее к себе.

— Когда-то я был беден, — сказал он. — Но моя первая жена принесла в дом достаток, и потому сейчас мы ни в чем не нуждаемся. Все, что у нас есть, куплено на деньги покойной. Своим благосостоянием мы обязаны только ей. Как же ты смеешь плохо обращаться с ее детьми! Чем они тебе не угодили? Чтобы этого больше не было!

Но куда там! Разве могла эта коварная женщина отказать от своих замыслов! После разговора с мужем она озлобилась еще больше и стала искать способ поскорее загубить Чапхва и Хоннён.

Как-то Пэ Муён, сидя с дочками, взял их за руки и заплакал.

— Я все думаю о вашей покойной матушке, — с печальным вздохом промолвил он. — Тоска не покидает меня ни днем, ни ночью. Как вы выросли! — продолжал

он, успокоившись. — Как радовалась бы матушка, глядя на вас!.. Ну, а я, что ж... Одному было трудно, встретиться мне госпожа Хо... Я знаю, она вас не балует, тяжело вам приходится. Но я вас в обиду не дам.

А злодейка все слышала, и злоба переполняла ее. И вдруг ей пришла в голову мысль...

Позвав своего отпрыска Чансве, она велела ему поймать крысу. Она обварила крысу кипятком, выпотрошила, выдергала щетину и, обмазав кровью, придала ей вид мертвого человеческого плода. Тайком пробравшись в комнату, где спали надчерицы, она сунула «младенца» под одеяло Чанхва.

На другой день, заслышав шаги мужа, Хо поспешила ему навстречу, многозначительно покаив языком. Когда же он поинтересовался, что это значит, Хо принялась кричать во весь голос:

— В доме творится черт знает что! Вы всегда и во всем обвиняете меня. Но теперь я молчать больше не буду. Вы отец своим дочерям, а дочери не выказывают никакого почтения вам, оттого с ними и случается... Мне что? Я им не родная мать, не могу слова сказать — все терплю. Ну, а сегодня... Нет, вы только послушайте! Заметила я, что старшая не выходит из комнаты, думаю: наверно, с ней что-нибудь случилось. Вхожу и вижу — что бы вы думали? — мертвого младенца! Увидела она меня, растерялась — не знает, что и делать. Я только руками всплеснула — ну кто бы мог подумать! Хорошо еще, что только мы двое и знаем об этом! Вы же потомственный яибан! Если узнают люди, как мы покажемся им на глаза?!

Известие это как гром поразило Пэ Муёна. Вслед за женой он кинулся в комнату дочерей. Злодейка Хо приподняла одеяло Чанхва, взяла окровавленный «плод» и стала изливать потоки грязи на невинную де-

вушку. Сбитый с толку, Пэ Муён чуть не лишился рас-судка.

— Что же теперь делать? — в растерянности вопро-шал он.

Тут злодейка пустилась на хитрость.

— Это ужасно! — зашептала она. — Но если мы убьем преступницу и таким способом заметем следы, глупые люди станут говорить, будто мачеха погубила ни в чем не повинную падчерицу. А если все оставить, как есть, — позору не оберешься. Нет уж, пусть я погибну, но...

— Что ты, что ты, — перебил ее испуганный муж, — я верю тебе... Нужно что-то делать... Скажи — что? Как ты скажешь, так я и поступлю с негодницей.

«Ну, настал мой час», — возликовала в душе Хо и, притворно вздохнув, сказала:

— Я хотела бы покинуть этот дом и тем самым отве-сти от себя подозрения, но раз вы так терзаетесь, я го-това все стерпеть ради вас. И все-таки, если мы не изба-вимся от этой мерзавки, позор падет на вашу седую голову. Другого выхода нет. Нужно только все сделать быстро и в полной тайне.

Задумался бедный Пэ Муён, вспомнил слова покой-ной госпожи Чан, и тоска сдавила ему сердце. Но мысль о позоре дочери повергла его в гнев, и он стал спраши-вать у Хо, как поступить ему с негодницей.

— Позовите Чанхва, — посоветовала та, — и прика-жите ей сходить к дяде, вашему брату. С ней отправит-ся мой Чансве и по дороге столкнет ее в Лotosовое озе-ро. Что вы на это скажете?

Выслушал муж, подумал и согласился.

А сестры тем временем крепко спали и даже во сне не переставали тосковать по покойной матушке. Где уж им было догадаться, что замыслила подлая Хо!

Среди ночи Чанхва проснулась — какая-то смутная тревога прогнала сон прочь, — и когда она услышала голос отца, поспешила на его зов.

— Отправляйся немедленно к дяде, что живет за Лотовым озером, — сухо промолвил он.

Чанхва поразил странный приказ отца. Испугалась она, заплакала.

— Никогда не доводилось мне покидать родительский дом, да и не знаю я, где живет мой дядюшка. Зачем отправляете вы меня темной ночью в неведомый путь?

— Я приказываю тебе: отправляйся с братцем Чансве! — вспыхнул отец. — Как смеешь ты мне перечить? Или отказываешься исполнить родительскую волю?!

— Я не смею ослушаться вашего приказа, — молвила сквозь слезы Чанхва. — Если вы того пожелаете, я умру, не задумываясь. Но ваше решение пугает меня: видно, кто-то по злому умыслу оклеветал меня. Я прошу вас — позвольте мне дождаться рассвета.

Страшно гневался Пэ Муён, но он очень любил дочь и потому заколебался. Тогда злодейка Хо, подслушивавшая под дверью, ворвалась в комнату, распахнув дверь ударом ноги, и обрушилась на Чанхва с бранью:

— Делай, как велит отец! Ты что, оглохла?!

Взглянула Чанхва на мачеху, и сердце у нее запыло. Горько заплакала она.

— Хорошо, батюшка, я больше ничего не скажу, сделаю, как вы велите.

Вышла она из комнаты и поспешила к сестре своей Хоннён.

— Сестрица! Я не знаю, что случилось с батюшкой — темной ночью он гонит меня из дому. Велено мне поторапливаться. Одно лишь печалит меня — разлука с тобой. С тех пор как умерла наша матушка, мы не разлучались ни на минуту, всегда были вместе. И сейчас,

при мысли о том, что ты останешься одна, у меня сердце разрывается от горя. Мои страдания нельзя выразить словами... Если судьба будет милосердна ко мне — я вернусь. Не печалься обо мне, жди. Пойду переоденусь — и в путь.

Собравшись, Чанхва снова обняла сестру и, вся в слезах, попросила:

— Слушайся батюшку и... мачеху. Если будешь меня ждать, я скоро вернусь, так что не горюй. Мне ведь тоже не легко... А теперь прощай!

Зарыдали сестры, прильнули друг к другу. Ах, если бы увидела сейчас своих дочерей их покойная матушка! Хоннён не слышала, что говорила ей старшая сестра, она продолжала беззвучно рыдать, стараясь удержать ее в своих объятиях. Воистину, наша кисть бессильна описать эту душераздирающую сцену.

Тем временем злодейка Хо вихрем влетела в комнату сестер.

— Вы что тут шум подняли?! — закричала она, а потом, кликнув свое чадо Чансве, распорядилась: — Бери сестру и отправляйся!

А Чансве, напустив на себя важность, словно он выполняет приказ самого Янь-вана — повелителя загробного мира, толкнул дверь ногой и нагло заорал:

— Ну-ка, сестричка, пошевеливайся! Слыхала, что отец сказал? То-то! Смотри, а то мне ни за что влетит!

Делать печего. Обняла Чанхва в последний раз сестренку и направилась было к выходу, но Хоннён, вцепившись в ее юбку, запричитала:

— Всегда мы были вместе, никогда не разлучались. Зачем же ты меня теперь оставляешь?!

Болью сжалось сердце Чанхва, жаль ей стало сестру. Принялась она, волнуясь, уговаривать Хоннён:

— Не надо плакать, я скоро вернусь. Ну, прощай...

Стоявшие поодаль слуги не могли сдержать слез, наблюдая расставание сестер. А Хоннён по-прежнему крепко сжимала в руках подол юбки сестры и ни за что не хотела ее отпустить. Подбегала мачеха, разъярилась еще больше, стала оттаскивать Хоннён, приговаривая:

— Сестра твоя идет к дяде, чего ты беснуешься?!

Хоннён волей-неволей притихла. Но незаметно сделала знак Чансве, и тот заторопился. Пришлось Чанхва идти за ним. Она попрощалась с сестрой, поклонилась батюшке и, взобравшись на лошадь, предалась своим горьким думам...

Чансве без устали погонял лошадей... Наконец они попали в какую-то горную долину. Высоко в небо уходили величественные вершины; холодный свет луны падал на густую траву, сосны и кедры, росшие у подножия гор; где-то совсем рядом журчала вода; изредка слышался унылый голос кукушки.

Наконец показалось озеро. Большое и, видимо, глубокое. Чанхва смотрела на озеро и думала: как зловеще плещется вода...

Тем временем Чансве остановился, и, когда Чанхва поравнялась с ним, взял под уздцы ее лошадь и велел ей снестись.

— Зачем? — удивилась Чанхва.

— Нечего притворяться! Не знаешь за собой грешка, что ли? Думаешь, и вправду тебя послали к дяде? Как бы не так! Мамаша давно уж за тобой примечала, да по доброте души помалкивала. А теперь, когда ты... это... гм... выкинула... мне велели привезти тебя сюда и утопить в озере. Вот мы и приехали. Так что давай, лезь в воду!..

Эти слова как гром поразили Чанхва. Вне себя от горя, она взмолилась:

— Видит Небо, я ни в чем не повинна! За что, за что меня выгнали из дому, опозорили и велели утопить в этих бездонных водах? Небо! Услышь меня! За всю свою жизнь я ни разу не выходила за ворота, а меня сочли гулящей! Видно, много тяжких грехов совершила я в прошлой жизни, если скончалась моя любимая матушка и по чьей-то злой воле я, невинная, словно бабочка, должна умереть. Пусть я умру, но зачем же позорить мое доброе имя! А что станет с моей сестрицей Хоннён?!

Чанхва так горестно стенала, что даже каменное сердце не могло бы выдержать. Но ее страдания не тронули жестокого Чансве.

— Сейчас почь, в горах ни души. Так что кричи не кричи, никто не услышит. Не трати время, бросайся в воду!

Чанхва принялась умолять его:

— Выслушай меня! Мы все-таки не чужие, у нас один отец. Вспомни, как мы любили друг друга. Неужели тебе не жалко, если я уйду в загробный мир? Подожди немного, позволь сходить к дяде, позволь поклониться могилке дорогой матушки и еще раз повидаться с Хоннён... Не думай, что я хочу обмануть тебя,— нет! Ведь если я стану оправдываться — навлеку на себя гнев твоей матери, если захочу избежать смерти — нарушу родительскую волю. Как мне велели, так я и сделаю. Но прошу тебя, исполни мою просьбу! Я вернусь и отдамся в руки смерти...

Но Чансве и слушать ее не стал. Тогда Чанхва обратила взор к небу:

— Небо! Внемли моему горю! Жизнь моя была несчастной: семи лет от роду я лишилась матушки и, оставшись с сестрой, день и ночь горевала и плакала. Смотрела ли на заходящее солнце или на восходящую

луну, любовалась ли цветами, распустившимися в саду, или травой, пробившейся сквозь крыльцо, красивой, как яшма, сердце у меня сжималось, слезы дождем лились из глаз моих... Через три года в доме появилась злая и жестокая мачеха. Не утешила она моей тоски: днем мои мысли были с батюшкой, а ночью я по-прежнему думала о покойной матушке. Ясными днями, долгими ночами мы с сестрой предавались печали. Я не сумела угодить жестокой мачехе и сегодня должна погибнуть в водах этого озера. О Небо! Солнце, луна, звезды! Верьте — я не виновна ни в чем! И пожалейте несчастную Хоннён, не дайте ей погибнуть, как мне!

Затем она обернулась к Чансве:

— Я умру опозоренной. Но ты позаботься о Хоннён, будь ей наставником, учи ее чтить отца с матерью. А родителям передай мой последний поклон...

Она вынула из ушей яшмовые серьги, разулась и, придерживая рукой подол своей красной юбки, заливаясь слезами, стала спускаться к озеру.

— Милая моя Хоннён, — шептала Чанхва, — ты осталась совсем одна. Сердце мое разрывается от тоски. Кто утешит тебя? Я умираю.

Так сказала Чанхва и — плачьте, люди! — бросилась в озеро. И вдруг — о чудо! — поднялись на озере громадные волны, до самого неба, налетел неистовый ураган, затуманился светлый лик луны, из глубины гор выбежал громадный тигр, и в тишине отчетливо прозвучал громовой голос:

— Вторая жена Пэ Муёна бессердечна — она загубила невинное дитя! Небо не останется равнодушным!

Тигр бросился на Чансве, оторвал ему оба уха, потом руку и ногу и скрылся. Чансве упал ничком, потеряв сознание, а лошадь Чанхва галопом пустилась к дому.

Добившись гибели ненавистой падчерицы, злодейка Хо ликовала; с минуты на минуту должен вернуться Чансве. Вдруг слышит — на дворе заржала лошадь. Хо заторопилась во двор — видит: лошадь вся в пене, а седока нет. Изумившись, она кликнула слуг, велела засветить фонари и вместе с ними пошла туда, куда вели конские следы. Неподдалоку от озера они нашли бездыханное тело Чансве. Замерло сердце у Хо. Вгляделась пристальнее — нет у него обоих ушей, нет ноги, нет руки, все тело в крови. Испугалась Хо, растерялась. Вдруг поднимается ветер, вокруг распространяется аромат. Ну, думает, это добрый знак. Оказалось, аромат исходит из озера...

Слуги принесли Чансве домой, и мать принялась ухаживать за ним, врачевать его раны.

Когда Чансве очнулся, Хо стала расспрашивать его о случившемся. Рассказал он ей все, как было. Еще больше распалилась Хо и теперь стала думать о том, как ей погубить Хоннён.

Правитель волости, увидя наказанного Небом Чансве, понял пакопец, что дочь его Чапхва погибла безвинно. Тяжело вздохнул он, безысходная тоска овладела им.

Одна Хоннён пребывала в полном неведении. Услышав шум в доме, она удивилась и спросила у мачехи о причине его. Та вспыхнула гневом:

— Бедный Чансве провожал твою беспутную сестрицу к дяде, по дороге на него напал тигр и искусал. Теперь он тяжело болен.

Хоннён хотела спросить еще о чем-то, но мачеха грубо оборвала ее:

— Что ты пристала ко мне?

Не привыкшая к такому обращению, Хоннён заплакала. Ушла она к себе в комнату, зовет сестру — никто не откликается. Плакала Хоннён, плакала, да и уснула.

А во сне ей привиделось, будто выплывает из волн на желтом драконе Чанхва и направляется к Северному морю. Хоннён пытается окликнуть ее, но Чанхва делает вид, что не замечает. Заплакала Хоннён:

— Сестричка, почему ты не замечаешь меня, куда ты направляешься одна?

Отвечает ей Чанхва сквозь слезы:

— Теперь у меня другой путь. Нефритовый владыка приказал мне добыть эликсир бессмертия на Трех священных горах. Я очень спешу и не могу задерживаться. Не думай обо мне плохо, я скоро приду за тобой!

Вдруг дракон испустил страшный вопль, и Хоннён от испуга проснулась. Странный сон! От него болит сердце, тело покрывается потом, кружится голова.

Рассказала она обо всем отцу:

— Грустно мне сегодня, словно я потеряла что-то дорогое. Видно, есть причина, если ушла Чанхва. Может, кто оклеветал ее?

Выслушал ее отец, но ни слова не мог сказать в утешение, только плакал. А злодейка стояла рядом и все слышала.

— Что эта девчонка тут мелет, — закричала она, — только огорчает почтенного человека! — И вытолкала Хоннён за дверь.

Хоннён вернулась к себе в комнату и стала думать: «Когда я рассказывала сон, отец печалился и ничего не говорил, а госпожа Хо рассердилась и грубо обошлась со мной. Все это неспроста!» В чем же все-таки дело?

Однажды, когда злодейки не было дома, Хоннён пробралась к Чансве и умоляла открыть ей правду. Чансве не стал изворачиваться и честно признался во всем.

Только теперь Хоннён узнала, что сестра ее безвинно погибла. Поняв это, она лишилась чувств.

Едва придя в себя, Хоннён запричитала:

— Дорогая моя сестричка! Это жестокая мачеха наградила тебя на шестнадцатой весне позорным именем, и ты, бросившись в зеленые волны, сделалась вечно блуждающей душой. Где ты, бедная моя сестра? Зачем покинула несчастную Хоннён? Если б я даже вошла в Царство теней, я не перестала бы тосковать по тебе, не перестала бы смывать кровавые слезы, сердце мое не успокоилось бы. Кому еще довелось испытать такое тяжкое горе? О всевидящее ясное Небо! Смилуйся! Трех лет от роду я лишилась матушки, и сестра заменила мне ее. Разве так тяжки грехи мои, что она оставила меня в горе одну? Я не хочу, чтобы меня опозорили, как ее. Лучше умереть, пусть наши души вместе бродят по земле...

Горю и тоске Хоннён не было конца...

Ей очень хотелось побывать у озера, но девушке не полагалось выходить одной за ворота. Забыв о сне и пище, она мучительно раздумывала над тем, как ей быть.

Однажды ранним утром в сад залетела птичка и стала порхать над распустившимися цветами. Хоннён подумала: «В тот день, когда сестра навсегда покидала дом, эта маленькая пичужка тоже летала по саду. Может, она укажет мне дорогу к озеру?..» Эта мысль неотступно преследовала ее, но птичка улетела, и Хоннён впала в отчаяние.

Настал новый день, и к Хоннён вернулась надежда: а вдруг прилетит птичка? Но та не прилетала. Загрустила Хоннён, заплакала, а когда зашло солнце, подошла к окну и задумалась: «Птичка не прилетела, но я все-таки пойду туда, где погибла Чанхва! Батюшке говорить нельзя — не позволит. А что, если оставить письмо?!»

Она достала бумагу, обмакнула кисть в тушь и стала писать:

Печаль терзает мне сердце. Я рано потеряла мать и проводила дни с сестрой. Злые люди оклеветали и погубили сестру. Тоска и грусть гложут мне сердце. Я, ваша дочь Хоннён, провела у ваших колен более десяти лет, а сегодня покидаю родимый кров и отправляюсь на поиски бедной Чанхва. Я больше не увижу лица ба-тюшки, не услышу его голоса. При одной только мысли об этом слезы застилают мой взор, душа трепещет. Про-шу вас, не печальтесь обо мне, будьте счастливы!

Уже пробили пятую стражу. Светила луна, дул ветерок.

Вдруг прилетает та самая птичка, садится на дерево и что-то щебечет.

— Не можешь ли ты, птичка, указать мне дорогу к сестре? — спросила Хоннён.

Птичка пропищала в ответ что-то очень похожее на «ын».

— Если ты прилетела за мной, — продолжала Хоннён, — я охотно последую за тобой!

Птичка склонила голову и снова пропищала «ын» в знак согласия.

— Подожди меня, я только соберусь!

Она наклеила на стену свое прощальное письмо и, выходя из комнаты, заплакала:

— Сейчас я покидаю дом, а доведется ли мне уви-дать его снова?

И она последовала за птичкой. Вскоре вдали заалел восток. Вокруг дыбились зеленые горы, поросшие высокими соснами. Лебеди тянули упылую песню, навевая тоску и страх.

Птичка привела Хоннён на берег озера. Огляделась Хоннён. И вдруг из косматых облаков, переливающихся всеми цветами радуги, над озером зазвучал печальный голос, обращенный к Хоннён:

— Зачем ты, потеряв все надежды, хочешь оставить здесь свою драгоценную жизнь? Ведь жизнь дается один раз, и не стоит губить ее понапрасну! Не думай больше о смерти, вернись под родительский кров, утешь родительское сердце! Будет у тебя достойный муж, будут дети, и это принесет успокоение душе покойной ма-тушки!

Узнав голос сестры, Хоннён воскликнула:

— Сестра моя! За какую провинность ты оставила меня и теперь одна скитаешься в этих краях? Я не могу жить без тебя! Я хочу быть с тобой!

С неба доносился печальный голос... Оправившись от потрясения, собрав все силы, Хоннён опустила на ко-леи и вознесла мольбу небесам:

— Небо! Сними с моей сестры этот неслыханный в веках позор! Всемогущее небо! Внемли моей страстной мольбе!

Забилась, зарыдала Хоннён. Упоенная печальным голосом, призывавшим ее с небес, она подобрала подол юбки и — о горе, горе! — бросилась в озеро. Затмился солнечный свет...

С тех пор в густом тумане, застилающем озеро, день и ночь, не переставая, звучит печальный голос, возве-щающий о жизнях, безвинно загубленных злой маче-хой.

Небо слышало мольбу Хоннён. Но всякий раз, когда в Чхольсан приезжал новый правитель уезда и отирав-лялся в управу, чтобы разобраться в обстоятельствах

таинственного дела, ему являлись души обеих сестер, и правитель от страха испускал дух, а уезд вновь оставался без правителя. Чхольсан стали называть «пхейн», что значит «город, пользующийся дурной славой».

И в самом деле — один за другими следовали неурожайные годы, голод уносил множество жизней, жители покидали Чхольсан, и вскоре город совсем опустел. О невзгодах, обрушившихся на Чхольсан, сообщалось в доносениях на высочайшее имя, и король был весьма озабочен происходящим.

Но вот однажды некто Чон Донхо, человек честный и обходительный, сам вызвался поехать правителем уезда в Чхольсан. Король пожелал увидеть смельчака и лично вручить ему указ о назначении.

— Дошло до нас, что в Чхольсане происходит что-то совершенно непонятное, за ним установилась дурная слава. Мы очень озабочены этим и рады, что ты сам вызвался поехать туда. Действуй осмотрительно и постарайся успокоить народ.

Новый правитель уезда почтительно поклонился королю и в тот же день отбыл к месту назначения.

По приезде он тотчас вызвал сельского старосту.

— Я слышал, что в твоей округе правители умирают на другой день после вступления в должность. Так ли это?

— Осмелюсь доложить, господин мой, за последние пять-шесть лет каждый новый правитель в первую же ночь по приезде в Чхольсан видел какой-то страшный сон и к утру мы находили его мертвым. Не могу сказать вам, в чем тут дело.

Выслушав, правитель уезда приказал:

— Ночью никому не гасить огня, не спать, тщательно следить за всем, что происходит.

Староста поклонился и вышел. А правитель отправился на свою казенную квартиру, зажег свечи и раскрыл «Книгу перемен». Настала полночь. Неожиданно поднялся сильный ветер, и тотчас в комнату вошла красавица в зеленой кофте и красной юбке и опустилась на колени перед наместником.

— Кто ты, девушка? — едва придя в себя, спросил он. — Что привело тебя ко мне среди ночи?

Красавица склонила голову, поднялась, а потом снова опустилась на колени.

— Я — Хоннён, дочь правителя волости, Пэ Муёна. Когда мне было три года, а сестре моей, Чанхва, семь лет, умерла наша любимая матушка, и мы остались с отцом. Вскоре батюшка женился на жестокой и завистливой женщине. Она ему родила одного за другим трех сыновей. Отец поверил клевете злой мачехи и ожесточился против моей сестры Чанхва. Чанхва всеми силами старалась угодить госпоже Хо, даже звала ее матерью, но та обращалась с ней день ото дня хуже. Издавна благодаря богатству покойной матушки мы жили в достатке: было у нас много земли и много слуг — ни в чем не знали мы нужды. Опасаясь, что после замужества все богатства перейдут к нам с сестрой, мачеха задумала погубить нас, чтобы имущество досталось ее отпрыскам. Она опорочила сестру в глазах отца и приказала своему сыну Чансве утопить ее в озере. Узнала я все это, и стало мне страшно: а вдруг и меня ждет такая же участь? И я решила утопиться в том же озере, где погибла моя сестра. Я не жалею о содеянном, одно лишь не дает мне покоя: ведь на сестре моей осталась печать позора! Почему-то каждый, кто видит нас, немедленно испускает дух от страха перед нами, и я никому не могу выплакать свое горе. Теперь, к счастью, светлейший правитель, мне удалось поведать вам свою печальную судьбу.

Будьте милостивы, исполните мою просьбу — снимите позор с моей сестры!

С этими словами красавица поднялась, поклонилась и исчезла. Воспрянул духом правитель уезда: «Так вот отчего на Чхольсан обрушилось столько бед!»

На другой день поутру отправился он в управу и призвал старосту:

— Живет здесь правитель волости, Пэ Муён?

— Так точно, господин мой, живет.

— Сколько у него детей?

— Были две дочери, да обе умерли. Осталось трое сыновей.

— А отчего умерли дочери?

— Точно не могу сказать, господин, но суть, кажется, вот в чем. Старшая как-то согрешила и вскоре утонула в Лотосовом озере. А младшая, оставшись одна, долго горевала — они очень любили друг друга, — потом отправилась на озеро искать сестру и тоже утонула. После смерти обе стали вечно блуждающими душами. Каждый день они выходят из озера, садятся на берегу и плачут, повторяя: «Мы погибли по злему умыслу мачехи». Говорят, что никто из прохожих не может удержаться от слез!

Правитель уезда вызвал чиновника для особых поручений и приказал немедленно доставить к нему Пэ Муёна с женой.

Приказ был тотчас исполнен.

— Мне говорили, — начал правитель, обращаясь к Пэ Муёну, — у вас две дочери от первой жены и трое сыновей от второй. Верно это?

— Да, светлейший правитель.

— Живы они все?

— Дочери умерли, а сыновья живы.

— Отчего же умерли ваши дочери? Под страхом смерти говорите только правду! Не то кончите жизнь под батогами!

Побледнел Пэ Муён — не может слова вымолвить. Но тут вмешалась его любезная супруга:

— Ну какое же может быть вранье, если ваша милость уже все знает? Действительно, у мужа моего остались две дочери от первой жены. Старшая-то была гулящая, вот и пагуляла себе живот. Потом испугалась, взялась тайно травить плод, да и выкинула. Я про себя думаю: «Никто не знает, как было дело; скажут, что мачеха, мол, виновата — недоглядела!» Позвала я ее и говорю: «Мне тебя не жалко, но если ты умрешь, все будут думать, что мачеха убила. Так и быть, я прощаю тебя. Но впредь гляди в оба, чтоб больше этого не повторялось! Подумай о нас с отцом: узнают люди — позору не оберешься! Как тогда будем людям в глаза смотреть?» Ну, поругала я ее, дошло до нее, что она натворила. А как дошло, она той же ночью, ни слова не сказав, ушла из дома, да и утонула в озере. Младшая же, Хоншён, не уступала сестре — вот уже год, как сбегала из дома — и следов не пайдешь. Коли дети янбанов убегают из дома, их и искать не стоит. Потому-то мы и не показывались на глаза людям...

— Если все это правда, значит, ты можешь принести мертвый плод?

Злодейка отвечает ему почтительно:

— Конечно. Я им не родная мать и знала, что мне не поверят, поэтому сохранила его и даже захватила с собой.

С этими словами она достает из-за пазухи «младенца» и передает правителю уезда. Тот взглянул: действительно, вроде похоже...

— Все как будто верно, да и за давностью происше-

ствия прямых улик не найдешь. Я вынесу решение, а вы ступайте.

Той же ночью к правителю уезда опять явилась Хоннён и, преклонив колена, сказала:

— Когда я была у вас в первый раз, светлейший правитель, я молила вас отвести позор от меня и моей сестры. Но разве могла я думать, что эта злодейка Хо и вашу милость опутает гнусной ложью?

Она горько заплакала и продолжала:

— О светлейший правитель! Внемлите моим мольбам! Говорят, правитель Шунь тоже когда-то навлек на себя гнев мачехи. Ведь все, даже дети, знают о коварстве Хо, а вы поверили ее лживым речам! Прошу вас, призовите снова мачеху, велите ей принести «младенца». Осмотрите его повнимательнее! Пожалейте меня и сестру, восстановите справедливость! Отец мой по доброты и неведению попал в сети этой злодейки и не ведал, что делает. Молю вас: простите его!

Хоннён встала, поклонилась и на журавле поднялась в облака. Правитель уезда с ее слов понял наконец, что был обманут женой Цэ Муёна. Гнев обуял его...

Утром он приказал стражнику привести Цэ Муёна и Хо. Ничего не сказал им правитель, только велел немедленно доставить «мертвого младенца». Он внимательно осмотрел «младенца» и тотчас же понял, в чем дело.

— Разрежь ему брюхо! — приказал он чиновнику.

Чиновник вспорол брюшко крысы, и всем стала ясна гнусная проделка подлой Хо. Все, находившиеся в управе, плюнули в ее сторону и пролили слезы в память певчино загубленных Чанхва и ее сестры.

Правитель уезда взял в руки меч и грозно проговорил:

— Ты, гнусная тварь, сотворив подлое дело, пытаешься лживыми речами отвести от себя подозрения. Мо-

жет быть, ты и теперь будешь изворачиваться? Ты преступила закон, свершила песлыханное злодеяние — убила невинных падчериц! Если сознаешься во всем, я смягчу тебе наказание.

Свидетель всего происходящего — Пэ Муён окончательно понял, что дочери его погибли невинными. Горько заплакал он:

— Это Небо наказало меня! Как я, безумный глупец, не мог распознать крысу?! Покойная госпожа Чан была умная жена, но она, на мое горе, рано покинула этот мир. Остались две дочери. Как они любили друг друга, как радовали меня! Не задумываясь о будущем, я женился второй раз — новая жена родила мне трех сыновей, и я был счастлив. Однажды я вошел в дом, а жена, вне себя от гнева, говорит: «Вы вечно носитесь со своей Чанхва, а знаете ли, до чего она доказалась? Пойдите, полюбуйте!» В глазах у меня потемнело. Пошел я в комнату к дочерям, поднял одеяло — «мертвый младенец»! О, как глупо я был обманут! Забыл наставление первой жены, дал провести себя этой гадине... Убейте меня, но все было именно так!

Пэ Муён зарыдал. Правитель уезда приказал ему успокоиться, а на преступницу велел надеть колодки и приступил к допросу. Не снеся батога, злодейка призналась во всем:

— У отца моего была большая семья. Отец разорился, и мы стали бедствовать. Тут как раз посватался правитель волости, Пэ Муён, и я сделалась его женой. У мужа было две дочери от первой жены — хорошие, скромные девочки. Двенадцать лет они росли вместе с моими детьми, и все было хорошо. Но потом они изменились, начали скрытничать, ни ласки, ни привета от них не дождешься... Ну, меня, конечно, досада взяла! Уж я их и ругала, и по-хорошему впускала — хотела сде-

лать как лучше! Однажды ненароком я подслушала их тайный разговор. И падо же — оказывается, со старшей случилось именно то, чего я всегда так боялась! Ужаснулась я в душе, сердце мое закипело... Ну, думаю, если сказать мужу, он во всем обвинит меня. Пришлось пойти на обман — поймала я крысу, обмазала кровью и положила Чанхва под одеяло. Пусть, мол, муж думает, что это мертвый младенец... Потом я рассказала о своих планах сыну. Он-то, провожая Чанхва к дяде, и утопил ее в Лотосовом озере. А сестра Чанхва — Хоннён испугалась, что и на нее падет гнев родительский, и тоже убежала из дома. Знаю, я заслужила сурового наказания. Но Небо уже покарало меня: мой сын стал калекой. Смилуйтесь, господин правитель!

Чансве и его братья — все трое в один голос взмолились:

— Мы ничего не просим, позвольте лишь нам умереть вместо родителей!

Выслушал правитель уезда жену Пэ Муёна, не прервал речи и сыновей ее. Мерзость и отвращение вызвали в нем Хо и Чансве.

«Это преступники особого рода,— подумал он,— одной своей властью я не могу решить их судьбу!»

И правитель передал дело в суд. Судья ознакомился с делом и подивился:

— Да-а! Мир еще не знал подобного!

С таким заключением он и послал дело в королевский дворец.

Его величество лично изволил просмотреть доклад и высказал сожаление по поводу печальной участи Чанхва и ее сестры. За сим последовал королевский указ:

«Преступлению мачехи нет прощения во веки веков. Злодейку обезглавить и четвертовать публично, дабы

предотвратить подобные проступки в будущем. Сына ее — Чансве повесить. Сестрам Чанхва и Хоннён соорудить памятник с эпитафией, где было бы сказано об их безвинной смерти. Отца убиенных оправдать».

Получив королевский указ, судья направил его в Чхольсанскую управу. Правитель уезда немедленно вызвал стражников — злодейка была отпущена на плаху, Чансве — на виселицу.

А Пэ Муёна правитель уезда поставил на колени и отчитал:

— Как ты мог, дурная голова, не разгадать замыслы злобной твари?! Гибель невинных дочерей — вот твоё наказание. Их души просили за тебя, и король решил: так тому и быть. Ты прощён!

Пэ Муён горячо поблагодарил правителя уезда за милосердие и с двумя оставшимися сыновьями побрёл домой.

Правитель уезда же в сопровождении чиновников отправился на Лotosовое озеро. Когда откачали из озера воду, увидели: обе девушки, будто живые, лежат рядом, тесно прижавшись друг к другу. Они были прекрасны, как юные феи, и казались спящими на яшмовом ложе. Правитель был растроган...

Сестер положили в гроб и захоронили на священной горе. На могиле соорудили каменный обелиск, на котором была высечена следующая надпись:

«Памятник невинно погубленным Чанхва и Хоннён, дочерям Пэ Муёна из уезда Чхольсан провинции Пхё-нандо в Стране утренней свежести, что на востоке у моря».

После похорон правитель вернулся в управу — его ждали дела.

Как-то раз правитель, утомившись, прилег отдохнуть и незаметно уснул. А во сне ему явилась Чанхва с се-

строй и, преклонив колена, обратили к нему слова благодарности:

— Светлейший правитель выял нашим отчаянным мольбам, разыскал наши тела, оказал милосердие батюшке. Ваши благодеяния величественней Тайшаня, необъятнее безбрежного моря! В Царстве умерших вам будут вязать травы! Знайте же, в скором времени вы удостоитесь высокого поста!

Сказали — и исчезли. В изумлении очнулся правитель. Он записал чудесный сон во всех подробностях и много лет спустя заглянул в свои записки: действительно, с того дня он начал быстро продвигаться по службе и вскоре получил должность начальника морских и сухопутных войск трех южных провинций.

Казалось бы, злодейка Хо понесла заслуженную кару, дочери отмыцены, но Пэ Муён не находил себе покоя — день и ночь он оплакивал Чанхва и Хонпён. Он был словно не в себе — то ему мерещились их лица, то чудились их голоса... Тяжело ему приходилось одному: некому еду приготовить, не с кем словом перемолвиться. И он решил жениться в третий раз. Выбор его пал на дочь местного дворянина Юн Гванхо, восемнадцатилетнюю красавицу, скромную и умную девушку. К радости Пэ Муёна, его предложение было принято, и вскоре супруги зажили в мире и согласии...

Однажды Пэ Муён до глубокой ночи ворочался, не мог заснуть — все вспоминал своих дочерей. Потом задремал, и во сне ему явилась старшая дочь Чанхва. Отвесив низкий поклон, Чанхва приблизилась к нему и повела такую речь:

— Судьба моя была несчастна: видно, много у меня было прегрешений в прошлом рождении. Я рано поте-

ряла матушку, и на мое горе вскоре ее заменила мачеха. Она опозорила меня, и мне пришлось покинуть отчий дом. Оскорбленная незаслуженной обидой, я поведала о своей беде Нефритовому владыке, и он, выслушав меня, сказал: «Участь твоя достойна жалости, но не сетуй на нее. Отец твой оправдан перед людьми. Пусть начинается оп жизнь сначала, пусть сочетается узами брака с женщиной и живет с пей в любви и согласии!» Нефритовый владыка велел мне сообщить вам об этом, и я не могла ослушаться его воли.

Пэ Муён хотел было удержать дочь, поговорить с ней немного, но пропел петух — и она исчезла. Долго не мог успокоиться Пэ Муён, ходил по дому сам не свой, словно потерял что-то.

Жене его, госпоже Юн, тоже привиделся сон: будто спускается с облаков фея и, протягивая ей два цветка, говорит:

— Это Чапхва и Хоннён. Нефритовый владыка, тронутый их печальной судьбой, решил подарить вам дочерей. Растите их и будьте счастливы!

Очнулась госпожа Юн и видит: в руке у нее два цветка, комната наполнена благоуханием... В предчувствии чего-то радостного она позвала мужа и поведала ему свой сон.

— Кто это — Чапхва и Хоннён? — спросила она.

Выслушал ее муж, взглянул на цветы, а они, словно ласкаясь, тянутся к нему... Прослезился он — почудилось ему, будто увидел он своих дочерей. Рассказал он госпоже Юн их печальную историю и добавил:

— Когда-то моей первой жене приснился такой же сон: теперь он приснился тебе. Это, я думаю, знамение: у нас будут две дочери!

Супруги обрадовались. Они поместили цветы в драгоценную вазу, поставили на шкафчик и ежечасно лю-

бовались ими. Постепенно стали рассеиваться печальные думы правителя волости...

С этого месяца госпожа Юн начала готовиться стать матерью. Прошло десять лун, и стан ее округлился необыкновенно — было ясно, что она принесет двойню.

Как-то раз, когда уже приближались сроки, госпожа Юн, утомившись, прилегла отдохнуть да как бы невзначай и родила двух девочек. Находившийся во дворе муж тотчас же прибежал посмотреть на новорожденных: и лицом и сложением они были чудо как хороши — будто высеченные из драгоценного камня, будто сотканные из цветков. Весь их облик напоминал те самые цветы лотоса!

Супруги несказанно обрадовались, кинулись взглянуть на цветы — но где же они? Тут они поняли, что это цветы лотоса превратились в девочек. Родители назвали новорожденных Чанхва и Хоннён и стали лелеять их, как сокровище.

Шли годы, девочки росли. В пять лет они выделялись среди сверстниц примерным поведением и необыкновенной дочерней почтительностью. К пятнадцати годам они превратились в обаятельных, необычайно красивых девушек. Родители любили их беспредельно.

Настало время подумать о женихах, и правитель волости с супругой обратились к свахам. Однако время шло, а достойных женихов не находилось, и это огорчало их.

Как раз в это время в Пхеньяне проживал некто Ли Ёнхо — человек богатый, но бездетный, без конца сокрушавшийся из-за отсутствия наследника. Уже на закате жизни ему явилось видение, и жена его вскоре разрешилась от бремени двумя сыновьями, которых назвали

Юипхиль и Юнсок. Юношам минуло шестнадцать лет. Это были отменные красавцы, наделенные ко всему прочему недюжинными литературными способностями. Не один горожанин, отец взрослых дочерей, мечтал породниться с Ли Ёнхо, да и родителей юношей заботили поиски невесток. Прослышав о достоинствах дочерей Пэ Муёна, Ли Ёнхо послал к нему свах. Дело было быстро слажено и выбран благоприятный день — последний день последней декады девятой, осенней луны.

Это было время, когда в Поднебесной царили мир и благоденствие. Юнсок записался в список претендентов на государственный пост и успешно выдержал экзамен. Король соблаговолил отметить Юнсока и пожаловал ему звание придворного академика. Юноша выразил его величеству глубокую признательность и попросил дать ему несколько дней отсрочки. Король милостиво согласился, и молодой человек в тот же день отбыл домой. Отец отличившегося, господин Ли Ёнхо, созвал родственников, старых друзей и устроил величественный пир. Отцы города прислали музыкантов и узорные ковры для гостей. Судья и поочетель подымали чаши во здравие Юнсока. Пир удался на славу!

Подошел день свадьбы. Торжественно, с музыкой вступили братья в дом своих невест. По окончании свадебной церемонии молодые супруги отправились в отведенные им покои, почтительно откланившись родителям. Родители не могли нарадоваться на молодоженов, так они были прекрасны. Одна пара — словно две жемчужины, другая — словно две капли алмазной росы...

Обе невестки свято почитали свекра и свекровь, ни в чем не перечили мужьям. Вскоре Чанхва принесла в дом двух сыновей и дочь. Старший ее сын дослужился до высокого чина, стал вельможей; младший вышел в большие начальники по военной линии. Хонён родила

двух сыновей: старший уже занимал высокую должность при дворе, а младший, обладая недюжинными способностями к науке, удалился на лоно природы — там он подружился с ветром и луной, услаждал себя книгами и игрой на комунго.

Правитель волости дожил до девяноста лет, и ему был высочайше пожалован титул старшего помощника Председателя правительственного совета. В этом звании он и скончался. Через несколько лет за ним последовала и госпожа Юн. Чанхва и Хоннён безутешно оплакивали дорогих родителей.

Юнсок после смерти родителей поселился с братом, и они вместе стали растить внуков. Чанхва с сестрой покинули этот мир одновременно в возрасте семидесяти лет, Юнсок с братом — семидесяти пяти лет. У их внуков было много потомков, и жили они, наслаждаясь всеми благами жизни.

*Девушка из селения
„Персиковый цвет“*

Весной, в благодатную пору цвстов и зеленеющих ив, вся природа ликует. Овеваемые весенним ветерком, распускаются по ночам цветы персика и сливы — неисчислимое множество бутонов.

Вешние воды в озерах и реках,
Горными кручами мчат облака...¹

По долинам журчат ручейки; над зелеными холмами стаями летят журавли; золотистые иволги порхают меж ивовых ветвей; с рек Сяо и Сян тянутся к северу стаи диких гусей. Опадающие лепестки цветов — словно бабочки, а бабочки — словно лепестки — кружатся, кружатся в воздухе, бессильно падают в мрачные воды Имдансу и, вестники чарующей весны, уносятся волнами и бесследно исчезают там, где в уезде Хуанчжоу ютится селение «Персиковый цвет».

Жил в этом селении Сям Хаккю, потомок знатного и могущественного рода. Судьба обидела Хаккю — еще юношей он потерял зрение, и вот теперь бедствует в захолустье. Кроме жены, нет у него ни родных, ни близ-

---

¹ Стихи в повести даны в переводе Г. Рачкова.

ких. Ну кто, казалось бы, станет водиться с нищим слепцом? Однако жители «Персикового цвета» относились к нему с почтением: как-никак потомственный япбан, к тому же человек честный, бескорыстный, доброжелательный! Жена его, госпожа Квак, также была достойная женщина — в ней соединялись добродетельность королевы, красота Чжуан и преданность Му-лань. Чуть ли не паизусть она знала «Книгу церемоний», «Домашние обряды», а также поэзию, в том числе, стихи из «Книги песен». Госпожа Квак почитала мужа, заботливо и старательно вела хозяйство, ладила с соседями, отличалась гостеприимством и аккуратно совершала обряд поклонения предкам.

Супруги жили в большой нужде, как Ян-цзы, но были преданны друг другу, как братья Бо И и Шу Ци. Ютась в крошечной хижине и не зная никакого ремесла, не владея ни землей, ни слугами, они еле сводили концы с концами: питались овощами, пили ключевую воду. Бедная госпожа Квак, не щадя сил, трудилась на поделной работе: шила, стирала, красила материю, на свадебных торжествах готовила угощение, настаивала вино, пекла рисовый хлеб, и в такой вот работе, ни минуты не отдыхая, она проводила все триста шестьдесят дней в году. Продавая свой труд, она понемногу копила деньги. Когда денег набиралось порядочно, она отдавала их в рост надежным лицам из окрестных мест, а потом тратила их на весенние и осенние помпалазные обряды, на еду и одежду для себя и Хаккю. Ни нужда, ни болезнь мужа не тяготили ее. Односельчане уважали госпожу Квак, хвалили ее, и она не считала свою жизнь совсем уж безрадостной.

Так и шел за годом год. И лишь одно печалило Хаккю — не было у них с женой детей. Однажды слепец позвал госпожу Квак и сказал:

— Где ты, жена? Сядь-ка да послушай, что я тебе скажу. Ты знаешь: каждый человек, родившись на свет, ищет себе друга жизни. А ведь частенько бывает и так — возьмет здоровый человек, с руками и ногами, плохую жену, да и мается с ней... И вот не пойму я, за какие такие мои достоинства ты согласилась стать мне женой и, не зная ни минуты отдыха, трудишься день и ночь, ухаживаешь за слепым мужем, как за малым ребенком, следя, как бы он не замерз да не проголодался, и все время хлопчешь — то еду готовишь, то шьешь... Про себя скажу: у меня никаких забот, а вот ты совсем извелась от такой жизни! Пропну тебя, не надрывай ты свои силы на тяжелой работе! Много ли нам с тобой надо?

И еще одно заботит меня: нам обоим уже за сорок, а где же наше потомство — кровь от крови, плоть от плоти нашей? Ведь некому будет чтить память предков, когда мы оба уйдем в другой мир! С каким же лицом мы предстанем там перед ними? А кто зароет в землю наши останки и свершит похоронный обряд? Кто будет справлять большие и малые поминки? Кто принесет на могилу хоть чашку риса да глоток воды? Родилось бы хоть какое-нибудь дитя, хоть уродец, пусть девочка, пусть мальчик, — сбылось бы мое заветное желание. Право, не знаю, что и делать! Попробуй-ка помолиться с усердием духам священных гор и больших рек!

— В древних книгах сказано: «Есть три тысячи видов непочтительности к родителям, но худший — это не иметь потомства». И есть ли на свете такой человек, который не хотел бы иметь детей? Я — грешная, бездетная женщина, но я смогла прожить до сего времени только благодаря вашему великодушию, и разве я пожалею себя, чтобы угодить вам? Не зная ваших благородных намерений, я не могла заводить разговор первая.

Теперь же, когда вы сами вспомнили об этом, я охотно постараюсь исполнить ваше желание. Могу ли я отказать вам в чем-либо?

Так ответила госпожа Квак и с этого дня стала молиться, принося в дар Небу все то, что она зарабатывала своим трудом. Она молилась в даосском Храме духов священных гор и больших рек, в конфуцианском Храме предков, в буддийском монастыре Согванса. Она молилась Каменному бодисатве, бодисатве Майтрейе; готовила рис для приношения духам, участвовала в постройке кумирен; жертвовала на алтари семи звезд, архатов и Индры. Она поклонялась даже даятелям монастырей. Так она приносила молитвы всем духам и всем святым. Она исправно соблюдала посты, делала подарки монахам, зажигала свечи перед изваяниями святых, подавала бедным, чинила мосты и расчищала дороги на благо людям и даже прибегала к колдовству. Разве рухнет, думала она, нагода, в которую вложено много трудов; разве обломится дерево, возвращенное заботливой рукой?

В год «Капча», на восьмой день четвертой луны, приснился госпоже Квак необыкновенный, чудесный сон: как бы в благостном знамении небо и земля озарились ярким светом, и вот, окруженная разноцветными облаками, спускается к ней на журавле с небесной высоты прекрасная фея: на голове у нее венец из живых цветов, стан окутан одеянием цвета солнечных лучей в легком тумане, по плечам раскинулось мелодично позывающее яшмовое ожерелье, в руках — веточка коричневого дерева. Грациозно ступив на землю, она дважды поклонилась и стала приближаться к госпоже Квак. Все это было похоже на то, будто фея Чан-э выходит из Лунного дворца, будто бодисатва Авалокитешвара возвращается в Южное море. Госпожа Квак стояла как вкопанная

от изумления, а божественная дева ласково обратилась к ней:

— Я — дочь богини Запада, Сиванму; несла Небесному владыке плод персика бессмертия да встретила в пути красавицу Ян-гуйфэй и, заигравшись с ней, немного опоздала. Тогда Небесный владыка, чтоб наказать меня, изгнал на землю, к людям. Неведом был мне путь земной, и вот великий Лао-цзы, богиня земли и Повелевающий небесами Индра указали мне этот дом. Возрадуйтесь же моему приходу!

Фея стала подходить все ближе и ближе, и тут госпожа Квак проснулась. «О! Это вроде сон о муравьином царстве Нанькэ!» — подумала она. Когда же Квак поведала обо всем мужу, а Хаккю рассказал жене, что видел во сне он, оказалось, что им приснилось в эту ночь одно и то же. И они решили, что сон предвещает рождение ребенка, и сердца их возликовали и наполнились радостью. И вот, велением ли духов, милостью ли Неба, по с этого дня госпожа Квак стала носить дитя под сердцем. Наверно, Небо сжалилось наконец над безутешными мольбами супруги Хаккю!

Во всех своих поступках госпожа Квак старалась соблюдать крайнюю осторожность: она не ложилась там, где было опасно или неудобно, избегала долго стоять без движения, не сидела скорчившись, лицу принимала только ровно нарезанную, непристойных речей не слушала, от некрасивых вещей отворачивалась и в этих предосторожностях проводила все свое время. И вот пришел день, когда начались схватки и госпожа Квак не в состоянии была уже встать с постели и только стонала. Испуганный Хаккю побежал за соседкой и попросил ее помочь любимой жене разрешиться от бремени. Затем он принес охапку соломы для подстилки, поставил на столик фарфоровую чашку с чистой водой и, сев поудоб-

нее, стал с нетерпением ждать... Внезапно в воздухе разнесся благоуханный аромат, комната окуталась разноцветными облаками, и в этой необычной обстановке на свет появилась чудесная девочка, подобная фее. Соседка перевязала пуповину, уложила малютку и распрощалась. Тут и госпожа Квак очнулась:

— Вот, дорогой супруг, я и сделала свое дело... Девочка это или мальчик?

Счастливым слепой, тихо поглаживая руками ребенка, ощущал его и, улыбнувшись, ответил:

— Насколько я могу разобраться, это, пожалуй, не мальчик!

Все женщины до родов желают одного — лишь бы все окончилось благополучно, однако, разрешившись от бремени, каждая надеется, что родился именно мальчик. Поэтому, опечалившись, госпожа Квак промолвила:

— Обидно, когда в мои годы первый ребенок — девочка.

— Не скажи, жепушка, — отвечает ей Хаккю. — Хоть и говорят, что дочь хуже сына, да что толку, если сын окажется дурнем? Только предкам позор от него! Да я хорошую дочку не променяю на плохого сына! А ведь мы свою доченьку хорошо воспитаем, обучим ее сначала благонравию и почтительности к старшим, потом приучим к рукоделию, а когда она вырастет, найдем ей хорошего жениха! Молодые счастливо заживут и подарят нам много внуков, и все они станут почтенными людьми!.. Не говори больше так!

Хаккю снова позвал соседку и, когда она быстренько приготовила первую похлебку для роженицы, накрыл стол в честь Трех духов, оправил на себе одежду и, смиренно преклонив колени и сложив ладони, вознес молитву Трем духам:

— О, пресветлые духи неба бодисатв, неба Индры и его тридцати двух побратимов, духи двадцати восьми созвездий! Внемлите единым сердцем моим мольбам! На пятом десятке лет вы помогли моей жене и даровали нам дочь, и потому истлеют наши бранные тела, но не забудутся в наших сердцах благодетельные милости Трех духов! Она у нас — единственное дитя, и я молю вас: даруйте ей пять благ: долголетие Дунфан Шо, богатство Ши Чуна, почтительность великого Шуня и Цзэн-цзы, таланты Бань Чжао, знатность и почет. Пусть растет она здоровой, пусть умнеет год от года, пусть живет счастливо много-много лет!

Кончив молиться, Хаккю накормил жену рисовой похлебкой и снова погрузился в размышления. Ну и что ж, что родилась девочка? Все равно душа его полна несказанной радости и гордости. Слепой, он не мог видеть свое дитя и потому принялся тихонько поглаживать девочку и напевать:

— Спи, малютка, доченька моя! Ты для меня и дочь и сын сразу, и ни за какие деньги, ни за какие драгоценные камни я не отдам тебя! Спи, моя дочурка! Ведь ты для меня — что посох, один на десятерых слепых; ты — нефритовый подсвечник на столе в богато убранных покоях; фонарик из цветного шелка; ты — утренний ветерок, жемчуг, что влетают в косы; ты — словно карп в ледяной проруби. Спи, моя дочурка! Я радуюсь тебе гораздо больше, чем если бы приобрел вдруг обширные поля и пашни или нашел бы разноцветные жемчужины. Наверно, это Сукхян с реки Пхёджинган обернулась тобой! А может, ты — Ткачиха с Серебряной реки? Баю-бай, доченька, баю-бай!

Дни и ночи проводит счастливый Сим Хаккю у постели своей дочурки, и душа его поистине блаженствует. И вот уже взгрустнувшая было госпожа Квак

радуется вместе с ним, и радость супругов беспрдельна!

Как жаль, однако, что ни радостями, ни печальями не в силах управлять человек, а жизнь и смерть подвластны одному лишь року, и потому грешному телу человеческому самой судьбой не дано жить вечно! В дом Хаккю пришло несчастье: внезапно госпожа Квак заболела родовой горячкой — свело дыхание, пропал аппетит, она лежала почти без сознания и только стонала, Перепуганный Хаккю позвал лекаря и приготовил лекарство, как тот велел, он читал сутры и прибегал к заклинаниям, но, как ни бился, болезнь не проходила и никакие человеческие силы не могли побороть ее. Убитый горем Хаккю присел возле больной и, наклонившись к ней, заговорил:

— Очнись, женушка! Скажи мне что-нибудь! Может, ты больна оттого, что потеряла аппетит и обессилела? Уж не наваждение ли это Трех духов или Повелевающего небесами Индры? Тогда ничто уж не спасет тебя! Что же будет со мной, если случится непоправимое? Я слеп, родных у меня нет, и негде мне преклопить голову, некуда деться. И еще болит у меня сердце: что я стану делать с девочкой? Ведь она только родилась...

Госпожа Квак задумалась. Она поняла, что болезнь ее уже не излечить. Тяжело вздохнув, она взяла мужа за руку и начала свою исповедь:

— Выслушайте меня, муж мой! Хотели мы с вами дожить вместе до седых волос, да от судьбы, видно, не уйдешь, я покидаю вас... Смерть не страшна мне, я только думаю: что же будет с вами? Ведь я всегда помнила: чуть недогляжу за больным мужем — быть беде; и потому я в жару и стужу не покладая рук работала на чужих людей из окрестных сел и, заработав на рис и приправу, что получше — оставляла вам, сама же ела кое-

как. И все время душа у меня болела — как бы вы не остались голодным, как бы не замрзли... Но, видно, на то воля Неба, — нам суждено расстаться, должна я покинуть вас навсегда. Кто теперь будет чинить вам одежду, кто накормит вас утром и вечером? Ведь вы остаетесь один-одинешенек, без родных и близких, и негде вам преклонить голову. Я словно вижу, как вы бредете с палочкой и то падаете в яму, то спотыкаетесь о камень и жалобно стонете... Мне кажется, я слышу: голодный, вы ходите по дворам и со слезами на глазах просите милостыню: «Подайте горсточку риса!» Да разве будет душа моя спокойна на том свете? Ну, а дитя, о котором я день и ночь молила Небо, которое я родила после того, как мне перевалило за сорок?! Ведь девочка так и не узнает вкуса материнского молока! Кто выкормит сиротку, кто позаботится о том, чтобы она была одета? Да как же я могу спокойно попрощаться с вами, как отправлюсь в далекий путь, если горькие слезы туманят мне глаза?!

Запомните, муж мой: я отдала на хранение почтенному Киму, что живет напротив, десять лянов. Живите на эти деньги первое время после моей смерти, да расходуйте экономно! Вон там стоит кувшин с едой — я запасла ее на время родов, не пришлось мне ее пустить в дело. Вы ешьте это первые дни после похорон. Выньте из сундука завернутый в платок пояс тайного королевского ревизора Чина, который я взяла, чтобы вышить на нем журавля. Не успела я... Отнесите эту дорогую вещь ее владельцу, пока я жива. Мамаша Квидок, наша соседка, мне словно родная. Идите после моей смерти к ней с ребенком и попросите покормить девочку — она вам не откажет. Если, даст Небо, малютка выживет, прощу вас, объясните ей дорогу, когда она сможет сама ходить, и пусть она приведет вас к моей могиле. И вы скажите ей: «Дитя! Здесь могила твоей матери». Дайте

ей повидаться со мною хотя бы так... Видно, мне на роду написано оставить свою малютку на руках у слепого мужа, а самой уйти туда, откуда не возвращаются. Не убивайтесь же, и дай вам Небо доброго здоровья на долгие годы!

Затаив в сердце заветную мысль — встретиться с мужем на том свете и никогда уж больше с ним не расставаться, — госпожа Квак тяжело вздохнула, повернулась к дочери и, прикоснувшись нежно к ее личику, запричитала:

— О, как жестоки Земля и Небо, как безжалостны духи! О, хоть бы ты родилась раньше или я пожила бы дольше, а то не успела ты появиться на свет, как я расстаюсь с тобой навек. Безгранично горе в моей душе! За какие грехи мать должна покинуть своего едва родившегося ребенка?! Прижмись же в последний раз к моей груди! Будь счастлива, дитя мое!

Потом она снова обратилась к мужу:

— Чуть не забыла! Девочку нашу назовите Чхон. Бусы из яшмы и жемчуга, которые я мечтала подарить ей, лежат в красной шкатулке; вы наденете их на доченьку, когда она начнет сама переворачиваться со спинки на животик. Наденьте так, будто это делаю я. Ох! О многом мне нужно еще сказать, да не могу — дышать трудно...

Она замолчала. Ее прерывистое дыхание напоминало порывы осеннего ветра, по лицу, словно морозящий дождь, текли слезы. Два-три раза она икнула, и дыхание ее оборвалось — госпожа Квак покинула этот мир. Горе, горе! О Небо, как можешь ты оставаться равнодушным к человеческим страданиям?

Сим Хаккю был слеп и не мог знать, что подруги его уже нет в живых. Ничего не подозревая, он обращается к ней:

— Послушай, женушка! Не всегда же люди умирают от болезни! Ты еще поправишься! Вот я сейчас схожу к лекарю, принесу лекарство... Успокойся же!

Хаккю, торопясь, пошел за кореньями и, вернувшись домой, развел огонь в жаровне, приготовил снадобье и, процедив его через холщовый платок, понес больной:

— Дорогая, вставай! Выпей лекарство!

Он поставил чашку со снадобьем возле постели и хотел было осторожно приподнять жену, как вдруг его охватил непонятный страх. Руки ее висели безжизненно, дыхания не было слышно... Только теперь слепой Сим понял, что жена его покинула этот мир. Обезумев от горя, он зарыдал:

— О-о! Неужели ты умерла?

Он колотил себя в грудь, рвал на себе волосы, топал ногами и горько причитал:

— Уж лучше бы умер я, а ты осталась бы жить и вырастила нашу девочку! Но я жив, а тебя нет — как быть мне теперь с малюткой? Мы и с тобой жили бедно — как же будем жить без тебя? Во что я одену девочку, когда подует холодный северный ветер, чем накормлю, когда она заплачет?! Мы с тобой клялись когда-то всю жизнь прожить не расставаясь, по ты покинула меня, ушла далеко, в царство Яп-вана! Вернешься ли когда-нибудь? Может, придет весна, и ты возвратишься вместе с ней? Но нет! Ты ушла за десятки тысяч ли, так далеко, что уж обратно не вернуться. Не увела ли тебя на пир богиня Сиванму в свой дворец, где растут чудоперсики? Или с Чан-э ты улетила на луну готовить снадобье бессмертия? А может, ты ушла к гробнице Хуан-лин молиться женам правителя Шуня?

От рыданий у Хаккю перехватило дыхание, что-то заклокотало в горле. Он ничего не ел и все плакал, горько плакал. Слушая его стенания, и стар и мал в селении

«Персиковый цвет» сокрушались. Да и кто бы не сокрушался? Меж собой люди говорили:

— Почтенная Квак скончалась — какое горе! И как жаль слепого Сима! В нашем местечке больше ста дворов, а ведь известно: с десятерых по ложке каши — и день сыт; давайте же соберем по горстке риса да по монетке и похороним добрую женщину!

Одпосельчане, все как один, принялись готовиться к похоронам. Покойница была из бедных, но жители «Персикового цвета» всеми силами старались устроить ей приличные проводы. Гроб госпожи Квак, отделанный под золото, поставили на только что сооруженные погребальные носилки, где были разложены флажок с обозначением имени и фамилии покойной, холщовое погребальное покрывало и опахало. Сами носилки были убраны очепь красиво: на них возвышался шелковый шатер с белыми шторами, отороченными синими и зелеными каемками; красные ленты исписаны золотыми иероглифами, ручки выкрашены золотой краской и увиты хризантемами. По обеим сторонам носилок — юные послушники, хранители четырех сторон света, в темном одеянии, со связанными в пучок волосами на макушке. Впереди носилок и позади них несут оранжевые полотнища с изображением зеленого дракона и фениксов: с восточной стороны — зеленый феникс, с западной — белый, с южной — красный, с северной — черный, в центре — желтый. Носильщики одеты в траурные одежды, головы их повязаны белыми холщовыми платками, на ногах у них — холщовые обмотки. Покачиваясь на ходу, они несут на плечах гроб с телом усопшей и тихо напевают:

— Тэн-гыран, тэп-гыран, охва-номчха-ноха!

А в это время слепой Сим, завернув дочь в пеленки, отдал ее на присмотр мамаше Квидок, затем надел тра-

урное платье и, держась дрожащей рукой за носилки, поплелся, усталый и измученный, за гробом жены, причитая:

— Куда уходишь ты от меня, дорогая жена?! Я тоже пойду с тобой, пойду хоть за тысячи ли! О, почему ты так жестока? Разве тебе не дорого собственное дитя?! Я все равно умру от голода или от холода, возьми же меня с собой!

— Охва-номчха-ноха!

Безудержно рыдает Хаккю, заунывно тянется песня посилицыков.

Бедная Квак была честная женщина,
Жаль, что она умерла!
Охва-номчха-ноха!
Не говори: далеко до кладбища,
Вон оно, там — на горе!
Охва-ноха-ноха!
Люди все смертны, и каждый однажды
Этой дорогой пройдет!
Охва-номчха-ноха!
Бедная Квак! Ты в могилу отправилась,
Семьдесят лет не прожив!
Охва-ноха-ноха!
Поют петухи, и луна уже спряталась.
Ветер над лесом шумит.
Охва-номчха-ноха!

Траурная процессия поднялась на гору, где должно было состояться погребение. На склоне, освещенном солнцем, могильщики вырыли глубокую яму, опустили гроб и засыпали могилу землей. После этого на могильном холме начали справлять поминки по усопшей: с восточной стороны холма была разложена рыба, с западной — мясо; хурму и жужуб разложили на восточной стороне, каштаны и орехи — на западной. Сим Хаккю был слеп не от рождения, он лишился зрения,

когда ему едва исполнилось двадцать лет, и потому был человеком начитанным. Вот он сочинил и произносит надгробное слово:

Прощай, жена! Прощай, моя голубка!
Одна была ты сердцу дорога!
Давным-давно мы, помпнишь, обещали
Друг друга никогда не покидать!
Но ты ушла и больше не вернешься,
Ты умерла, и нет тебя со мной!
Малютка дочь осталась сиротою —
Без матери не выживет она!
Теперь приют твой — сосны и катальпы,
Ты спишь в тени их непробудным сном...
Да! Навсегда исчез твой милый образ,
Навек твой голос для меня умолк!
Луна за ветви тополя укрылась,
В горах пустынных наступает ночь,
Какие-то тревожные звучанья,
Как шум дождя, печалят сердце мне...
Пути господни неисповедимы,
Постичь их смертным людям не дано!
Ты в мир иной ушла, я жить остался —
Нет утешенья сердцу моему!

— Прошу вас, добрые соседи, хоть стол наш и не так богат, отведайте вина, берите фрукты, мясо и возвращайтесь домой!

Сказав надгробную речь, Хаккю со словами: «Прощай, жена! Я ухожу, а ты остаешься здесь!» — упал на могильный холм и зарыдал вновь:

— Ты ушла от всего земного, осталась глубоко в горах под сенью сосен и тополей. Наверно, ты подружись с кукушкой и будешь беседовать с ней светлыми лунными ночами в горах Цанъушань. Подумай же и обо мне: как мне жить, на кого надеяться? Ведь я теперь что желудь в собачьей похлебке, что коршун, упустивший фазана!

Долго и безутешно плакал Хаккю, обнимая могильный холмик, и не было никого, кто бы не утешал его:

— Не надо! Не убивайтесь так! Забудьте па время об умершей супруге, подумайте лучше о маленькой дочери!

Придя в себя и немного успокоившись, слепой Сим сердечно поблагодарил односельчан, проводивших в последний путь его жену, попрощался с ними и побрел к дому.

Похоронив жену, оставив ее одну в лунную ночь на пустынной горе, Хаккю, убитый горем, вернулся домой. Кухня пуста, в комнате никого нет, и только запах курений витает в воздухе. Расхаживая по пустой комнате, он предался печальным размышлениям. В это время мамаша Квидок принесла ребенка, за которым присматривала, пока Хаккю не было дома. Она отдала девочку отцу и тотчас ушла. Хаккю взял дочь на руки и уселся, одинокий и ненужный никому, как клешня краба, брошенная вороной с горы Чирисан. Ребенок, лежавший у него на руках, то и дело плакал, и Хаккю, сам весь в слезах, стал его уговаривать:

— Не плачь, не плачь, дитя! Твоя мама ушла далеко. Она ушла в беседку «Грушевый цвет», что на восточной окраине Лояна, взглянуть на Сукхян. Она ушла к гробнице Хуанлин молиться женам правителя Шуня. Ты тоже плачешь по умершей матушке? Не плачь! Такое уж тебе «счастье» — семи дней от роду, еще в пеленках, ты лишилась матери. Не плачь! Не печалься, бабочка, порхающая над цветком айвы, об увядающих травах! Придет весна, и они снова зацветут! Но наша матушка ушла туда, откуда не возвращаются. Нельзя

забыть ее, добрую и ласковую! Солнце скрывается за холмами — я думаю о ней; шум дождя на горах Башань возвещает о приходе осени — я снова думаю о ней! Я тоскую, подобно дикому гусю, потерявшему подругу. Вот он смотрит на белый песок, на синее море и с тоскливым криком летит на север. Ты тоже потеряла любимую и тоже ищешь ее? Наши судьбы, твоя и моя, одинаковы!

Всю ночь голодный ребенок плакал и к утру стал терять силы, темные глазки его потускнели. Хаккю был в отчаянии. Когда заалел восток и до ушей его донесся стук колодезной бадьи, он понял, что настал день. Тогда он открыл дверь и вышел на улицу.

— Кто здесь у колодца? Выслушайте меня: мой ребенок, потерявший мать на седьмой день своего рождения, умирает от голода, его некому покормить. Помогите мне!

— Мне нечем вам помочь. Однако здесь, в селении, много кормящих матерей; возьмите дитя и попросите одну из них покормить его. Разве посмеет кто отказать вам?

Поблагодарив за совет, Хаккю уложил дочь за пазуху и, взяв палку, отправился в обход селения, расспрашивая по пути, в каком доме есть грудные дети. У каждого порога он останавливался и умоляющим голосом просил:

— Я не знаю, чей это дом, но я прошу только об одном — помогите мне!

Хозяйка бросала работу, быстро выходила к нему и сочувственно отвечала:

— Мы слышали о вашей горе. Расскажите, как вам живется и за какой помощью вы пришли?

— Вы хорошо относились к моей бедной жене, так пожалейте теперь сиротку! Если осталось у вас молоко

после вашей малютки, накормите, пожалуйста, и мое дитя.

Так ходил он повсюду и просил добрых людей о милости. И даже женщина с каменным сердцем не отказала бы ему, даже злодей Чжэ не отнесся бы к нему бессердечно.

В седьмую луну, в праздник Звезды огня он обращался к женщинам, отдохавшим после прополки: «Покормите мое дитя!» Он обращался к женщинам, отдохавшим после стирки возле ручья: «Покормите мое дитя!»

Женщины окрестных селений хорошо знали слепого Сима и, сочувствуя ему, кормили Сим Чхон и, возвращая девочку, говорили:

— Послушайте, слепой! Не стесняйтесь, приходите и завтра и послезавтра. Разве мы оставим ребенка голодным?

— Вы искренни и милосердны, поэтому делаете доброе дело. Нет в мире женщин лучше, чем в наших селениях! Пусть будут все они здоровы и счастливы!

Прославляя женщин-матерей, Хаккю с ребенком на руках возвращался домой, клал девочку и, поглаживая ее по животу, приговаривал:

— Ого! Моя доченька сыта! Пусть же будет так все триста шестьдесят дней в году, всю жизнь! Великое спасибо женщинам нашего местечка! Скорей, скорей, подрастай, дочурка! Будь такой же доброй и послушной, как твоя матушка! Расти на радость своему отцу! Уж если в детстве тебе не повезло, значит, будешь богатой и знатной, когда вырастешь!

Запеленав и уложив дочь, он уходил просить милостыню, пока она спала. Прикрепив к холщовой суме две тесемки, он надевал суму через плечо и, нащупывая пал-

кой дорогу, ходил от дома к дому. Он брал рис, холст — всё, что ему подавали, и бережно нес домой. Шесть раз в месяц он бывал на рынке, заходил в лавки. Там он покупал рис и сахарную муку дочке на кашу и, усталый, возвращался в селение — всякий при взгляде на него пропикался к нему жалостью! Каждый месяц, первого и пятнадцатого числа, не пропуская ни одного дня, он поминал предков.

А тем временем Сим Чхон подрастала. Она росла здоровой девочкой, ибо ей помогали духи земли и неба как человеку, которому предназначено необычное будущее. Шло время, ей исполнилось шесть лет, затем семь, и она уже служила отцу поводырем. А в одиннадцать лет она слыла красавицей, была необыкновенно почтительна к отцу, начитанна и отличалась многими талантами. Утром и вечером она молилась за отца, в назначенные дни поминала мать, почитала старших. Все хвалили ее.

В мире независимо только время, бесчувственна только нужда. В одиннадцать лет Сим Чхон жилось нелегко с большим, дряхлым отцом. На кого было ей, юной и слабой, надеяться? Однажды она сказала отцу:

— Батюшка! Даже безъязыкая ворона в глухом лесу, где нет солнца, заботится о своих престарелых родителях. Го Цзюй был любящим сыном — он настолько был предан матери, что вместе с женой лишал своего четырехлетнего ребенка еды, чтоб накормить мать. Мэн Цзун тоже был почтительным сыном — холодной снежной зимой он сумел добыть побеги бамбука для своей матери. Мне уже больше десяти лет, и хотя я не такая почтительная дочь, какие бывали в древние времена, но все же я, поверьте, смогу прокормить вас. Ведь вы слепой: на перовой дороге можете оступиться и упасть, а в ненастье — простудиться и заболеть, — вот что бес-

покоит меня. Лучше оставайтесь дома, а пропитание я сама добуду.

Хаккю рассмеялся:

— Конечно, ты говоришь, как любящая дочь. Но разве я буду спокоен, если отправлю тебя, ребенка, а сам останусь сидеть дома, на всем готовом? И не думай об этом!

— Не говорите так, отец! Цзы-лу был добродетельным и носил родителям рис за сто ли! Ти-ин в древние времена продала себя и тем искупила вину своего отца, заключенного в Лояне! Такие люди были во все времена! Почему бы и мне не последовать их примеру? Не удерживайте меня!

В конце концов Хаккю согласился:

— Ты любящая и преданная дочь! Слова твои мне по душе. Делай как хочешь!

С этого дня Сим Чхон сама стала ходить за подающим. Когда она отправлялась из дому, за горой еще только вставало солнце, а в селе, что виднелось впереди, из труб уже подымался дымок. Бедная! Колени у нее обмотаны лоскутьями холста, от драного халата остались, казалось, одни завязки, на голове — вылинявшая зеленая шляпа, дырявые соломенные туфли падают па босу ногу, в руках — тыквенный коши. Она смотрит на лежащее впереди село.

Осенние птицы уже не летят
Над тысячью гор седых,
На тысячах троп не видно следов —
Снег заметает их.

Колючими стрелами пронизывает тело холодный северный ветер. Словно вороненок, потерявший мать и одиноко летящий в сумерках по заснеженному лесу,

идет Сим Чхон, съевившись и согревая руки дыханием. Достигнув селения, она обходит дома, переступает пороги кухонь и жалобно просит:

— У меня умерла матушка, а мой слепой отец не может добыть пропитание; подайте хоть горсточку риса!

Тронутые ее жалким видом, хозяева сокрушались и давали ей, от щедрого сердца, риса, соленых овощей и сои:

— Входи, девочка! Грейся, кушай!

— В холодном доме меня ждет старик отец. Как же могу я есть одна? — отвечала Сим Чхон, неотступно думая об отце.

Двух-трех плошек еды, что ей подавали, вполне хватало им на день, и она спешила домой. Еще на пороге она окликала отца:

— Батюшка! Вы, наверно, замерзли и проголодались? Мне пришлось обойти много домов, потому я и задержалась.

Хаккю очень беспокоился, когда дочь уходила. Услышав ее милый голос, он торопился открыть дверь:

— Ох, доченька! Это ты пришла?

Он брал ее за руки:

— Не замерзли у тебя ручки? Погрей их над жаровней!

Для родителей нет иной отрады, как пожалеть свое дитя! Всхлипывая, Хаккю причитал:

— Тяжко мне! Бедная моя дочь! Ну чем я, слепой и нищий, могу облегчить твою судьбу? Я лишь обрекаю тебя на тяжелую жизнь!

Сим Чхон ласково утешала отца:

— Не печальтесь, батюшка! Ведь это естественно, что дети заботятся о своих родителях, а родители пользуются почетом и уважением своих детей! О чем же тут сокрушаться?

Так она заботилась об отце и весь год папролет, весной и летом, осенью и зимой, без единого дня отдыха, ходила за подаванием. Она незаметно подросла, стала подрабатывать шитьем и другой женской работой и по-прежнему чтит своего отца.

Шло время, Сим Чхон исполнилось пятнадцать лет: красавица, почтительна к старшим, талантлива, образованна! Она усвоила пять вечных добродетелей и три нравственных начала, исправно вела хозяйство. Она была словно создана Небом, среди женщин — совершенство, как феникс среди птиц или пион среди цветов! Молва о девушке широко распространилась по окрестным селениям, соседи славили ее неустанно:

— Она такая же замечательная, как и ее мать!

Однажды вдова вельможи Чана, переселившаяся из столицы в местечко Улин, прослышав о Сим Чхон, послала служанку пригласить к себе «девочку Сим». Сим Чхон, получив приглашение, обратилась к отцу:

— Батюшка! Жена вельможи Чана прислала за мной служанку. Можно мне пойти с ней?

— Видно, неспроста она за тобой послала! Что ж, иди, но будь осмотрительна: госпожа Чан — вдова первого сановника государства!

— Хорошо. А чтобы вы не проголодались, если я задержусь, я поставлю на столик еду. Поешьте без меня, а я постараюсь поскорее вернуться.

Сим Чхон попрощалась с отцом и последовала за служанкой госпожи Чан. Медленно, непринужденно шла она и наконец достигла ворот дома сановника. Пять ив цветут перед домом весенним цветом, во дворике редкостные цветы и травы как бы образуют стену-изгородь. За ней — великолепное здание в пышном убранстве. Сим Чхон подошла к крыльцу. Приятная женщина лет

пятидесяти в строгом наряде приветливо встретила ее, поздоровалась с ней и взяла за руки.

— Ты действительно Сим Чхон! Точно такая, как о тебе говорят!

Она усадила девушку и стала внимательно ее разглядывать. «Какая красавица! Лицо у тебя чистое, без всяких следов пудры и румян, а сидишь так пугливо, словно осторожная ласточка на берегу светлого, прозрачного ручья, готовая улететь при появлении человека. Глаза твои напоминают утреннюю звезду на ясном пред-рассветном небе после дождя; брови раскинулись округлым полумесяцем; щеки горят лotosовым цветом, губы алы, зубки белы! А уж говоришь ты, как луншаньский попугай какаду! Нет, ты не знаешь, какова ты! Ты — фея, поселившаяся в местечке «Персиковый цвет»! Да, феи, веселящиеся в Лунном дворце, потеряли одну подружку! Я живу в Улине, но когда родилась ты в селе-нии «Персиковый цвет», в Улин пришла весна, а «Персиковый цвет» заблагоухал! Ты словно дух, опустив-шийся на землю! Ты несравненна!»

— Сим Чхон, послушай! Муж мой умер, сыповья уехали в столицу и служат там, а других детей у меня нет и внуков тоже нет. И нет возле меня друга, с кото-рым я могла бы перемолвиться словечком. Сплю ли я, проснусь ли одна в пустом доме — вижу лишь горящую свечу. Длинными зимними ночами я читаю древние кни-ги. Я думала о твоей жизни: ты из янбанского рода, но живешь в нищете. Будь мой приемной дочерью! Я стану помогать тебе в твоих девичьих запятых, стану учить тебя грамоте, до конца дней своих буду обра-щаться с тобой, как с родной дочерью! Что ты на это ска-жешь?

Сим Чхон ответила так:

— Судьба моя несчастна: на седьмой день после

рождения я потеряла матушку. Слепой отец едва выходил меня: он брал меня на руки и отправлялся по деревням просить чужих матерей покормить крошку. Я не знала матери, это печалило меня. Вот почему в память о матушке я не могу отказать в заботе чужим родителям. Сегодня вы, высокочтимая госпожа Чан, не считаясь с моей бедностью, хотите удочерить меня. Я благодарна и признательна вам, как родной матери. У вас мне будет, конечно, хорошо, но кто же круглый год будет одевать и кормить моего слепого отца? Каждый человек должен заботиться о тех, кто его вырастил, а я тем более должна быть благодарна своему отцу. Как же я могу хоть на минуту оставить его одного?

У нее сжалось горло, она не в силах была продолжать. Слезы выступили на глазах и капля за каплей потекли по щекам, словно ветка персика окропилась росой под дуновением весеннего ветерка.

Выслушав девушку, госпожа Чан похвалила ее:

— Твои слова — слова необыкновенно любящей и преданной дочери. Я не могла и мечтать, что в старости встречу такую, как ты!

Тем временем наступил вечер. Сим Чхон поднялась и обратилась к спатной собеседнице:

— Благодаря вашей доброте я отдыхала целый день. Здесь очень хорошо, но уже вечереет и мне пора домой!

Сим Чхон пришлась по душе госпоже Чан, и потому она щедро одарила девушку на прощанье шелками, старинными украшениями и зерном. Отправив с дарами свою служанку, сановница вернулась к девушке.

— Сим Чхон, послушай! Не забывай меня! Считаю меня своей матерью!

— Вы очень добры! Я не забуду вас!

Сим Чхон попрощалась и вернулась домой.

Хаккю, отослав дочь в Улин, сидел дома и ждал ее возвращения. От голода живот его прилип к спине. В комнате было холодно и пусто. Умолкли птицы; где-то вдалеке прозвонил монастырский колокол. Думая о том, что темнеет, Хаккю забеспокоился:

— Пора бы ей уже вернуться! Почему ее до сих пор нет? Или она не заметила, что день уже подходит к концу? Может, госпожа Чан ее не отпускает? А вдруг буря поднялась и Сим Чхон замерзла в пути? Нет, моя Сим Чхон — примерная дочь! Она придет и в дождь и в бурю!

Прилетают ли с шумом птицы — «Сим Чхон, это ты?», зашуршат ли опадающие листья — «Сим Чхон, это ты?» Он напряженно прислушивался, но в безлюдных горах не слышно было ни звука.

Хаккю встревожился. Он взял палку и вышел навстречу дочери. Медленно, ощупью шел он по дороге, но неожиданно поскользнулся и свалился в глубокую канаву. Лицо его облепила красная глина, одежда вмиг промокла. Протирая слепые глаза, он пытался выбраться из капавы, но тело его погружалось все глубже, кругом шумела, бурлила вода. В страхе Хаккю кричал:

— Есть здесь кто? Помогите!

Вот он уже по пояс в воде.

— Ой! Тону!

Все глубже и глубже погружался он, наконец вода дошла ему до горла. Хаккю стал захлебываться.

— Ой, ой! Тону!

Но тщетно зывал он о помощи — никого не было поблизости, никто не мог его спасти.

А в это время настоятель монастыря «Пригрезившееся облако» с приходной книгой в руках возвращался от благодетеля, который жертвовал деньги на ремонт мона-

стыря. Лицом он бледней яшмы с гор Цзиншань; глаза — что волны рек Сяо и Сян; уши его длинные и большие, свисают на плечи; руки опустились ниже колен; на голове у настоятеля — колпак из конского волоса, а поверх него монашеская шляпа из тонкой материи; над ухом — золотой шнур; широкая ряса опоясана алым кушаком, на котором висит серебряный кинжал в ножнах, оправленных сплавом меди, цинка и никеля; на шее у него — четки, на руке — жемчужный браслет. Он весело шагает, опираясь на бамбуковую палку в двенадцать колен. Что же это за монах?

Не Сонджики ли это, что отправился по приказу преподобного отца Юкквана в Драконов дворец и, хмельной от вина, развлекался с восемью феями на каменном мосту? Не Самёндан ли это, сложивший такие строки:

Чтоб отличаться от мирян, волос не носим длинных,
Но бороду растим, чтоб показать, что мы мужчины.

Настоятель «Пригрезившегося облака» возвращался от благодетеля монастыря. Горы окутались мраком, и месяц всходил на небе. Он шел узкой, освещенной лунной дорожкой, веселый и довольный собой. Внезапно ветер донес до него отчаянный крик о помощи. Настоятель остановился. Что это? Может, это вопль Ян гуйфэй, умирающей под покровом ночи в Мавэе? Или это плач посланника Су, расставшегося в ненастную погоду в засыпанных снегом северных землях со своим сыном Су Тун-го? Что же это?

Настоятель поспешил на крик. Видит: какой-то человек барахтается в воде и уж почти тонет. Без раздумий монах скинул шляпу, стащил платье, отбросил палку в двенадцать колен, сдернул носки, снял стеганные брюки, зажал их под мышками и влез в канаву на ма-

нер белой цапли, вошедшей в озеро ловить рыбу. Он легко ухватил Хаккю за пояс, взвалил на плечо и вынес на берег. Потом внимательно всмотрелся в спасенного: да это же слепой Сим, которого он не так давно встречал! Ого! Что это с ним стряслось?

Хаккю наконец пришел в себя.

— Кто спас меня?

— Настоятель монастыря «Пригрезившееся облако».

— Значит, вы Будда-спаситель! Вы спасли мою жизнь! До самой смерти не забуду вашей милости!

Настоятель взял Хаккю за руку, отвел его домой, помог ему снять промокшую одежду и надеть сухую. Затем стал расспрашивать, как он очутился в канаве. Хаккю, сокрушаясь, рассказал ему все, как было.

— Будда нашего храма,— сказал вкрадчиво монах,— обладает целительной силой. Не бывало, чтобы кто-нибудь просил о милости и не получил ее. О чем ни проси, Будда во всем поможет. Если ты пожертвуешь Будде триста соков риса и помолишься ему искренне, он избавит тебя от слепоты, и ты увидишь небо, землю и все предметы, станешь спова зрячим.

При словах «избавит от слепоты» Хаккю, забыв о своей бедности, оживился:

— Послушайте! Запишите в своей книге, что я жертвую храму триста соков риса!

Настоятель рассмеялся:

— Написать нетрудно. Да тебе, пожалуй, не набрать столько, хоть обшарь весь дом!

Слепой рассердился:

— Слушайте, за кого вы меня принимаете? Какой безумец посмеет поминать всуе имя Будды? Вы думаете, если я слеп, так можно надо мной смеяться? Сейчас же пишете, или я пуцу в ход нож!

Монах, смеясь, записал в книге на первом, красном

листе: «Сим Хаккю — триста соков риса», — и расписался за него, после чего попрощался и ушел. Проводив настоятеля, Хаккю стал сожалеть о том, что поступил так неосмотрительно: «Хотел я сделать подношение Будде, но что будет, если не сдержу своего обещания? Ведь это грех!»

Думы одолели его. Заплакал Хаккю, сетуя на судьбу: «Небо и земля беспристрастны, для них нет разницы между великим и ничтожным! Но какова моя судьба? У меня нет счастья, глаза мои темны, они не различают солнце и луну. Даже таких близких людей, как жену и дочь, и то никогда не видел! Была бы жива покойная жена, у меня не было бы днем и ночью забот о пище и жилье! Моя дочь обшивает несколько селений, а едва зарабатывает на завтрак и ужин! Откуда ж мне взять триста соков риса? Зря соблазнился я предложением монаха, зря обещал пожертвование! Что же мне теперь делать? Как ни раздумывай, а ничего не получается! Ведь если даже продать все кувшины и плошки, на вырученные деньги не купить и горстки риса! Если продать всю одежду — не выручить и пяти лянов. Ну, а если продать дом? Да я сам не купил бы его — он такой ветхий, что даже не защищает от дождя и ветра! Себя продать — кто купит слепого? У кого же в этом мире счастливая судьба? Конечно, у того, у кого глаза и уши целы, у кого хорошее здоровье, у кого есть руки и ноги, у кого вдоволь зерна и всякого другого добра, про кого говорят: «Использовал — не иссякло, взял — не убавилось». У меня ничего этого нет. За какие грехи мне такое несчастье? О! О! Тяжко мне!»

Так он плакал и сокрушался, когда наконец домой, торопясь, вернулась Сим Чхон. Распахнув дверь, она позвала:

— Батюшка!

Увидев плачущего отца, Сим Чхон, испуганная, побежала к нему.

— Ой, что случилось? Вы выходили из дому встретить меня и вас кто-нибудь обидел?

Взгляд ее остановился на грязной одежде.

— Вы, наверно, упали в воду? Ой, батюшка! Представляю, как вам было холодно и страшно!

Она попросила служанку госпожи Чан развести огонь, подолом юбки вытерла слезы, быстро приготовила еду и поставила перед отцом:

— Откушайте, батюшка!

Но Хаккю почему-то отказался:

— Я не буду есть.

— Вы оттого не хотите есть, что плохо себя чувствуете? Или сердитесь, что я поздно вернулась?

— Нет, не потому. И вообще, незачем тебе знать...

— Батюшка! Почему вы так говорите? Я верю вам, и вы всегда доверяли мне, обсуждали со мной все дела — и большие и малые! Так почему же сегодня вы говорите: «Тебе не надо знать...» Пусть я в ваших глазах непочтительная дочь, но мне обидно, что вы от меня что-то скрываете.

Сим Чхон всхлинула. Хаккю внезапно испугался:

— Дочка! Доченька! Не плачь! Мне нечего скрывать от тебя, но я сразу не сказал тебе всего потому, что знал твою любовь ко мне и не хотел тебя огорчать. Вечером я вышел за ворота встретить тебя, но упал в канаву с водой и чуть было не утонул. Меня спас от смерти настоятель монастыря «Пригрезившееся облако». Он спросил меня о моей жизни, и я рассказал ему все, что со мной было. Монах этот выслушал и сказал: «Наш Будда никому не отказывает в милостях. Если ты пожертвуешь Будде триста соков риса, он избавит тебя от слепоты и ты увидишь небо, землю и все предметы».

Я, не подумав о своей бедности, расписался в книге пожертвований. Как я раскаиваюсь теперь!

— Раскаяние ничего путного не даст,— рассудила Сим Чхон, внимательно выслушав отца.— Если, как вы говорите, Будда может вернуть зрение вашим слепым глазам, падо во что бы то ни стало добыть эти триста соков риса.

— Что там пи говори, как ни сетуй на бедность и как ни уповай на великое Дао, положение наше таково, что пам и сто соков не набрать!

— Не говорите так, отец! Вспомните-ка о делах прошлого: Ван Сян растопил лед на реке теплом своего тела и достал карпов; Мэн Цзун пролил слезы в лесу, и из-под снега показались побеги бамбука. Вот образец сыновней любви! Но любовь и преданность родителям умели хранить не только в древности. Не беспокойтесь ни о чем!

На другой дежь Сим Чхон, выбрав в саду место для вознесения молитв, очистила его от мусора и соорудила из глины алтарь. По обеим сторонам алтаря она развеси- ла гирлянды из еловых веток, поставила на стол чашку свежей колодезной воды, а затем зажгла курения, как перед Алтарем семи звезд, смиренно преклопила колени и начала молиться:

— Всемли мне, всемогущее Небо, творец небесных светил! Внемлите, о ты, богиня Земли, и вы, хранители городов и селений, и ты, Индра, повелевающий небесами, и ты, Шакьямуни-Татхагата! Внемлите, о вы, восемь духов-хранителей и все бодисатвы! Небо сотворило солнце и луну, и потому люди способны видеть. Если б не было небесных светил, они не смогли бы различать друг друга. Мой отец, рожденный в год «Маджа», ослеп на третьем десятке лет и ничего не видит. Молю вас: ценой моей жизни верните отцу глаза! Ниспошлите ему

подругу жизни и даруйте им пять счастливых даров! Пусть будет у них много-много детей!

Дни и ночи молилась Сим Чхон, и наконец духи неба вняли мольбам девочки из селения «Персиковый цвет», приняли ее жертвоприношения, и с этого времени судьба ее была предрешена.

Однажды приходит к Сим Чхон ее кормилица, мамаша Квидок, и говорит:

— Удивительные вещи видела я сегодня, доченька!

— Что за удивительные вещи?

— Представь себе: ходят какие-то страшные люди, человек десять, и спрашивают, пельзя ли где купить молодую девушку лет пятнадцати. За цепой, говорят, не стоим!

Сим Чхон выслушала эти слова с затаенной радостью.

— Да неужели? Если это правда, пригласите, пожалуйста, ко мне самого почтенного и надежного из этих людей. Только осторожнее, чтоб никто ничего не знал!

Кормилица вышла и через некоторое время вернулась, ведя за собой гостя. Прежде всего Сим Чхон попросила матушку Квидок узнать, для чего этому человеку пужна молодая девушка.

Гость ответил:

— Мы из столицы; плаваем на корабле по торговым делам за тысячи ли. На этот раз путь наш лежит через Имдансу, море коварное: чуть зазеваешься — пропал! Но если припести в жертву морю пятнадцатилетнюю девушку и при этом вознести молитву, путешествие наше будет благополучным и в делах нам повезет. Вот мы и ходим, ищем, где бы купить девушку, хотя это, конечно, мерзкое занятие. Если у вас есть на примете такая девушка, скажите! За деньгами дело не станет!

Теперь уж в разговор вступает сама Сим Чхон:

— Я здешняя; отец мой слеп — ничего-то на белом свете он не видит. Всю жизнь он молил Небо вернуть ему зрение, и вот настоятель монастыря «Пригрезившееся облако» сказал, что, если мы пожертвуем Будде триста соков риса, у него откроются глаза и он снова будет видеть. Но мы живем бедно, нам лечем расплатиться, и я решила продать себя, чтоб умилоствовать Будду. Купите меня! Разве я не подхожу вам — мне как раз пятнадцать лет!

Выслушав Сим Чхон, мореплаватель взглянул на нее и затем некоторое время молча стоял смущенный, опустив голову и не смея взглянуть на девушку снова. Наконец он проговорил:

— Из ваших слов я понял, что вы беспримерно любящая и преданная дочь!

Однако дела — прежде всего, и потому гость, отдав должное великодушию Сим Чхон, согласился на ее предложение.

— Когда же вы отплываете?

— В пятнадцатый день следующего месяца. Не забудьте!

Договорившись обо всем, гость ушел, и в тот же вечер торговцы отвезли в монастырь «Пригрезившееся облако» триста соков риса.

Напомнив несколько раз мамаше Квидок, что сделка должна храниваться в тайне, Сим Чхон пошла к отцу.

— Батюшка!

— Что, дитя мое?

— «Пригрезившееся облако» получило свои триста соков риса!

Хаккю несказанно удивился:

— Этого не может быть! Где же ты взяла столько риса для храма?

Такие любящие дочери, как Сим Чхон, не лгут и никогда не обманывают своих отцов, но Сим Чхон вынуждена была сказать неправду:

— Я была у вдовы сановника Чана, и она предложила мне стать ее приемной дочерью. Я не хотела соглашаться на это, пока вы живы, но она настаивала, и я дала слово. Госпожа Чан очень обрадовалась и велела отослать в «Пригрезившееся облако» триста соков риса. Так что теперь я ее приемная дочь.

Не поняв сути всего происшедшего, Хаккю возликовал:

— Это же превосходно! А когда придут за тобой?

— Сказали, что в будущем месяце, на пятнадцатый день.

— Я очень рад за тебя — там ты не будешь нуждаться, как дома.

Внушив отцу мысль, что все складывается как нельзя лучше, Сим Чхон с этого времени неотступно думала о том дне, когда ей придется последовать за торговцами. Ее волновало и то, что на шестнадцатой весне она должна уйти из жизни, так и не узнав ее, и то, что придется навек расстаться со слепым отцом... Работа не шла ей на ум, пропал аппетит, все время она проводила в думах. «Теперь я — пролитая вода или рассыпанное зерно, — говорила она себе. — Кто же будет круглый год заботиться об отце, когда я умру? Приготовлю-ка я ему, пока жива, одежду на все времена года!» Она завернула в холст весеннюю и осеннюю, летнюю и зимнюю одежду отца и сложила все в сундук; купила ему новую шляпу, повесила ее на стену и после этого стала ждать пятнадцатого числа.

И вот — последняя ночь. Наступила третья стража. Заблестела Серебряная река, померкло пламя свечи. Сим Чхон села, обхватив руками колени, и задумалась.

Но от дум на душе становилось тяжелее, и тогда она решила заштопать в последний раз отцовские поски. Она вдела нитку в иголку, взяла в руки поски, и тут из глаз ее полились горячие слезы. Всклипывая и стараясь удержать рыдания, чтоб не разбудить отца, она наклонилась к нему, нежно касалась его лица, гладила ему руки и сквозь слезы шептала:

— Пройдет эта ночь, и я больше не увижу вас! Кто будет опорой вам, одинокому, когда я покину этот мир? Сердце мое разрывается от горя! Когда я подросла, то уже сама ходила собирать милостыню; теперь же, после моей смерти, вы будете нищенствовать круглый год! Сколько презрения, сколько унижений вам придется испытать! И если бы даже мне пришлось потерять вас, сегодня моя печаль не была бы менее горькой — ведь мы оба живы, но должны расстаться навек! Как жестоко Небо! Вы останетесь один-одинешенек, и некому будет заботиться о вас днем и ночью! Несчастной будет ваша жизнь! А если вы умрете, кто будет оплакивать вас, кто похоронит вас и справит поминки, кто принесет вам на могилу чашку риса и кружку воды? Проклятая судьба! Семи дней от роду я потеряла мать, теперь же приходится расставаться с отцом... Кому выпадало такое?

Расставался Су Тун-го с отцом:

«Солнце в Хэляне зашло,
С тучей печаль прилетела...»

Покидали друг друга братья в горах Луншань:

«Проголиной среди цветов кизила
То место вечно будет пустовать...»

Разлучались со своими возлюбленными красавицы из У и Юэ:

«В далекий путь уходит милый —
Застав отсюда не видеть!..»

Прощались друзья в Вэйчэне:

«Выйдешь ты из Янгуаня
И останешься один...»

Но ведь те, о ком здесь говорится, остаются живы и потому могут когда-либо встретиться или услышать весть друг о друге. Наша же разлука совсем не такая: я уйду навсегда из этого мира, и нам уже не встретиться и друг о друге не услышать! Моя покойная матушка ушла на небо, а я попаду в подводное царство и не смогу свидеться с матушкой — ведь в небесное царство ведет одна дорога, а в царство подводное — другая. Ну, а если даже я доберусь до небесного царства, как узнает меня моя матушка, и как я узнаю ее? А если она узнает меня и спросит об отце, что я отвечу? О, если бы можно было удержать солнце в Сяньчи в пятую стражу и восход завтрашнего дня — на востоке и еще раз повидаться с батюшкой! Но кто в силах помешать окончанию ночи и наступлению дня?

Природа неумолима — вскоре запели петухи, и Сим Чхон встрепелулась:

— Не пой, не пой, петушок! Не идет в полночь к Циньской заставе Мэн Чан-цзюнь! Когда ты запоешь — настанет день. Настанет день — и я покину земной мир. Умереть я не боюсь, мне тяжело оставить отца одиноким!

Всю ночь Сим Чхон провела в слезах. Когда же заалел восток, она вышла во двор, чтоб приготовить отцу завтрак. За калиткой уже ждали ее торговцы. Увидев Сим Чхон, они закричали:

— Сегодня отплываем! Поторапливайтесь!

При этих словах из глаз Сим Чхон хлынули слезы. Выйдя за калитку, она сдавленным голосом взмолилась:

— Добрые купцы! Я помню, что сегодня вы уходите в море, но мой отец еще не знает, что я должна поки-

нуть его. Подождите пемного — я приготовлю бедному батюшке поестъ, а когда он позавтракает, расскажу обо всем и последую за вами.

Тронутые ее просьбой, торговцы согласились:

— Пусть будет по-вашему!

Сим Чхон вошла в дом и, приготовив рис пополам со слезами, поставила перед отцом столик с едой, а сама села напротив, следя, чтобы отец наелся досыта. Она подала ему очищенные стебли морской капусты, принесла палочки для еды и, завертывая рис в капустные листья, стала класть кушанье ему прямо в рот, приговаривая:

— Кушайте, батюшка, вволю.

— Спасибо, доченька! Все съем — сегодня твой завтрак особенно вкусен. Что, у кого-нибудь нынче поминки?

Слезы душили Сим Чхон, и она, всхлипывая, старалась удержать их. Однако у слепого Сима был хороший слух.

— У тебя что-нибудь болит, дитя мое? — обратился он к дочери. — Может, ты простудилась? Подожди! Какое сегодня число? Не пятнадцатое ли?

Кровные узы связывают дочь и отца, и потому не мог Хаккю не предчувствовать беды. Вот начал он рассказывать свой сон:

— Снился мне этой ночью сон: будто села ты в большую повозку и уехала в ней далеко-далеко. В такой повозке ездят ведь только знатные люди, вот, наверно, сегодня и пришлют за тобой носилки от госпожи Чап из Улипа.

Выслушав его рассказ, Сим Чхон поняла: этот сон предвещает ее гибель. Сердце ее было полно печали, но она старалась казаться спокойной, чтобы не удручать отца.

— Чудесный сон! — воскликнула она и, убрав столик, подала отцу раскureпную трубку. Решив перед уходом из дому в последний раз посетить родовую молельню, она старательно умылась, чтобы уничтожить следы слез, переоделась в чистое платье и вышла. Тихо-тихо открыла она дверь молельни, поставила на алтарь вино и фрукты и, дважды поклонившись, произнесла:

— Грешница Сим Чхон продала себя за триста соков риса купцам из Южной столицы, чтоб вернуть зрение слепому отцу, и теперь должна погибнуть в море Имдансу. Я готова к этому, но пусть отец мой прозреет, пусть возьмет себе хорошую жену и, когда та подарит ему детей, пусть все они зажгут светильник на алтаре предков!

Вознеся молитву, она закрыла дверь молельни и дала волю слезам:

— Кто будет открывать и закрывать эту дверь, когда я умру? Кто будет носить вино и фрукты по четырем большим праздникам: в День зимнего солнцестояния и в Дни холодной пищи, в праздник начала лета и в праздник осенних сумерек? Кто будет зажигать здесь курения? Нет счастья нашим предкам, коль так случилось! Бедный мой отец! Без родных и близких, слепой, нищий — куда он денется? Как я оставляю его?

Со всех ног кинулась она домой к отцу, упала перед ним и зарыдала, повторяя одно:

— Батюшка! Батюшка!

Хаккю не на шутку встревожился:

— Что с тобой, доченька? Тебя кто-нибудь обидел, назвал «девчонкой слепца»? Так ведь собака лает — ветер носит. Ну что случилось? Говори же!

Придя в себя, Сим Чхон подняла голову:

— Батюшка!

— Что?

— Я непочтительная дочь: я обманула вас. Ну кто даст мне триста соков риса?! Я продала себя за триста соков риса купцам-мореходам из Южной столицы и теперь должна быть принесена в жертву водам Имдансу. Сегодня уходит корабль, так что вы слышите меня в последний раз!

Давно известно, что от большого горя у человека на миг может остановиться сердце. Хаккю оцепенел. Он не зарыдал, он только прошептал едва слышно:

— Что ты говоришь?! Это правда или ты шутишь? Нет, я не верю! И ты сделала это по своей воле, даже не спросив меня?! Конечно, было бы хорошо, если бы я прозрел и ты была со мной, но какая радость мне от того, что я открою глаза, а тебя уже не будет? Твоя мать умерла вскоре после родов, и я, слепой, носил тебя на руках и просил чужих матерей покормить тебя. Я вырастил тебя, и у меня не болела душа о твоей судьбе. Что же ты наделала?! Выходит, вместо того чтоб ценой своих глаз спасти твою жизнь, я приобрету зрение ценой твоей жизни? Но на что мне тогда оно?! За что такая судьба: потерять жену, затем дочь — все четыре несчастья?

Его обуял гнев:

— Проклятые торгаши! Занимайтесь себе торговлей! Где это видано, чтобы человека приносить в жертву духам? Не будет вам благословенья Неба, не видать вам милостей духов! Как могли вы купить единственную дочь в тайне от слепого отца? Не надо мне риса, не надо денег, не надо и зрения! Бессердечные торгаши! Помните, как бывало в старину! Во время знаменитой семи-летней засухи хотели принести Небу человеческую жертву. Тогда добрый государь Чэн Тан сказал: «Я молюсь о благе народа, но если нужна жертва, возьмите меня!» И он пожертвовал собой, обрезав волосы и ногти

и окутавшись ковылем. Он молился в тутовой роще и по всей земле, на тысячи ли, хлынул дождь! Вот как бывало в старину! Так не лучше ли будет, если я пожертвую собой вместо дочери? Ну убейте меня! Всю жизнь я желал смерти и умру без страха. Не знаю только, поможет ли это вам. Бездушные убийцы! Или вы не знаете, как карает за убийство «Великое уложение»?

Хаккю уже неистовствовал, он то угрожал купцам, то впадал в отчаяние. Сим Чхон успокаивала его:

— Батюшка, успокойтесь! Никто в этом не виноват!

Отец и дочь обнялись и зарыдали. Все жители местечка «Персиковый цвет» горестно вздыхали. Купцы тоже плакали навзрыд. Наконец один из них выступил вперед:

— Господин старшина купцов! Не буду говорить о девушке — предапной и любящей дочери, скажу лишь об этом янбане. Право, жаль слепого старика! Нас, купцов, здесь больше тридцати. Давайте же поможем ему, чтоб прожил он остаток дней своих, не нуждаясь в пище и одежде! Как говорится, с десятирых по ложке каши — и день сыт!

Все закричали: «Правильно!», и вскоре во двор были принесены триста лянов серебра, сто соков риса. Кроме того, каждый торговец прислал по тюку хлопчатой ткани и холста. Затем торговцы обратились к жителям местечка:

— На триста лянов купите старику рисовое поле и отдайте его в аренду надежным людям. Из ста соков риса пятнадцать выдайте старику на этот год, а остальные отдайте под проценты в долг — старик на всю жизнь будет обеспечен рисом. А из тканей спейте ему по паре одежды на каждый сезон.

Сельчапе посовещались, согласились и тут же составили бумагу о распределении даров.

А в это время жена вельможи Чана из Улина, узнав, что Сим Чхон продала себя в жертву Имдансу, призвала служанку и наказала ей:

— Дошло до меня, что Сим Чхон должна умереть. Ступай сейчас же к ней и передай: я хочу ее видеть перед тем, как она покинет этот мир.

Выслушав приказ, служанка отправилась к Сим Чхон, передала ей слова хозяйки и вместе с ней вернулась в Улин. Госпожа Чап вышла навстречу Сим Чхон, взяла ее за руки и заплакала:

— О бессердечная! С тех пор как я узнала тебя, я считала тебя своей дочерью. А ты забыла обо мне! Я слышала, ты продала себя и хочешь умереть, чтоб вернуть зрение отцу? Ты любящая дочь, это верно, но почему ты думаешь, что твоя смерть поможет ему? Уж коль на то пошло, почему ты не пришла ко мне и не рассказала обо всем? Может, я сумела бы что-нибудь для тебя сделать!

Она ввела Сим Чхон в дом и, усадив ее, строго сказала:

— Я дам тебе триста соков риса. Верни его торговцам и выброси из головы свои глупые планы!

После недолгого раздумья добрая девушка ответила:

— Разве я могу отказаться от данного слова? А потом, если человек искренне хочет пожертвовать собой ради тех, кто дал ему жизнь, он не должен рассчитывать на чужое добро. Пусть я верну купцам рис, но ведь тогда я подведу их и мне будет неловко. Уж если человек продал себя и получил плату сполна, он не может брать свое слово обратно. Да он не посмеет тогда смотреть людям в глаза! Я знаю: умереть, оставив в одиночестве старика отца,— значит причинить ему горе, а не радость. Но что могу я поделать? А вам за вашу доброту, за теплые и ласковые слова я буду на том свете вязать травы!

Потрясенная словами Сим Чхон, госпожа Чан взглянула на девушку и, видя, что та непреклонна в своем решении, оставила уговоры. Ей жаль было расставаться с Сим Чхон, и потому, дав волю слезам, она промолвила:

— Узнав тебя, я привязалась к тебе и полюбила, как родную дочь. Мне всегда было нестерпимо тяжело и грустно разлучаться с тобой даже на день, даже на час. Могу ли я спокойно смотреть, как ты на моих глазах идешь на смерть? Подожди немного! Я позову живописца, он сохранит мне на память твое лицо, твой облик... Останься ненадолго!

Тотчас госпожа Чан кликнула служанку и послала ее за художником. Когда тот явился, она изложила свои требования:

— Посмотри сюда! Вглядишься внимательно в лицо, фигуру, одежду, весь печальный облик этой девушки! Если ты хорошо парисуешь ее, я щедро тебя награжу. Постарайся, чтоб все было, как есть на самом деле!

Принесли раму, обтянутую шелком. Художник взял в руки уголек, внимательно оглядел Сим Чхон и очертил контуры будущего портрета. Потом он разложил кисти и краски и начал писать. На холсте появились блестящие, черные как смоль волосы, печальное белоснежное личико со следами слез, наконец, стройная фигура, красивые руки, ноги... Ни дать ни взять — настоящая Сим Чхон! Когда законченный портрет поставили рядом с оригиналом, в комнате появилась как бы вторая Сим Чхон. Госпожа Чан обхватила правой рукой шею девушки, левой прижала к себе портрет и зарыдала. Сим Чхон, тоже вся в слезах, обратилась к ней:

— Верьте, добрая госпожа, вы всегда были для меня как мать. Сегодня мы расстаемся, и кто знает — встретимся ли когда-нибудь? Я напишу на портрете прощаль-

ные стихи, и, когда вы будете их читать, вспоминайте меня!

Растроганная госпожа Чан подала ей кисть, и Сим Чхон стала писать стихи. Она писала, и слезы падали из ее глаз капля за каплей и превращались в кровь, а кровь оборачивалась бутонами цветов. Казалось, цветы эти источают аромат.

Вот ее стихи:

И жизнь и смерть нам кажутся лишь сном!
Зачем же льем мы слезы о былом?
Мы плачем потому, что горит горя пет,
Чем навсегда покинуть белый свет!

Госпожа Чан поразилась:

— Твои стихи — творение, достойное кисти богов! Видно, судьба твоя предначертана Небом и не по своей воле уходишь ты из мира!

Госпожа Чан, в свою очередь, оторвала лист бумаги, быстро написала что-то и отдала Сим Чхон. Вот что она написала:

Нежданный ночью ураган пронесся,
Сорвал цветок, в волну его швырнул...
Ужели ты, о Небо, не добьешься,
Чтоб дряхлый старец дочь себе вернул?

Сим Чхон взяла стихи и спрятала их па груди. Когда она стала прощаться с госпожой Чан, обе они плакали навзрыд. И все жители Улина от мала до велика сокрушались, глядя на них.

Сим Чхон вернулась домой. Хаккю кинулся к ней, обнял ее и в исступлении заголосил:

— И я с тобой! И я с тобой! Я не пущу тебя одну! Жить — вместе, и погибать — вместе! Ты не оставишь меня одного! Пусть мы пойдем на корм рыбам, но зато вместе!

Сим Чхон, глотая слезы, молвила в ответ:

— Разве по своей воле нарушаю я предопределенные Небом устои? Разве по своей воле покидаю я этот мир? Ведь все несчастья от судьбы; ведь жизни человека есть предел! Ничего не поделаешь — уж такова моя доля! Не думайте, отец, о своей непочтительной дочери! Желаю вам снова открыть глаза и увидеть белый свет. Возьмите себе в жены хорошую жепщину, и пусть у вас будет много детей и внуков!

Протестующим жестом Хаккю поднял руку.

— Нет! Нет! Не говори так! Если бы мне суждено было иметь жену, разве случилось бы такое? Нет, ты не можешь уйти от меня!

Тогда Сим Чхон взяла отца за руку, вывела его к жителям «Персикового цвета» и, плача, взмолилась:

— Почтенные соседи! Мужчины и женщины! Я ухажу на смерть и оставляю вам своего одинокого отца. Прошу вас, позаботьтесь о нем!

С этими словами она поклонилась и направилась к купцам. Все жители местечка, мужчины и женщины, старики и дети, провожали ее печальным взглядом.

Заливаясь слезами, Сим Чхон брела за купцами. На лице ее лежала печать глубокого горя, волосы растрепаны, слезы кровавым дождем лились из глаз, увлажняя одежду. Безжизненным взором оглядела она соседский дом.

— Старшая дочь почтенного Кима! Мы с тобой одних лет и живем по соседству. Я мечтала, что мы вырастем и будем жить дружно, как сестры, до самой старости, будем вместе наслаждаться земными радостями, вместе переживать горе. Жаль, что должна я покинуть этот мир. Такова уж моя судьба! Я умру, а мой одинокий отец останется в печали и горе — вот что не даст мне покоя и па том свете! Если я дорога тебе, не забывай о моем несчастном отце! Прошу тебя!

А ты, младшенькая? С кем ты теперь будешь заниматься рукоделием? Помнишь, как в прошлом году, в пятый день пятой луны, в праздник начала лета мы с тобой качались на качелях? А в этот год, в седьмой день седьмой луны, в праздник осенних сумерек мы собирались просить Ткачиху научить нас вышиванию! Все это ушло безвозвратно! Ради отца я покидаю этот мир, и если ты любишь меня, то утешь, прошу тебя, моего несчастного родителя, когда он будет в горести оплакивать меня. Ведь когда мы дружили, твоя семья была моей семьей, а моя семья — твоей. Пока мы обе были живы, я всегда доверяла тебе! Я надеюсь, что, когда ба-тюшка скончается и мы встретимся с ним в загробном мире, он расскажет мне о твоих добрых делах!

Видно, знало Небо о прощании Сим Чхон — солнце скрылось, голубой купол заволокло темными тучами. Дождевые капли падали, словно слезы; прекрасные бутоны цветов завяли и лишились своих красок; уныло качались травы и деревья, покрывшие окрестные холмы, ивы склонились к воде.

— О чем тоскуешь ты, иволга? Я не ведаю твоей тоски! А знаешь ли ты о моей безнадежной печали?

Вдруг закуковала кукушка: «Лучше бы вернуться!»

— Зачем в лунную ночь ты покинула реки и горы? Зачем тревожишь сердце мое тоскливым напуганием? Как ты ни пой, сидя на ветке, свое «Лучше бы вернуться», я продала себя, получила плату сполна и не могу вернуться назад.

К щеке Сим Чхон пристал гонимый ветром лепесток цветка. Она сняла его, рассмотрела.

Говорят, весенний ветер,
Как ребенок, неразумен.
Налетает вихрем буйным,
Ломит нежные бутоны...

— Разве цветы опадают потому, что хотят опасть? Нет, их лепестки обрывает ветер! Не душа моя, но горькая судьба подобна этому цветку. Разве я хочу погибнуть?! Но такова уж моя судьба, и ее не изменишь!

Сделает она шаг — слезы льются ручьем, сделает другой — оглянется назад. Так Сим Чхон покинула родные края. С этого времени и пачинаются самые горькие дни ее жизни.

Достигнув устья реки, торговцы-мореходы взошли по трапу на корабль, проводили Сим Чхон в каюту, а затем подняли паруса и снялись с якоря. С песнями, под грохот барабанов отплыли они в далекие края.

Корабль вышел в открытое море. В безбрежном просторе гуляют зеленые волны; белоголовые чайки стремятся к берегу, поросшему красной осокой; на прибрежный песок садятся дикие гуси с Трех рек; откуда-то доносится серебристый звук, словно гудит рожок рыболовного судна. Звук умолкает, но людей нигде не видно, лишь зеленеет вокруг вода да жалобно скрипят снасти. «Они печалятся обо мне», — думает Сим Чхон.

Миновали Чанша: куда же делся великий наставник Цзя И?

Взглянули на реку Мило: где душа преданного Цюй Юаня, нашедшего приют в брюхе у рыб?

Подплыли к Башне желтого журавля, вспомнили стихи Цуй Хао:

«Солнце скрылось,
В тумане река.
Где моя родина?
В сердце тоска!»

Достигли Палаты феникса. Здесь пировал Ли Бо.

«Трех гор зеленые вершины
Закрыли неба половину,
А в междуречье, к мели ближе,
Я остров Белой цапли вижу».

А вот и Сипьянцзян! Почему ж не видно Бо Цзюй-и? Отчего умолкла музыка его цитры?

Река под Красною стеной! Разве можно не залюбоваться ею? Здесь все осталось таким, каким было при Су Дун-по! А где-то теперь прославленный герой Цао Мэн-дэ?

Глубокой ночью, когда уже скрылась луна, закаркали вороны и зазвонили колокола в обители Ханьшань, корабль причалил к стенам Гусу.

Наутро прошли Цзоухуайшу. Торговки вином на той стороне реки не печалились и не грустили о падении государства — они распевали веселую мелодию «Цветок в женских покоях»:

Над рекой расстилается дым,
А над берегом месяц гуляет...

Корабль вошел в устье рек Сяо и Сян, на берегу которого высится Павильон горного солнца. На юго-восток от него видны горы царства У и реки царства Чу.

Вот орошенный слезами жеп императора Шуня крапчатый бамбук; блестит луна над горой Ушань, и синее небо сливается со своим зеленым отражением в водной глади озера Дунтинху. Темным туманом окутала ночь усыпальницу Хуанлиш в горах Цаньшунь. Ропот волн, шелест ветра, тоскливые крики обезьян, призывающих детенышей... Сколько еще в мире отверженных!

Сим Чхон любовалась с корабля восемью достопримечательностями рек Сяо и Сян и хотела было уйти в каюту, но в это время в воздухе разнесся благоуханный аромат, слышался звон нефритовых подвесок, и

меж бисерных штор в легком тумане появились две женщины в венцах небожителей и одеяниях цвета солнечных лучей.

— Девочка Сим! Ты не узнаешь нас? Наш мудрый повелитель Шунь почил в горах Цанъушань, объезжая и осматривая Южные владения. Безутешно рыдали мы, проливая горючие слезы на реках Сяо и Сян, и вот на каждом коленце бамбука появились пятна, а листья поникли...

Если рухнет гора Цанъушань,
Если высохнут Сяо и Сян,
И тогда не исчезнуть с бамбука
Нашим горестным вдовьим слезам!

С тех пор прошли тысячи лет, но некому нам было поведать свою печаль. Ты самая любящая и преданная дочь, и тебе мы открылись без страха. А помнишь ли ты песню «Южный ветер», что пел задолго до кончины великий Шунь, играя на пятиструнной цитре? Не забывай ее и будь осторожна — твой путь еще долг!

Сказали — и сразу же исчезли. «Это жены государя Шуня, духи рек Сяо и Сян,— догадалась Сим Чхон.— Право же, странно, что они посоветовали быть осторожной мне, плывущей на гибель!»

Миновав это место, корабль достиг вскоре горы Хуэй-цзишань. Внезапно поднялась буря, подул холодный ветер, и перед Сим Чхон предстал человек — глаза его плотно закрыты, тело обернуто собственной кожей, а сам он горько плачет:

— Девочка Сим! Узнаешь ли ты меня? Я — У Цзы-суй, бежавший в царство У! Мой повелитель поверил клевете Бай Пи и велел перерезать мне горло острым мечом, а потом, после казни, снять с меня кожу, завернуть в нее мое тело и бросить в эту реку. Не сдержав гнева, я сказал: «Пусть выпут мои глаза и повесят их

над Восточными воротами столицы, чтобы я увидел, как властитель Юэ уничтожит царство У». Увидеть-то я увидел, но кто же вдохнет жизнь в мою плоть, кто вернет мне глаза?

Сказал — и тут же исчез. «Это душа У Цзы-сюя, верного сановника из царства У», — подумала Сим Чхон.

Корабль достиг новых вод, и здесь на поверхность реки вышли два человека. Стоявший впереди имел царственную осанку и такие же манеры, хотя и был одет в лохмотья. Видно было, что человек этот претерпел беду. Заливаясь слезами, он проговорил:

— Печаль и гнев одолевают меня — я пленник царства Цинь. Три года обитал я в Угуане, падеясь возвратиться на родину, а теперь обречен умереть на чужбине. Много лет я лелеял желанья, но стал кукушкой, призывающей души умерших. С удовольствием слушал я удары железных палок в Болаша и напрасно кружился в вихре при луне на озере Дунтинху.

Человек, стоявший сзади (мертвенно бледен был лик его, а тело — сухой скелет), сказал:

— Я — Цюй Юань из царства Чу; служил я правителю Хуай-вану, но, оклеветанный Цзы-ланем, бросился в эти воды, чтоб смыть грязь, которой мне облили душу. Я верил: добрый повелитель похоронит меня после смерти. И вот как он меня похоронил — ты видишь!

«Покойный мой отец Бо-юном звался,
Чжуань, Сын Неба, — славный предок мой!

. . . . .
Цветы, деревья, травы увядают,
И дни красавца князя сочтены».

Сколько на свете талантливых поэтов! Я погиб из-за любви к правителю, а ты, Сим Чхон, погибнешь из-за

любви к отцу — ведь преданность государю и преданность отцу одно и то же! Я пришел, чтоб утешить тебя. Счастливого пути тебе в синем море!

«Много лет после смерти люди эти остаются блуждающими душами,— говорила себе Сим Чхон,— разве не удивительно, что они вышли ко мне? Это значит: я наверняка умру!» И она печально вздохнула.

Сколько дней прожито на корабле, сколько ночей проведено на воде! Текли, словно волны, четвертое, пятое новолуния...

«Золотой осенний ветер
На закате прошумел,
Широко раскрылось небо
И повисло в вышине.

Заря вечерняя летит
Навстречу одинокой птице;
Осенняя волна реки
Зарничным цветом золотится.

Зреют мандарины близ речной волны —
Золотыми слитками берега полны!

Ветер шумит в камышах,
Стаи снежинок кружатся...»

Так пели листья ив в Саньпу, так пел чистый от росы ветер. Горели огни одиноких рыбацких судов, перекликались песни рыбаков:

Воды морские так глубоки!
Горные пики так высоки!

Солнце зашло в Чанша,
Осени цвет далек.
Где оплакивать мужа?
Что послал ему рок?

О чем сейчас думает Сим Чхон? А вот о чем: «Не здесь ли сложил Сун Юй свою «Оду печальной осени»? Не корабль ли это Цинь Ши-хуаца, переполненный молодыми девушками и посланный за снабдьем бессмертия? А может, это судно ханьского императора У-ди, отправившееся на поиски даосских святых? Да нет, здесь ведь не было заклинателей духов! Хотела бы я сейчас умереть, но меня охраняют мореходы! А еще больше мне хочется жить — только не в этом мире, где люди не ведают счастья!»

Наконец судно достигло Имдансу; корабельщики спустили паруса и бросили якорь. Внезапно налетел ураган, вздыбились водяные валы, напоминая схватку драконов. Вдали от берегов спесло паруса, сорвался якорь, поломался руль, корабль сбился с курса. Свистит ветер, бьют волны, все кругом окутано туманом... А впереди еще тысячи ли пути! Вокруг — непроницаемая тьма, небо и земля слились в один сплошной черный круг. Громадные волны бьются о борт корабля, и кажется: вот-вот захлестнут его. Корабельщики в сильном страхе — душа ушла в пятки. Вот они готовят приношение духам, чтобы отвести опасность: варят целый мешок риса, режут большую свиью, разделявают ее. Потом выносят три сорта фруктов и пять сортов сластей, убивают крупного быка, катят бочки с вином. Окончив приготовления, они заставляют Сим Чхон вымыться и переодеться в чистое платье, а затем усаживают ее на носу корабля. Начинаются молитвы. Мореходы ударяют палочками в барабаны: тун-дун, тун-дун, тури-дун-дун.

— Сюань-юань первый создал лодки и связал то, что не было связано. Потомки переняли его пример и сделали мореплавание промыслом. Сколь велики заслуги Сюань-юаня! Государь Юй, основатель династии Ся, во

времена Великого девятилетнего потопа, сев в лодку, обуздал воды. А когда, установив районы пяти повинностей, стал объезжать все девять областей, он также пользовался лодками. Чжугэ Лян своими заклинаниями вызвал северо-восточный ветер, и Чжоу Юй устроил «огневое нападение» на многотысячную армию Цао Цао. Разве можно было в этой битве у Красной стены обойтись без судов?

Вспомните, как в сочинении Тао Юань-мина: «Вот лодку мою качает, качает, легко подымая».

Вспомните «Возвращение в Цзяндунь» Чжан Хапя:

Сегодня в безбрежное море
Уходит парусник наш...

А как веселился Су Дун-по, когда

В седьмую Луну года «Жэньсюй»
Па воду челн спустил...

Шутят рыбаки, перекликаясь песнями и плеща веслами:

Наши лодки идут не пустыми —
Лунным светом полны до краев!»

Вспомните песню девушек:

«Красавицы из У и Юэ
В челнах резвятся и ликуют,
Рвут лотосы на дремлющей реке.
Украшив весла яркими цветами,
Плывут в тот край, что манит вдалеке
Апра благовонного садами.»

А это разве не о купеческих судах поется:

Мне грустно: ваши корабли
В далекий град Янчэн ушли!

Нас двадцать четыре единоверца, и торговля — наше ремесло. С юношеского возраста, вот уже несколько лет, мы бороздим моря и реки. Сегодня мы приносим жертву Морю Имдансу. Э-Мэй, владыка Восточного моря! Чжужун, владыка Южного моря! Цзюй-чэн, владыка Западного моря! Сюп-цзян, владыка Северного моря! Повелитель вод! Духи рек и озер! Примите наши приношения и ниспошлите нам удачу в делах, чтоб вернулись мы с барышами! Дух ветра! Даруй нам попутный ветер! Морской дух! Укажи нам путь! Туи-дун, тун-дун.

Окончив молитвы, купцы заторопили Сим Чхон;
— Бросайся же в воду!

Взгляните на Сим Чхон: она встает на посу корабля и, сложив ладони, начинает молиться Небу:

— Молю! Молю тебя, Небо! Себя мне ничуть не жаль, я умираю лишь затем, чтоб сбылась заветная мечта моего слепого отца. Смилуйся же, Небо! Внемли моим мольбам, сделай ясными глаза батюшки!

Она села на прежнее место и обратила взор в сторону «Персикового цвета».

— Батюшка, я погибаю! Да поможет вам Небо прозреть!

Заломив руки, она встала и обратилась к корабельщикам:

— Торговцы! Мореходы! Счастливого вам пути! Прошу вас: когда на обратном пути, уже с барышами, вы будете проплывать эти места, призовите мою душу, чтоб не скитаться ей на чужбине!

Она закрыла свои лучистые глаза и, накинув на го-

лову подол юбки, подошла, пошатываясь к борту корабля. Еще миг, и в море Имдансу упала дочь слепого Сима, Сим Чхон. Цветок, медленно опустившийся в мрачные воды Имдансу, оказался похороненным в брюхе у рыб!

Мореходы задохнулись от горя:

— О! О! Какое несчастье!

Купцы прослезились, а вся корабельная прислуга бросилась на палубу и зарыдала:

— Преданнейшая из преданных и любящая из любящих, Сим Чхон! Какое несчастье! Какое горе! Это ужасней, чем если бы погибли наши родители и братья!..

А в это время вдова вельможи Чана из Улина, расставшись с Сим Чхон, пребывала в глубокой печали. Она положила у изголовья своего ложа портрет девушки и каждый день смотрела на него.

Однажды портрет вдруг потемнел, на нем выступила вода... Госпожа Чан испугалась:

— Она погибла!

Не в силах сдержать горя, госпожа Чап залилась горячими слезами, словно у нее вынули печень, словно грудь ее разрывалась на части. Но вот портрет вновь принял свой обычный вид, и госпожа Чан немало подивилась:

— Видимо, кто-то спас Сим Чхон, и она ожила! Но как узнать, что произошло в синем море, за тысячи ли отсюда?

В ту же ночь, в пачале третьей стражи, госпожа Чан приготовила жертвоприношения и, сопровождаемая служанкой, отправилась к реке. На чистом белопесчаном берегу она разложила вино, фрукты, сушеное мясо и, громко прочитав ритуальную молитву, призвала душу «девочки Сим».

Затем госпожа Чан приступила к обряду жертвоприношения, восклицая:

— В прибрежном селении наступает ночь, все кругом тихо. Сим Чхон! Сим Чхон! Как я скорблю о тебе, Сим Чхон! Всю жизнь ты мечтала вернуть зрение слепому отцу и, любящая дочь, решила наконец гибелью своей помочь ему. И вот ты стала добычей рыб — как тяжело, как больно мне! Почему же Небо позволило погубить тебя? Почему духи не спасли тебя, тонущую? Уж лучше бы ты не рождалась на свет! Уж лучше бы я не знала тебя! Зачем суждено нам было расстаться? Ведь теперь мы никогда уже не увидимся! Луна закатилась еще до того, как истек месяц! Цветок увял раньше, чем настал конец весны! Плывет на востоке лупа, и мне кажется, будто я снова вижу лицо твое! Цветы, влажные от росы, напоминают о тебе! Ласточки, сидящие на каменных столбах, что-то щебечут твоим голосом! С каждым днем все блее волосы у меня на висках!.. Мирское зло погубило тебя, и ты, погибнув, не ведаешь о моей безнадежной печали! Я осталась жить, и горе мое бесконечно! Утешься же хоть чаркой вина! О, как мне жаль тебя, прекрасная душа!

Окончив молитву, госпожа Чан зажгла благовонные курения. А небо в это время низко висело над землей, словно прислушиваясь к ее стенаниям; по реке стлался туман, напоминавший разноцветные облака; тихо журчат волны, и кажется, будто это всхлипывает Дракон; безмолвны зеленые горы в печали сегодняшнего утра; спавшие на белопесчаном берегу чайки в испуге проснулись и подняли головы; остановились рыбацьи суда с зажженными фонарями.

Госпожа Чан бросила свои приношения в воду. Чарку вынесло волной на песок, и ей показалось, будто это душа Сим Чхон выбросила ее на берег...

Бесконечно опечаленная, госпожа Чан вернулась домой. На другой день, взяв с собой множество драгоценностей, она зарыла их на высоком берегу и на этом месте соорудила беседку «Мольба о дочери». Каждый месяц, первого и пятнадцатого числа, три года подряд она приходила сюда молиться и всякий раз, входя в беседку, тосковала по Сим Чхон.

Жители местечка «Персиковый цвет» очень жалели любящую и преданную Сим Чхон, которая пожертвовала жизнью ради слепого отца. Они поставили возле беседки «Мольба о дочери» каменную плиту и написали на ней:

Отца слепого исцелить желая,
Дочерний долг исполнила она;
Судьба Сим Чхон и жизнь ее младая
Владыке вод — Дракону вручена!
Река темна, покойна, величава,
В седую дымку берег погружен,—
Из года в год здесь зеленеют травы,
Чтоб люди не забыли о Сим Чхон!

Обелиск был сооружен в устье реки, и потому все мореплаватели, проплывавшие мимо, читали эту надпись и не могли при этом сдержать слез.

Суров и безжалостен мир Поднебесной. Бедному и слабому трудно сохранить в нем дарованную Небом душу и рожденное матерью тело. Даже такая любящая и преданная дочь, как Сим Чхон, в конце концов оросила горячими слезами море Имдансу. Но тот мир, куда она ушла, расставшись со всем живым,— божественный мир, в котором властвуют божественные силы. Ослепленные алчностью люди и безмолвный Будда не могли спасти Сим Чхон, но могли разве оставаться равнодушными духи моря Имдансу?

Нефритовый владыка обращается к владыкам четырех морей:

— Завтра в первую четверть послеполуденного часа в море Имдансу будет брошена преданнейшая дочь своего отца — Сим Чхон. Вы должны встретить ее, препроводить в Хрустальный дворец и, дождавшись моих указаний, вернуть обратно в мир людей. Ни одному из духов четырех морей не уйти от моей кары, если приказ не будет исполнен!

Напуганные грозным повелением, драконы — повелители четырех морей — собирают своих сановников и придворных, полководцев многотысячных войск и неисчислимых прислужниц, велят им готовить белонефритовый паланкин и ждать. Как только настала первая четверть послеполуденного часа, в море упала красавица девушка. Феи окружили ее, подхватили и хотели было усадить в паланкин, но тут Сим Чхон пришла в себя и запротестовала:

— Смею ли я, ничтожная, сесть в паланкин морского владыки?

Божественные девы в один голос объясняют ей:

— Такова воля Небесного повелителя. Если же мы не исполним ее, царству четырех морей грозит гибель. Не медлите, садитесь!

Не смея больше отказываться, Сим Чхон села в паланкин и, сопровождаемая феями, направилась в подводный дворец. Там ей была приготовлена пышная встреча. Взглянуть на девушку Сим вышли все феи и духи: Тай-и на журавле, Ань Ци-шэн на фениксе, Чисун-цзы на облаке, бессмертный старец Гэ — на льве; по обеим сторонам дороги, ведущей в замок, выстроились попарно духи в голубых и пурпурных одеждах; здесь были Чан-э из Лунного дворца и богиня Сиванму, небожительница Ма-гу, фея реки Ло и повелительница вось-

ми фэй с Южных гор. Их одежды украшены красивейшими драгоценностями; воздух напоен ароматом, гремит оркестр: флейта царевича Цяо, барабан затворника Го, флейта Лун-юй, рожок Юань Цзи и цитра Цинь-гао. От громкой музыки сотрясаются стены подводного дворца.

Сим Чхон вошла в Хрустальный дворец. Какое великолепное убранство! Янтарные колонны на пьедесталах из белого нефрита, перила из черепаховых панцирей, коралловые и жемчужные занавеси — все сверкает ярким блеском. Сам дворец — из разноцветных ракушек, словно три небесных светила, сообразующиеся с небом. словно олицетворение пяти счастливых даров у людей. Сим Чхон взглянула на восток — там на ветке китайской розы висит багряный диск солнца. Она взглянула на юг — там парят огромные грифы цвета индиго. Она посмотрела на запад — там, призывая детей и указывая перстом вдаль, шествует повелительница фэй, Сиванму, а ее сопровождает пара синих птиц. Она повернулась к северу —

«Я глянул вдаль: там ты, земля Китая,
Цепочкой горной зеленеешь!»

Она взглянула вверх —

«Исполнились заветные желания —
Народ от бед освобожден!»

Она глянула вниз —

«Прозрачным утром выхожу из дома
И слышу шум каких-то церемоний —
То духи вод — больших и малых рек —
На утреннем приеме у Дракона!»

Сим Чхон сажают за стол из зеленой яшмы. На блюдах из китайской ивы ей подают невиданные яства.

На яштарных подносах — коралловые кубки с нектаром и лotosовым пастоем, чтоб запивать сушеное мясо еди-порога; кувшины в виде тыквы-горлянки, наполненные кипяченными сливками и вином-росой, а на алмазном блюде — китайские финики, пища отшельника Ань Ци-иэна. Небожительницы прислуживали Сим Чхон справа и слева (как можно послушаться веления Нефритового владыки?), повелители четырех морей утром и вечером посылали фэй справиться о здоровье Сим Чхон, неоднократно посещали ее и всячески заботились о девушке. Каждый третий день в подводном замке устраивался в ее честь малый пир, каждый пятый день — большое пиршество.

Так проводила дни свои Сим Чхон в подводном царстве. Но вот однажды пронесся слух, что во дворец прибывает небесная фея — Юйчжэнь. Не ведая, кто это, Сим Чхон вышла взглянуть на нее. Внезапно откуда-то появилось пятицветное облако, в замке громко заиграла музыка, и вот уже с облака торжественно спускается Юйчжэнь, держа в правой руке красный цветок корицы, а в левой — лазоревый цветок персика. Ее сопровождают синие и белые журавли и танцующие павлины — вестники ее появления. Открывают шествие Юйчжэнь фэй небесного царства, позади — фэй царства подводного. Сим Чхон впервые видела подобное!

Спустившись с облака, Юйчжэнь села в паланкин и прибыла во дворец. Здесь она обратилась к Сим Чхон:

— Сим Чхон! Это я, твоя матушка!

Когда девушка увидела, что перед ней ее мать, она радостно воскликнула:

— Ой, матушка!

Подбежала к ней, обняла за шею, прижалась к ее груди и запричитала то печально, то радостно:

— Матушка! Вы покинули меня на седьмой день после рождения, и только благодаря неусыпным заботам отца я не погибла. До пятнадцати лет я не видела самого дорогого мне лица — лица матери. Все дни я мечтала встретиться с вами, и вот вы со мной, и радость моя беспрельпа! Как жаль, что отец далеко и не может порадоваться вместе с нами!

Радостная и возбужденная, взволнованная и растроганная, Сим Чхон от счастья потеряла голову. Она поднялась с матерью в башню дворца и там села рядом, прижавшись к ней, и, то касаясь лица матери, то поглаживая ее руки, все повторяла:

— Наконец-то я могу обнять свою матушку! Как я рада! Как я счастлива!

И она плакала от счастья. Растроганная ее слезами, богиня опечалилась и, глядя девушку по плечам, промолвила:

— Не плачь, дитя мое! По воле Неба я покинула мир людей после твоего рождения и чем больше думала о тяжелой жизни твоего слепого отца, тем горше мне было. Могла ли я надеяться, что ты, мой грибок, моя розинка, останешься в живых? Но Небо припило в тебе участие, и вот ты, живая, предо мной! Так и хочется взять тебя на руки. Или посадить на спину. Доченька ты моя родная! Лицом и манерой смеяться — ты в отца, а вот изящные руки и ноги — это мое! Откуда знать тебе, как ты росла в детстве? Я-то догадываюсь, как трудно было твоему отцу, он, паверно, ходил по дворам и просил молока у чужих матерей! Я думаю, он сильно постарел от такой жизни! Ну, а жива ли мамаша Квидок? Она была так добра к тебе!

— Батюшка рассказывал мне об этом. Разве могу я забыть все, что он претерпел?

И она поведала матери, как трудно было отцу, как

сама она семи лет от роду начала ходить за милостыней, как питьем зарабатывала на жизнь себе и отцу. Она рассказала и о том, что госпожа Чан, вдова сановника, позвала ее к себе и предложила стать ее приемной дочерью, о милостях госпожи Чан и о портрете, который та вселела написать. (Мать была тронута поступками вдовы.) Рассказала Сим Чхон и о том, как заботилась о ней Квидок.

Шли дни. Сим Чхон по-прежнему жила с матерью в подводном дворце. Но вот однажды мать обратилась к ней:

— Я свиделась с тобой, и радость моя бесконечна. Но у меня много поручений от Нефритового владыки, и я не могу дольше оставаться здесь. Сегодня ты расстаешься со мной и, может быть, встретишься когда-нибудь со своим батюшкой. Еще придет время нашего свидания!

Она попрощалась с дочерью и встала. У Сим Чхон сжалось сердце:

— Ой, матушка! Я думала, мы теперь долго-долго будем вместе, а вы говорите про разлуку...

Но как ни тяжело было им об этом, они не могли противиться воле Неба. Юйчжэнь поднялась, еще раз обняла дочь и вознеслась на небо. Сим Чхон ничего не оставалось, как со слезами на глазах смотреть ей вслед. Нефритовый владыка, глубоко тронутый ее дочерней любовью и преданностью, не в силах был оставлять девушку надолго в подводном дворце и потому вновь повел владыкам четырех морей:

— Посадите великолюбящую дочь в чистый, как лилия, цветок лотоса и вынесите ее туда, откуда она пришла, — в море Имдапсу.

Выслушав волю Неба, повелители морей бережно усадили девушку в белояшмовый лотос и приготовились

к выходу в море. Небожительницы всех четырех морей и восемь фэй по очереди прощались с Сим Чхон, напутствуя ее:

— Пусть ожидают вас в мире людей богатство, знатность и вечное благополучие! Живите много-много лет, преданнейшая из дочерей!

Сим Чхон отвечала им с благодарностью:

— Умершая, я снова ожила и по вашей милости возвращаюсь в мир людей. Будьте счастливы!

Сказала — и все вдруг исчезло бесследно. Сим Чхон сидела в лotosовом цветке и плыла... Куда — ей было неизвестно. Миновав ворота Хрустального дворца, она очутилась в открытом море. Кругом все тихо — ни шороха ветра, ни шума дождя. Мерно плещутся волны, в воде цветут весенние морские розы, а на берегу, где, овеваемые легким восточным ветерком, склоняют к воде свои ветви зеленые ивы, беззаботно сидит старый рыбак... Она плыла в открывающийся простор, туда, где ярче играют солнечные блики. Сим Чхон огляделась во круг: да это море Имдансу, из которого она попала в подводный дворец! О горе! Неужели это опять не сон?

Как раз в это время возвращались из плавания купцы-мореходы. Совершив жертвоприношение, они удачно закончили свои торговые дела, и теперь на мачте их корабля развевался большой флаг, а сами они весело балагурили и плясали... Войдя в море Имдансу, купцы зарезали большого быка, выкатили бочки с вином, приготовили разные фрукты и под бой барабанов начали творить молитвы. Но вот барабанный бой стихает, и старшина купцов громким голосом обращается к душе погибшей Сим Чхон:

— О преданнейшая из преданных дочерей, Сим Чхон! Ты стала духом морской пучины, и у нас нет

слов, чтоб выразить печаль и горе паше. Благодаря тебе мы возвращаемся на родину с большими барышами, но пернется ли когда-нибудь на землю твоя душа? Мы обещаем тебе заехать по пути в селение «Персиковый цвет» и справиться о благополучии твоего отца!

Старшина оросил щеки слезами, и все торговцы тоже прослезились. Когда же они взглянули на море, то увидели, что на воде откуда ни возьмись появился бутон цветка! С криками подплыли они к нему:

— Ой, что это за цветок? Лавр ли это благородный, что цветет лишь на небе, или это земной лазоревый персик? Нет, это не небесный цветок и не земной, раз он плывет по морю: значит, это дух девушки Сим Чхон!

Они начали оживленно спорить, но в это время небо заволкло белыми облаками, среди которых парил на журавле небесный посланец. В вышине прозвучал его громкий глас:

— Торговцы-мореходы! Не спорьте о том, что вы увидели,— это небесный цветок! Не говорите о нем никому, бережно возьмите его на корабль и отвезите Сыну Неба. Если посмеете ослушаться, гром небесный поразит вас и молнии испепелят вас!

Дрожа от страха, навешанного словами посланца, купцы осторожно вытащили цветок из воды и положили его в свободную каюту, отгородив ее от других помещений зеленой занавеской. Затем торговцы снялись с якоря и подняли паруса. Тут палетел попутный ветер и вмиг домчал их до столицы, где они и причалили.

В третью луну года «Кёнджин» скончалась императрица. Тысячи людей были охвачены горем. Сын Неба, скорбя душой, собирал всевозможные травы и цветы и заполнял ими свой дворцовый парк. Мпोजество

цветов посадил он и перед своими покоями. В скором времени все они буйно разрослись:

Легкая поступь красавицы
Нежит зеркальную гладь;
Осенью алом у лотосу
Время пришло расцветать!

Цвет зимней сливы, наполняя сад,
Несет волнующие вести;
Витают скрытый аромат,
Блестит рождающийся месяц!

Вельможные дети играют
Под пышно цветущею кроной;
Вокруг без конца и без края —
Пурпурное поле пионов!

Возле покоев императрицы
Землю покрыли груши цветы,
Сколько их здесь — целые горы!
Легкую дверь не откроешь ты!

Властитель государства Шу
Кукушкой стал, покинув белый свет;
Теперь он смотрит на «кукушкин цвет»
И вспоминает царство Шу!

Еще в его саду росли белые, желтые и красные хризантемы, индийская сирень, орхидеи, банановые, гранатовые и помелоновые деревья, амурский виноград, смородина, японские и корейские рододендроны, бальзамины и прочие цветы, травы и деревья. Среди всего этого великолепия, радуясь цветам, парами порхали бабочки. Сад услаждал скорбящую душу Сына Неба, цветы напоминали ему о любви...

Купцы преподнесли императору цветок лотоса. Он радовал взор Сына Неба, и потому его положили на неф-

ритовый поднос и унесли в пышные императорские покои. Шли дни, проходили ночи, но Сын Неба по-прежнему не замечал ничего вокруг, он слышал лишь удары гонга, возвещавшие наступление новой стражи...

Однажды, когда он уже в полузабытии возлежал на своем ложе, к нему, как будто наяву, спустился с облаков на журавле дух священной горы Пэплай, поклонился, сложив ладони, и молвил:

— Небесный повелитель узнал о кончине императрицы и ниспослал вам спутницу жизни. Взгляните же скорее на нее!

Не успел дух договорить, как Сын Неба проснулся. «То был вещий сон!» — решил он и, пройдясь в раздумье по опочивальне, кликнул служанку. Когда та принесла нефритовый поднос, император взглянул на цветок. Но цветка уже не было — на его месте сидела молодая девушка! Сын Неба удивился:

— Мы думали — это сон, но сон обернулся явью!

Небесный цветок вчера в наши покои проник;
Сегодня — божественной девы мы созерцаем лик!

На следующее утро император записал все, что ему пришлось увидеть ночью, и сообщил обо всем приближенным. Вскоре к нему явились три высших сановника и шесть министров, вельможи и чиновники и пали перед ним ниц. Император объявил:

— Прошлой ночью мы видели удивительный сон, настолько необычный, что решили еще раз взглянуть на цветок, доставленный нам недавно купцами. И вот оказалось, что цветок бесследно исчез, а на его месте сидит девушка, осанкой — королева. Ну, что вы думаете об этом?

Все придворные отвечали в один голос:

— То Небо, узнав о кончине императрицы, прислало вам подругу жизни. Небо нерушимо охраняет судьбу нашего государства!

Все смотрят на Сим Чхон: какая же она красавица! На ней веноч из цветов, украшенный семью алмазами чистейшей воды; платье вышито силуэтами десяти символов долголетия и иероглифами «счастье» и «долголетие»; шея обвита жемчужным ожерельем; в руках — золотой веер в виде хвоста птицы феникс; справа и слева от нее — придворные служительницы в синих кофтах и алых юбках... Казалось, будто фея Чан-э из Лунного дворца спустилась на землю.

На голове у Сим Чхон под венком — шпильки в виде феникса и бамбуковые гребни; в волосах — янтарь, ракушки, кораллы; на поясе — подвески из прозрачно-лунной яшмы в обрамлении тюльпанов; на плечах — изящные одежды танского и юаньского времени. Настоящая королева!

Прислужницы, стоявшие на ступеньках вокруг нее, напоминали о церемониях в Просторном студеном дворце. Высоко в небо поднялся купол ее шатра из сине-бело-красного шелка. В расшитых шелком одеждах Сим Чхон сидела на троне с изображением дракона, завешанном пологом из гладкого шелка. Вокруг нее — бесчисленное множество всевозможной золотой утвари, даже красные свечи вставлены в золотые подсвечники! Повсюду хрусталь, яшма, кораллы, вазы из драгоценного камня! В воздухе — парящие попарно синие и белые журавли, у ног ее — рычащий лев. По сторонам, словно стая попугайчиков, выстроилась пестрая шеренга дворцовых прислужниц. Три высших сановника, шесть министров и все вельможи и чиновники расположились по восточной и западной сторонам и, подходя поочередно к Сим Чхон, радостно приветствовали ее. Первый ми-

нистр преподнес ей шкатулку со свадебным подарком.

Посмотрите на императора — Сына Неба: у него мужественный лик дракона, выдающийся нос, пышная борода, сытый живот, наполненный плодами рек и гор. Кажется, природа расцвела, и Хуанхэ стала прозрачной — словом, это был всесовершеннейший император. На нем корона, одежды расшиты изображениями дракона, на плечах вытканы солнце и луна, блестящие, как три небесных светила, а сам он — олицетворение пяти счастливых даров!

По окончании свадебной церемонии Сим Чхон усадили в паланкин и бережно понесли в покои императрицы. Какое это было великолепное шествие, какая пышная церемония!

И с этих пор добрые деяния государыни стали известны всей Поднебесной. Ее славили все сановники, все правители и чиновники и весь простой народ:

— Долгие лета нашей доброй императрице!

Тем временем слепой Сим, потеряв дочь и лишившись покоя, день за днем проводил в слезах и вздохах. Миновала весна, наступило лето. Кругом все утопало в зелени; щебетали птицы, словно насмехаясь над Хаккю; потемнели горы; нежным стало журчание рек. Мужчины и женщины, старики и дети селения «Персиковый цвет» и окрестных сел часто навещали Хаккю, спрашивались о его здоровье, беседовали с ним. Приходили к нему и молодые девушки, игравшие когда-то с его дочерью. Они оказывали ему знаки внимания, но так и не могли развеять его печаль — ему казалось, будто это дочь приходит к нему, садится возле него и разговаривает с ним. Ни на минуту не мог он забыть ее доб-

рых дел, ее почтительных речей. Утрата дочери сделала его глухим к людскому сочувствию. Есть ли еще человек со столь печальной судьбой?

Сим Хаккю коротал дни свои в горестях и печалях — ведь Небо предназначало нам любить родную кровь. Между тем и Сим Чхон, хотя и стала знатной, постоянно горевала о своем слепом отце. Вот она сидит одиноко и тоскует:

— Жив ли мой бедный отец? Или он умер? Может, смилоствовался Будда, вернул ему зрение? Может, бродит он, как прежде, по деревне, прося подаяния?

В это время на женскую половину дворца пожаловал император. Взглянув на императрицу и увидев, что из глаз ее льются слезы, а на яшмовом лице — печаль, Сын Неба вопрошает:

— Почему лик ваш так печален? Что случилось?

Императрица опустила на колени и почтительно отвечает:

— Я выросла не в императорском дворце. Я — дочь Сима Хаккю из местечка «Персиковый цвет», что в уезде Хуанчжоу. Мой отец слепой, и его заветное желание было прозреть. Ему сказали, что если он пожертвует Будде из монастыря «Пригрезившееся облако» триста соков риса, то Будда откроет ему глаза. Но мой отец беден, и ему неоткуда было взять столько зерна. И вот я продала себя за триста соков риса купцам-мореходам из Южной столицы и была брошена в море Имдансу. По милости морских владык я не погибла, снова приняла человеческий облик, стала знатной. Слепые — самые несчастные из несчастных, с ними нужно быть особенно заботливыми. Если бы вы позволили устроить в столице пиршество для всех слепых, я могла бы найти своего родного отца! Кроме того, слава о вашей доброте разнеслась бы по всей стране...

Император одобрил ее мысль:

— Право же, вы, государыня, самая преданная и любящая дочь среди женщин!

Тотчас Сын Неба призвал своих приближенных и повелел в последний день луны устроить в столице пир для всех слепых государства. Об этом вскоре было объявлено по всем провинциям и округам, на каждой улице и в каждом переулке. Всех слепых, без различия возраста, посылали в столицу. Тех, кто был болен, лечили и направляли туда же. Всеми способами пытались проникнуть на этот пир и разные жулики, по их ловили, наказывали палками и изгоняли из столицы, куда день за днем стекались молодые и старые слепцы. Но где же Сим Хаккю? Почему он один ничего не знает?

А Хаккю в это время, разуверившись в милосердии Будды из храма «Пригрезившееся облако», потеряв дочь и лишившись трехсот соков риса, по-прежнему ничего не видел, по-прежнему оставался «слепым Симом». Он не только не вернул себе зрение, но и бедствовал с каждым днем все больше и больше.

Жители «Персикового цвета», помня о просьбе купцов и чтя память госпожи Квак, вначале не забывали о Сим Чхон и старались всей душой помочь слепому старику. Жизнь его понемногу улучшалась: он получил от корабельщиков обещанное зерно, стал пользоваться процентами с него, и это избавило его от нужды. Однако ненадолго. Жила в ту пору в селении «Персиковый цвет» одна женщина по прозвищу мамаша Пэндок, злая и жадная. Прознав, что в дом слепого Сима пришел достаток, она навязалась ему в жены и поселилась с ним под одной крышей. По натуре своей это была тварь из тварей — она сделала Хаккю еще более несчастным. Она продавала рис и покупала себе сласти, продавала рис и

покупала себе мясо. Она продавала зерно, а на вырученные деньги пила в харчевне вино. Дома она ничего не готовила, а все продукты отдавала на сторону. С пустой трубкой ходила по селу и просила табаку у первого встречного. Она ругалась с соседями и дралась со знакомыми. Днем она спала в беседке, а когда напивалась, то среди ночи принималась орать во все горло или заигрывать с мужчинами. Триста шестьдесят дней в году она ела, не закрывая рта, и высосала все состояние Хаккю, как высасывают хурму. Но слепой Сим несколько лет жил в одиночестве и не имел подружки, поэтому он, желая доброго согласия в семье, день и ночь, не щадя сил, словно исполняя за деньги тяжелую работу, старался сохранить остатки благосостояния. А мамаша Пэндок задумала тем временем промотать оставшееся состояние Хаккю и, приготовив на два-три дня еды, сбежать из дому. И день за днем пожирала она добро бедного Сима, как ворона пожирает спелый арбуз.

Однажды Хаккю позвал свою сожительницу и сказал ей:

— Послушай, у нас ведь было немалое состояние. А люди говорят: «Как плохо они живут!» Так недолго снова пойти с сумой по дворам. В нашем селе мне уже стыдно побираться, тяжело слушать упреки соседей. Что, если нам переселиться в другое место?

— Вы глава семьи. Делайте, как считаете нужным.

— Хорошо сказано! Ты задолжала кому-нибудь в селе?

— Немного.

— Сколько же?

— В ту харчевню, что за деревней, сорок лянов за водку.

— Здорово же ты пила! — заметил неодобрительно Хаккю. — А еще?

— Еще за конфеты племяннику Пультона, который живет на той стороне, — тридцать лянгов.

— Здорово же ты ела! Ну, а еще?

— Еще за табак в Аньцуне — пятьдесят лянгов.

— Ну и покурила же ты!

— Торговцу маслом двадцать лянгов.

— Куда тебе столько масла?

— Волосы смазывала!

Хаккю даже задохнулся от возмущения:

— Честное слово, это никуда не годится!

— А что, разве это много?

Так они разговаривали, и все время, пока Хаккю говорил о своем имуществе, душа его болела и скорбела за дочь. В одиночестве вышел он из дому и побрел тем путем, каким ушла когда-то Сим Чхон. Усевшись на берегу реки, он заплакал, призывая дочь:

— Дочь моя, Сим Чхон! Почему ты не возвращаешься? Если ты погибла в глубоком море Имдансу, попала на небо и встретила там свою мать, то возьми и меня к себе!

В это время к нему подошел канцелярский служака, прослышавший, что слепой Сим горюет на берегу.

— Слепой Сим! Вас требует к себе господин уездный правитель. Пойдемте быстрее!

Услышав это, Хаккю испугался:

— За мной нет никакой вины!

— Говорят, император призывает всех слепых, дает им должность и жалует дом с землей. Так что скорее идите в управу.

Служка привел Хаккю в уездную управу, и там Хаккю сказали:

— В столице устраивают пир для всех слепых. Живо отправляйся в столицу!

Хаккю отвечает:

— Как же я пойду в столицу за тысячи ли: у меня нет ни одежды, ни денег на расходы!

Все в управе знали, как живет слепой Сим, поэтому ему выдали деньги и одежду и велели скорее отправляться в путь. Хаккю — делать нечего — вернулся домой и кликнул сожительницу. А мамаша Пэндок в этот миг радовалась втайне, думая, что слепой Сим непременно утонет в реке с досады на ее мотовство и все оставшееся имущество достанется ей. Но когда Хаккю вошел в дом и позвал ее, она тотчас откликнулась:

— Да-да!

— Послушай, жена! Сегодня я был в управе, и мне сказали, что в столице устраивается пир для всех слепых и что мне тоже нужно идти. Так вот, я пойду, а ты следи за домом и дожидайся моего возвращения.

— Как же это? Вы — глава семьи — пойдете, а я останусь? Ведь говорится же: «Жена должна всюду следовать за мужем»! Нет уж, я пойду вместе с вами!

— Слова твои весьма похвальны! Может, действительно нам отправиться вместе? Знаешь, я поместил у купца Кима из села, что на той стороне, триста лянов денег. Возьмем с собой из них пятьдесят лянов!

— Что вы ерунду говорите! Эти триста лянов я уже взяла и истратила в этом месяце на абрикосы!

У Хаккю перехватило дыхание.

— Да когда же ты успела истратить их на абрикосы, когда я совсем недавно отдал ему деньги?

— Подумаешь, какие большие деньги! Стоит ли так сердиться?

— Не удивлюсь, если узнаю, что ты истратила и те, что я отдал на хранение мамаше Квидок!

А сожительница и глазом не моргнула:

— Ну, конечно, истратила и их: на хлеб да на бобовую похлебку.

Хаккю снова обмер:

— Ах ты, мотовка! Моя дочь, необыкновенно любящая и преданная Сим Чхон, уходя из дому, чтоб умереть в Имдансу, оставила мне деньги, наказывая беречь их для себя, а ты, дрянь этакая, растратила их, эти драгоценные деньги, на хлеб, абрикосы и бобы?

— А что? Разве я не могу есть то, что хочу?

Мамаша Пэндок решила схитрить:

— В прошлую луну меня почему-то все время тошнило, рис мне опротивел и захотелось кисленького...

Хаккю, наивный муж, услышав это, забеспокоился:

— Слушай, а может, ты ждешь ребенка? Но если ты будешь есть много кислого, то ведь и ребенок будет кислятина! Я буду рад, если ты родишь мне сына или дочь. Ну что ж, в таком случае мы вместе пойдем на пир в императорский дворец!

Сказав так, Хаккю стал готовиться в путь. Посмотрите, что он делает: шляпу из бамбуковой щепы с острова Чеджудо он завернул в толстый холст; надел куртку из прочного сукна; перекинул через плечо матерчатый ремень и закинул за спину дорожный мешок; завернул в платок деньги; взял в руку посох и, пропустив вперед мамашу Пэндок, последовал за ней в далекий путь. Так они отправились в императорский дворец.

Шли они, шли и достигли одного селения, где остановились в харчевне на ночлег. Неподалеку отсюда жил некий слепой по фамилии Хван, который еще в соседнем уездном городе прослышал, что мамаша Пэндок — потаскуха. Очень ему хотелось побаловаться с пей хоть разок. И вот, узнав, что она, как уже бывало раньше, приехала в это селение, Хван договорился об всем с хозяином харчевни и предложил мамаше Пэндок перейти к нему. Та подумала: «Если я пойду с Хаккю в столицу,

меня, зрячую, все равно не пустят в императорский дворец. Если же вернуться домой, меня будут преследовать займодавцы, так что домой мне никак нельзя. Ну, а если пойти к Хвану, мне будет покойно и абрикосов я поем вволю хоть один сезон. Пойду-ка я к Хвану!» И она ушла ночью к Хвану, прихватив все дорожное имущество Хаккю.

Ничего не подозревая, бедный Хаккю встал рано утром и позвал:

— Эй, мамаша Пэндок! Пойдем скорее! Чего ты заспалась?

Но женщина, бывшая уже за десятки ли, конечно, не отозвалась.

— Эй, жена! Жена!

Но как Хаккю ни звал, ответа не было. Слепой удивился. Пошарив у изголовья, он обнаружил, что поклажа его исчезла. Только тут понял он, что жена сбежала.

— А! Ушла!

Хаккю горестно вскрикнул:

— О жена! Куда ты ушла, покинув меня? Пойдем со мной! Куда же ты ушла? С кем пушусь я в далекий путь к императорскому дворцу? Кому мне довериться? Куда же ушла ты, бросив меня? О! Горе мне! Горе!

Испустив тяжкий вздох, он принялся размышлять:

— Нет! Дурак я, что думаю о такой шлюхе! Я перенес смерть умной и доброй госпожи Квак, перенес разлуку с любящей и преданной дочерью Сим Чхон, так стоит ли горевать об этой потаскухе? Дурнем я буду, если хоть раз вспомню о ней, если еще хоть словом о ней обмолвлюсь!

И все же не мог он сразу выбросить эту женщину из памяти. «Жена! Жена!» — звал он, покидая харчевню.

Вскоре достиг Хаккю другого селения. Было лето, стояла невыносимая жара. Обливаясь потом, дошел

он до реки, где в прозрачных водах барахталась шумная ватага ребятишек. До него донеслись их веселые крики.

— Эх, искупаюсь-ка и я,— решил Хаккю и, быстро раздевшись, погрузился в воду.

Через некоторое время он вылез на берег и стал шарить в поисках платья. Но какие-то злые люди, еще беднее, чем Хаккю, унесли всю его одежду. Слепой чуть не задохнулся от гнева.

— Проклятые воры! Вы соблазнились моим тряпьем! Нет никого несчастнее меня на этом свете: ни при солнце, ни при луне я не могу различить восток и запад. За что дана мне такая судьба? Уж лучше умереть и отправиться на небо! Там увижу я снова прекрасное лицо своей Сим Чхон!

Голый, в чем мать родила, сидел слепой Сим одиноко под палящими лучами солнца и горестно вздыхал. Но кто же мог вернуть ему одежду? В это время возвращался из столицы в Улин здешний правитель. Услышав возгласы: «Дорогу! Дорогу!», Хаккю радостно встрепенулся: «Вот хорошо! Сейчас я обращусь к этому господину за помощью!» И он закричал:

— Я слепой, иду в столицу. Примите мою жалобу! Правитель остановился.

— Где ты живешь, слепой? Почему ты раздет? О чем ты хочешь просить меня?

— Я все расскажу вам. Живу я в селении «Персиковый цвет», что в уезде Хуанчжоу, а иду в столицу на пир. По пути мне стало жарко, и я решил искупаться в этой реке. Но пока купался, у меня украли одежду и все мои пожитки. Вот почему я обращаюсь к вам с жалобой.

Правитель удивленно спросил:

— Ну, а что же у тебя украли?

Хаккю подробно перечислил, и тогда правитель округа решил:

— Плохи твои дела! Пожитки твои так быстро не найти. Пока я дам тебе одежду, чтобы ты мог одеться и спешил в столицу.

Правитель позвал вестового, приказал ему выдать слепому старику кое-что из вещей и добавил:

— Ты можешь надеть и военный убор, а шляпу свою отдай слепому. А ты, носильщик, отдай слепому свой подшляпник, а сам повяжи голову платком.

Когда Хаккю оделся, оказалось, что новая его одежда куда богаче утерянной. Поэтому он низко поклонился правителю и направился в столицу, продолжая сетовать на судьбу.

— Как я пойду? Как я пойду? Где буду ночевать сегодня и где буду спать завтра? Эх, сесть бы на вороного коня Чжао Цзы-луна! Тогда бы я сегодня же добрался до столицы! Сколько дней мне еще шагать на своих слабых ногах? Как добраться до столицы? Говорят:

В далекий путь уходит милый —
Застав отсюда не видеть.

Но это сказано о легконогих воинах. А как пройти слепому и слабому тысячи ли до столицы? Иду я в столицу, а что я знаю о ней? Это не подводное царство, где могу увидеть свою дочь; это не царство небесное, где могу встретить госпожу Квак, свою жепу. Нищий и больной, как доберусь я до столицы?

Вздыхая и причитая таким образом, Хаккю добрел до Аллеи зеленых деревьев. Когда он переходил Лошуйский мостик, какая-то женщина обратилась к нему:

— Путник, остановитесь на минутку! Вы не слепой Сим?

Хаккю задумался: «Странно! Ведь в этих местах меня никто не знает!» Тем не менее он тотчас ответил женщине, и та повела его за собой. Они вошли в великолепно убранный дом, перед Хаккю поставили столик с редкими кушаньями. Когда он поел, женщина сказала:

— А теперь, господин Сим, пройдите со мной в другую комнату!

— Послушайте, что вы от меня хотите? Ведь я слеп и не умею гадать и читать сутры!

— Следуйте за мной без возражений!

Хаккю подумал про себя: «Ох, как бы мне не повязали платок». Однако, ни слова не говоря, он пропел в другую комнату. Слышит — какая-то женщина почти-тельно спрашивает его:

— Вы слепой Сим?

— Да. А откуда вы знаете?

— На то есть причина. Моя фамилия Ан. Я ослепла, когда мне не было еще и десяти лет. Я выучилась искусству гадания, но до двадцати пяти лет не нашла себе суженого, сочла это за судьбу и потому не вышла замуж. Но вчера мне снился сон: будто луна на ущербе. Узнав, что ваша фамилия Сим¹, я пригласила вас к себе, чтоб породниться с вами.

Хаккю обрадовался:

— Слова ваши приятны мне, я согласен.

В эту ночь он разделил ложе со слепой Ан и вкусил краткий миг блаженства. Во сне его одолевали кошмары, и наутро он встал озабоченный. Слепая попросила его:

— Теперь мы связаны с вами навек, так поведайте же свои заботы.

---

¹ Фамильный знак «сим» тоже означает «быть на ущербе».

— Видел я сегодня сон: сняли с меня кожу и натянули ее на барабан; опали листья и закрыли корни деревьев; над высокими языками пламени роились пчелы. Все это предвещает, что я скоро умру.

Госпожа Ан задумалась на минуту и стала разгадывать сон Хаккю:

— Нет, это счастливый сон! Сняли кожу и натянули на барабан, вы говорите? Что ж, «бьет барабан в императорской столице...». Это значит, что вы побываете во дворце. Листья опали и корни закрыли — встреча дочери с отцом. Значит, вы увидите свое дитя. Пчелы роются над пламенем — значит, вам придется плясать на радостях!

Хаккю вздохнул:

— С каким же дитятей я встречу, если моя любящая и преданная Сим Чхон погибла в Имдансу?

Госпожа Ан удерживала Хаккю, но он, побыв с нею несколько дней, попрощался и снова отправился в путь.

Расставшись со слепой Ан, Хаккю прибыл в столицу. Со всех уголков страны стекались сюда слепые, ими были переполнены все постоянные дворы. Слепых было так много, что среди них затерялись зрячие. На улицах дворцовая стража, размахивая императорскими знаменами, провозглашала:

— Слепые всех провинций и всех округ! Торопитесь попасть на пир!

Их громкие голоса донеслись до Хаккю в то время, когда он сидел в харчевне. Услышав призыв, Хаккю вскочил и тотчас направился во дворец. Дворцовая стража у ворот записывала имена и адреса приходящих сюда слепых. Императрица сама каждый день просматривала списки, по имени отца не встречала. Опечаленная, сидела она в одиночестве и даже не могла дать

волю слезам — неподалеку стояли три тысячи придворных дам. Сидя на нефритовых перилах и прислонившись яшмовым личиком к коралловым занавескам, она грустила:

— Бедный мой отец! Жив ли он? Может, умер? А вдруг Будда смилостивился и открыл ему глаза, и он уже больше не слепой? А может, он заболел на восьмом десятке и потому не смог прийти? Или какое-нибудь несчастье постигло его в пути? Как жаль, что я не могу сообщить ему, что жива и стала знатной!..

Долго печалилась государыня... Между тем слепые уже вошли во дворец и уселись за пиршественные столы. И она обратила вдруг внимание на слепого, который сидел в самом конце стола, — под ухом черная родинка. Ну, конечно, это отец! Императрица призвала служанку и приказала ей:

— Приведи-ка сюда вон того слепца и скажи ему, пусть назовет свое имя и место жительства.

Поднявшись с места, Хаккю, ведомый служанкой, подошел к королеве и начал свою печальную историю:

— Я — Сим Хаккю из селения «Персиковый цвет», что в уезде Хуанчжоу. В двадцать лет я ослеп, а в сорок потерял жену и остался один с грудной дочерью на руках. До пятнадцати лет я растил ее, вскормив молоком чужих матерей. Имя ее — Сим Чхон. Необыкновенно любящая и преданная, она ходила собирать милостыню, и тем мы кормились. Прослышав однажды, что, если пожертвовать с молитвой триста соков риса в монастырь «Пригрезившееся облако», Будда откроет мне глаза, она продала себя за эту цену купцам из Южной столицы и вскоре погибла в море Имдансу. Я потерял дочь, но зрение так и не вернулось ко мне. Мне хотелось умереть, чтоб уйти от горькой судьбы, но я отправился в дальний

путь к императорскому дворцу, желая рассказать сначала о своей несчастной доле.

Седые волосы его растрепались, из глаз хлынули горючие слезы.

— О дочь моя! Сим Чхон! Где ты?

И он упал, рыдая и колотясь о землю. Императрица, еще до того как он кончил говорить, почувствовала, что на глаза ей навертываются слезы, а все тело слабеет. Помогая отцу подняться, она прошептала:

— Батюшка! Откройте же глаза и взгляните на меня!

Как обрадовался Хаккю, услышав эти слова! Обеими руками он начал тереть глаза.

— О! О! Что я слышу?! Моя дочь Сим Чхон жива? Сим Чхон жива? Если она жива, дайте же мне посмотреть на нее!

В этот миг все кругом окуталось белыми облаками, среди которых парили попарно синие и белые журавли, фениксы и павлины. Над головой Хаккю повис густой туман. И вдруг глаза его раскрылись, и весь мир, земля и небо, небесные светила предстали его взору. В испуге и радости вскричал он:

— Ой-ой! Почему мне так слепит глаза! Как огромен мир! Как прекрасны земля и небо! Я вижу лицо дочери — оно ясное и красивое и обрамлено венцом с семью драгоценными камнями.

Только теперь Хаккю понял, что прозрел. Он огляделся кругом, радуясь окружающим его предметам и краскам. Вне себя от счастья, он бросился к дочери.

— О, кто ты? Тебя видел я во сне в восьмой день четвертой луны в год «Капча». Голос твой мне как будто знаком, а вот лицо вижу впервые. Ольсигуна! Чихваджа-чихваджа! Что же произошло? Слушайте, люди! За горем следует счастье, за печалью — радость — это

сказано обо мне. О, как я счастлив! Как я счастлив! На душе у меня стало так светло, как в темной комнате, вдруг озарившейся светом. Я счастлив, словно повидал Чжао Цзы-луна в сражении на реке Шаньяншуй. Я открыл глаза — неужели я в столице, во дворце? Моя дочь Сим Чхон — императрица! Мог ли я думать об этом? Моя дочь, погибшая далеко в свирепом море Им-дансу, стала повелительницей страны! Сорок лет мои глаза были слепы и вот наконец открылись! Такого не отыщешь и в древних книгах! Хо-хо! Люди земли! Слышали ли вы о подобном чуде? Как счастлив я! Как счастлив я!

Счастливая государыня, окруженная тремя тысячами придворных дам, повела отца во внутренние покои дворца. Сам император, с лицом, озаренным радостью, пожаловал Хаккю звание «королевского тестя», одарил его чудесным дворцом, пашнями и слугами.

Вскоре были пойманы мамаша Пэндок и слепец Хван. Они понесли заслуженную кару за свои преступления.

Все жители селения «Персиковый цвет» были навсегда освобождены от налогов. Женщинам, вскормившим своим молоком императрицу Сим, пожаловали дома, а сами они были щедро вознаграждены. Подруги детства императрицы получили приглашение во дворец, и государыня лично беседовала с ними.

Вдова сановника Чана была принята императрицей как самая почетная гостья. Женщины, встретившись, обнялись и заплакали — весь мир плакал вместе с ними в эту минуту. Госпожа Чан вынула из-за пазухи портрет и развернула его перед государыней. Стихи на портрете были написаны в свое время самой императрицей. Женщины вновь обнялись и всплакнули. Даже изображение на портрете, казалось, льет слезы...

Императорский тесть Сим Хаккю посетил гору, где были похоронены его предки и жена, госпожа Квак. В восемьдесят лет он стал отцом сына, которого родила слепая Ан, встреченная им некогда на пути в столицу.

Молва о добрых делах императрицы разнеслась широко по свету. Народ славил ее, и в каждом доме росла теперь такая же любящая и преданная дочь, какой была государыня Сим.

Верная Чхунхян

Рассказывают, что во времена государя Инджо из династии Ли у правителя города Намвола провинции Чолладо был сын шестнадцати лет, Ли Моннён. Красивый, как знаменитый Ду Му, с лицом, прекрасным, словно чистый нефрит, он к тому же и стихи писал, как прославленный китайский поэт Ли Бо. Все дни юноша проводил в комнате для занятий и усердно учился.

Стояла чудесная пора цветения ив — благоуханная весна. Ликовало все живое — даже травы и деревья. У барсука появилось четверо внучат, а жаба вывела детенышей — вот какое это было время! Юноша, охваченный весенними чувствами, позвал слугу, чтобы пойти полюбоваться природой.

— Я хотел бы осмотреть места, которыми славится твоя провинция, Расскажи мне о самых красивых!

— Говорят, будто великолепный вид открывается с башни Пубёк в Пхеньяне, хвалят храм Мэвольдан в Хэджу, башню Чхусонну в Чинджу, террасу Кёнпходэ в Каннине, монастырь Наксанса в Янъяне, бухту Самильпо в Когёне, беседку Чхонсокчон в Тхончхоне, башню Чуксору в Самчхоке, беседку Вольсонджон в Пхёнхва, беседку Манъянджон в Ульджине и беседку

Чхонганджон в Кансоне. Но особенно славится по всем восьми провинциям изумительный пейзаж, которым можно любоваться с нашей башни Кванхаллу; место это по красоте уступает лишь Цзяннани.

— Если это на самом деле так, как ты говоришь, — сказал юноша, — давай отправимся к башне Кванхаллу! Хочу насладиться красивыми видами!

Вслед за слугой он весело зашагал по дороге. Он ступал легко, будто ласточка, порхающая под весенним ветерком среди нежных ив. Приблизившись к башне Кванхаллу, юноша обошел ее вокруг, потом подозвал слугу:

— Какой великолепный вид! Зачем нам стремиться к прославленной Юэянской башне и террасе Феникса или к пейзажу, который открывается с башни Желтого журавля и с террасы Гаосу?

Хитрец слуга солгал:

— Здесь так красиво, что в ясную погоду, когда рассеиваются туман и облака, сюда спускаются небожители.

— Да, здесь действительно красиво, — согласился юноша.

Был как раз праздник — пятый день пятой луны. Местная кисэн Чхунхян нарядилась, нарумянилась и отправилась покачаться на качелях. С ее прелестным обликом могла бы соперничать лишь красота весны, он затмевал пышное цветение вокруг. Брови дугой — будто темные вершины гор. А белые зубы и алые губы напоминали чуть приоткрывшийся за ночь бутон персика с каплями холодной росы. Волосы — темные тучи — она расчесала гребнем в форме полумесяца и выгравированными на нем драконами, а потом заплела в косы, широкие, как гладильные доски, и завязала фиолетовыми лентами. На ней была накидка из белого шелка, отделанная двойной строчкой, шелковая нижняя кофточка,

шелковые же короткие шаровары под верхними шароварами из белого шелка. И еще — нарядная кофточка из тонкого китайского шелка и синяя юбка, вся в мелкую складку. На голове — шелковый платок, а на ногах — нитяные носки и лиловые башмачки. Спереди к волосам были прикреплены украшения из бамбука, сзади прическу украшали золотые шпильки в виде фениксов, на пальце красовалось нефритовое кольцо, в ушах сверкали сережки в форме полумесяца — ни дать ни взять сокровища из королевских кладовых. А нефритовый ножичек был привязан к поясу пятицветной шелковой нитью, словно знак войсковой доблести у геперала, словно колчан у воинов с северных и южных границ!

Разве не восхитительно, как поднялась она легкой походкой в зеленые холмы, нарвала букет цветов, искупалась в прозрачной-прозрачной воде у девяти излучин, а потом набрала на берегу гальки и вспугнула иволгу, притаившуюся среди ив. Полная восторга, бродила она в глубоких горах. В безлюдной чаще нежными нефритовыми ручками ухватилась она за веревки от качелей и, оттолкнувшись, устремилась ввысь. На лету она постукивала одна о другую пощечками, а когда задевала ветви цветущего персика, его лепестки дождем сыпались на землю. Девушка качалась с таким упоением, что не заметила, как у нее из прически выпала золотая шпилька и с нежным звоном ударилась о камни.

А Ли Моннён тем временем любовался красотами природы, вспоминая строки стихов, и вдруг заметил, что среди зелени какая-то красавица качается на качелях. Он обрадовался и тотчас позвал слугу.

— Что это там такое?

— Где? — спросил слуга.

— Вон там, что это виднеется? Может, это фея спустилась с небес?

— Здесь не священные горы Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу,— ответил слуга,— как могла очутиться здесь фея?

— Что же это такое? Быть может, золото?

— Говорят, «золото встречается на реке Лишуй»,— заметил слуга,— а здесь ведь не Лишуй. Откуда же взяться золоту?

— Тогда, может, это нефрит?

— Говорят, что нефрит находят в горах Куньлунь, а это ведь не горы Куньлуны! Откуда же взяться нефриту?

— Тогда что же это такое? Может быть, дикая роза?

— Здесь же нет чистого морского песка, откуда же взяться дикой розе?

— Наверное, это оборотень.

— Тут ведь не крутые скалистые горы, откуда же здесь быть оборотню?

— Ну тогда что же это наконец? — разгневался Ли Моннён.

— Ах, это,— спохватился слуга.— Да это же Чхунхян — «Весенний Аромат». Дочь здешней кисэн Вольмэ.

— Прекрасно,— воскликнул юноша,— раз это певичка, нельзя ли на нее взглянуть? Ну-ка позови ее!

Слуга, причмокнув от удовольствия, наломал целую вязанку дубовых веток и направился к Чхунхян со страшным шумом, чтобы привлечь ее внимание. Подойдя ближе, он козырьком приставил руку к глазам и заорал:

— Чхунхя-я-ян!

Чхунхян испугалась и спрыгнула с качелей.

— Кто меня зовет?

— Молодой господин Ли,— ответил слуга.— Важное дело есть! Пойдем скорее!

— Вот негодник! Ты зачем меня напугал? Я не успела покачаться. Что тебе за дело, весенний ли аромат или другой какой?.. Зачем ты наболтал обо мне молодому господину Ли?

— Устроила бы свои качели где-нибудь в укромном местечке,— возразил слуга.— Сын правителя, господин Ли, захотел полюбоваться природой, поднялся на башню Кванхаллу и вдруг видит, что среди зелени твой зад мелькает. Велел сию же минуту тебя позвать. Не пойти никак нельзя! Пусть даже хлынет дождь, господин Ли все равно не уйдет отсюда, будто здесь обитель бессмертных! А ты, уж если разоделась в шелка, так не выставляй хоть наружу свою задницу. Молодой господин приклеился глазами к твоей левой ягодице — и все в Намвоне, кроме тебя, стало ему ни к чему! Разве тебе это не по праву?

Пришлось Чхунхян подобрать пестрой шелковой лентой свои косы и заколоть на затылке. Нежной нефритовой ручкой она подобрала подол синей шелковой юбки и, грациозно ступая, прижала к груди. Вслед за слугой пошла по дороге, залитой солнцем, словно большая черепаха по белому песку, будто ласточка по балке дворца Дамин. Перед входом в башню Чхунхян остановилась и почтительным поклоном приветствовала юношу. А тот, едва взглянул на нее — в глазах у него померкло, и он крикнул что было мочи:

— Эй, слуга! Так-то ты выполняешь приказание? А ну, быстро проводи барышню наверх!

Чхунхян пришлось подняться на площадку. Усадив ее, юноша обратился к ней с вопросом:

— Сколько тебе лет? Как тебя звать?

И Чхунхян нежным голоском ответила:

— Лет мне дважды по восемь, а звать — Чхунхян. Юноша улыбнулся.

— Дважды по восемь — значит, шестнадцать. Мне тоже шестнадцать, значит, мы с тобой одноклассники! Вот удача! Тебя зовут «Весенний Аромат», ты прекрасна так же, как и твое имя. До чего ж ты хороша, просто загляденье! Но пройдут годы и станешь ты вроде совы на гнилом дереве или одинокого журавля, будешь как ласточка, одиноко сидящая на веревке. А когда у тебя день рождения?

— Мой день рождения летом в начале четвертой луны, в восьмой день, в час «мыши», — ответила Чхунхян.

— В четвертой луне? — воскликнул юноша. — Да мы с тобой родились в одну и ту же луну, да нам судьбой назначено стать супругами! Досадно только, что не совпадают день и час.

Юноша, сидящий перед Чхунхян, был очень хорош собою — прямо Фань Куай, который на пиру в Хунмэне смерил гневным взглядом Сян Юя и, прищурив глаза, выхватил большой меч и исполнил танец — ну точь-в-точь старый дракон из озера Девяти драконов, который, пробудившись от сна, играет с драгоценной жемчужиной, исполняющей любые желания. Он был как тигр с белой отметиной на лбу, который утащил собаку к себе в крутые горы и забавляется с ней. Ли Моннён не мог усидеть на месте и снова заговорил:

— Я не просто пригласил тебя. Ведь, когда мы жили в Сеуле, я в третью луну, в сезон весеннего ветра, когда зеленеют ивы и распускаются цветы, в десятую луну, когда дуют осенние ветры и цветут желтые хризантемы, все дни проводил в харчевнях да в зеленых теремах, знавал необыкновенных красавиц и смотрел на время, как на легкий танец. А теперь увидел тебя — и все другое перестало для меня существовать. Душа моя пришла

в смятение, полна страстными чувствами. Пусть свяжет нас нитью Лунный старец, струна от цитры Чжо Вэнь-цзюнь. Соединим свои жизни обещанием на сто лет!

Чхунхян, выслушав его, нахмурила тонкие брови-бабочки и сказала:

— Хотя я и певичка, но душа моя чиста, как небесные ворота, что у Полярной звезды, и наложницей я не стану! Вы хотите, чтоб мы дали друг другу клятву, но я не могу уступить вашему желанию!

— Мы с тобой, конечно, не сможем исполнить все шесть свадебных церемоний,— слова заговорил юноша,— но наш союз будет настоящим! Не сто́ит зря терять время, соглашайся!

Чхунхян возразила:

— А если после того, как я соглашусь, вашему папаше придется уехать в столицу? Ведь вы тоже поедете за ним. Потом женитесь на девице из знатной семьи, и души ваши будут звучать в лад, как гусли с цитрой. разве вспомните вы тогда о жалкой наложнице, вроде меня? Не останется у меня никакой надежды, и буду я одна, неприкаянная, как желудь в собачьей похлебке. Давайте уж лучше этого не делать!

Юноша опять начал ее уговаривать:

— Если даже случится беда, и папаша отправится в столицу, неужели я брошу тебя и уеду? Конечно, я должен буду ухаживать за своей матушкой, но ты поедешь вместе со мной в повозке, запряженной парой. Яббан на ветер слов не бросает. Соглашайся скорее!

— Чего там ждать, пока тушь прокиснет или загустеет и ее придется подогрывать. Поклянитесь, как в управе, и напишите обещание о том, что никогда меня не забудете!

Юноша обрадовался, разгладил бумагу, растер тушь «слюна дракона», обмакнул в нее кисточку из шерсти

ласки и одним взмахом написал: «В такой-то год, такую-то луну и день обещаю Чхунхьян никогда ее не забыть. Желая полюбоваться природой, я поднялся на башню Кванхаллу и встретил супругу, суженную мне Небом. Все чувства мои пришли в смятение, и я заключил с ней союз на сто лет. Клянусь умереть, если когда-нибудь случится беда и мы нарушим клятву!»

Чхунхьян взяла бумагу, сложила и спрятала в карман.

— Я низкого происхождения. Если пойдут слухи и ваш папаша обо всем узнает, мне одинокой, останется только умереть. Прошу вас, будьте осторожны!

Юноша ответил на это:

— Папаша сам в молодости был гулякой, ходил в зеленые терема, и хоть сейчас он этого не помнит, но, бывало, захаживал в самые захудалые публичные дома! Так что ты не беспокойся!

Так они беседовали между собой, а под конец юноша спросил:

— Где твой дом?

Чхунхьян взмахнула прекрасной ручкой.

— Минуете ту горку и еще вон ту, потом опять будет горка, когда пройдете ее, увидите тенистую бамбуковую рощу. Там среди утунов и будет мой дом.

Проводив Чхунхьян, юноша вернулся в комнату для занятий, но душа его была полна смятений. Тогда, чтобы успокоиться, он решил заняться книгами, разложил их, но в каждой строчке, в каждом иероглифе он видел только Чхунхьян. Один иероглиф, другой... одна строчка, другая — и все Чхунхьян! Он рассердился и решил во что бы то ни стало заставить себя читать.

— «Небо — чхон, земля — чи, темный — хён, желтый — хван...» «Среди всего сущего на небе и земле самое ценное — человек!..» «Небесный государь правил

под покровительством стихии «дерево». Он придерживался принципа надеяния и воздействовал на подданных собственным нравственным примером...» В чем сущность пути Неба? Начало, развитие, выявление, завершенность — вот в чем сущность пути Неба...» «Книга обрядов» — основа человеческой жизни...» «Путь «Великого учения» — в прославлении добродетелей, в обновлении народа..., в достижении высшей радости...» «Философ сказал: «Разве не радостно учиться с постоянным упорством и прилежанием?»... «Мэн-цзы представился лянскому правителю Хуэйвану. Правитель сказал: «Вы пришли, не посчитав далекими тысячу ли. Могут ли я предположить, что у вас найдется печто, способное принести выгоду моему царству?»

«Утки, я слышу, кричат на реке предо мной.

Селезень с уткой слетелись на остров речной...

Тихая, скромная, милая девушка ты!

Будешь супругу ты доброй, согласной женой».

И еще прочитал:

— Сказано: «Изучая древность, мы находим, что государь Яо...» «Юань — суть, хэн — суть, ли — суть, чжэн — суть...» А! Неохота мне читать эти книги!

Все иероглифы у него перепутались. Иероглиф «небо» превратился в «большой», написано «Краткая история» — ему кажется — «разбой», «История Китая», а он читает «высохшая слива», «Беседы и суждения», а ему кажется «окунь», написано «Мэн-цзы», а ему мерещится «дикий мандарин», «Книгу песен» он прочитал как «шелковая штора», а «Книгу перемен — как «соломенный плащ», и неизменно всюду он ощущал присутствие Чхунхян. Он так страстно желал ее увидеть, как жаждали дождя во время семилетней засухи, как жаждали солнечных лучей во время Великого девятилет-

него потопа, как мечтают об искорке света безлунной зимней ночью. Слуги, чиновники, стражники уездной управы — все представляли перед ним в облике Чхунхян, и в домашних он тоже видел одну Чхунхян! Что и говорить, ему хотелось встретиться с ней хотя бы на мгновение! Юноша не мог усидеть на месте и, не выдержав, громко закричал, что хочет увидеть Чхунхян. Его крик услышали в управе, правитель позвал слугу и приказал:

— Сходи быстрее в комнату для занятий и раз-
узнай, почему это молодой господин не занимается,
а орет во все горло, что хочет кого-то там увидеть?

Слуга вошел в комнату для занятий и передал молодому господину слова отца.

— Скажи,— ответил юноша,— что я читал и очень мне захотелось взглянуть на песню о седьмой луне из «Книги песен», вот я и закричал «хочу увидеть».

Тут он позвал своего слугу и спросил:

— Когда же сядет солнце?

— Сейчас солнце яркое и стоит высоко,— отвечал слуга, указывая на небо.

Юноша вздохнул.

— Хлопнуть бы этот день по загривку, чтобы быстрее убирался. Привязали его, что ли, почему он так лениво уходит? Скверный характер у этого дня!

Вскоре слуга принес столик с ужином.

— Рис там или что-нибудь другое? А солнце-то долго еще собирается оставаться? — снова спросил юноша.

— Солнце село в Сяньчи, луна взошла над восточными вершинами.

Не дожидаясь, когда в управе подадут сигнал к окончанию службы, Ли Моннён тайком перелез через ограду и побежал вслед за слугой, низко пригибаясь к траве, прямо к дому Чхунхян.

Чхунхян же тем временем, прислушиваясь к шепоту в бамбуковых зарослях, полуоткрыла затянутое шелком окно и, положив на колени комунго, стала наигрывать мелодию о тоске ожидания. В этот момент Ли Моннён подошел к дверям и позвал мать Чхунхян. Та вышла.

— Да это никак молодой господин? — И сделала вид, будто испугалась. — Вот беда-то, ведь, если правитель узнает, что вы приходили, нас с дочкой до смерти изобьют! Уходите скорее!

— Да ничего не случится, — успокоил ее юноша, — давайте войдем в дом.

Он остановился перед матерью Чхунхян, а она, втайне желая пригласить его, проговорила:

— Ну, уж так и быть, зайдите на минутку.

Юноша стал внимательно разглядывать дом Чхунхян. Рядом с гостиной, в которую вели большие квадратные двери, прилепилась комната для прислуги; в ней в несколько ярусов стояли стенные шкафчики, а в кухне под потолком была пристроена кладовка. Веранда с выходом в сад, над пей изогнутая стреха, а переплет на раздвижных стенках сделан в виде буддийского знака. Украшенные картинами стены оклеены бумагой с узором в виде водяных каштанов, потолок — промасленной бумагой.

На одной картине был изображен правитель области Пэнцзэ, цзиньский отшельник Тао Юань-мин, плывущий осенней лунной ночью на лодке в Синьян. На другой — художник запечатлел эпизод из «Троецарствия»: Лю Сюань-дэ из ханьской императорской фамилии пожелал навестить учителя Во-луна — «Лежащего дракона», жившего в Наньяне, в домике, крытом травой, и отправился в путь на своем верном коне по кличке «Красный заяц», невзирая на снег и ветер. Следующая картина была посвящена Цзян-тайгуну, который бедствовал

восемьдесят лет: в камышовой шляпе набекрень он на реке Вэйшуй ожидает чжоуского правителя Вэнь-вана, забросив в воду удилище без лески. И еще одна картина изображала ученика настоятеля Юкквана — Сонджи-на в тот самый момент, когда он встретил восемь фей. Юккван развеял их души среди белых облаков, а потом опять соединил.

В виде пожелания счастья на свитках были нарисованы десять символов долголетия — солнце, журавль и другие, над кухонной дверью висело изображение духа-хранителя очага, а у входа в кладовую — золотой свиток с пожеланием счастья на десять тысяч лет. И тут и там красовались надписи: «Подношу родителям чашу с настоем травы долголетия с Трех гор», а также: «Продление жизни седовласым родителям на тысячу лет и их внукам на десять тысяч лет». У центрального входа висели таблички с надписью: «Ветры и дожди — все в свое время», «Урожайный год», у больших ворот — «Процветание и покой», и еще: «Народ живет в довольстве». Над дверью была прибита дощечка с пожеланием успешно сдать экзамены и обрести богатство. Позади дома, на восточной горке прилепилась «Беседка в горах», а у лotosового пруда перед домом — «Беседка среди лotosов», к ней вели ступени из песчаника. Здесь парами летают мандаринские утки, резвятся и плещутся в воде золотые рыбки, похожие на пиалы, цветут разные цветы и травы. На восточной и на западной стороне гнездятся белые цапли, на юге — ибисы, а на севере из тонких ветвей бамбуковых зарослей выглядывает длинноногий журавль. Повсюду цветут хризантемы, завезенные из столицы, раскинули ветви столетние сосны, коричные деревья, рододендроны — все необыкновенно красивы. Мимозы, ветви гранатовых деревьев, бересклет, разные сорта пионов, гортензий, камелий, листья бана-

пов, тонкие, как бумага, сливы весенних и поздних сортов, виноград, красные и желтые азалии, лилии и тюты — все это перепуталось и переплелось.

Потом Ли Моннён рассмотрел убранство комнат. Он увидел множество сундуков. Здесь были и сундуки с замками, добротные сундуки для платья и комод с темно-красными ящиками, туалетный столик был уставлен шкатулками для украшений, а вешалка для платья помещалась на подставке в виде куриных лапок. Рядом находился ящик для постели и корзинка с крышкой, а также шкатулка для гребней, разрисованная драконами, метелка с длинной ручкой в виде двух драконов, латунная жаровня, и перед ней тазик. И тут и там можно было увидеть подставки для светильников, а на комупго натянуты новые струны. Стояли, будто оснаживая первенство, посуда для ужина, сверкающая, как утренняя звезда, плевательница и скамеечка для ног. Разного рода шкафчики, полочки, ларь были заполнены китайским фарфором и блюдами с ободками местного изготовления.

Чхунхян быстро спустилась с террасы, взяла Ли Моннёна за руку и ввела в свою комнату. Воспользовавшись приглашением, юпоша сел и огляделся. На большой ширме был изображен Го из Фэнтяна со своим семейством, на ширме, что стояла посередине, — Ван Си-чжи, отдыхающий в беседке Ланьтин. Эта ширма загромождала двустворчатую ширму, на которой висели гусли; на ширме была запечатлена сцена охоты у варваров. На постели лежали подушка, фиолетовое одеяло и покрывало, расшитое утками-неразлучницами.

Чхунхян принесла вино, закуски и почтительно предложила гостю. Угощение поражало обилием.

На столике стояли восьмиугольные тарелочки. Были поданы вареная грудинка на черепаховом блюде и сви-

пиша — па маленьком блюде. Тут же разложены сонпхён и замечательное па вкус медовое печенье, хлебцы, выпеченные в форме цветочных лепестков, и пончики из рисовой муки. Рядом с грушами лежали чищенные каштаны, сливы. А вот на блюде красиво уложены «морское ушко», сердце, рубец, фазаньи пожки и отварная курица. Стол ломился от плодов — зеленого и черного винограда, смородины, лимонов, хурмы, яблок, гранат, дынь и арбузов. Были даже поданы куриные яйца под соевой подливкой и мед. А рядом расставлены кувшины с разными винами. Стекланный кувшин, разрисованный цветами, чуть поодаль кувшин из панциря черепахи и глиняный — с длинным горлышком. В один налито виноградное вино Ли Бо, в другой — вино Тао Юань-мина, а там — рисовое вино, тысячдневное вино небожителей и вино однолетнее можжевеловое — напиток отшельников в горах, вино из белого риса и меда с имбирем, «Алая сладкая роса» и вино «Алый туман».

Наполнив до краев чашу с вином из раковины «морского попугая», она подала его Ли Моннёну и запела застольную песню:

Выпейте, выпейте
полную чашу вина —
Тысячелетия
ваша продлится весна,
Тысячелетия
будут у вас впереди:
Влаге живительной
рад был и хапский У-ди.
Не оставляйте же,
выпейте это вино,
Сладкое, горькое ль —
пейте его все равно.
Жалок певыпивший,
напоминая скупца,

Чьи драгоценности
вдруг уплыли из ларца.
Жизнь оборвется —
кто скажет вам: «Выпей винца»?
Живы покуда —
давайте же пить без конца!
Милый вдали от меня...
Как хотелось бы мне
С ним повстречаться сегодня
хотя бы во сне.
Чувства нахлынули —
и не прогонишь их прочь,
А между тем отступила,
рассеялась ночь!..¹

Юноша слегка захмелел и попросил Чхунхян:
— Повесели меня еще!

И Чхунхян спела еще одну песню:

За домиком, крытым травой,
кукушка: «ку-ку!»
Куда мне деваться! Не скрою,
не спрячу тоску.
В «ку-ку» этих слышу с досадой
лишь «он» да «она»...
Не надо, кукушка, не надо,
лети от окна!
Незванная гостья забора,
любви не взыскай,
Лети-ка в пустынные горы
да там и кукуй!

Ли Моняён тем временем осушал чарку за чаркой и до того опьянел, что понес всякий вздор: ведь когда начинается говорить вино — разум молчит.

— Что это Большую Медведицу так скрючило? — пробормотал он.

Чхунхян показалось это скучным.

---

¹ Стихи в повести даны в переводе Г. Ярославцева.

— Луна уж опустилась, глубокая ночь, а вы все чепуху болтаете!

— Вот и хорошо! — воскликнул юноша. — Давай разденысь, и ляжем. Хотя я и немного пьян, но ведь нам не интересно просто так... Обменяемся стихами!

— Сперва вы, — промолвила Чхунхян.

Они выпили вина, которое полагалось пить молодым на свадьбе, и юноша стал читать подряд все, что знал:

День нашей встречи предопределен.
Запишем слово в стр е ч а знаком «пон».
Мы рядом сели — хорошо двоим.
Д л я х о р о ш о знак «хо» употребим.
Сто лет продлится радостный наш брак.
Знак р а д о с т и здесь — иероглиф «нак».
Вот в третью стражу, при свете луны,
Друг перед другом мы обнажены.
Д л я о б н а ж е н ь я — иероглиф «тхаль»,
Точнее знак отыщется едва ль.
В одной постели мы вдвоем поспим.
С о н обозначит иероглиф «чхим».
Мы на подушку головы кладем.
Знак «ва» для слова к л а с т ь мы изберем.
Объятья рук, переплетенье ног,
Два тела были — стал один клубок.
«Пхо» — д л я о б ъ я т и й самый точный знак,
Иначе их не выразить никак.
Слиянье в поцелуе жадных губ.
Д л я п о ц е л у я символ «не» не груб.
Я у тебя ложбинку разгляжу.
Л о ж б и н к у знаком «ё» изображу.
На выпуклость мою смотреть изволь.
Д л я в ы п у к л о с т и — иероглиф «тхоль».

Мне теперь все нипочем, как говорится, «большие кожные ворота, что вход в нору краба».

Небо и земля завертелись у него перед глазами, все смешалось, и, полный восторга, он проговорил:

— Мы с тобой связаны судьбой, вот потому и встретились друг с другом. Давай споем песню о судьбе, так, чтобы каждая строка заканчивалась словом «человек»:

Судьба захотела, чтоб в чаще зеленой
мне встретился близкий один человек.
Луна осветила высокую башню,
здесь много людей — не один человек!
Сравнил бы я нынешний век процветанья
с тем веком, что древний познал человек.
Я через дворцовую прыгнул ограду —
не встретился мне ни один человек.
За тысячи ли, на чужбине далекой,
старинного друга нашел человек.
Ветвистые ивы вокруг зелелеют —
в дороге о друге грустит человек.
Мост Лю обезлюдел, но снегом и ветром
среди ночи назад возвращен человек.

Уважаемый человек, большой человек, нищий человек, старый человек, молодой человек, многие люди связаны судьбами. Два человека соединены брачными узами и радуются бесконечно!

Чхунхян на это говорит:

— Молодой господин сочинил песню со словом «человек», а я теперь попробую придумать песню, где в каждой строке будет слово «год».

На дождь морозящий и непогоду
судьба обрекает не на сто лет.
Любому из нас ненавистна старость,
но не вернуть уже юных лет.
Резвятся фениксы — дружная пара —
им целый год угомона нет!
Вокруг пустынно, бедна природа
не мало, не много — уж сотню лет!..
Воспитывать нужно дух благородный
у тех, кто не вышел из детских лет.

Год уж в пути до границы далекой!..
Сколько же минет их, долгих лет?..
Не замечаешь, живя на покое,
куда-то вдаль убегающих лет...

Один год, десять лет, тысяча лет, прошлый год, а в этом году нас случайно судьба связала на сто лет, а сто лет — ведь это, говорят, очень много лет!

— Мы с тобою связаны любовью на десятки тысяч лет, — согласился юноша.

Час настанет с миром распротиться —
Будешь ты не феникс, не кукушка,
Не фазан, не утка-говоруха!
Станешь ты лазоревою птицей.
Я умру — и разольюсь водою:
Хуанхэ не стану я рекою,
Девятью истоками не стану —
Я ручьем Инь-Ян тебе предстану,
Чтобы ты, лазоревая птица,
На моих волнах могла резвиться.
Станешь ты кымсонскою ольхою,
Мне плющом бы стать всего верней:
Летом обовью тебя, укрою
От корней до кончиков ветвей.
Тесно перевьются ветви, плети —
Единенья истинного знак!
И тогда уже ничто на свете
Разлучить не сможет нас никак!

Так они наслаждались счастьем. Забрезжит рас- свет — прячутся по своим домам, а как стемнеет — снова встречаются и радуются друг другу. Таясь от людей, они все ночи проводили вместе.

А тем временем государь, прослышав о том, что пра- витель Намвона печется о народе и правит по справед- ливости, повысил его в должности и назначил Главой палаты финансов. Правителю Намвона предстояло от- правиться в столицу. Он призвал сына и сказал:

— Собирайся в дорогу, ты поедешь первым!

Юноша при этом известии упал духом и не знал, что делать. К горлу у него подступил комок, и он еле слышно пробормотал:

— Я сейчас, только...

Он сделал вид, будто ему нужно собрать в дорогу вещи, а сам поспешил к Чхунхян. Чхунхян выбежала ему навстречу и, едва взглянув в лицо, поняла: случилось что-то неладное. Она заплакала и стала трясти его за плечи.

— Что случилось? Почему вы так печальны?

— Нам предстоит разлучиться!

— Если мы сейчас расстанемся, неужто больше никогда не увидимся? Всякая разлука страшна, но для живого она все равно что оголь для дерева или травы. Ох, уж эта разлука! На севере и на юге разлучались государи с подданными, на постоянных дворах прощались братья, десятки тысяч ли отделяли мужей от жен и детей. Говорят, что любая разлука печальна, но разве было расставание горестнее, чем у нас?

— Зачем **ты** так сокрушаешься?

Юноша вытер лицо рукавом, но к горлу у него подступил комок, и он тоже заплакал.

— Не плачь, Чхунхян! Твои слезы терзают мое сердце, оно разрывается от печали! Не плачь! Я хотел бы всю жизнь быть рядом с тобой. И после смерти мы станем цветком и бабочкой, все три весенних месяца будем вместе. Но ведь у людей множество дел, они заняты десятью тысячами вещей... Вот и мы должны разлучиться, но не навсегда.

— Уедете вы и забудете обо мне,— сетовала Чхунхян,— для кого я буду наряжаться, что буду делать зимними ночами, летними днями? Уж лучше убейте меня, а тогда поезжайте!

— Послушай, Чхунхян, если б папаша не получил должность Главы палаты финансов, а так и остался в уезде правителем, мы бы с тобой, конечно, не расстались. Не плачь, нас с тобой связала судьба навеки, она нерушима, как зеленые горы и лазурные воды! Пройдет время, и мы опять встретимся, не давай волю грустным мыслям. Ведь наша любовь не заиндевеет!

Трудно сдержать слезы разлуки. Юноша достал из кармана зеркальце и отдал его Чхунхян со словами:

— Моя душа чиста, как это зеркало. Пусть сотни лет пройдут — она не переменится.

— Вы уезжаете, — промолвила Чхунхян, — вернетесь ли когда-нибудь? И разве на засохшем дереве распустятся снова цветы? Разве желтый петух, что нарисован на ширме, когда-нибудь закричит «кукареку», вытянет шею, захлопает крыльями? Разве горные вершины Кымгансана станут ровным полем? Может ли такое случиться, чтоб их затопила потом вода, а по воде поплыли бы лодки?

С этими словами она сняла с пальца нефритовое кольцо и отдала юноше.

— Моя верность, как это нефритовое кольцо. Оно десятки тысяч лет пролежит в пыли, но сияния не утратит. Настанет день, когда мы снова встретимся, счастливого вам пути!

Юноша на прощанье сложил для нее песню:

Счастливо оставаться я желаю,
Ты пожелай мне доброго пути.
Навек ли расстанемся мы — не знаю,
Но уезжаю, ты же — не грусти.
Проснешься — и меня не будет рядом,
Возлюбленный твой в дальней стороне,
Он помнит о тебе... Грустить не надо,
Но вспоминай почаще обо мне.

Чхунхян прочла и тоже ответила песней:

Вы говорите: «Не грусти, не надо...»
Вас провожу — надолго иль навек?
Гор между нами вытянутся гряды,
Протягут между нами сотни рек.
Но я желаю: пусть благополучен,
Спокоен будет весь ваш долгий путь.
Прощаемся — тоской мой дух измучен,
Уйдете — будет пыть от вздохов грудь.

Чхунхян за десять ли пошла провожать возлюбленного.

— Страдания мои бесконечны, — сказала она на прощанье, — забудете вы меня. Приедете в столицу, начнете учиться, а потом сделаетесь важным чиновником. Вы уж хоть тогда меня навестите, а я в безысходной тоске буду вас ждать.

— Зачем ты так говоришь, — упрекнул ее юноша, — ты лучше побереги себя и жди моего возвращения.

С этими словами он нехотя сел на коня и отправился в путь. Переехал гору — пять ли осталось позади, переправился через реку — и вот уже десять, и фигурка Чхунхян растаяла вдаль. Что поделаешь? Теперь лишь тоска его удел.

А Чхунхян, проводив любимого, долго лила слезы и глядела на север, но милый был далеко! И увидать его невозможно. Она вернулась в дом, убрала все свои наряды и румяна, плотно прикрыла раздвижные двери и затянутые шелком окна. Для нее началась безрадостная пора!

А тем временем в Намвон был назначен новый правитель. В столицу прибыли чиновники из местной управы, чтобы сопровождать его в Намвон. Правитель отдал необходимые распоряжения, а потом как бы между прочим поинтересовался:

— У вас в уезде есть некая... Ян...

— У нас в уезде нет никакой овцы, — ответил один из чиновников, — а козы есть, несколько десятков голов.

— Вот болван, — разгневался правитель, — да я говорю о кисэн по имени Яп!

— А, действительно есть певичка по имени Чхунхян, — спохватился чиновник, — однако в книге кисэн ее имя не значится.

Новый правитель удивился.

— Не значится в книге кисэн? Это еще что за новости?

— Все дело в том, что она заключила брачное соглашение с сыном прежнего правителя и теперь хранит ему верность на женской половине дома, — ответил чиновник.

— Что же это творится? — изумился правитель, — красотка пошла в паложницы? Что-то я не слыхал о таком!

Правитель собрался в дорогу к месту службы. Он выехал за Южные ворота, проехал по мосту в семь-восемь досок, миновал Чхонпха, потом — озарешное луной предместье «Бронзового воробья» и заночевал в Синсуване. На следующий день, оставив позади горы Омве, что протянулись между реками Санньючхон и Харючхон, правитель отобедал в Чинвимыи и на ночлег остановился на почтовой станции в Чхирване. Утром правитель снова тронулся в путь и, одолев немалое расстояние, прибыл наконец в Намвон. Чиновники всего уезда припарядились и вышли встречать нового правителя со всеми полагающимися почестями. В первых рядах встречающих находились военачальники и другие военные чины. Как только появился правитель, справа и слева от него выстроилась конница, за военными в несколько рядов стояли кисэн. Впереди — молоденькие, в алых юбках и

зеленых кофточках, за ними — кисэн постарше, а еще дальше — совсем старые. Чиновники наперебой спешили услужить новому начальству. Но правитель думал только о Чхунхян. После приезда в Намвон мысли о ней не покидали его ни на минуту.

Поэтому первым делом правитель изъявил желание провести смотр кисэн в надежде отыскать ее. Он положил перед собой книгу и стал выкликать по порядку. Однако имели Чхунхян в книге не оказалось. Тогда он призвал ведающего служащими управы и спросил:

— Отчего в списке нет имени Чхунхян?

— Чхунхян вышла замуж, — ответил чиновник, — и теперь хранит верность.

— Подумать только, певичка, а хранит верность, — возмутился правитель. — А ну-ка, быстро приведи ее!

Стражники вместе с чиновником, который ведал наказаниями, бросились выполнять приказание. Ворвавшись в ворота дома Чхунхян, они кликнули ее. Чхунхян очень испугалась и поспешила осведомиться, зачем они пожаловали.

— Тебя велели привести к правителю.

Чхунхян заплакала и позвала мать. А та быстро приготовила угощение и, напоив стражников, дала им еще и денег.

— Хоть тут и немного, — заметила она, — но вы уж не преминете взять, на выпивку-то вам хватит.

Стражники не стали упираться и взяли деньги.

— Мы люди честные, чего уж тут говорить. Не беспокойтесь. — С этими словами они вышли и, вернувшись в управу, доложили: — Чхунхян вот уже три-четыре луны как болеет, совсем плоха, не могли мы ее привести. Ждем ваших указаний.

Новый правитель разгневался и велел ослушников

строго наказать и бросить в темницу, а за Чхунхян послал других стражников.

— Только посмейте не выполнить моего приказа! Накажу!

Кто же осмелится нарушить приказ правителя? Стражники отправились к Чхунхян.

— Из-за тебя могут другие пострадать. Тебе ничего не остается, как явиться в управу, да побыстрее!

Чхунхян заплакала:

— Послушайте, братья, человек не знает своих прегрешений. В чем моя вина? За какие грехи вы хватаете меня?

Стражник ответил:

— Хоть нам и жаль тебя, но мы ничего не можем поделать, придется тебе идти.

Чхунхян повязала голову, надела старую кофточку и рваную юбку, обулась в стоптанные башмаки и пошла, едва передвигая ногами. Вся в слезах, переступила она порог управы. Новый правитель, едва завидев ее, вскричал громовым голосом:

— Подвести ко мне!

Стражники, толпившиеся у входа, бросились к Чхунхян, схватили ее за волосы и швырнули на пол. Правитель взглянул на Чхунхян — и сердце его дрогнуло. Она походила на драгоценный нефрит с горы Цзиншань, брошенный в грязь, на светлую луну, затянутую темными тучами. Правитель задрожал, как лист кукурузы, даже слюна изо рта потекла. Повернувшись к чиновнику, он проговорил:

— Совсем такая, как мне рассказывали!

Чиновник угодливо согласился. У него не было своего мнения, и правителю пришлось это по душе.

— Ведь ты किसान здешнего уезда, — обратился он к Чхунхян, — хорошо ли не являться на зов правителя?

— Я не подчинилась вашему приказу, — ответила Чхунхян, — потому, что стала прислуживать сыну прежнего правителя и теперь принадлежу его семье.

Новый правитель скорчил недовольную мину.

— Странно, что такая гулящая девка, как ты, рассуждает о преданности. Да моя жена в обморок упадет, если услышит, что ты решила хранить верность. Оставь эти легкомысленные речи! С сегодняшнего дня будешь служить мне.

— Пусть я лучше умру, — возразила Чхунхян, — но вам не подчинюсь!

— Не болтай ерунду, а исполний приказание! — рассердился правитель.

А Чхунхян на это отвечает:

— В старину говорили: «Верный подданный не служит двум правителям, целомудренная женщина не меняет мужей». Думаю, если бы случилась беда и наша страна оказалась во власти мятежников, вы, правитель, пожалуй, склонили бы перед ними голову.

Правитель, услышав такие слова, заметался, словно бык, которому подпалили шкуру, и велел наказать Чхунхян. Стражники подскочили, скрутили Чхунхян руки и бросили на скамью для преступников. Судья тут же огласил обвинение:

— «Ты, будучи местной певичкой, самовольно назвала себя добродетельной и благородной. Ты хулила вновь вступившего в должность правителя, ослушалась его приказа. Это неслыханное дело! Твое преступление заслуживает десяти тысяч смертей, но сперва тебя строго накажут».

— Бейте как следует, — приказал палач.

Сердце Чхунхян упало, будто весенний снег, растаяло. Палач перебрал и отбросил в сторону несколько палок для наказания. Потом выбрал одну и с силой уда-

рил сю. При этом раздался такой треск, словно разразился гром среди ясного неба.

— И теперь не подчинишься приказу? — обратился к Чхунхян правитель.

— Ни к чему говорить об этом, — ответила Чхунхян. — Пропзите меня острым мечом, разрубите на куски, режьте и жгите, а потом посыпьте раны мои солью — душа моя только пуще гневом разгорится и отлетит в столицу.

— Бейте эту девку как следует, — приказал правитель, — пока не признает свою вину!

Палач ударил два раза, выждал немного, ударил еще раз — на ногах Чхунхян, белых как нефрит, выступила кровь. Все, кто присутствовал при этом, жалели её. На нее обрушилось десять, тридцать ударов, и в голове у нее помутилось: она потеряла сознание. Тогда правитель приказал бросить ее в темницу, и тюремщик исполнил приказ.

— Разве я не знаю пяти вечных добродетелей и трех нравственных начал? — громко стонала Чхунхян. — Разве я воровала казенное зерно? Как несправедливо наказывать меня палками! За что мне надели колодки на шею и на ноги? Я не страшилась бы смерти, если бы хоть разок удалось взглянуть на любимого. Мне придется умереть в жестоких мучениях. Как это печально!

А мать Чхунхян твердила свое:

— Кому нужна твоя верность? Какое страшное наказание пришлось вытерпеть! Если б ты послушалась меня и пошла в наложницы к правителю, ничего бы этого не случилось. Все в Намвоне прибрала бы к рукам, все в уезде стало бы твоим! А верность твоя никому не нужна. Я, одинокая женщина, оберегала тебя, как золото и нефрит, думала, увижу когда-нибудь счастливые дни. Как же мне теперь не горевать?

Весть о случившемся быстро облетела весь Намвон. Проститься с Чхунхян пришли подруги и соседи, все жалели ее, принесли ей снадобья и лакомства. Все наперебой спешили помочь ей. Пока Мусук нес Чхунхян на спине до темницы, Кунпхён обмахивал ее веером, Тходжун поддерживал ее голову в канге, а Тхэпхён и Кунбин шли следом. С великим трудом они протиснулись в дверь темницы. На их суету стоило посмотреть!

Чхунхян всех отослала и, оставшись одна, заплакала:

— Как я буду страдать длинными днями, долгими месяцами! В древности знаменитый чжоуский Вэнь-ван сидел в темнице в Юли, но потом вернулся в свое царство. Если вспомнить этот пример, то, может, и я когда-нибудь покину темницу и свижусь со своим любимым?

Она опустила на циновку из мешковины и незаметно уснула. А в это время мать Чхунхян принесла ей рисовый отвар.

— Чхунхян, уж не померла ли ты? Если жива, отзовись. Почему ты молчишь?

Мать заплакала, Чхунхян испугалась и пришла в себя.

— До чего вкусная еда, — похвалила Чхунхян... — Прямо восемь лакомств! Роса в фарфоровой чаше! Но как мне развеять тоску, если придется умереть, не повидавшись с любимым? Боюсь, что дни мои сочтены. Когда я умру, заверните меня в юкчинское полотно. Есть в наших краях большие реки и высокие горы, но вы меня здесь не хороните! Перевезите мой прах в столицу и закопайте у дороги, по которой ходит мой любимый. Пусть вспомнит обо мне, когда будет проходить мимо.

— Это что еще за речи? — возмутилась мать. — Я с рождения холила и лелеяла тебя, бывало, на руки возъ-

му — боюсь, тебе больно, ветер подует — боюсь, унесет тебя. Ты же поверила какому-то мерзавцу, хранишь ему верность, бережешь свою чистоту. Теперь ты наказана за это. Ты думаешь, мне не обидно? Укроти-ка лучше свою гордыню да поразмысли, не мучайся. Пойдешь в наложницы к правителю — все уладится.

— Мама, не говорите больше таких слов, — взмолилась Чхунхян. — Время идет, зима сменяет осень, но человеческие поступки неизменны. Пусть я умру, душа моя останется чистой, как небо и земля. Вы, мама, не тревожьтесь понапрасну, идите лучше домой.

Так в тоске и одиночестве прошло несколько лун. И вот однажды во сне, как наяву, видит она, будто стоит между небом и землей дом, а над дверью повешена кукла, будто двор усыпан лепестками вишни, а большое зеркало, в которое она смотрелась, треснуло посередине. От испуга она проснулась. Необычный сон — прямо сон о Нанькэ! Видно, неспроста привиделся ей такой сон. Совсем как долгий сон в Наньяне, в хижине, крытой травой! Что бы он мог значить? «Наверное, предвещает мне смерть, — подумала Чхунхян. — Смерти я не боюсь, но если придется умереть, не повидав любимого, не сомкнутся глаза мои».

Чхунхян сокрушалась, а тут как раз мимо проходил слепой из соседней деревни, и она попросила тюремщика позвать его.

— Эй, тебя Чхунхян зовет, — окликнул тот слепого.

Слепой направился к темнице. Дорожка заросла травой, и мусор с нее не убирали. Нащупывая дорогу палкой, он моргал незрячими глазами, морщил нос и сопел, как вдруг поскользнулся на коровьем помете и упал навзничь, да прямо в собачий помет. Он приподнялся на локте и заплакал.

— Поскользнулся вот...

Тряхнул рукой и ударился о выступ тюремной стены, да так больно, что сил не было терпеть, и он сунул руку в рот. Как тут не посмеешься? Слепой подошел к дверям темницы.

— Войдите,— позвала его Чхунхян.

Слепой вошел, уселся и проговорил:

— Что толковать о твоих делах? Дай-ка я лучше ощупаю те места, по которым тебя били.

Но бесстыдник-слепой задумал дурное. Он и не собирался ощупывать ее раны, а взял и задрал юбку.

— Такая красивая, а как избили! Кто это тебя? Ким или Ли? Ты расскажи мне все, как было.

— Я хочу, чтоб вы мне погадали, что меня ждет, жизнь или смерть?

— Ты еще расквитаешься с ними.— Он опять принялся ее ощупывать, постепенно пробираясь все выше и выше и наконец добрался до самых сокровенных мест. Чхунхян стало стыдно, и она захотела надавать ему пощечин, но побоялась, что он нагадает плохое.

— Подумайте, ведь вы мне вроде отца или старшего брата, на худой конец, вроде лучшего друга. Судьба моя несчастна, мой батюшка рано скончался, и вы уж будьте мне старшим братом. Мне бы хотелось, чтоб вы погадали хорошенько.

Слепой понял ее, по, прикинувшись глуповатым, сказал:

— Ты права, между нами не может быть ничего, кроме дружбы. А может, мы даже и родня. Ведь ты приходишься внучкой родственнику Ли из нашей деревни — его брату в восьмом колене. А раз так, мы с тобой вроде родственники в седьмом колене.

Чхунхян, выслушав его, сказала:

— И все-таки вы мне не родня. Лучше погадайте как следует.

И она протянула ему деньги. Слепой сначала отказывался, ворча: «Нужны мне твои деньги!» — но потом все-таки взял и спросил, что это за сон она видела. Чхунхян в нескольких словах рассказала, а слепой, высоко подняв гадательные кости, стал гадать.

— Небо, что скажешь ты? Обращаюсь к тебе и спрашиваю! Божества и духи усопших, будьте милостивы ко мне. Скажите сейчас, в этот год, луну и день! Будет ли счастлива судьба сунругов, мужа и жены, женщины, родившейся в Намвоне в таком-то году, и мужчины, родившегося в таком-то году? В такую-то ночь ей приснился такой-то сон, разгадайте его! Растолкуйте, прошу вас! Шао Кан-цзе, чжоуский Шао-гун, Го Пу, Ли Чунь-фэп, Чжугэ Кун-мин, все великие учителя! Решите, счастье или несчастье!

Кончив гадание, он заговорил:

— Цветы опали — значит, плоды созреют, зеркало разбилось — будет много шума! Кукла висит над дверью, все люди будут смотреть на тебя с уважением! Вот что это значит. Молодой господин Ли сдаст экзамены, и вы с ним опять свидитесь!

— Разве я могу на это надеяться? — вздохнула Чхунхян.

— Завяжи тесемки на платье и не волнуйся! Все будет в порядке, — успокоил ее слепой и собрался уходить.

— Если бы получилось так, как вы нагадали, и сбылось ваше предсказание! — воскликнула Чхунхян.

А тем временем Ли Моннён, прибыв в столицу, дни и ночи занимался науками, забросил все дела — волосы, как говорится, завязал на макушке, а ноги шилом пригвоздил. Он поставил столик для занятий и стал усердно учиться. Прочел «Тысячесловие», «Четырехкнижие», «Трехкнижие» и «Сто танских поэтов». Больше других

он любил Ли Бо и Лю Цзун-юаня, Бо Цзюй-и и Ду Му. А разве сам он не обладал талантами китайских поэтов?

В стране царил мир, и урожай был богатый, ветры и дожди случались в положенное время. Все напоминало ту счастливую пору, о которой поется в песне, сочиненной игроком в жан. Государь решил устроить большой экзамен, чтобы выбрать себе талантливых помощников.

И вот Ли Моннён, прихватив бумагу для сочинения, взошел на площадку для экзаменующихся и взглянул на тему, а тема была такая: «На мирных улицах слушал песни народа». Он разгладил бумагу, растер тушь в тушечнице, сделанной в виде слезы дракона, окунул в нее кисточку из желтого волоса и одним взмахом кисти написал сочинение. Экзаменатор прочитал сочинение и отметил каждую строку красным кружком, каждый иероглиф — точкой. Сочинение Ли Моннёна было признано лучшим, и в списке выдержавших экзамен его имя значилось первым. Когда объявили об успехах Ли Моннёна, он быстро поднялся на нефритовое возвышение и поблагодарил государя за милости, а когда уходил, голову его украсили цветком корицы, облачили в синюю рубашку, а талию опоясали драгоценным поясом. В левой руке он держал белую нефритовую дщицу, в правой — красную деревянную. Кругом звучала музыка. Юноша сел на белого копя в седло, расшитое золотом, и по главной улице направился к дому. Вслед ему отовсюду неслись возгласы: «Это тот, кто первым сдал экзамен!»

После трехдневного пира юноша посетил могилы предков, а потом взошел с поклоном на нефритовые ступени. Государь сказал ему:

— Твой отец — опора страны, а пынче мы узпали и о твоих талантах. Разве это не замечательно? — и он осведомился о желаниях юноши.

Ли Мопнён почтительно ответил:

— В Поднебесной сейчас царит мир и спокойствие. По, возможно, кое-где чиновники злоупотребляют своим положением. Я готов обойти все восемь провинций, чтобы убедиться в том, что народ ваш не сетует на свою судьбу, и всюду я буду распространять ваши, государь, наставления.

Государь выслушал его.

— Слова твои верноподдажны и искренни, будешь моей правой рукой! Тотчас же отправляйся королевским ревизором по трем южным провинциям!

Ли Мопнён простился и стал собираться в путь. Он привязал к поге табличку для получения лошадей на станциях и приказал своему слуге:

— Поезжай вперед и послушай, о чем говорит народ!

А в дорогу он парядился вот так: старая рваная шляпа ценой в семь грошей на рваной подкладке, к подшляпнику старым шнурком привязаны колечки, вырезанные из тыквы-горлянки, поношенная рубашка подпоясапа бумажным кушаком ценой в пять грошей, башмаки подвязаны веревками, а лицо он прикрывал ломаным веером, от которого осталось всего три пера. В мешочке, сделанном из старого носка, лежала прожженная трубка.

Выйдя за ворота Сунне, он прошел по каменистой дорожке шириной в семь-восемь досок, миновал Пэксаджан и предместье Тонджок, по тропинке, проложенной монахами, поднялся на гору Намтхэрёп, миновал речку Квачхон, Индогвон, быстро прошел Кальмвэ, Сагырэ, «Дубовую беседку», прошел усталым шагом Чинви, Чхирвон, Сосэ, Сонхван, потом миновал перекресток в Чхонапе и почтовую станцию Чинге, прошел Токпхён, Вонтхо, Имюгвон, Кваиджон, харчевню Хвальвон, храм Мульвопса, миновал Кымган и Конджу, оставил позади

Чончхон и Носоц, прошел Ыпджин, Таккири, Ёсан, Самце, перешел через деревянный мостик и тайно вошел в город Чонджу.

Побродил по городу, послушал, о чем говорит народ, и добрался до Имсиля.

Стояла весна — прекрасная пора! Посмотришь вокруг — высятся дальние горы, громоздятся ближние горы, величественные скалы стоят стеной, ступенями поднимаются причудливые пики. Раскинули ветви высокие сосны, струятся речные воды, и утки качаются на волпах. Кукуют кукушки, кричат горные ибисы. А рябой кедровке среди голых камней не сыскать себе корма, вот и каркает она у подножия горы Тхэбэксан. Среди отвесных скал одиноко растет ясень, жуки и черви источили его так, что внутри ничего не осталось. А взгляните-ка на дятла! У него клюв длинный, туловище узкое, а хвост широкий. Он уселся против дупла на огромном дереве и «тук-тук» клювом постукивает. В той стороне все густо заросло кустами и деревьями. У одних макушки уходят в небо, другие — стелются по земле. Здесь кедры и абрикосы, ивы свешивают ветви, тут и высокие сосны, и раскидистые дубы, вязы, березы, тамариск — все это перепутанное, переплетенное и в сплошном хаосе выросло ступенями. Друг против друга стоят две высоченные ольхи, а за ними еще двенадцать деревьев. Вот абрикосовое дерево тоскует без любимого, а у четочника листья сцеплены друг с другом, горец красивый облепил все скалы. Деревья не похожи одно на другое: тутовое — это одно, кедр же — совсем другое. Ясень называют простолудином, а кипарис — янбапом.

Полюбовавшись природой, юноша двинулся дальше и за поворотом дороги увидел рисовые поля, на которых работали крестьяне; одни пахали, другие высаживали

рассаду. Все напоминало те счастливые времена, о которых поется в песне, сочиненной игроком в жан.

Крестьяне мы. В дни мира и затишья
Пахать поля, сажать рассаду вышли.
О чем в полях поют крестьяне — встарь
Любил послушать Яо-государь.
Был мир, и пели пахари об этом.
Мы тоже Яо следуем заветам.

Иль-ноль-ноль-сансадэ!

Крестьянин — сыт, крестьянин — весельчак...
И десять тысяч лет да будет так!

Оль-ноль-ноль-сансадэ!

Шунь-государь посуду сам лепил,
Сам землю на горе Лишан рыхлил.
Шэнь-нун принес крестьянам облегченье:
Плуг, говорят, его изобретенье.
Был царь похож на пахаря во всем...
Мы ж с голоду язык во сне сосем!

Оль-ноль-ноль-сансадэ!

Циновкой служит нам простой мешок,
Сосновый сок нам — лотосовый сок!

Оль-ноль-ноль-сансадэ!

Пока они пели, ревизор прикрывал веером лицо, а как только песня кончилась, он окликнул крестьян:

— Эй, мужички, мне надо бы поговорить с вами кое о чем!

Крестьяне оставили работу и распрямили спины, а один подошел к нему.

— Горы здесь дикие, откуда ты взялся? Чего тебе надо? Ух, какой страшный, будто под скалой валялся.

Тем временем другой крестьянин предостерегал своих собратьев:

— Я слышал, будто в наши края послан ревизор. Вы лучше не грубите этому человеку. По-моему, он совсем не так уж прост. Надо говорить с ним поучтивее!

Ли Моннён, услышав это, отметил про себя:

«Стар, а догадлив!»

— Ну, а как у вас правитель правит? — снова спросил он у крестьян. — Не чинит ли зло народу? А еще, правду ли говорят, будто он сластолюбив и взял к себе в наложницы Чхунхян?

Крестьянин разозлился.

— Плохо ли, хорошо ли правит наш правитель, по попробуй-ка сломать этот дуб!

— А что слышно о делах в управе?

Крестьянин громко захохотал.

— Да они там, в управе, все друг друга покрывают. А сам правитель, уж не знаю, жаден он или нет, да только у народа отбирает и рис и хлопок. А еще он развратец, но Чхунхян, стойкая как железо и камень, не пошла к нему в наложницы и за это жестоко наказана. Сын прежнего правителя уехал — и никаких вестей. Хотел бы я знать, куда этот негодяй запропастился?

— Нечего болтать! Что ты знаешь о чужих делах? — рассердился Ли Мошён и отвернулся. А крестьянин подумал: «Что-то уж слишком разобиделся господин».

Юноша отправился дальше, а крестьяне снова взяли за мотыги и запели песню «Саньюхва».

Кому наказание — судьба,
а кому — и награда:
Достаток в еде и одежде,
безделье, утехе;
За вины из прошлых рождений
платить им не надо...
Другим выпадают
четыре злосчастные веки,
Весь век не избавиться им
ни от бед, ни от мук.
Богатство и бедность,
и радость и горе вокруг!

А молодые парни пели такую песню:

Наша-то девчонка — загляденье
Парню из соседнего селенья!..

Да, удивительны дела людские под этим равнодушным небом! Юноша стоял и рассуждал сам с собой: «Вот того мальчишку еще кашей кормят, а этот еще не женат, работает всюю!»

Он посмотрел вдаль: там воды реки Хапхасу вливаются в реку Хансу. Соединяясь в бурливом кипении, они, грохоча, пизвергаются водопадом. Цветы распускаются и опадают, под порывами ветра облетают листья. Разве все это не удивительно?

Он еще прошел по дороге. За поворотом у харчевни сидел пожилой человек лет пятидесяти, плел веревки из травы и пел песню «Полжизни прошло»:

Полжизни минуло,
уж молодость мне не вернуть,
Но мне не по праву
и дряхлости близкой картины.
На волосы гляну —
«Еще постарел ты чуть-чуть», —
Все снова и снова
нашептывают мне седины.

Веревочки он плел тонкие-топкие. Ли Моинён попробовал заговорить с ним, но старик не отвечал, а только оглядывал его с ног до головы. Допев до конца песню, он проговорил:

— Послушай-ка, в пословице сказано: «При дворе первое дело — чип, а в деревне — старшинство». Смотрю я на тебя, ты что же, не знаешь, что полагается здороваться?

— Простите, пожалуйста. Я только хотел спросить у вас об одном, — стал оправдываться юноша, — мне вот довелось услышать, будто здешний правитель сластолю-

бив, взял к себе в наложницы Чхунхян, и та живет вольготно. Правда ли это?

Старик сделал недовольное лицо:

— Не смей пачкать такой сплетней нашу Чхунхян, стойкую, как сосна и кедр. Что и говорить, правитель, копечно, развратен, но Чхунхян не пошла к нему в наложницы и за это брошена в темницу. Наверное, скоро духом станет. А молодой господин Ли — этот сын разбойника — кипул такую девушку и даже не придет ее проведать. Разве сыщешь па свете еще таких сыновей крысы, сыновей кошки?

Юноша выслушал старика, и думы о Чхунхян стали еще больше мучить его. Один час стал для него все равно, что три осени. Он быстро одолел оставшуюся часть пути и вошел в Намвон. Прислушался, о чем шептались люди на улицах. Среди чиновников поднялся переполох. Даже в дуновении ветра им слышалось: «Ревизор приехал!» В управе спешно приводили в порядок давно забытые книги с записями податей и рисовых ссуд и теперь с участка земли в четыре кёль брали уже по одной мере зерна, а с шести кёль — по три меры. На западных и восточных складах ни с того ни с сего стали раздавать в долг рис, войлок и бумажные ткани, а ведающий чинами и казначей, трясаясь от страха, исправляли в книгах неправильные записи.

Разузнав обо всем, Ли Моннён отправился к дому Чхунхян. Ступени его поросли зеленой травой, она стелилась вдоль перил, платан, росший в садике, изъели черви, изгородь повалилась, наружные постройки обрушились, внутренние покосились, и стропила торчали наружу, а двор так зарос, что не видно было дорожек. У кого не защемит сердце при виде такого запустения? Ли Моннён заглянул во двор: мать Чхунхян варила похлебку в котле и лила слезы.

— Что за горькая у меня доля! Я рано осталась сиротой, потом потеряла супруга, а на старости лет лишилась и дочери. Доверилась этому проклятому молодому Ли! Отчего все так получается? О небесный владыка, обрати же на нас свои взоры!

Юноше Ли стало жаль ее, и он со вздохом проговорил:

— Сейчас у вас такая беда, но разве не настанут добрые времена? — и он окликнул мать Чхунхян. Та встрепенулась.

— Кто это? Кто пришел ко мне в такую трудную пору?

Она вышла посмотреть.

— Видно, нищий. Глаз у него нет, что ли? Не видит разве, какая здесь бедность? Была у меня единственная дочь, и ту бросили в темницу, вот и пришлось все распродать. Нечего мне подать, проходи мимо!

Юноша усмехнулся и снова окликнул:

— Что же это, мамаша Чхунхян не узнает меня?

— Да кто ты такой? Ким Гвоннён, что ли? Покажись хоть! Не пойму, кто это.

Тогда юноша сказал:

— Это молодой господин Ли пришел.

Мать Чхунхян стала пристально всматриваться и вдруг спохватилась.

— Лицом и на самом деле молодой Ли, но по платью — нищий из нищих! Очень странно. Что случилось? Ох, беда! Кому можно показаться в таком виде? Будто синее море стало тутовым полем, а тутовое поле превратилось в синее море! Отчего так все переменялось? Вот беда-то! Теперь из-за вас моя дочь Чхунхян умрет в темнице. Дни и ночи мы с ней надеялись на вас, господин Ли, только вас и ждали, а вы являетесь в таком виде! Что же с нами теперь будет?

Юноша прикинулся, будто ничего не знает, и стал спрашивать, что случилось. Мать Чхунхяп расплакалась и принялась рассказывать все по порядку.

— Так быстро все переменялось! И моя судьба оказалась несчастливой. Экзаменов я не сдал, и дела мои весьма плачевны. Вот я и решил отправиться в путь, теперь пришел к вам, не посчитав далеким тысячу ли. Пойдемте к Чхунхяп!

Матери Чхунхяп ничего не оставалось, и она отправилась вместе с юношей. Невыносимо смотреть, как он едва плетется по краю дороги, в рваной шляпе и соломенных сапдалиях! Он даже от ветра качался, словно больной. Они подошли к воротам тюрьмы и позвали Чхунхяп.

— Вот беда-то! Мы все падеялись, а вот что вышло! Смотри, к тебе пиций с улицы Колоколов пришел! Посмотри, глупая девчонка!

Тут юноша разгневался и прогнал мать. Он подошел ближе к темнице и снова окликнул Чхунхяп.

А Чхунхяп совсем упала духом, положила голову на колодку и задремала, но, когда ее позвали, встрепенулась.

— Кто это меня ищет? Может быть, это Чао-фу и Сюй-ю — отшельники с реки Иччуань — пришли побеседовать о мирских делах? Или это духи знатоков вина приглашают меня разделить с ними застолье? А может, это Бо-и и Шу-ци, что жили в горах Шоуянишань, призывают меня умереть, сохранив верность, или Э-хуап и Нюй-ин зовут меня вместе пойти к супругу Шупю? А может, Ли Бо желает побеседовать со мной о стихах, или ищут меня четыре седовласых старца с гор Шаншань, чтобы в шахматы поиграть? Может быть, это фея Ма-гу со священной горы Тайшань хочет, чтоб я окликнула Сукхян? Кто же меня зовет?

Тут юноша снова позвал ее. На этот раз Чхунхян узнала его голос и опьянела от счастья. Она с трудом поднялась и расчесала волосы.

— Во сне это или наяву? — волновалась она, — как он разыскал меня здесь? Может, он спустился с небес? Или прилетел на облаке? Может быть, он все это время был занят по службе и потому не приходил? Говорят,

«Летом облака узорные
похожи на вершины горные...»

Может, вы не приходили, потому что те горы слишком высоки?

«Весною от разлившейся воды
вздуваются и реки и пруды...»

Может, вода преградила вам путь? Почему от вас даже весточки не было? Ведь я могла умереть, и тогда мы встретились бы только на том свете. Теперь мы свиделись, и радость моя безмерна, счастьем нет границ! Словно пролился дождь во время семилетней засухи, словно засияло солнце во время великого потопа. Какая радость! Ваши слова вернули меня к жизни.

С трудом переставляя ноги в колодках, она подошла к тюремной двери и попыталась выглянуть наружу.

— О, желанный меня зовет! Сейчас увижу лицо любимого!

Юноша Ли подошел ближе, Чхунхян приникла к щели в дверях. Она вздыхала, проливая слезы.

— Неужто это мой любимый? Почему вы в таком виде? Вы теперь пищий, а я умру и стану духом. Отчего Небо так безжалостно ко мне?

— Моя судьба тоже сложилась неудачно, — ответил ей юноша, — мне не повезло на экзамене, вот я и стал таким. На кого посетуешь? Но союз наш крепок, я не посчитал далекой дорогу в тысячу ли и пришел к тебе.

Зачем горевать? У нас с тобой судьба несчастливая, поэтому все так и получилось, но вот увидишь, наступят и хорошие времена! Не печалься, будь спокойна!

— Какое горе! Какое горе! — сокрушалась Чхунхян, — почему я так несчастна? — Она позвала мать.

— Нечего меня звать! — сказала та. — Дни и ночи я надеялась, а теперь и надеяться не на что. Зря мы ждали. Разве случалось еще с кем-нибудь такое несчастье?

— Не надо так говорить, — сказала ей Чхунхян, — в пословице сказано: «Пусть даже небо обрушится, все равно можно пайти лазейку, чтобы спастись!», «И от смертельной болезни есть снадобье!» Не надо так убиваться, сделайте лучше то, о чем я вас попрошу. Возвращайтесь домой и ухаживайте за господином. Приготовьте ужин и как следует его угостите. Постелите ему постель в спальне и убаюкайте, как баюкали меня в детстве. Продайте оставшиеся у меня вещички — шпильки, куски шелка и справьте господину хорошее платье.

— А вы, — обратилась она к юноше, — идите, пожалуйста, ко мне домой и отдыхайте спокойно. Завтра будет день рождения правителя, и, когда кончится пир, меня казнят.

Голова ее в канге задрожала, а Ли Монцён, попросив ее успокоиться, ушел вслед за матерью Чхунхян. Когда они миновали поворот дороги, мать спросила его:

— Что вы собираетесь делать?

А юноша ей в ответ:

— Хотя вы и плохо обо мне думаете, но я все же переночую у вас, а завтра куда-нибудь уйду. Так что не беспокойтесь.

Он пришел в дом Чхунхян, переночевал, а на следующий день на рассвете отправился к воротам управы.

А там вовсю шла подготовка к празднику. Посмотрите, как распоряжается начальник стражи. Он велел прибрать комнаты в управе и высоко натянуть тент, похожий на облако. Расставили ширмы с нарисованными на них пейзажами, зверями и птицами, расстелили циновки, затканые цветами и травами, расставили лампы под шелковыми абажурами, посуду для вечерней трапезы, плевательницы и пепельницы. Первыми прибыли на торжество высшие чиновники из ближайших уездов, потом появились старые кисэн в сопровождении молодых учениц, в пестрых платьях. Столики были заставлены угощениями, и отовсюду, словно звон нефритовых подвесок, неслись звуки гуслей, цитр и других инструментов. Кисэн исполнили танец «инчхум», потом — танец с мечами. Комуно напоминали лодки, и когда музыкантши играли, инструменты слегка покачивались, словно лодки на волнах.

Юноша тоже захотел войти в зал, где происходило пиршество, но его вытолкали за дверь.

— Ваше веселье кончится слезами, — проворчал он, — ну а пока веселитесь взолью! Ловко я вас проведу! В штаны от страха паложите! — И он усмехнулся.

Вскоре послышался стук — начали играть в ют. Юноша сердитый бродил вокруг управы, а тем временем стражник, что стоял у ворот, отлучился по малой нужде. Ли Моннён воспользовался этим, прошмыгнул внутрь и вошел в зал. Правитель, заметив его, рассердился и, подозвав стражника, приказал выпать вон. Тотчас выскочили стоявшие неподалеку стражники, схватили юношу за шиворот и поволокли наружу. Сдержав свой гнев, юноша снова стал прохаживаться возле ворот управы, соображая, как бы ему пробраться внутрь. Тут он заметил позади управы отверстие в ограде, закрытое мешком из-под риса. Он тихонько пролез туда

и, поднявшись во флигель, обратился прямо к правителю:

— Я оказался в вашем городе случайно, нельзя ли мне отведать кушаний с вашего великолепного стола?

Правителю это не понравилось, а военачальник из Уибона засмеялся:

— Я ничего не имею против, если вы сядете слева.

Юноша Ли уселся и быстро очистил весь поднос. Тогда военачальник из Уибона приказал принести столик с вином и подать Ли. Слуга налил вина и подал юноше, но тот не взял.

— Пусть какая-нибудь из здешних кисэн споет «Застольную»! Не интересно пить вино без застольной песни. Я человек холостой. Выберите-ка мне среди кисэн самую хорошенькую!

Правитель, услышав это, возмутился.

— Экий мерзавец! Из-за уибонского военачальника приходится смотреть на этого противного оборванца.

А военачальник засмеялся и велел одной из кисэн подойти к пищему. Та неохотно поднялась и приблизилась к юноше.

— Начинай-ка,— сказал ей юноша,— у меня без застольной песни вино в глотку не лезет!

Кисэн налила вина и запела:

Выпейте, выпейте
полную чашу вина —
Тысячелетия
ваша продлится весна,
Тысячелетия
будут у вас впереди:
Влаге живой
рад был и ханьский У-ди.
Не оставляйте же,
выпейте это вино.

Сладкое, горькое ль —
пейте его все равно...

— Прекрасно! — воскликнул юноша Ли, — спой еще!
И она снова запела:

Твои дела разъединили нас,
Одна в постели я не сплю — дрожу!
Я без тебя тоскую каждый час,
Кому о чувствах горьких расскажу?

* * *

Луна взошла на небосклон,
Был ею так Ли Бо пленен.
Давно в живых поэта нет,
Зачем, луна, струишь ты свет!

* * *

Я не рано очнулась
от весеннего сна,
Плотный шелк занавесок
убрала от окна.
Распустились цветы,
ярко двор расцветив,
И застыли в них бабочки,
крылья сложив.
Густо ивы у скал
над рекой разрослись,
И зеленый покров
пад потоком навис.

* * *

Седовласый рыбак
поселился у самой воды.
Говорит, что привольнее здесь,
что в горах, мол, тесней...
Быстро лодку спускай,
принимайся в отлив за труды,
Скоро станет вечерний прилив
все слышней и слышней.

Чи-гук-чхон, чи-гук-чхон,
оса-ва!..
Вот он лодку толкает,
Упираясь ладонями в нос.
И плечо рыбака
высоко над другим поднялось.

* * *

Не стану ловить тебя, белая чайка,
не улетай от меня.
Увы, государь от меня отвернулся,
лишь ты — утешенье мое.
На белом коне с золотою уздечкой
среди цветов поскачу.
У пяти зеленеющих ив прекрасна
в пышном цветенье весна.

* * *

Среди молчаливых зеленых гор,
У хлопотливых лазурных вод,
В порывах свежего ветерка,
Под ярким светом вольной лупы,
Все хвори и немочи миновав,
Спокойно до старости доживу.

* * *

Всем звездам Большой Медведицы
На тоску, на разлуку жалуюсь,
Только звезды не отвечают мне,
Встречу ль я моего любимого.
А рассвет все близится, близится,
Я в стихах изливаю жалобы.
Может, другом моим, утешителем
Станет утренняя звезда...

После того, как она пропела песни, гостям подали яства. Перед Ли Моннёном поставили покосившийся столик с отломанными углами, на котором стояла миска лапши, кусок хлеба, кусок говяжьей грудинки, жужуб и

каштан. Ему подали почтительно, как мишистру, но он разобиделся и обеими ногами опрокинул столик. Все сидящие почувствовали себя неловко, но юноша разошелся, он размазал рукавом пролитое вино и стряхнул прямо на столик сидящим слева. Какой ужас! Все лицо правителя оказалось забрызганным. Правитель поморщился.

— До чего же отвратительны люди! Это из-за унбонца меня так оскорбили. Зачем я только послушался его?

Но тут заговорил Ли Моннён:

— Родители позаботились обо мне и обучили грамоте. Я славню попиравал здесь, и с моей стороны было бы невежливо уйти просто так. Вы ничего не имеете против, если я по заданной рифме сочиню стихотворение?

Сидящие слева пазвали рифму:

— Плоть — «ко», высокий — «ко».

Ему дали тушь и кисточку. Ли тотчас написал:

В кубках точеных искрятся вина,
кровью людской отливая.

Множество яств на нефритовых блюдах —
это же плоть живая!

Капает воск со свечей горящих —
слезы народные льются.

Громкие песни звучат повсюду —
стоны людей раздаются!

Сидящие слева прочитали стихотворение и принялись размышлять, а унбонец только взглянул, как сразу догадался, в чем его смысл: «Прекрасное вино в золотых бокалах — это кровь тысячи людей, прекрасные кушанья на нефритовых блюдах — это плоть тысячи людей, воск, капающий со свечей, — это слезы народа, а там, где громко распевают песни, громко ропщет народ».

«Критикует правление и печется о народе — это подозрительно. Некогда привратник Чжоу оказался пер-

вым среди тридцати шести, надо бы и мне пораньше улизнуть», — решил он и сказал правителю:

— Завтра у меня день раздачи риса крестьянам. Я не могу дольше веселиться с вами, мне пужно идти, — и он ушел.

Тут слуга ревизора вынул ревизорский знак и, поступав в ворота, заорал:

— Прибыл тайный ревизор!

Вся управа всполошилась. Началась паника. Ломали хэтым, флейты, перебили комунго и барабаны. Высокие чиновники, словно мыши, бросились врассыпную. Правитель Имсиля, пытаясь надеть шляпу вииз донышком, завопил:

— Кто заткнул отверстие в шляпе? — и как бешеный выскочил наружу. Правитель Чонджу в этой неразберихе уселся на лошадь задом наперед и заорал слуге:

— Куда девалась голова у лошади?.. А... наплевать, поехали быстрее!

Правитель Ёсана до того напугался, что схватил себя за чуб и принялся сам себя тузить.

— Ой, меня кто-то поймал, — кричал он. — Бежим скорей!

Поднялась страшная суматоха. Правитель Чогый наложил в штапы, ведающий чинами упал в обморок, а уездные чиновники обмочились. Сам правитель Намвона затрясся от страха и, бормоча: «Того гляди, и у меня голова кругом пойдет. Мы тут все потонем в дерьме», — выскочил вон.

А тем временем ревизор отправил во дворец допесение, и намвонского правителя отстранили от службы. После этого он все в управе привел в порядок, разобрался в делах правления, а потом приказал привести узников и прежде всего — главную преступницу Чхунхян.

Тюремщик привел Чхунхян. Она держалась за кангу и громко причитала:

— Я так просила молодого господина хоть сегодня поддержать мне кангу, но он, видно, замерз и куда-то ушел. Сейчас будут решать, жить мне или умереть, а его нет. Не случилось ли с ним какой-нибудь беды? — и она опять заплакала в голос.

Стражник подошел к Чхунхян и сказал:

— С сегодняшнего дня ты по приказу правителя поступаешь к нему в наложницы. Приготовься к этому!

— У меня брачный союз на сто лет с сыном прежнего правителя, — возразила ему Чхунхян, — я не подчинюсь его приказу!

Тогда к ней обратился ревизор:

— Гулящая девчонка, а хочет быть целомудренной! Интересно, отчего это ты, подлая кисэн, поверила молодому господину и теперь хранишь ему верность? Станешь моей паложницей! И разговаривать нечего!

— Какой бы я ни была подлой, — возразила ему Чхунхян, — но не пойду наперекор самой себе, особенно теперь, после такого жестокого наказания! И вы, правитель, даже не пытайтесь меня сломить! Воля моя неизменна!

— Разве не прекрасна твоя верность?! — воскликнул ревизор и приказал находившимся поблизости кисэн снять с нее кангу.

Разве кто-нибудь осмелится не повиноваться его приказанию?! Кисэн подбежали и разломали кангу.

— Подними голову и взгляни на меня! — обратился к ней ревизор.

— Не стану я смотреть на вас, — промолвила Чхунхян в ответ, — и говорить больше не буду, лучше убейте меня! Исполните последнее желание несчастной!

Ревизор пожалел ее.

— Как бы тебе ни было противно, подними глаза хоть на одно мгновение и взгляни на меня.

Чхунхян прислушалась к его голосу, заколебалась и, подняв голову, взглянула: это был молодой господин Ли! В порыве радости она подбежала к нему.

— Какое счастье! Разве случалось когда-нибудь такое? В древности даже Хань Синь жил на средства прачки и терпел лишения, а потом стал полководцем при династии Хань. Кто мог заранее это предвидеть? Цзянтайгун тоже бедствовал восемьдесят лет и удил рыбу на берегу реки Вэйшуй, а потом стал первым министром при государях Чжоу. Разве можно о таком зпать заранее? И кто мог подумать, что любимый, явившийся в облике нищего, окажется ревизором? А могла ли я знать, томясь в темнице, что нынче встречу с любимым и увижу белый свет? Какое счастье! Мой супруг — ревизор! Не сон ли это? Радость моя бесконечна и вы, любимый, тоже радуйтесь! Вчера нищим приходил на меня посмотреть, а сегодня стал ревизором — разве могла я об этом знать заранее?

Она плясала и прыгала от радости. Тут пришла ее мать с рисовым отваром.

— Если уж так обернулось дело,— сказала она,— может, и мое имя занесут в книгу хранивших целомудрие? Ох-ох, досада-то какая! Случались ли у кого-нибудь такие неприятности? Некогда верный подданный Цюй Юань, потерпев неудачу в своих надеждах, бросился в реку Мило и погиб. Бессмертные Бо-и и Шу-ци, храня верность, умерли голодной смертью в горах Шоуяншань. Если б ты последовала их примеру, тоже стала бы знаменитой женщиной. Лучше бы ты бросилась в реку Сян и погибла! — И она с плачем подошла ближе. Тут все чиновники, увидев ее, бросились поздравлять.

— Какое счастье! Какое счастье!

— Что случилось? — спросила с удивлением мать Чхунхян и заглянула в щель в воротах. Тут она подпрыгнула от радости, посуду с рисовым отваром отбросила чуть ли не за десять ли и захлопала в ладоши.

— Эх, хорошо! Когда еще под небесами случались такие необыкновенные дела? И я-то, старая, ли к месту затесалась сюда, вроде коралловых бус, нанизанных на палочку для янтаря, или красных бус в прическе старика, будто ячменное зерно в треснувшей ступе, словно суп в дырявом котле! Чхунхян попала в ревизорши! А мать Чхунхян — теща ревизора! Правда это или нет? Какое счастье! — В безумной радости она пустилась в пляс. — Эх, хорошо! Какая радость! Как хорошо! Сначала покинул мою Чхунхян и уехал, а теперь вернулся. Радость мою не измерить, счастье — бесконечно! Пусть у каждого из вас так оставляют дочерей! А если ваши дочери так же преданны, как моя, то и вы скажете, что справедлива пословица «Не радуйся рождению сына, а радуйся рождению дочери».

Пока она радовалась, намвонскому распорядителю церемониями приказали приготовить все для пира. Все веселились и поздравляли Чхунхян. Ревизор рассказал ей, как он учился, как сдал экзамен и пожелал стать ревизором. Чхунхян поведала ему о своих страданиях. Пир продолжался весь день. А потом ревизор призвал слепого и дал ему много золота да похвалил за то, что правильно пагадал, тюремщика за усердную службу наградил провизией. На следующий день после пира он закончил все оставшиеся дела и отправился с ревизией дальше.

Государь, прослышав об этих делах, порадовался.

— В древности много было таких, кто хранил вер-

пость, нынче же это случается очень редко. Какая прекрасная история!

Государь возвеличил Чхунхян и пожаловал ей титул «преданной жены». А ревизора похвалил за усердную службу и щедро наградил. Сто раз поклонившись государю и поблагодарив его за милости, ревизор вместе с Чхунхян покинул столицу. Родились у них сыновья и дочери, и вместе они прожили в радости сто лет.

Вообще такая необыкновенная верность и у замужних-то женщин встречается крайне редко, а тем более у певички — вот что здесь главное! Я записал вкратце эту историю для того, чтобы такая необыкновенная верность служила назиданием для потомства. А еще, те мужи, что служат государю, ни в коем случае не должны забывать о своих обязанностях!

Корейские повести XVII—XIX веков

Когда читаешь художественное произведение, то оказываешься в особом, созданном воображением писателя мире. Этот мир может быть условен или реален, но он всегда целостен и все элементы в нем составляют единую художественную систему. Когда этот мир близок читателю по времени и месту, где происходит действие, он не требует особых пояснений. Но когда перед ним произведение литературы далекой, войти в этот мир и понять его во всей глубине оказывается не так-то просто. Мы попытаемся раскрыть внутренний мир корейской городской повести, возникшей в XVII веке и соединившей корейскую фольклорную и средневековую письменную (во многом общую дальневосточную) традиции.

Все шесть повестей, представленных в этой книге, чрезвычайно популярны в среде корейских читателей. Первая из них — «Достойный Хон Гильдон» — основана на народных легендах о благородном разбойнике. Сам герой-разбойник напоминает предводителя повстанцев из китайского романа-эпопеи XIV века

«Речные заводы», или героя английского эпоса Робин Гуда. Вместе с тем история Хон Гильдона — это рассказ-размышление о том, каким должен быть идеальный правитель. «Девушка из селения «Персиковый цвет» — история идеальной дочери. Верная Чхунхян — героиня последнего произведения в нашем сборнике — персонаж тоже идеальный и, возможно, легендарный. Это высший образец женской верности. Три другие повести — «Что приключилось однажды с зайцем», «Роза и Алый Лотос» и «Два брата» — явные переработки народного сказочного эпоса.

Авторство первой из представленных здесь повестей приписывается Хо Гюну, остальные произведения — анонимны. Хо Гюн родился в 1569 году и был казнен в 1618-м как один из участников заговора против короля. Хо Гюн создал свою повесть о герое идеальном. А идеальный персонаж всегда исключителен, что подчеркивается в повести неоднократно. Герой еще не появился на свет, он даже еще не зачат, а его отец, королевский сановник Хон Мо, уже получает некий знак свыше, означающий, что у него родится сын: он увидел во сне, будто загремел гром, сверкнула молния и с неба на него ринулся зеленый дракон. Хон Мо проснулся и с радостью подумал: «Увидел во сне дракона, значит, жди дорогого сына!» Чтобы понять, при чем здесь дракон, мы должны обратиться к древним мифам народов Дальнего Востока. Герои мифологических преданий, обожествленные первопредки-демиурги, представлялись людям первоначально в зооморфном, то есть зверином облике, часто с телом дракона, которого древние жители Восточной Азии считали своим тотемом. Про некоторых героев рассказывали, что мать зачала их от дракона, про других, например, про мифического Желтого правителя — Хуан-ди говорили, что он родился после того, как его матери привиделась молния, которая обошла вокруг созвездия Большой Медведицы. Хотя, казалось бы, дракон и не был причастен к рождению Хуан-ди, у ребенка все-таки оказался «лик дракона». Впоследствии, с развитием общества и появлением представлений о государе как Сыне Неба и

продолжателе дела великих правителей-первопредков, отдельные легенды о чудесном рождении и необычном облике древних мифических героев в несколько измененном виде были «привязаны» к государям позднего, вполне исторического времени. Средневековое мышление не могло уже мириться с легендами о любовных встречах жен государей с драконами, все то, что раньше воспринималось как реальное происшествие, теперь было перенесено в чудесные видения, сны. И если в ранних памятниках такие сны снились матерям, которым суждено было родить будущих наследников престола, то с развитием патриархальных отношений сны, предвещающие рождение необычных младенцев, стали видеть отцы. Молния, приснившаяся Хон Мо, вызывала у тогдашнего читателя ассоциацию с чудесным рождением Желтого правителя, а упоминание о драконе он воспринимал как свидетельство того, что в доме Хон Мо родится основатель новой династии. Как видно из текста повести, Хон Гильдон стал основателем особой династии, создателем утопического счастливого королевства Юльдо. Но об этом несколько позже.

Вернемся вновь к рождению и детству героя. «Еще в прежней жизни предопределила мне судьба быть вашим сыном», — говорит Хон Гильдон матери. Эта фраза показывает, что в сознании автора повести, как и вообще людей его времени, древние мифологические представления слились с буддийскими идеями бесконечной цепи рождений. При таком сочетании разнохарактерных по своей сущности представлений в ряде средневековых произведений дальневосточных авторов герои оказываются как бы некоей попой проекцией людей более раннего времени. Так же и с Хон Гильдоном. Его рождение наводит на мысль о Желтом правителе — Хуан-ди. И действительно, некоторые, казалось бы, незначительные детали повести подтверждают нашу догадку. Вот эпизод: Хон Гильдон идет походом на Обртованную землю — страну Юльдо. Он бьется с вражеским полководцем. И тут «появились со своим воинством владыки пя-

ти стран света: с востока — зеленый, с юга — красный, с запада — белый, с севера — черный. В середине сражался сам Гильдон в золотом шлеме и с мечом в руке». Казалось бы, в тексте явная ошибка, ведь сказано — «появились владыки пяти стран света», а перечислены только четверо. Но дело в том, что, по древним воззрениям, пятой стороной света считался центр, а духом его был Желтый государь — Хуан-ди. Из этого описания видно, что земным воплощением его был сражавшийся «в середине» Хон Гильдон. Недаром он одет в золотое, то есть желтое платье. (Здесь выдержана аналогия по цвету — ведь правитель Желтый.) Гильдон и есть пятый дух — повелитель центра.

Почему Хон Гильдон, как нам кажется, предстанет перед читателем земным воплощением Желтого государя, а не кого-нибудь другого из мифических первопредков? Скорее всего потому, что жизнь его связана не с земледелием (тогда он мог бы быть уподоблен Божественному земледельцу — Шэнь-нуну) и не с функциями гражданского чиновника, а отдана бранному делу. Хуан-ди же единственный из мифических первопредков, известный подвигами именно на поле брани. Традиция приписывает ему изобретение копья и щита — основного оружия древних воинов. Однако Хуан-ди знаменит не только этим. Его царствование, как и правление других мифических государей, стало символом «золотого века» древности. Почти так же описывается в повести и царствование Хон Гильдона и его сына.

Идеальный герой всегда изображался с необычной внешностью. Все окружающие утверждают, что Хон Гильдон необыкновенный человек. Гадалка, призванная в дом Хонов, говорит, что «в межбровье его... ясно виден дух наших гор и рек. Внешность у него царская». Предсказание судьбы по чертам лица — явление для средневекового Дальнего Востока обычное, так как там вплоть до XX века была широко распространена физиогномика. И когда гадалка уверяет Хон Мо, что видит на лице его сына «дух наших гор и рек», то понять это можно и так, что

начертано ему судьбой быть государем, потому что выражение «горы и реки» — «кансан» — означает еще и «страна», «государство». Но у героя есть и одна особая примета, по которой отец и брат пытаются опознать его среди еще семи «фальшивых» Хон Гильдонов. Эта примета — родимое пятно на левой ноге. Почему именно на левой, а не на правой? И это не случайно. Левая сторона издревле считалась связанной с силой света — Ин и соответственно — с драконом, который, как мы уже говорили, являлся символом царской власти (подобная, особая, примета встречалась и ранее в исторической прозе Дальнего Востока).

Но истолковать повесть о Хон Гильдоне только как некое мифологическое предание было бы односторонне. Вслед за мифологическим в нем проступает еще более явно и эпический слой. У многих народов Дальнего Востока не было в древности героического эпоса, эпос родился у них позже в пору развитого средневековья и в иных уже художественных формах. Поздний характер эпических сказаний отразился и на уменьшении роли физической силы богатыря, их герои часто побеждают не силой, а хитростью и смекалкой. Именно таков Хон Гильдон.

Эпические воззрения лежат и в основе исходного конфликта повести о Хон Гильдоне. В героическом эпосе разных народов «показателем исходного конфликта может служить пространственная разобщенность героя с отцом»¹. В корейской повести конфликт, в результате которого начинает развиваться сюжет, тоже связан с разобщенностью юного Гильдона с отцом, но разобщенностью не пространственной, а социальной: Гильдон рожден от паломницы, и он не имеет права даже называть отца отцом, а старшего брата — братом. Так, под влиянием средневекового феодального мировоззрения, трансформировался древний эпический мотив.

---

¹ См.: С. Ю. Неклюдов. Героическое детство в эпосах Востока и Запада. — В кн.: «Историко-филологические исследования». М., 1974.

Юного героя в эпосе нередко поселяют отдельно, в какой-нибудь, как сказано в былинне об Илье Муромце, «посторонней хранине». Делается это обычно для того, чтобы буйный отрок-богатырь не покалечил окружающих. Отец Хон Гильдона тоже отвел сыну уединенный домик в горах и приказал следить за каждым его шагом. Как и в первом случае, эпизод тот же, а мотивировка действия иная. Гильдон не буянит, он примерный мальчик, почитающий родителей (именно это почитание старших в доме считалось тогда, в соответствии с конфуцианской догмой, основой правопорядка), отец отстраняет его от себя, когда подкупленная завистливой второй женой ворожея сулит гибель роду Хона из-за молодого Гильдона.

Детство эпического героя обычно завершается его первым подвигом. Так же и у Хон Гильдона. Только подвиг его своеобразен, Хон Гильдон не побеждает вражеского богатыря, не мстит за своего отца, как, например, герой испанского эпоса, Сид, а убивает своих недругов — ворожею и нанятого ими убийцу. Он вынужден так поступить, чтобы сохранить собственную жизнь. Но при этом неожиданно проявляет не столько физическую силу, сколько волшебство и чародейство. Так, в позднем повествовании о мудром правителе герой оказывается магом и волшебником, что характерно для весьма архаического эпоса.

Детство героя кончилось. Хон Гильдон отправляется бродить по свету, не имея какой-либо определенной цели. И в этом также проявляется сходство повести Хо Гюна с эпическими произведениями других народов. Одной из центральных сюжетных линий эпоса является поиск героем похищенной жены, поединок с чудовищем в подземном мире и освобождение жены. В трансформированном и несколько приближенном к сказке виде эта линия прослеживается и в повести о Хон Гильдоне. Только здесь эта тема как бы «свернута» до небольшого и совсем не главного эпизода. И освобождает Гильдон томящихся в плену у злого чудища-оборотня девушек случайно, и битва с чудовищем заменена отравлением. И даже догадаться, что ло-

гово оборотней в горах — это иной, потусторонний мир, можно только зная другие дальневосточные сказки, новеллы и повести. Аналогичный эпизод есть, например, в «Повести о верном Чхве», и там эта тема раскрыта яснее. Здесь же от подземного мира, который будто бы находился где-то в далеких горах в глубокой пещере, где все-все каменное, осталась только одна маленькая деталь — каменные двери, за которыми Хон Гильдон нашел двух прекрасных девушек и в соответствии с логикой развития эпического сюжета женился на них.

Но рассмотрение повести о Хон Гильдоне как чисто эпического сказания было бы неполным. В повести есть и четкий социальный план. Герой — сын крупного сановника короля, он одаренный человек, но не может найти себе достойного применения на государственной службе — вот основа трагедии Хон Гильдона. Его трагедия с точки зрения конфуцианства, пожалуй, самая страшная и одновременно самая типичная. Хон Гильдон — натура активная, и потому выход для него в борьбе. Он поднимает народ и, став во главе войска удалцов, пытается завоевать себе право служить государству. Не случайно говорится в повести, что его молодцы простой люд не обижали и казенного добра не трогали. Не выступали они и против короля — в этом сказались, конечно, характерные для народных масс средневековья царистские иллюзии.

В соответствии с широко распространенной на Дальнем Востоке еще с древности концепции, вся вина за бедствия народа ложилась обычно на дурных сановников. Именно с ними, а не с королем, воюет Хон Гильдон. Воюет не за престол, не за несметные богатства, а за право быть признанным в качестве государственного мужа. Он не просит в жепы принцессу и полцарства, а просит лишь назначения главой военной палаты. Эта должность нужна ему для того, чтобы отдать весь свой талант на службу королю и родной стране. Но служить у короля он не может, потому что завистливые и коварные придворные хотят его убить. И потому Хон Гильдон со своими молодцами

уплывает в неведомые земли, чтобы основать там счастливое царство и показать, как надо править народом, чтобы жил он в мире и счастье. Таков социальный план повести, связанный во многом и с биографией ее автора. Хо Гюн сам был сыном наложницы и, несмотря на все свои таланты, не мог стать полноправным членом общества; аристократическое янбанское сословие, к которому принадлежал его отец, не считало его своим. Он был изгоем в этом обществе, и не случайно в его смертном приговоре говорилось: «Разбойник Хо Гюн обладал большими талантами, но в сочинениях его была сокрыта злоба». Злоба и ненависть к самодовольным и тупым сановникам, безысходная грусть человека, который хотел бы служить стране, но лишен этой возможности, — все это в своеобразном виде отразилось в его сложной по замыслу повести о достойном Хон Гильдоне.

Несколько в ином плане написана другая повесть — «Девушка из селения «Персиковый цвет». Это история идеальной дочери. В течение многих столетий на Дальнем Востоке одной из высших добродетелей считалось почтение к родителям и старшим вообще. Примеры особого проявления этих качеств делались достоянием гласности. Истории почтительных детей записывались в исторических анналах, литераторы составляли их жизнеописания, государи издавали указы, увековечивающие их память (нередко в их честь ставились специальные мемориальные арки). Особое значение почитанию родителей и предков придавало конфуцианство, с XV века ставшее наиболее влиятельным идеологическим учением в Корее. Пытаясь как-то применить к местным обычаям, и буддизм, пришедший в эти страны из далекой Индии, также со временем включил в свои догматы идею сыновней и дочерней почтительности, которая помогала правителям держать в повиновении народные массы. Ведь, как сказано в повести «Девушка из селения «Персиковый цвет», преданность государю и преданность отцу — одно и то же!

Веками дети в Китае, Корее и других странах Дальнего Востока воспитывались на китайской книге XIII века, которая называлась «Двадцать четыре примера почтительности к родителям». Но все это были хрестоматийные примеры сыновней почтительности. Трогательные истории о дочерях, верно служивших родителям, были не столь популярны. И заслуга известного корейского прозаика в том, что он создал потрясающее по своей силе повествование именно о девочке, которая ради прозрения отца пожертвовала собственной жизнью.

Композиция повести строится в соответствии с распространенным в странах Дальнего Востока в средние века представлением о том, что когда несчастья доходят до крайности, они сменяются чрезвычайной радостью и удачей. Именно исходя из этой концепции автор всячески нагнетает ужасы тяжелой жизни героини и ее отца. Но когда полоса несчастий доходит до своей высшей точки, в жизни слепого Сим Хаккю начинается полоса удивительных удач. Добрая женщина берет его в мужья, потом он встречает свою дочь, которую Небесный владыка, тронутый ее искренней любовью к отцу, повелел не только вернуть к жизни, но и сделал так, что она стала государыней, то есть удостоилась в глазах людей высшего счастья, которое могло быть уготовано женщине. И наконец, встретив дочь, слепой внезапно прозревает. Сворачивается чудо — награда за все страдания, перенесенные в жизни. И повесть, словно сказка, завершается счастливым концом.

Если в повести о девушке из селения «Персиковый цвет», показана идеальная дочь, то в повести о Чхунхян изображена образцовая верная жена. Повесть эта одна из самых любимых в Корее. Она ходила в списках в разных вариантах, и в более полных и в сокращенных. В нашей книге помещен перевод одного из кратких и поздних вариантов повести. В этом варианте повесть о Чхунхян резко отличается от разобранных выше произведений именно своим бытовизмом. Однако стоит обратиться к более полному и раннему тексту, чтобы увидеть, что перво-

начально и у такой, казалось бы, реалистичной повести был свой мифологический подтекст, во многом сходный с тем, который мы видели в повести о Хон Гильдоне. И героиня повести — верная Чхунхян — оказывается там не простой смертной, а земным воплощением феи реки Ло. Богиней реки Ло считалась удивительная красавица Ми-фэй, дочь мифического правителя Фу-си, некогда будто бы утонувшая в водах этой реки и ставшая ее духом. Сам же герой — юпоша Ли — назван в повести Моннёном, то есть «Драконом (явившимся) во сне». И действительно, в раннем варианте повести рассказывается, что матери Чхунхян привиделся во сне зеленый дракон. Таким образом, любовное соединение молодых людей как бы происходит по предопределению свыше. В кратком варианте повести, который включен в нашу книгу, этого нет, но осталась одна, казалось бы, незаметная деталь: встреча юноши Ли Моплёпа и девушки Чхунхян происходит в день праздника Тано — пятого числа пятой луны. Обращение к фольклорной и литературной традиции показывает, что навряд ли это случайность. Дело в том, что в очень древних и архаичных мифологических рассказах о встречах человека с девой — хозяйкой леса, реки или горы, — встречи эти обычно происходят в определенные сезоны года. Древние люди считали, что от такого любовного свидания зависит успех охоты или рыбной ловли. Пятое число пятого месяца по лунному календарю — это день летнего солнцестояния, начало важнейшего сезона сельскохозяйственного года. В этот день издревле начинали сбор лекарственных трав. В более поздние времена в этот день, как считали даосы, пять небесных государей определяли карьеру и долголетие людей. В этот день якобы можно было получить прощение за прежние проступки, а также повышение по службе. Видимо, этот последний аспект важен и в нашей повести. Ведь Ли Моннёну, встретившему пятого числа пятого месяца божественную красавицу Чхунхян и вступившему с ней в супружеские, хотя далеко и не официальные отношения, определена в будущем блестящая карьера го-

сударственного ревизора, одного из высших чипов феодальной Кореи. Конечно, было бы неверно думать, что весь этот мифологический подтекст повести был абсолютно ясен всем читателям и даже авторам различных вариантов сюжета о Чхунхян, очень может быть, что они пользовались просто готовыми сюжетными ходами, которые сложились в глубокой древности в фольклоре и перешли в измененном и переосмысленном виде в позднесредневековую повествовательную прозу, где весьма силен уже чисто бытовой и социальный подтекст. И как Хон Гильдон страдает от сословной и социальной несправедливости, царящей в тогдашнем обществе, так и Чхунхян из-за своего низкого происхождения не может и думать о том, чтобы стать женой любимого человека, поскольку он — сын правителя города. Их счастье оказывается возможным только благодаря исключительной стойкости Чхунхян, отвергнувшей даже под страхом смертной казни все притязания нового правителя, несмотря на то, что в соответствии со своей «подлой» профессией певички она должна была с готовностью служить ему. За эту исключительную верность государь возвеличил ее и пожаловал ей высокий титул, и только после этого герои могли уже жить вместе как муж и жена. «Вообще такая необыкновенная верность и у замужних-то женщин встречается крайне редко, а тем более у певички — вот что здесь главное!» — писал анонимный автор краткой повести о Чхунхян, заключая свое повествование и подражая знаменитой повелле танского писателя Бо Син-цзяня «Жизнеописание красавицы Ли», героиня которой красавица Ли была «когда-то ...певичкой, а стала женой, да еще образцового поведения!».

Три другие повести, помещенные в сборнике, представляют собой явные обработки сказочных сюжетов. Наиболее ранней из них ученые считают историю о том, что приключилось однажды с зайцем. Это сложное аллегорическое и сатирическое произведение, построенное на древнем сказочном сюжете. Читатель, знакомый с индийской «Панчатантрой», должно быть,

помнит рассказ, которым начинается четвертая книга этого памятника, называвшаяся «Утрата приобретенного». В нем рассказывается об обезьяне и морском звере макара, который хочет заполучить сердце обезьяны, но оказывается ловко обманутым ею. Рассказ этот был известен в индийской литературе не только в версии «Панчатантры», но и благодаря переложениям в некоторых буддийских сочинениях. Из буддийских сутр, которые во множестве переводились проповедниками буддизма в Китае в III—VI веках, этот сюжет попал и в литературу, далекую от религиозной проповеди, например, в знаменитую японскую апологию XI века «Стародавние повести» или в «Исторические записки о трех государствах» известного корейского историографа середины XII века Ким Бусика, где эту историю с назидательной целью рассказывает брошенному в темницу послу государства Силла (что находилось тогда на юге Корейского полуострова) один из жителей другого корейского царства — Когурё. Только вместо обезьяны в индийской притче мы находим здесь зайца — животное, более знакомое корейскому фольклору, вместо мифического макара — черепаху, как и в переводах буддийских сутр, а вместо сердца — печень. Корейскому историографу, однако, по всей вероятности, были знакомы различные версии буддийских обработок этого сюжета, потому что в рассказе Ким Бусика заяц, узнав, что дракону нужна его печень, отвечает, что он вынул печень и сердце, промыл их и на время положил на скалу. В одних буддийских обработках этого сюжета говорилось о печени обезьяны, в других вместо нее фигурировало сердце. Ким Бусик соединил обе версии в одну, несмотря на некоторую нелогичность: зайца спрашивают о печени, а он говорит зачем-то и про свое сердце. Эти же слова повторяются и в повести XVIII века — явное свидетельство того, что ее автор отталкивался от притчи, рассказанной Ким Бусиком. Весь сюжет о зайце, обманувшем черепаху, изложен в «Исторических записках о трех государствах» весьма кратко, повесть XVIII века раз в двадцать больше ее по объему.

За счет чего же происходит это, как говорят ученые, «разбухание» текста? В основном не за счет новых сюжетных ходов, а за счет увеличения диалогов. Вся повесть — бесконечные словопрения сперва между зайцем и черепахой, посланной за его целебной печенью драконом — владыкой подводного царства, а потом — между драконом и зайцем. Разговоры эти полны сатирического смысла именно потому, что построены в форме очень близкой схоластическим словопрениям напыщенных ученых-конфуцианцев, приводивших к месту и не к месту ссылки на древние сочинения и аналогии из истории древнего Китая. В повести слова эти вложены в уста зверей — зайца или черепахи, что усиливает комический эффект.

Старинный индийский сказочный сюжет о морском звере, который хочет добыть печень (или сердце) зверя, живущего на суше, проник в средние века в литературы многих стран мира. На западе от Индии — у персов, арабов, в Европе, а с XV века и на Руси его знали благодаря переводам «Панчатантры», а на Востоке от Индии этот же сюжет, как мы говорили, приобрел известность через буддийские сутры. В точках наибольшего удаления от Индии он перешел в фольклор и стал как бы своим в Индонезии, Корее, Японии, на Филиппинах, у малых народов Бирмы и Южного Вьетнама и даже на Кубе. Однако, пожалуй, нигде, кроме Кореи, он не явился предметом столь блестящей литературной обработки. В рукописных монгольских сборниках рассказов из «Панчатантры», например, лишь несколько расширено начало этой истории, в других национальных вариантах нет и этого, а в корейской литературе, кроме повести о зайце, мы находим и поэму на тот же сюжет, созданную в том же XVIII веке, и пьесу Сип Джэхё (1812—1882).

Две другие повести — «Роза и Алый Лотос» и «Два брата» построены на местных сказочных сюжетах. В основе первой лежит известный многим народам сюжет о мачехе и певично горимой падчерице, только падчериц в повести не одна, а две —

Чанхва — Роза и Хонпёп — Алый Лотос. Из сказки идет главная сюжетная коллизия — злая мачеха (ее страшный облик — бульдожьих щеки, волосы, что свисая щетипа, голос, подобный рыку дикого зверя, и т. п. — по мысли автора, лишней раз должен подчеркнуть ее жестокость) пытается извести падчериц. В знакомых нам с детства русских сказках мачеха обычно заставляет старика отца отвести падчерицу в лес, в корейской повести мачеха вынуждает отца прогнать старшую дочь, а своему сыну велит столкнуть ее в глубокое горное озеро. В привычных нам европейских сказках наказание обычно падает на родную дочь мачехи, в корейской повести зло наказанным за свою жестокость и бессердечие оказывается родной сын, сводный брат Чанхва. На этом в основном сходство повести со сказкой и кончается. Дело в том, что сказочные сюжетные ходы и мотивы прочно соединены в повести с легендарным материалом — из легенд идут и явления душ умерших уездным властям с требованием восстановить справедливость, и бесконечные чудесные сны, и благовеющие знаки, и буддийские идеи, связанные с представлением о бесконечной цепи рождений, о том, что беды этой жизни предопределены грехами в предыдущем перерождении. В свою очередь, муки, пережитые Чанхва в этой жизни, как бы предопределяют то счастье, которое выпадает сестрам в следующем рождении, также показанном в повести.

В отличие от истории о двух гонимых падчерицах, повесть «Два брата» в сюжетном отношении максимально приближается к сказке.

Мы привыкли к тому, что в сказке обычно три брата и что счастье достается младшему из них. Бедный младший оказывается удачливее богатого и злого старшего брата и в сказках народов Дальнего Востока, где братьев, правда, двое, а не трое. Так же и в корейской повести. Она точно следует сказочному сюжету, сильно расширяя текст, но не за счет принципиально новых ходов, а в основном за счет увеличения количества диалогов, вводных стихов, бесконечных исторических и литератур-

ных аналогий и сравнений. Отличается и конец повести. В соответствии с эстетическими канонами народной словесности сказка о двух братьях в устных вариантах кончается полным посямлением жадного старшего брата. В повести же действие продолжается и дальше: добрый младший брат, узнав о горе и бедах разорившегося старшего брата, всячески ему помогает. Благородство его так тронуло жестокого брата, что тот покаялся, и они оба зажили в мире и согласии. В такой концовке легко увидеть влияние конфуцианских идей, согласно которым младший брат должен бесконечно почитать старших братьев и делать им добро независимо от того, как они сами относятся к нему. Подобно другим повестям здесь народные идеи выступают в тесной взаимосвязи с официальной идеологией.

Мы кратко разобрали все шесть помещенных в сборнике повестей, расположив их в нашем обзоре в соответствии с особенностями сюжетного материала, легшего в их основу. В сборнике же они расположены иначе — в хронологическом порядке, в соответствии со временем их создания.

Повесть, родившаяся в корейской литературе в XVII веке, была популярным жанром и в других дальневосточных литературах — китайской и японской. В последние десятилетия советский читатель познакомился с образцами и китайской и японской городской повести. Попробуем мысленно сравнить все эти произведения, и мы убедимся, что они во многом не похожи друг на друга. Несхожесть эта связана с особенностями национальной жизни и культурной традиции. Повести китайские, восходящие к творчеству уличных рассказчиков X—XII веков, в гораздо большей степени могут быть названы повестями бытовыми (значительное место в них занимает в XVII веке детективный элемент), плутовскими, авантюрными, иное дело — японские произведения этого жанра, известные нам по переводам Ихара Сайкаку. Они еще ближе к реалистической манере письма. Быт японского общества, современного писателю, предстает в них во всей своей нагоде. Жизнь японского города была мень-

ше связана различными условностями, столь характерными для средневекового уклада жизни. Отсюда, видимо, и большие достижения в развитии бытописательства, в утверждении реалистического взгляда на окружающий мир. Корейские же повести в этом ряду оказываются наиболее архаическими, связанными с фольклорной традицией, в чем и заключена их особая прелесть.

Повести, вошедшие в сборник, переведены по следующим изданиям: «Хон Гильдон джон» («Повесть о Хон Гильдоне»), Пхеньян, 1954; «Тхокки джон» («Повесть о зайце»), Пхеньян, 1955; «Хынбу джон» («Повесть о Хынбу»), Пхеньян, 1956; «Чанхва Хоннён джон» («Повесть о Чанхва и Хоннён»), Пхеньян, 1954; «Сим Чхон джон» («Повесть о Сим Чхон»), Пхеньян, 1954; «Чхунхян джон квонджидан» («Краткая повесть о Чхунхян»), ксилограф конца XIX века, хранящийся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Б. Рифтин

Комментарии

ХО ГЮН, Достойный Хон Гильдон
(„Повесть о Хон Гильдоне“)

Стр. 7. *Седжон* — корейский просвещенный монарх, правивший в 1418—1450 гг.

...сдал он государственные экзамены и дослужился до Главы палаты чинов.— Система государственных экзаменов на чин (гражданский или военный) была введена в Корею с 958 г. Экзамены проводились в провинции, столице и во дворце. Выдержавшие экзамен получали право занимать должности в государственном аппарате. *Палата чинов* — одна из шести палат (министерств) в средневековой Корею, заведовала назначением и перемещением гражданских чиновников.

...сну о муравьином царстве *Нанькэ!* — Метафорическое обозначение чудесного сна, восходящее к новелле китайского писателя Ли Гун-цзо (VIII—IX вв.) «Правитель Нанькэ». Герою новеллы приснился удивительный сон, будто он попал в муравьиное царство и пробыл много лет его правителем.

Стр. 8. ...следовать примеру мудрецов — *Конфуция и Мэн-*

цзы...— Конфуций (551—479 гг. до н. э.) — крупнейший мыслитель древнего Китая, создавший этико-политическое учение (конфуцианство), которое стало официальной государственной идеологией в Китае и Корее (с XV в.). Мэн-цзы (ок. 372—289 гг. до н. э.) — выдающийся философ, последователь Конфуция, автор книги «Мэн-цзы».

Стр. 9. *«Небо сотворило десять тысяч вещей, и самое высшее его творение — человек».*— Цитата из «Книги исторических преданий» («Шуцзин», ок. VI в. до н. э.). *Десять тысяч вещей* — символ многообразия природы.

...в прошлой жизни...— Согласно буддийской вере, все живые существа проходят через множество перерождений, пока не достигнут нирваны, то есть вечного блаженства.

Стр. 10. *Учение о Пути* — древнекитайское философское учение об универсальном законе природы (Дао), который порождает многообразие мира и составляет сущность всех явлений и вещей, а также о нравственном самоусовершенствовании человека. Основоположителем даосизма считается мудрец Лао-цзы (ок. VI в. до н. э.).

Кисэн — музыкантши, певицы и танцовщицы в феодальной Корее, относившиеся к низшему сословию.

За Восточными воротами столицы...— Старые корейские города, подобно китайским и индийским, строились в форме квадрата, в каждой стороне которого были ворота, называвшиеся по странам света.

Стр. 11. *Лян* — старая денежная единица, весом в 30—37 г серебра.

Стр. 12. *«Шесть планов»* («Ляутао») — древнекитайское сочинение о военном искусстве, составленное около III в. н. э.

«Три тактики» («Саньюэ») — китайский военный трактат, приписываемый легендарному Хуан Ши-гуну; создан в VI—VII вв.

Стр. 13. *«Книга перемен»* («Ицзин») — одна из древнейших книг конфуцианского канона, составленная в VIII—VII вв.

до н. э. Использовалась также в гадательных целях. Состоит из восьми триграмм (комбинаций целых и прерывистых линий), которые сочетаются в 64 гексаграммы, символизирующие чередование ситуаций в процессе мироздания.

В старину в Корее, как и в Китае, ночное время от 7 часов вечера до 5 часов утра делилось на пять страж по два часа каждая. *Третья стража* — время от 11 до 1 часа ночи. Отсчет времени возвещался ударом в колокол, гонг или барабан.

Стр. 14. *Серебряная река* — образное название Млечного Пути.

Стр. 16. *«Разбойниками»* — в феодальной Корее именовали мятежников, выступавших против властей.

Кын — мера веса, равная примерно 600 г.

Стр. 17. *Сок* — мешок, как мера емкости, равная примерно 80 кг.

Стр. 20. *Сыскные приказы*, созданные в средневековой Корее в столице и провинциальных центрах для поимки разбойников, подразделялись на два департамента — левый и правый.

Стр. 21. *Чи-ю* — персонаж китайских мифов, глава воинственного племени, поднявшийся против верховного владыки — Хуан-ди («Желтого государя»).

...*«Поднебесная — владение государя, а подданные государя должны быть его верными слугами»*. — Цитата из книги «Мэн-цзы». Под *Поднебесной* подразумевали Китай.

Стр. 26. *«Человек от рождения следует пяти устоям»*. — Имеются в виду взаимоотношения между людьми, составлявшие основу конфуцианского учения: между государем и подданными, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, супругами, друзьями.

Стр. 31. *Ли* — мера длины, равная в Корее ок. 393 м.

Стр. 35. *...красота их способна низвергать царства*. — Образ всемогущества женской красоты, идущий в китайской поэзии от древнейшей «Книги песен» («Шицзин», XI—VIII вв. до н. э.).

Стр. 36. ...не изведal счастья селезня и утки.— Селезень и утка — символ супружеской пары.

...Чосон — название Кореи при династии Ли (1392—1910), обычно переводимое как «Страна утренней свежести».

Стр. 38. ...увлекся геомантией.— В старину в странах Дальнего Востока был распространен способ гадания — геомантия, с помощью которого определялось, когда и в каком месте надлежит возводить дома, гробницы, монастыри и другие сооружения. Считалось, что от выбора счастливого места погребения зависело процветание семьи.

Стр. 39. ...три года траура.— В старой Корее сын носил траур по отцу или матери на протяжении трех лет, справляя большие (во вторую годовщину смерти) и малые (в первую) поминки, совершая жертвоприношения, соблюдая строгий пост, одеваясь в грубую одежду. На время траура чиновники освобождались от службы.

Стр. 40. ...года «Капча».— В странах Дальнего Востока было распространено летосчисление по шестидесятилетнему циклу. Название каждого года, повторяющееся раз в шестьдесят лет, состоит из парных сочетаний знаков двух рядов — «десяти небесных стволов» (первозлементов природы) и «двенадцати земных ветвей» (знаков зодиака). Год «Капча».— 1444 г.

Стр. 41. Воинство справедливости — народное ополчение, стихийно возникавшее в Корее в период нашествия иноземцев. Автор повести перенес это название на войско Хоп Гильдона.

Чэн Тан наказал Цзэ, а У-ван сверг Чжоу.— Чэн Тан (1766—1753 гг. до н. э.) — легендарный основатель китайской династии Шан-Инь (1766—1122 гг. до н. э.), одержавший победу над последним правителем династии Ся (2205—1766 гг. до н. э.) — жестоким и беспутным Цзэ. У-ван (1121—1115 гг. до н. э.) — первый правитель династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.), свергнувший деспота Чжоу-вана (Чжоу-синя, 1154—1122 гг. до н. э.), последнего государя династии Шан-Инь.

Год «Ыльчхук» — 1445 г.

Стр. 45. ...*Яо и Шуня, о которых поется в песне, сложенной игроком в жан.*— В песенке старого игрока в жан (игру, похожую на городки) воспеваются правление легендарных китайских правителей — Яо и Шуня (XXIV—XXIII вв. до н. э.) как время всеобщего благоденствия.

Го из Фэнъяна (Го Цзы-и, 697—781) — прославленный китайский полководец, прозванный за многочисленное семейство «отцом ста детей и тысячи внуков».

...*старец с дягилевым посохом, в шляпе и одеянии из перьев журавля.*— Подразумевается даосский отшельник.

Что приключилось однажды с зайцем ***(„Повесть о зайце“)***

Стр. 49. ...*«мои белые кости станут прахом»* — строка из известного «сиджо» (трехстишия) корейского придворного ученого Чон Монджу (1337—1392), в котором он выразил свою преданность последнему правителю династии Корё (918—1392), за что был убит сторонниками Ли Сонге, основателя новой династии Ли.

...*императору Цинь Ши-хуану, объединившему шесть царств, понадобилась трава бессмертия с Трех священных гор...*— Цинь Ши-хуан (246—209 гг. до н. э.) — основатель китайской династии Цинь (246—207 гг. до н. э.), объединивший в 221 г. до н. э. все царства в централизованное государство. По преданию, послал людей на поиски травы бессмертия, которая росла на Трех священных горах-островах в Восточном море — Пэнлай, Фанчжан и Ипчжоу, где обитали небожители.

Стр. 50. *У-ди* (141—87 гг. до н. э.) — китайский император, страстно мечтавший о бессмертии.

Первый советник Фань (Фань Ли, V в. до н. э.) — советник китайского царства Юэ; помог царству Юэ хитростью одержать победу над царством У, послав правителю У красавицу Си Ши,

которая погубила его; когда она вернулась на родину, Фань Ли приказал утопить ее в озере, а сам бежал в царство Ци.

Посланник Чжан (по-видимому, Чжан Хань) — китайский поэт III в. Находясь на чужбине, достиг высоких постов, но однажды ветер принес запах водорослей и рыбы из его родных мест, и Чжан, бросив службу, вернулся домой.

Достойный ученый Лу (по-видимому, Лу Гуй-мэн, IX в.) — китайский поэт, получивший прозвище «Бездельник с реки» за то, что его постоянно видели в лодке с книгой в руках.

Считается, что Фань, Чжан и Лу связаны со стихией воды, которая была подвластна драконам.

Стр. 51. ...*«не сочтя тысячу ли за большое расстояние»*... — цитата из книги «Мэн-цзы».

...*с синими облаками и багряной пылью*... — То есть с карьерой и мирской суетой.

Хуа То (ум. в 220 г.) — знаменитый китайский лекарь.

Бянь Цяо (V в. до н. э.) — известный китайский медик.

Стр. 52. *Брови-бабочки* — традиционный символ женской красоты в Корее и Китае.

Имеются в виду *шесть снадобий* — безвкусное, острое, кислое, соленое, сладкое и горькое.

Стр. 53. *Ян* (Свет) и *Инь* (Тьма) — два полярных начала в древнекитайской космогонии и натурфилософии. Из взаимодействия сил Света и Тьмы и их борьбы рождаются пять стихий, или первоэлементов природы (вода, огонь, металл, дерево и земля), которые, соединяясь друг с другом и преодолевая друг друга, создают все сущее. Учение о двух силах и пяти стихиях было распространено на многие явления природы и человеческой деятельности. Так, внутренние органы человека соотносились с пятью стихиями.

Друзья зеленых рек и гор. — Имеются в виду жители фантастической страны счастья, о которой рассказывается в произведении «Персиковый источник» великого китайского поэта Тао Юань-мина (365—427). Один рыбак из Улина, плывя по реке,

увидел персиковую рощу. У источника, питавшего реку, он обнаружил пещеру, войдя в которую оказался в долине, где жили в благоденствии люди, некогда бежавшие от жестокостей династии Цинь.

Стр. 54. *...Чжугэ Лян, семь раз пленивший и семь раз отпустивший Мэн Хо.*— Эпизод из романа «Троецарствие» китайского писателя XIV в. Ло Гуань-чжуна, в котором описываются находчивость и дальновидность знаменитого военачальника периода Троецарствия Чжугэ Ляна (имевшего прозвище Кун-мин и Во-лун — «Дремлющий дракон», 181—234) в борьбе против вождя южных племен, Мэн Хо. Тактика Чжугэ Ляна заключалась в том, чтобы заставить самого противника признать себя побежденным.

Стр. 55. *...лягушка в колодез!* — Часть китайской пословицы: «Лягушка в колодез не может рассуждать о небе» (из сочинения Чжуан Чжоу «Чжуан-цзы»).

Смелость У Цзы-сюя — и та перед сверканием меча померкла, а отважный чуский правитель потерпел поражение в битве под Гайся.— У Цзы-сюй (VI—V вв. до н. э.) — крупный китайский военачальник, служивший в царстве У. Был оклеветан одним из приближенных правителя этого царства — Бай Пи. Правитель вручил У Цзы-сюю меч, чтобы тот покончил с собой. Перед смертью У Цзы-сюй предсказал царству У гибель, и разгневанный правитель приказал кинуть его тело в реку. Правитель царства Чу, Сян Юй (III в. до н. э.), вел упорную борьбу за власть против Лю Бана (Гао-цзу, 206—194 гг. до н. э.), основателя династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.), но в 202 г. до н. э. потерпел поражение под Гайся и покончил с собой, бросившись в реку.

Ли Цзо-чэ (III—II вв. до н. э.) — советник правителя китайского царства Чжао, своими хитроумными планами не раз спасавший чжаоские земли от нападения войск Сян Юя.

Стр. 56. *Мао Янь-шоу* — китайский художник-портретист при дворе императора Юань-ди (48—32 гг. до н. э.).

У Дао-цзы (У Дао-юань, VIII в.) — знаменитый китайский художник, получивший прозвище «самого совершенного среди живописцев ста поколений».

Ли Сы-сюнь (651—716) — известный китайский живописец. ...четыре сокровища кабинета ученого — тушь, тушечница, кисть и бумага.

Цзян Янь (443—504) — китайский стилист и каллиграф.

Бань Гу (32—92) — крупный китайский историограф, автор «Истории династии Хань».

Се Тао — китайская певица и поэтесса IX в., которой предание приписывает изготовление цветной бумаги с узорами.

Стр. 57. ...вином, опьяняющим на тысячу дней... — Считали, что такое вино приготовил некий Ди Си (И Ди), обитавший в горах Чжуншань (Китай).

Стр. 59. *Сяосянский гусь* — гусь с реки Сян и ее притока Сяо (Китай); символ расставания.

Ласточка из Цзяннани — символ встречи. *Цзяннань* — старое название земель к югу от реки Янцзыцзян.

Стр. 60. *Бо-и и Шу-ци* (XII в. до н. э.) — сыновья правителя китайского царства Гучжу. Отказавшись служить У-вану, удалились на гору Шоуяншань, где питались папоротником и дикими травами.

Сюй-ю — китайский отшельник. Правитель Яо, прослышав о мудрости Сюй-ю, предложил ему престол, но отшельник почел свой слух оскверненным таким предложением и поспешил омыть уши водой из реки Инчуань, возле которой он жил.

Янь Цзы-ли (Янь Гуан) — друг юности императора Гуан-уди (25—58); отказался от высокого поста и удалился в горы Фучуньшань, где занимался земледелием.

Цзе Цзы-туй (VII в. до н. э.) — приближенный Чжун-эра, сына правителя китайского царства Цзинь, в годы его скитаний по чужим землям. Когда Чжун-эр, возвратившись в родные края и заняв престол, забыл наградить Цзе Цзы-туя, тот обиделся и скрылся в горах. Осознав свою вину, правитель просил его

вернуться, но безуспешно. Тогда правитель приказал поджечь траву на горе, где прятался Цзэ Цзы-туй. Тот предпочел сгореть, однако не откликнулся на приглашение Чжун-эра.

Чжан Цзы-фан (Чжан Лян, ум. в 187 г. до н. э.) — один из главных сподвижников Лю Бана. Накануне решающего сражения под Гайся предложил хитроумный план уничтожения армии чуского правителя Сян Юя: исполнить ночью на свирели чуские мелодии неподалеку от места расположения войска Сян Юя. Услышав родные мотивы, тот решил, что его воины перешли на сторону противника, и проиграл битву.

Четверо друзей.— Подразумеваются «четверо седовласых» (Дунь-юань, Ли-ли, Ци-ли и Ся-хуан), которые в знак несогласия с политикой Цинь Ши-хуана ушли в горы Шаншань, где досуг проводили за игрой в шашки.

Цюй Юань (340—287 гг. до н. э.) — великий китайский поэт-патриот, который, будучи оклеветан завистниками перед чжоуским правителем, покончил с собой, бросившись в реку Мило.

Ли Бо (Ли Тай-бо, 701—762) — крупнейший китайский поэт, сочинявший стихи «не для славы, а для сладости души». О нем сложено много легенд.

Стр. 61. *Лю Лин* (III в.) — китайский поэт, прославившийся стихами о вине.

Мудрецы из Ляньси, Лояна, Гуаньчжуна и Миньчжуна.— Имеются в виду основоположники сунской философской школы конфуцианства — Чжоу Дунь-и (1017—1073) из Ляньси, братья Чэн Хао (1032—1085) и Чэн И (1033—1107) из Лояна, Чжан Цзай (1020—1077) из Гуаньчжуна и Чжу Си (1130—1200) из Миньчжуна; все они были талантливыми поэтами.

Ань Ци-шэн — легендарный китайский даос. По преданию, Цинь Ши-хуан хотел вознаградить его подарками за мудрые советы, но отшельник отказался. Перед тем как уйти, Ань Ци-шэн сказал, что через сотню лет его могут найти на священной горе Пэнлай. Цинь Ши-хуан, а позже У-ди отправляли людей на поиски святого, но безуспешно.

Чи Сун-цзы — даосский святой, повелитель дождя.

...*Мудрый Чжугэ... сон разгадал...*— Чжугэ Лян до того, как стал прославленным военачальником, узнал свою судьбу по сну, который ему приснился в его хижине в Наньяне.

Лю Бэй (Лю Сюань-дэ, известия также под прозвищем «императорский дядюшка Лю», 162—223) — знаменитый китайский полководец, герой романа «Троецарствие». Здесь имеется в виду эпизод братания в персиковом саду, где Лю Бэй и его друзья — Чжан Фэй и Гуань Юй — поклялись в верности.

Су Дун-по (Су Ши, 1036—1101) — крупный китайский поэт. Ему принадлежит поэма в прозе «Красная стена», посвященная знаменитому речному сражению (208 г.) на реке Янцзы-цзян.

Оуян Сю (1007—1072) — крупный китайский литератор, историк. Называл себя «Старцем во хмелю», так как на склоне лет часто собирался с друзьями в горах, где они пили вино и наслаждались красотой природы.

Стр. 62. ...*в Лунном дворце под коричневым деревом толоч снадобье в ступе.*— По китайским легендам, на луне, возле Прозрачного студеного дворца, где жила фея Чан-э (Хэн-э), росло коричневое дерево, под ним Яшмовый заяц толоч в ступе снадобье бессмертия.

Супруга стрелка И ...приходила за эликсиром бессмертия...— Имеется в виду Чан-э, жена мифического стрелка И, которая тайком выпила эликсир бессмертия, подаренный мужу богиней Сиванму, и стала лунной феей.

Дунфан Шо (II в. до н. э.) — китайский литератор, согласно легенде, проживший три тысячи шестидесятилетних циклов.

Пэн-цзу — легендарный сановник при правителе Яо, будто бы проживший 800 лет.

Стр. 63. *Сын Неба* — титул китайских императоров.

Пань-гу — по китайской мифологии, творец мира, отделивший с помощью топора и долота небо от земли. Прожив 18 ты-

сяч лет, он умер, а из частей его тела образовалась вся живая и неживая природа.

Тянь-хуан («Владыка неба»), *Ди-хуан* («Владыка земли»), *Жэнь-хуан* («Владыка людей») — в китайских мифах первые правители после Пань-гу, прожившие также по 18 тысяч лет каждый.

Ю-чао и *Суй-жэнь* — китайские мифические правители; первый будто бы научил людей строить жилища, второй — добывать огонь.

Государь Фу-си... разгадал начертанные на спине чудовища лунма восемь триграмм. — *Фу-си* (XXIX—XXVIII вв. до н. э.) — китайский легендарный правитель; по преданию, научил людей охоте, рыбной ловле, разведению скота и открыл им также тайны письмен, начертанных на спине животного «лунма» (полудракон-полулошадь).

Гун-гун и *Нюй-ва* — персонажи китайской мифологии. Великан Гун-гун, потерпев поражение в борьбе с Чжу Юном, в отчаянии стал биться головой о гору, и часть небосвода отвалилась. Нюй-ва, сестра и жена Фу-си, создавшая людей, расплавила разноцветные камни и залпла отверстие в небо.

Шэнь-нун («Божественный земледelec») и *Хуан-ди* (Сюань-юань), — легендарные правители древнего Китая (XXVIII—XXVI вв. до н. э.). Считается, что первый научил народ земледелию, второй изобрел повозку, лодку и стал применять щит и копьё.

Цзинь-тянь (сын Хуан-ди) и *Чжуань-суй* (внук Хуан-ди) — легендарные правители, прославившиеся своей мудростью.

Гао-синь — легендарный правитель, правнук Хуан-ди, традиционно считавшийся образцом добродетели.

«*Южный ветер*» — песня, приписываемая правителю Шуню; в ней говорится о его стремлении приумножить богатства народа.

Юй (XXII в. до н. э.) — легендарный основатель династии Ся, усмиривший Великий девятилетний потоп.

Вэнь-ван («Просвещенный государь») — правитель царства Чжоу, отец У-вана. Правление Вэнь-вана и У-вана, по конфуцианской традиции, считается образцом мудрости и добродетели.

Чжоу-гун (XII в. до н. э.) — первый советник своего брата У-вана, ставший образцовым правителем царства Лу.

Стр. 64. ...*«вешние воды наполнили озера»*. — Строка из стихотворения Тао Юань-мина «Времена года».

«На одной половине хозяин — прохладный ветер, на другой — светлая луна». — Строка из трехстишия корейского поэта Сон Суна (1493—1592).

Стр. 65. *Комунго* — старинный инструмент типа гуслей, популярный в Корее.

«Три горы наполовину обрушились... Отмель белых цапель». — Строки из стихотворения Ли Бо «Поднимаюсь на террасу Фениксов в Цзиньлине».

Стр. 66. *Утуны* — масличные деревья, на которых будто бы жили фениксы.

Стр. 68. *Су Цинь и Чжан И* — китайские дипломаты и государственные деятели IV в. до н. э., организаторы политических союзов царств, соперничавших между собой.

Шао Юн (Шао Кан-цзе, 1011—1073) — крупный китайский мыслитель, увлекавшийся метафизическими построениями по «Книге перемен».

...Конфуций терпел лишения... — Когда Конфуций со своими учениками покинул царство Вэй, на границе царств Чэнь и Цай у них кончилась провизия, и им пришлось голодать. Тогда Конфуций изрек: «Благородный муж должен стойко переносить нужду».

Стр. 69. *Семь драгоценностей* — золото, серебро, ляпис-лазурь, коралл, янтарь, жемчуг и агат.

«Вечерняя заря... небеса — одного цвета». — Цитата из предисловия к стихотворению китайского поэта и ученого Ван Бо (649—676) «Слово о беседе Тэп-вана».

«Царства У и Чу... цзянь и кунь, отражаются в нем днем и ночью».— Цитата из стихотворения великого китайского поэта Ду Фу (712—770) «Восхожу на башню Юэянлу». *Цзянь и кунь* — названия первой и второй гексаграмм «Книги перемен», символизирующих соответственно небо (Свет) и землю (Тьму).

Э-хуан и Нюй-ин славились искусной игрой на музыкальных инструментах. Оставшись вдовами, они так долго оплакивали своего мужа, что бамбук возле могилы стал крапчатым. От горя они бросились в реку Сян.

«...мелодия Цветок в женских покоях»... вселяет в душу надежду».— Строки из стихов китайского поэта Ду Му (803—852). Мелодия была популярна в Китае во времена династии Тан (618—907).

«...монастырь в горах Ханьшань... в ночи».— Строка из стихотворения китайского поэта Чжан Цзи (VIII в.) «Причалил ночью к Кленовому мосту».

«Ветерок доносит... звук деревянной кололушки».— Строка из анонимного стихотворения времен династии Тан. Считалось, что ударами в деревянные кололушки ночные сторожа отпугивают злых духов и воров.

Стр. 70. *«Айнай»* — песня гребцов.

«На золотых прудах... тоже напевают».— Строка из стихотворения Ван Бо «Срываю лотосы».

«В царство, где опасно, не ходи; в царстве, где смуты, не живи».— Цитата из «Бесед и суждений» («Луньюй») Конфуция.

Сиванму — владычица Запада в даосском пантеоне; жила в горах Куньлунь, где возле Яшмового пруда росло персиковое дерево, дававшее плоды раз в тысячу лет. Отведавшие их становились бессмертными.

Ушаньская фея — сказочная фея китайских гор Ушань, являвшаяся во сне чускому правителю Хуай-вану (328—299 гг. до п. э.) на любовное свидание. Утром она превращалась в облако, вечером — в капли дождя.

Царевич Цяо (Ван-цзы Цяо, VI в. до н. э.) — сын чжоуского правителя, по преданию, ставший небожителем.

«*Песнь о Янани*» и «*Весенний сон*» — корейские популярные «кас» (поэмы) периода династии Ли.

Стр. 71. *Семь отверстий* — глаза, уши, поздри и рот.

...душа станет бездомным голодным духом. — По народным поверьям — вечно блуждающая душа грешника, которой никто не приносил жертв и которая причиняла зло людям.

...когда варят меджу, их надо посолить. — Корейская пословица, означающая, что и очевидное надо проверять. *Меджу* — растертые соевые бобы.

Юй Шань-вэнь — персонаж новеллы китайского писателя Цюй Ю (1341—1427) из его сборника «Новые рассказы у догорающей лампы».

Ли Бо, захотев поймать в воде луну... — По преданию, поэт Ли Бо будто бы утонул, слишком переставшись за борт лодки, чтобы «губами коснуться отражения луны».

Сюань-цзан (596—664) — знаменитый китайский буддийский монах, отправившийся по приказу императора Тай-цзуна в Индию за священным буддийским каноном — Типитакой.

Чжан Цянь (II в. до н. э.) — известный путешественник и советник императора У-ди. Одна из китайских легенд приписывает ему введение ткацкого станка, который он будто бы привез от Небесной девы (Ткачихи) по Серебряной реке.

Ананда — племянник и ученик Будды, предпринявший путешествие с целью распространения буддийского учения в Западном крае (Восточном Туркестане, Афганистане, Северной Индии).

Стр. 72. *Хоу* — титул удельных китайских правителей, которые получали доходы с владений, пожалованных в кормление.

«*...положи на вареный рис еще и рисовый хлебец...*» — корейская поговорка, наподобие русского речения «хоть озолоти».

...золото рождает воду... — Согласно древнекитайскому учению о пяти первоэлементах, золото (металл) порождало воду.

Врата дракона — пороги на реке Хуанхэ, которые, согласно легенде, не могли преодолеть рыбы. Считалось, что те из них, кому это удавалось, якобы превращались в драконов. Здесь: третьи, последние ворота на экзаменационном дворе, которые преодолевали лишь немногие.

Ян-гуйфэй (Ян-тайчжэнь) — знаменитая красавица — фаворитка танского императора Сюань-цзуна (712—755).

Ши Чун — китайский богач, живший в III в.

«Дайхуан», *«Фэнняо»* — песни, посвященные мифической птице феникс — самке и самцу, которые являлись эмблемой добродетельной императорской супружеской пары.

...под звуки цитры Сыма Сян-жу сама Чжо Вэнь-цзюнь переберется к вам через забор. — Известный китайский поэт Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.) в молодости был беден и добывал пропитание, слагая стихи и играя на цитре в богатых домах. Однажды услышав его игру, дочь богача, молодая вдова Чжо Вэнь-цзюнь полюбила его и бежала с ним из отчего дома.

Стр. 73. *...Чжугэ Лян с его планом восьми расположений...* — Имеется в виду боевой порядок в форме восьмиугольника, предложенный полководцем Чжугэ Ляном.

Стр. 74. *Ханьский Гао-цзу, танский Тай-цзун (627—650), сунский Тай-цзу (960—976)* — основатели трех крупных династий в Китае.

Цай Цзе и Фань Суй (III в. до н. э.) — советники правителя царства Цинь — Чжао-сяня.

...погиб Хань Синь, не внявший словам Куай Туна... — Знаменитый военачальник и сподвижник ханьского императора Гао-цзу, Хань Синь не внял советам Куай Туна, предупреждавшего, чтобы тот помепыше доверял Гао-цзу, завидовавшему его военным талантам, и был казнен императором в 196 г. до н. э.

...если бы Чжун послушался Фань Ли... — Чжун (Ван Чжун, V в. до н. э.), как и Фань Ли, был уроженцем царства Чу. Оба служили в царстве Юэ, которое, возвысившись, стало соперником царства Чу. Предвидя войну между царствами, Фань Ли

уговаривал Вап Чжуна бежать, но тот не послушал друга и был убит юэским правителем.

Стр. 75. *Шунь, пахавший в горах Лишань, получил престол от Яо.*— Шунь был изгнан мачехой из дома и занимался земледелием. Государь Яо, узнав о добродетелях Шуня, уступил ему престол.

Цзян-тайгун, ловивший рыбу в водах Вэйшуй, стал советником чжоуского У-вана.— Китайский государь Вэнь-ван как-то встретил на реке восьмидесятилетнего рыбака Цзяна и пригласил его в качестве наставника для своего сына У-вана, дав Цзяну высокий титул «тайгун». Настоящее имя Цзян-тайгуна — Люй Шан.

И Инь, пахавший землю, стал любимцем государя Чэн Тана.— И Инь до того, как стал советником Чэн Тана, был хлебопашцем.

Фу Юэ, в Фусяни насыпавший земляной вал, стал советником иньского Гао-цзун.— Задумав возродить династию Шан-Инь, Гао-цзун (У-ди, 1324—1265 гг. до н. э.) старался найти себе верных приближенных. Однажды во сне он увидел мудреца Фу Юэ, который работал колодником на строительстве в Фусяни, и сделал его своим главным советником.

Пасший волов Боли Си стал правой рукой циньского Му-гуна.— Боли Си, уроженец царства Юй, попав в плен к правителю царства Цинь — Му-гуну (VII в. до н. э.), пас у него скот. Прослышав о мудрости Боли Си, Му-гун назначил его своим советником.

Просивший у прачки хлеба Хань Синь стал полководцем у ханьского Гао-цзу.— В детстве Хань Синь был беден. Как-то он ловил рыбу в пруду, у городской стены, и одна из прачек накормила его. Став знатным, он щедро отблагодарил ее.

Дун Ху (VII—VI вв. до н. э.) — известный китайский историк и астролог из царства Цзинь.

Стр. 76. *Чжуан-цзы* (Чжуан Чжоу, 369—286 гг. до н. э.) — крупнейший философ, последователь даосизма. В одной из его

притч говорится о том, что он видел себя во сне бабочкой и, проснувшись, не мог понять, действительно ли он увидел это во сне или же бабочке снится, что она — Чжуан-цзы.

Ли Чунь-фэн (VII в.) — известный китайский астролог.

Стр. 77. *Хоу Ин*, охранявший ворота, сидел рядом с *Синьлин-цзюнем*. — Старец-отшельник Хоу Ин из-за бедности вынужден был наняться охранять столичные ворота в царстве Вэй. Видный сановник Синьлин-цзюнь не раз обращался к нему за советами.

Стр. 83. *Эра Великой добродетели и долголетия*. — В странах Дальнего Востока царствование правителя обычно обозначалось определенными девизами или эрами, так как имя самого правителя запрещалось произносить или писать.

Стр. 85. *Созвездие Фан* — четвертое из 28 созвездий в китайской космогонии, соответствующее знаку зодиака «заяц» (м ё).

Стр. 87. *Цилинь* — мифическое животное, единорог, покрытый чешуей, с телом оленя, коровьим хвостом и лошадиными копытами. Появление его предвещало мудрое правление и благоденствие.

Стр. 89. *«Пруд Линбо»* — даосская мелодия, будто бы принадлежащая китайскому императору Сюань-цзуну.

Карма — предопределенность судьбы человека в учении Будды.

Два брата («Повесть о Хынбу»)

Стр. 95. *Сючай* — обладатель низшей ученой степени.

Пять органов — легкие, сердце, селезенка, печень и почки; *шесть полостей* — толстые кишки, тонкие кишки, желудок, желчный пузырь, мочевой пузырь и три верхние полости (рот, пищевод, бронхи).

Стр. 96. ...у жилища роженицы — режет собаку... — По корейскому поверью, если резали собаку или петуха у дома роженицы, ребенок мог родиться мертвым.

...приносят жертву духам предков...— По конфуцианскому учению, культ предков был превращен в священную обязанность каждого. Регулярно совершались жертвоприношения.

Стр. 99. *Кан* — единица жилой площади, равная 2,5 кв. м.

Чиге — приспособление для переноски груза на спине.

Стр. 102. *Янь-цзы* (Янь Юань, Янь Хуэй, VI—V вв. до н. э.) — один из самых прилежных учеников Конфуция.

Стр. 103. *Мангон* — подшляпник из конского волоса.

Стр. 105. *Злодей Чжэ* — знаменитый китайский разбойник периода «Весен и осеней» («Чуньцю», 722—481 гг. до н. э.).

Стр. 106. *Гуань-шу* и *Цай-шу* — братья У-вана, поднявшие после его смерти бунт против наследника Чэнь-вана (1115—1078 гг. до н. э.).

Стр. 107. ...ждали... дождя в Семилетнюю засуху...— Во время сильной засухи иньский правитель Чэн Тан молитвами испросил у неба дождь.

Стр. 108. ...Чжугэ Лян, молясь... Духу семи звезд, ждал юго-восточного ветра...— Чжугэ Лян молился Духу семи звезд (Большой Медведицы) о ниспослании благоприятного ветра для флота Чжоу Юя (из царства У) в сражении у Красной стены.

Стр. 109. *Янбан* — представитель дворянского сословия в феодальной Корее.

Стр. 112. *Тхарён* — жанр корейских народных песен на определенный мотив.

Стр. 113. *Ли Шань* — вероятно, имеется в виду слуга ханьского феодала Ли Юаня, который в награду за верность и за спасение его сына получил богатство.

Гуань Юй (II—III вв.) — известный полководец, сподвижник Гао-цзу.

Стр. 121. *Ци* — фаворитка ханьского императора Гао-цзу, жестоко казненная императрицей Люй-хоу после его смерти.

Стр. 122. *Бань-цзёй* — фаворитка ханьского императора Чэп-ди (32—6 гг. до н. э.), получившая высокий титул «цзёй»

за литературные способности. Отвергнутая императором, вела уединенную жизнь.

Сукхян — героиня одноименной корейской повести, испытывавшая в жизни много невзгод; в детстве, во время нашествия иноземцев, была разлучена с родителями; за любовь к сыну министра — Ли Сону — брошена в темницу в Лояне (см. «Повести страны зеленых гор», М., «Худож. лит.», 1966).

Стр. 124. *Уж не дух ли ты Белого владыки, которого Пэй-гун поразил... мечом?* — Пэй-гун — титул Лю Бана, выходца из селения Пэй, ставшего императором династии Хань — Гао-цзу. Однажды в молодости пьяным он шел по болоту, и ему преградила путь большая змея. Когда он рассек ее мечом, оказалось, что это сын Белого владыки (Бай-ди), мифического правителя Запада.

...чудовище, что причинило столько бед прекрасной Сукхян? — Имеется в виду морское чудовище, чуть было не потопившее корабль, на котором плыл Ли Сон.

Стр. 125. *«Зная что-либо... истинное знание».* — Изречение из «Бесед и суждений» Конфуция.

Стр. 126. *Чжан Фэй* (Чжан И-дэ, ум. в 220 г.) — отважный военачальник, сподвижник Лю Бэя.

Стр. 127. *Даньшаньский феникс* — феникс, который будто бы водился на горе Даньшань (Китай).

Стр. 128. *Чэнь Пин* — советник ханьского правителя Гао-цзу, предложивший различными хитростями, в том числе и подкупом золотом, посеять раздор в стане войск чуского правителя Сян Юя.

Фань Я-фу (Фань Цзэн) — советник Сян Юя.

Вэй-ван (378—343 гг. до н. э.) — правитель китайского царства Ци.

Хуэй-ван (370—335 гг. до н. э.) — правитель царства Вэй.

Шэн — китайская мера объема, равная одному литру.

Чжоуский Ши-цзун (954—959) — император Поздней Чжоу периода «Пяти династий» («Удай», 907—959) в Китае.

Стр. 129. *...змея из озера Суйху принесла... жемчужину...*— По преданию, правитель одного из древнекитайских царств спас смертельно раненную змею от гибели, в благодарность за это она принесла ему изумительную жемчужину.

Стр. 130. *Преподобный отец Юкван* — персонаж романа корейского писателя Ким Манджуна (1637—1692) «Облачный сон девяти», буддийский монах, который повелевал всем живым и обуздывал нечистую силу.

Сонпхён — разновидность вареников из рисовой муки, сделанных в виде раковин, с начинкой из бобов или каштанов.

Стр. 134. *Цуй Цзун-чжи* (VIII в.) — китайский поэт, друг Ли Бо, один из «шести великих бражников из Бамбуковой рощи», удалившихся в горы.

Три мудреца бессмертных.— Имеются в виду отец даосизма, Лао-цзы, творец мира, Пань-гу и главное божество в народной китайской мифологии — Юй-хуан (Нефритовый владыка).

...ударов плетью // Нанес Пин-вану У Цзы-суй.— У Цзы-суй смог отомстить чускому правителю Пин-вану, убившему его отца и брата, лишь когда тот умер. У Цзы-суй вырыл из могилы труп Пин-вана и нанес ему триста ударов плетью.

Лу Сю-фу (1236—1279) — мипистр при последнем императоре династии Сун, Дуань-цзуне. Попад в окружение монгольских войск и поняв, что сопротивление бесполезно, утопил в море свою семью, а затем с малолетним императором на плечах бросился в воду.

Ци Лу-цзю — китайский дипломат периода «Борющихся царств» («Чжаньго», 403—221 гг. до н. э.).

«Девять диаграмм... // знаки Хуанхэ, а также // письма Лохэ содержат».— Способы гадания по древнейшим рисункам на спине мифического животного лунма, вышедшего из Желтой реки (Хуанхэ), с помощью которых Фу-си, по преданию, составил триграммы в «Книге перемен»; по письмам на панцире черепахи (вышедшей из реки Лохэ, притока Желтой реки), которые легли в основу главы «Великий план», приписываемой

Юю и вошедшей в «Книгу исторических преданий»; эти письма якобы стали истоком китайской письменности.

Стр. 135. «Тысячесловие»... «Учение о Середине и Постоянстве». — Вначале перечисляются учебные пособия старой корейской школы: «Тысячесловие» («Цяньдзывэнь») — первый китайский учебник грамоты, включающий тысячу иероглифов, составленный Чжоу Сян-сы (VI в.); «Разряды и сочетания» («Юхап») — китайско-корейский глоссарий, составленный Со Годжоном (1420—1488); «Начальные наставления отрокам» («Тонмон сонсып») — популярное изложение конфуцианских устоев и генеалогии китайских и корейских династий, составленное Пак Сему (1487—1554); «Краткая история» («Шилюз») — сокращенное изложение восемнадцати династийных историй Китая; «Зерцало всеобщее, управлению помогающее» («Цзычжитунцзян») — историческая летопись Китая с IV в. до н. э. по X в. н. э., составленная Сыма Гуапом (1019—1086). Далее перечисляются сочинения конфуцианского «Четырехкнижия» — «Беседы и суждения» (1-я книга), «Мэн-цзы» (4-я), «Великое учение» — «Дасюэ» (2-я), «Учение о Середине и Постоянстве» — «Чжунъюн» (3-я), а также две первые книги «Пятикнижия» — «Книга иссен» и «Книга исторических преданий».

Стр. 136. *Шэн* — здесь: ширина полотна в восемьдесят ниток основы.

...«дремлющий дракон»... в Наньянской хижине. — На шелке изображен эпизод из романа «Троецарствие», повествующий о том, как Лю Бэй ходил за советом к Чжугэ Ляну, прозванному «Дремлющим драконом», в его хижину в Наньяне.

Стр. 138. *Цань-цун* — легендарный правитель царства Шу, потомок Хуа-ди; ему приписывается разведение шелкопряда.

И Ди — сановник при Юе, впервые изготовивший вино.

Цай Лунь (ум. в 114 г.) — главный евнух при императоре Хэ-ди (89—107), впервые использовавший бумагу и тушь для письма.

Мэн Тянь (ум. в 209 г. до н. э.) — военачальник при Цинь Ши-хуане; ему приписывается изобретение кисти для письма.

Стр. 155. *Закололи гостям собаку...* — У корейцев собачина считается деликатесом.

Стр. 162. *Амитаба* — один из титулов Будды — «Будда Просветленный».

Бодисатва — буддийский святой, будто бы помогавший людям достичь совершенства. *Бодисатва Авалокитешвара* (корейск. Кваным) — богиня милосердия в буддийском пантеоне, самая почитаемая в старой Корее и Китае.

Махастампрапта — один из почитаемых в Корее буддийских святых.

Стр. 166. *Дух Тэбуджин* — дух в образе куклы, к которому обычно взывали корейские шаманки.

Стр. 167. *Чхве Хён* (1316—1388) — прославленный корейский военачальник конца эпохи Корё (918—1392).

Стр. 169. *Красавица Юй* — супруга чуского правителя Сян Юя. Когда он погиб в бою с войском Лю Бана, Юй покончила с собой.

Люй Бу и *Дяо-чань* — действующие лица романа «Троецарствие». Дяо-чань — певица, прозванная за красоту и изящность Цикадой. Своими чарами рассорила первого министра Дун Чжо с его приемным сыном Люй Бу. Когда Люй Бу убил Дун Чжо, она стала его наложницей.

Восемь чудных фей — персонажи романа «Облачный сон девяти».

Стр. 170. *Да-цзи* — наложница правителя Чжоу-вана, содействовавшая падению династии Шан-Инь.

Стр. 172. Закавыченные строки в песне «Неторопливым шагом...» заимствованы из стихотворения Ван Вэя «Провожая Юаня Второго, назначаемого в Аньси». Перевод Ю. Щуцкого.

...в Дни холодной пищи... — В старой Корее накануне весенних поминок в течение трех дней в очагах не разводили огня.

Стр. 174. ...*накажем штрафным хлебом!* — Проигравший должен был съесть определенное число «штрафных» хлебцев.

Стр. 175. *И-ди* — потомок чуских правителей, возведенный в 208 г. до н. э. племянником Сян Юем на престол, а затем им же утопленный в реке.

Стр. 176. *Песня о временах года* (т а л ь г о р и) — народная песня с 12 куплетами по количеству месяцев лунного календаря, исполнявшаяся по случаю начала или окончания полевых работ в Корее.

Стр. 177. *Пан Дэ* — по-видимому, полководец по прозванию «Белая лошадь», из государства Западное Лян (начало V в.).

Цао Мэн-дэ (Цао Цао, 155—220) — один из главных героев романа «Троецарствие», искусный полководец, свергнувший с престола последнего императора династии Хань; обычно изображается как жестокий узурпатор.

Стр. 184. *Тысячерукая и Тысячеокая Авалокитешвара бодисатва* — одно из шести изображений буддийской богини милосердия с тысячью рук, по глазу в каждой, олицетворяющей всевидение.

Роза и Алый Лотос («Повесть о Чанхва и Хоннён»)

Стр. 199. ...*«вязать вам травы»*. — Согласно китайскому преданию, Вэй Кэ (VI в. до н. э.), полководец царства Цзинь, не выполнил воли умирающего отца, пожелавшего, чтобы его любимая наложница была погребена вместе с ним, и оставил наложницу в живых. Однажды, когда Вэй Кэ на поле сражения оказался в трудном положении, неожиданно появился старец, который свитыми из травы веревками стал спутывать ноги вражеским лошадям. Этот старец был духом отца наложницы. Выражение «вязать травы» означает — воздать за добро посмертно.

Стр. 224. ...*благоприятный день*... — В старину для любого начинания, в том числе и свадьбы, устанавливался путем гадания или по специальным таблицам «счастливый» день.

Девушка из селения «Персиковый цвет»
(«Новость о Сим Чхон»)

Стр. 230. Чжуан — супруга Чжуан-гуна (553—548 гг. до н. э.), правителя царства Ци (Китай); славилась красотой.

Му-лань (V в.) — популярный в Китае образ девушки, которая, переодевшись мужчиной, пошла на войну вместо своего состарившегося отца.

«Книга церемоний» («Лицзи», около IV в. до н. э.) — конфуцианский свод древних установлений, норм обычного права и ритуальных предписаний.

«Домашние обряды» («Цзяли») — сочинение Чжу Си.

Стр. 231. «Есть три тысячи видов... не иметь потомства». — Цитата из конфуцианской «Книги о сыновней почтительности» («Сяо-цзин») Цзэн-цзы (Цзэн Шэня), одного из самых талантливых учеников Конфуция.

Стр. 232. Майтрея — один из наиболее популярных бодисатв, считающийся «буддийской мессией».

Архаты — буддийские праведники, достигшие высшей степени совершенства перед тем, как погрузиться в нирвану.

Индра — одно из верховных божеств индийской мифологии, имеющий титул «Повелевающий небесами».

Стр. 234. Три духа — духи неба, земли и наиболее известных гор.

Стр. 235. Небо бодисатв, небо Индры и его тридцати двух поборников — названия двух из шести небес в так называемом мире желаний, существовавшем согласно буддийской космогонии.

Бань Чжао (I в.) — сестра историографа Бань Гу, ставшая наставницей для юной императрицы, автор «Наставлений для девушек».

...карп в ледяной проруби. — Однажды в лютую стужу матеке некоего Ван Сяна (185—269) захотелось отведать свежей рыбы. Растопив теплом своего тела лед на пруду, он поймал для

нее двух карпов. Эпизод о Ван Сяне приводится в конфуцианской литературе, как один из двадцати четырех знаменитых примеров сыновней почтительности.

Ткачиха с Серебряной реки.— По китайскому преданию, небесная фея Ткачиха без согласия Небесного владыки вышла замуж за Пастуха. Небесный владыка в наказание разлучил супругов, расселив их по разным сторонам Млечного Пути и разрешив им встречаться только раз в году — в седьмую ночь седьмой луны.

Стр. 236. *Сутры* — произведения буддийского канона, в которых рассказывается о жизни и деяниях Будды и его учеников.

Стр. 243. *Беседка «Грушевый цвет»* — название винной лавки, где жила Сукхян и где произошла ее первая встреча с Ли Соном.

Стр. 245. *Звезда огня* — Антарес в созвездии Скорпион.

Стр. 246. *Го Цзюй* (II в.) и *Мэн Цзун* (III в.) — образцовые сыновья, имена которых приводятся среди двадцати четырех примеров сыновней почтительности.

Стр. 247. *Цзы-лу* (Чжун Ю, 543—480 гг. до н. э.) — ученик Конфуция; его имя приводится среди двадцати четырех примеров сыновней почтительности.

Ти-ин (II в. до н. э.) — дочь известного китайского лекаря Чуньюй И; в 167 г. до н. э. предложила императору Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.) стать его рабыней, чтобы тот пощадил ее отца, заключенного в тюрьму за какой-то проступок. Тронутый ее преданностью отцу, император отменил наказание.

«Осенние птицы... снег замечает их».— Строки из стихотворения китайского поэта Лю Цзун-юаня (773—819) «Снег над Цзяном». Перевод А. Гитовича.

Стр. 249. *Пять вечных добродетелей* — человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость и верность; представляют собой основу конфуцианской этики.

Три нравственных начала — преданность подданных, почтительность сыновей и добродетельность жен в конфуцианской системе воспитания.

Стр. 250. *Луншаньский попугай какаду* — попугай с гор Луншань, который, по описанию танских поэтов, был особенно говорлив.

Стр. 253. *Сонджин и Юккван* — герои романа «Облачный сон девяти».

Самёндан — литературное имя поэта Юджона (1544—1610), ревностного последователя буддийского учения, участника Имджинской войны против японских завоевателей (1592—1598).

Посланник Су (Су У, II—I вв. до н. э.) — военачальник, направленный императором Ханьской династии, У-ди, к кочевым племенам — сюнну — для заключения мира и прошедший у них в плену девятнадцать лет. Там у него родился сын Су Тун-го, с которым он расстался, вернувшись на родину, в Китай.

Стр. 255. *«Использовал — не иссякло, взял — не убавилось»*. — Выражение из поэмы в прозе «Красная степь» Су Дун-по.

Стр. 257. *Шакьямуни-Татхагата*. — Шакьямуни — монашеское имя Будды, сопровождавшееся во время его появления среди людей титулом «Так же пришедший» (Т а т х а г а т а), то есть пришедший в мир тем же путем, что и предшествующие будды.

Восемь духов-хранителей — стражи буддийской веры, фигуры которых ставились у входа в буддийские монастыри.

Стр. 258. *Пять счастливых даров* — долголетие, богатство, здоровье, душевное спокойствие и тихая кончина.

Стр. 261. *«Солнце в Хэляне... печаль прилетела...»*. — Строки из стихотворения попавшего в плен к сюнну китайского военачальника Ли Лина (ум. в 74 г. до н. э.), сочиненного им при прощании с Су У.

«Проголиной... будет пустовать...». — Строки из стихотворения Ван Вэя «В девятый день девятой луны вспоминаю братьев,

живущих в Шаньдуне». Намек на то, что в этот день он, скитаясь по чужим краям, не поднимется вместе с братьями на горный склон, чтобы во избежание бед воткнуть в землю цветов.

«В далекий путь... отсюда не видать!..» — Строки из стихов Ван Бо.

Стр. 262. *«Выйдешь ты из Янгуаня // И останешься один...»*. — Строки из стихотворения Ван Вэя «Провожая Юаня Второго, называемого в Аньси». Перевод Ю. Щуцкого.

...удержать солнце в Сяньчи... — В даосском трактате «Хуай-пань-цзы» (II в. до н. э.) говорится, что в озере Сяньчи по утрам умывается солнце.

Мэн Чан-цзюнь (ум. в 279 г. до н. э.) — китайский сановник из царства Ци; служил советником у правителя царства Цинь. За хитроумный план спасения родного царства в войне с Цинь был приговорен правителем Цинь к тюремному заключению, однако ему удалось бежать. Ночью он достиг заставы, но она была закрыта на ночное время, до первых петухов. Тогда один из сопровождавших Мэн Чан-цзюня пропел петухом, и стражники открыли ворота.

Стр. 265. *Четыре несчастья* — остаться вдовцом, вдовой, сиротой, холостяком.

Стр. 266. *«Великое уложение»* («Тэджон тхонпхён») — свод законов корейской династии Ли, составленный в 1784 г.

Стр. 271. *...закуковала кукушка: «Лучше бы вернуться!»* — Это выражение сожаления о содеянном связано с китайской легендой о правителе царства Шу, который, передав власть одному из своих приближенных, ушел в горы и скончался во вторую луну, когда кукуют кукушки. С тех пор считали, что кукование кукушки — это плач души правителя Шу.

Стр. 272. *Цзя И* (201—169 гг. до н. э.) — известный китайский ученый и государственный деятель, бывший наставником сына императора Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.).

Цуй Хао (ум. в 755 г.) — китайский поэт. Приводятся строки из его стихотворения «Башня желтого журавля».

Стр. 273. *«Трех гор... остров Белой цапли...»*.— Строки из стихотворения Ли Бо «Поднимаюсь в Палату феникса».

Ханьшань (VII в.) — знаменитый буддийский монах и поэт.

Стр. 275. *...пленник царства Цинь*.— Подразумевается правитель китайского княжества Чу, Хуай-ван, обманом захваченный в плен правителем враждовавшего с ним царства Цинь, Чжао-ваном.

...удары железных палок в Боланша...— В Боланша (Китай) произошло покушение на Ципь Ши-хуана, когда его противники пытались забросать императорскую колесницу железными палками.

...кружился в вихре... на озере Дунтинху.— По преданию, объезжая как-то свои владения, Цинь Ши-хуан прибыл на озеро Дунтинху. Когда он сел в лодку, неожиданно поднялась буря. Тогда император бросил нефритовую государственную печать в озеро, и буря прекратилась.

Цзы-лань (Цзинь Шан) — сановник чуского правителя Хуай-вана, из зависти оклеветавший великого поэта Цюй Юаня.

«Покойный мой отец... И дни красавца князя сочтены».— Строки из поэмы Цюй Юаня «Скорбь» («Лисао»). Перевод А. Ахматовой.

Чжуань (Чжуань-сюй — сын Хуан-ди, считавшийся предком рода, который правил царством Чу.

Стр. 276. *«Золотой осенний ветер... Стаи снежинок кружатся...»*.— строки из стихов Ван Бо.

Стр. 277. *Сун Юй* (290—223 гг. до н. э.) — крупнейший представитель поэтической школы Цюй Юаня.

Сюань-юань... связал то, что не было связано.— Сюань-юаню (Хуан-ди) приписывается прокладывание водных путей и девяти дорог.

Стр. 278. *Районы пяти повинностей... девять областей...*— Юй создал на территории древнего Китая девять областей

и установил районы пяти повинностей. Повинности для каждого района определялись сообразно с родом занятий его населения либо степенью его зависимости от центральной власти. Были повинности полевые, сторожевые (оборонительные) и т. д.

Чжугэ Лян своими заклинаниями... Чжоу Юй устроил «огневое нападение»...— Чжоу Юй решил преградить Цао Цао путь у Красной степы на реке Янцзыцзян, устроив «огневое нападение». Для этого Чжугэ Лян заклинаниями вызвал попутный юго-восточный ветер. Чжоу Юй направил легкие суда с горящим тростником в сторону флота Цао Цао и сжег его.

Имеется в виду «Домой, к себе» — сочинение Тао Юань-мина, написанное им вскоре после ухода с должности начальника уезда и возвращения в родные места. Перевод В. Алексеева.

«В седьмую луну года «Жэньсюй»...» — перефразированная начальная строка из поэмы в прозе Су Дун-по «Красная стена». «Жэньсюй» — 1081 г.

«Наши лодки... полны до краев!» — слова из буддийской сутры.

«Красавицы из У и Юэ...».— Строфы из песни в жанре «юэ-фу» «Срывают лотосы», распространенной при династии Хань.

Стр. 283. *Тай-и* — одно из трех высших божеств в даосском пантеоне; божество Полярной звезды.

Старец Гэ (Гэ Юн-гуй, III в.) — китайский даос, принадлежавший к сопму бессмертных.

Ма-гу — в китайской мифологии фея трав и цветов.

Фея реки Ло — дочь легендарного правителя Фу-си — Ми-фэй, утонувшая в реке Ло и ставшая феей; образ ее воспет китайским поэтом Цао Чжи (192—232).

Стр. 284. *Повелительница восьми фей* — фея Вэй, возглавлявшая юных небожительниц; персонаж романа «Облачный сон девяти».

Го (Го Пу, 276—324) — китайский ученый и литератор, к концу жизни ставший даосом; был также искусным барабанщиком.

Лун-юй (VI в. до н. э.) — супруга знаменитого китайского музыканта Сяо Ши, по преданию, пленившая своей игрой на флейте феникса, который унес ее на небо.

Юань Цзи (210—263) — один из поэтов-отшельников группы «Семи мудрых из бамбуковой рощи»; славился игрой на рожке.

Цинь-гао — мастер игры на цине (цитре), живший при династии Чжоу.

Три небесных светила — солнце, луна и звезды.

«Я глянул вдаль...», «Исполнились заветные желанья...», «Прозрачным утром выхожу из дома...» — стихотворные строки из сборника Цюй Ю «Новые рассказы у догорающей лампы».

Стр. 292. *Десять символов долголетия* — солнце, гора, вода, камень, облако, сосна, трава бессмертник, черепаха, журавль и олень.

Танское и юаньское время — период правления династий Тан (618—907) и Юань (1280—1367) в Китае.

Дракон — символ императорского сана.

Стр. 302. *Вороной конь Чжао Цзы-луна* — знаменитый конь полководца Чжао Цзы-луна (Чжао Юня, ум. в 229 г.), одного из героев романа «Троецарствие», на котором тот совершал свои подвиги: гнался за госпожой Сунь, чтобы отобрать у нее сына Лю Бя; сражался с войсками Цао Цао в битве возле реки Шаньяншуй и т. д.

Стр. 303. *...как бы мне не повязали платок?* — По старинному корейскому обычаю, если девушке из знатного рода оракул предсказывал быть дважды замужем (что весьма порицалось), то ее родители заманивали какого-нибудь бедняка в дом, повязывали ему на шею платок (то есть как бы обручали с дочерью), а спустя некоторое время убивали, сказав, что он утопился, тем самым избавив дочь от второго замужества.

Стр. 311. *Инджо* — корейский король, правивший в 1623—1649 гг.

Стр. 313. *Девять излучин* — одно из красивейших мест Кореи, воспетое крупнейшим философом и поэтом Ли И (Юльгок, 1536—1584) в цикле трехстиший «Девять излучин Косана».

Стр. 314. «...золото встречается на реке Лишуй». — Цитата из «Тысячесловия».

Стр. 316. *Час «мыши»*. — В странах Дальнего Востока сутки разделялись на двенадцать интервалов, обозначавшихся циклическими знаками «двенадцати земных ветвей» (знаками зодиака). Час «мыши» приходился на 11—1 час ночи.

...*Фань Куай, который на пиру в Хунмэне смерил гневным взглядом Сян Юя...* — Фань Куай (ум. в 189 г. до н. э.) — вначале мясник, потом советник Лю Бана (Гао-цзу). Во время встречи в Хунмэне Сян Юй задумал убить Лю Бана, приказав своим приближенным исполнить танец с мечами. Фань Куай, разгадав замысел, своевременным вмешательством спас Лю Бана от гибели.

...*дракон из озера Девяти драконов... играет с ...жемчужиной, исполняющей любые желания.* — По корейскому преданию, в Алмазных горах в озере Девяти драконов жил царь драконов, у которого была волшебная жемчужина, добытая им в брюхе огромной рыбы и исполняющая все желания своего владельца.

Стр. 317. ...*свяжет нас нитью Лунный старец...* — По китайской легенде, на луне жил небесный сват — Лунный старец, который связывал вступающих в брак невидимой красной нитью.

...*гусли с цитрой.* — Выражение из «Книги песен», символизирующее супружеское согласие.

Тушь «слюна дракона». — По китайскому преданию, во дворце правителя Ся поселились два дракона. Чтобы избавиться от них, он попросил у них слюну. Они тотчас же исчезли, оставив

слюну, которая растеклась по дворцу; здесь название сорта тунни.

Стр. 318. *«Небо — чхон, земля — чи...»* — начальные слова из «Тысячесловия». Далее следуют цитаты из разных конфуцианских сочинений — «Книги перемен», «Книги исторических преданий», «Книги церемоний», «Великого учения», «Мэн-цзы». Четверостишие *«Утки, я слышу...»* взято из «Книги песен». Перевод А. Штукипа.

Стр. 319. *Иероглиф «небо» превратился в «большой»...* — Здесь и далее обыгрываются китайские иероглифы, близкие по начертаниям либо совпадающие по звучанию.

Стр. 323. *Ван Си-чжи (321—379)* — китайский каллиграф, известен как отец многочисленного семейства.

Утки-неразлучницы — символ супружеской верности.

Стр. 327. *...песню о судьбе, так, чтобы каждая строка заканчивалась словом «человек».* — Ли Моннён здесь обыгрывает первый слог в корейском слове «судьба» (и н ё н), который совпадает по звучанию с иероглифом «человек» (и н).

...песню, где в каждой строке будет слово «год». — Чхунхян рифмует здесь слово «год» (ё н), совпадающее по звучанию со вторым слогом в слове «судьба».

Стр. 328. *Девять истоков* — по древним китайским поверьям, загробный мир.

Ручей Инь-Ян — неиссякаемый источник двух первоначал — сил Тьмы и Света.

Стр. 330. *«Разве желтый петух... закричит «кукареку»* — отрывок из анонимной корейской поэмы «Желтый петух».

Стр. 332. *...некая... Ян... нет никакой овцы.* — Игра слов. Фамильный знак «Ян» по звучанию совпадает с окончанием имени Чхунхян и с корейским словом «овца» (ян).

Стр. 335. *«Верный подданный не служит двум правителям...».* — Цитата из «Исторических записок» Сыма Цяня (II в. до н. э.), отца китайской историографии.

Стр. 337. *...чжоуский Вэнь-ван сидел в темнице в Юли...* —

До того, как Вэнь-ван стал правителем, он был оклеветан перед иньским государем Чжоу-ваном, у которого находился на службе. Чжоу-ван заточил его в Юли. Друзья выкупили Вэнь-вана.

Юкчинское полотно — полотно, вырабатывавшееся жителями шести форпостов, построенных вдоль северной границы Кореи в середине XV в. для защиты от набегов кочевников.

Стр. 338. *...долгий сон в Наньяне, в хижине, крытой травой!* — Синоним вещего сна, приснившегося Чжугэ Ляну.

Стр. 340. *Чжоуский Шао-гун* (XII—XI вв. до н. э.) — брат Чжоу-гуна. Оба брата были регентами при Чэн-ване до его совершеннолетия. Впоследствии Шао-гун стал правителем китайского царства Янь.

«Трехкнижие» — три конфуцианских канонических сочинения: «Книга перемен», «Книга песен» и «Книга исторических преданий».

«Сто танских поэтов» — китайская антология, составленная при династии Мин.

Стр. 341. *Лю Цзун-юань* (773—819) — известный китайский писатель.

Бо Цзюй-и (772—846) — выдающийся китайский поэт.

«На мирных улицах слушал песни народа». — Традиционная тема на государственных экзаменах, посвященная образцовому правлению Яо и Шуня.

...отметил каждую строку красным кружком, каждый иероглиф — точкой. — Экзаменаторы отмечали красной тушью места в сочинениях, особенно им понравившиеся.

Нефритовая дщица. — В феодальной Корее король и чиновники носили при себе дощечки (нефритовые, бамбуковые или из слоновой кости) для записи распоряжений.

Стр. 345. *Четыре... веки.* — Год, месяц, день и час рождения.

Стр. 347. *Кёль* — податная земельная мера в феодальной Корее, колебавшаяся от 0,8 до 3,4 га.

Стр. 349. *Чао-фу* — друг китайского отшельника Сюй-ю, жившего при легендарном правителе Яо.

Духи знатоков вина — духи «шести великих бражников из Бамбуковой рощи», то есть знаменитого поэта Ли Бо и его друзей.

Стр. 350. *«Летом облака узорные...»* — строки из стихотворения Тао Юань-мина «Времена года».

«Весною от разлившейся воды...» — строки из того же стихотворения.

Стр. 352. *Ют* — азартная корейская игра, напоминающая игру в кости.

Стр. 354. *«Твои дела разъединили нас...»* — строки из анонимной корейской «каса» (поэмы) «Тоска в разлуке».

«Луна взошла на небосклон...» — строки из анонимного корейского трехстишия.

«Я не рано очнулась...» — отрывок из анонимного корейского стихотворения «Весенний сон».

«Седовласый рыбак поселился у самой воды» — отрывок из стихотворения знаменитого корейского философа и поэта Ли Тхвесе (1502—1571) «Рыбак».

Стр. 355. *«Не стану ловить тебя, белая чайка...»* — отрывок из анонимного корейского стихотворения «Белая чайка».

«Среди молчаливых зеленых гор...» — трехстишие неизвестного корейского автора.

Стр. 356. *Привратник Чжоу...* — подразумевается, видимо, Чжоу Лянь-си, живший при династии Сун, один из тридцати шести канонизированных в Китае конфуцианских святых.

Стр. 357. *Хэгым* — корейский музыкальный инструмент типа скрипки.

Содержание

<i>Хо Гюн. Достойный Хон Гильдон. Перевод М. Никитиной</i>	7
<i>Что приключилось однажды с зайцем. Перевод М. Никитиной . . . . .</i>	49
<i>Два брата. Перевод А. Васильева . . . . .</i>	95
<i>Роза и Алый Лотос. Перевод Г. Рачкова . . . . .</i>	197
<i>Девушка из селения «Персиковый цвет». Перевод Г. Рачкова и Лим Су . . . . .</i>	229
<i>Верная Чхунхян. Перевод А. Троцевич . . . . .</i>	311
<i>Б. Рифтин. Корейские повести XVII—XIX веков . . . .</i>	362
<i>Комментарии . . . . .</i>	378

Р 64   **Роза и Алый Лотос. Корейские пове-**
сти (XVII—XIX вв.). Пер. с корейск.
Сост. и коммент. Л. Концевича. Послесл.
Б. Рифтина. Стихи в пер. Ю. Кроля и
др. Подстроч. пер. стихов А. Васильева и
др. М., «Худож. лит.», 1974.

416 с.

В сборнике «Роза и Алый Лотос» представле-
ны корейские повести XVII—XIX веков — социаль-
но-утопические, сатирические, семейно-бытовые, по-
вести-сказки.

Их герои — зачастую несчастливцы, обиженные
судьбой, лишённые радостей жизни: юноша, тер-
пящий унижения и издевательства со стороны
старшего брата («Два брата»), падчерица, выгнан-
ная из дома злой мачехой («Роза и Алый Лотос»).

В книгу вошло шесть самых популярных сред-
невековых повестей, в том числе «Верная Чхун-
хян», считающаяся шедевром корейской средневе-
ковой литературы.

Р   **70304—205**
028(01)—74   **204—74**

И (Кор)

Роза и Алый Лотос

Редактор *Л. Урицкая*

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
С. Ефимова

Корректоры
Г. Киселева и О. Наренкова

Сдано в набор 18/XII 1973 г. Подписано
к печати 19/VII 1974 г. Бумага типогр.
№ 1. Формат 70×108¹/₃₂. 13,0 печ. л.
18,2 усл. печ. л. 17,571 уч.-изд. л.
Заказ 302. Тираж 50 000 экз. Цена 63 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Отпечатано с матриц ордена Ленина
типографии «Красный Пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16,
в ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградской типографии № 2
имени Евгении Соколовой Союзполиграф-
прома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
198052, Ленинград, Л-52, Измайловский
проспект, 29

